

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Взгляд из XXI века

РОССИЯ И НИЖЕГОРОДСКАЯ ГУБЕРНИЯ

в 1914-1918 гг.

Общественная палата Нижегородской области
Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Взгляд из XXI века

Россия и Нижегородская губерния в 1914–1918 гг.

Сборник статей

Нижний Новгород
2014

*Сборник подготовлен Центром краеведческих исследований
Института международных отношений и мировой истории
Нижегородского государственного университета
им. Н. И. Лобачевского*

УДК 94 (100) «1914/1919»

ББК 63.3 (0)

П-26

П-26 **Первая мировая война. Взгляд из XXI века.
Россия и Нижегородская губерния в 1914–1918 гг.**
Сборник статей / сост. и науч. ред. Ф. А. Селезнев.
Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2014. – 368 с.

Составитель и научный редактор д.и.н., профессор *Ф. А. Селезнев*

Рецензенты: д.и.н., профессор *И. В. Лукоянов*,
д.и.н., профессор *В. А. Демин*

ISBN 978-5-89533-316-7

В сборнике представлены статьи, в которых в доступной широкому кругу читателей форме затрагиваются вопросы, касающиеся истории России и международных отношений в период Первой мировой войны. Ряд проблем российской истории этого периода рассматривается на материалах Нижегородской губернии. Представлена новейшая библиография истории Первой мировой войны.

Издание предназначено для всех интересующихся историей Первой мировой войны, краеведов, преподавателей, научных работников, студентов.

УДК 94 (100) «1914/1919»

ББК 63.3 (0)

ISBN 978-5-89533-316-7

© Коллектив авторов, 2014

© ДЕКОМ, оформление, 2014

ПРЕДИСЛОВИЕ

Первая мировая война стала тяжелейшим испытанием для нашей страны. Её трагический опыт интенсивно изучается учеными. Однако их разработки часто остаются уделом узкого круга специалистов. Задача данного сборника – ознакомить широкую читательскую аудиторию с основными проблемами, которыми занимаются ученые из ведущих центров отечественной исторической науки, включая Институт российской истории РАН и МГУ. Обширное приложение в виде указателя новейшей литературы по истории Первой мировой войны поможет заинтересованному читателю составить более глубокое представление по интересующим его вопросам.

Выход данного сборника представляется особенно актуальным в связи с тем, что кардинальные изменения международной ситуации на современном этапе ставят российскую элиту перед необходимостью коренного пересмотра основных принципов национальной стратегии. Между тем тектонические сдвиги, которые сегодня происходят на мировой арене, являются следствием тех процессов, начало которым положила Первая мировая война. Это глобальное событие сделало явью сам процесс глобализации. По её итогам во многом сформировалась современная политическая карта Европы и Ближнего Востока. Именно тогда во всей остроте были поставлены вопросы о праве наций на самоопределение и о создании международных организаций по безопасности и сотрудничеству. В России Первая мировая война привела к кардинальной смене шкалы национальных ценностей и идеалов. Война ускорила, но и деформировала для России переход от традиционного к современному индустриальному обществу. Всё это делает изучение проблем истории Первой мировой войны одним из приоритетных направлений для Института международных отношений и мировой истории – самого молодого структурного подразделения

Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского – национального исследовательского университета.

Сборник, подготовленный Центром краеведческих исследований ИМОМИ, объединил на одной площадке ученых института и ведущих представителей научных центров страны – Института российской истории РАН, Санкт-Петербургского института истории РАН, МГУ им. М. В. Ломоносова. Этот проект является вкладом ИМОМИ в решение задач, поставленных стратегией развития Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского – национального исследовательского университета до 2020 г., которая предусматривает тесное взаимодействие ННГУ с учеными Российской академии наук.

Надеюсь, что этот сборник, в котором работы по истории международных отношений и истории России органично соединились с исследованиями краеведческого характера, будет с интересом встречен читателями.

*Директор Института международных отношений
и мировой истории Нижегородского
государственного университета им. Н. И. Лобачевского
д.п.н. М. И. Рыхтик*

Часть 1

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО И ВЛАСТЬ
В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

МОДЕРНИЗАЦИЯ, ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА

Б. Н. Миронов

Санкт-Петербургский институт истории РАН

bmiroнов@mail.wplus.net

В статье предлагается анализ Русской революции 1917 года сквозь призму теории модернизации, в свете которой она предстает как издержки, или побочный продукт успешной модернизации. Конфликт традиции и современности не вел фатально к революции, а лишь создавал для нее возможность, ставшую реальностью в силу особых обстоятельств – трудностей военного времени и непримиримой борьбы за власть между оппозицией и монархией. Кризис российского социума был болезнью роста, свидетельствовал о его развитии, а не о приближении его конца.

Ключевые слова: Русская революция 1917 года, Первая мировая война, марксизм, теория модернизации, Великие реформы 1860–1870-х годов

Огромное большинство работ о революции 1917 года, опубликованных в советский период, написано в марксистско-ленинской парадигме – Российская империя накануне Первой мировой войны находилась в системном глобальном кризисе, который привел к революции, а война стала лишь спусковым крючком. Поскольку парадигма тогда являлась нормативной, то вольнодумство допускалось в весьма ограниченных пределах. Прошло 22 года после конца советской эпохи, но парадигма остается влиятельной, несмотря на утрату монополии, в значительной степени потому, что не предложено нового убедительного объяснения революционных событий. В некоторых работах парадигма сохранилась в девственной чистоте, в других, в том числе в учебной литературе, – в несколько осовремененном виде, внешне освободившись от марксистско-ленинских одежд. Ушли из употребления многие одиозные классовые оценки событий, ослабли или сошли на нет славословия в адрес одних действующих лиц и поношения в адрес других, но основная аналитическая схема во многих работах мало изменилась. До сих пор широко распространено мнение, что если империя погибла,

значит, она находилась в состоянии глобального системного кризиса в предшествующий период, а революция являлась необходимой, закономерной и благодетельной. Логично, но не всегда правильно. Разрушиться и погибнуть государство может и без кризиса, например в результате войны, если соперник намного сильнее; например, передовая и модернизированная Германия в XX веке дважды проигрывала войну. Кризис далеко не всегда является признаком несостоятельности какого-либо режима в политическом, социальном и экономическом смыслах. Он может быть временным и преходящим, как кризис подросткового возраста у человека, и свидетельствовать о прогрессивном развитии, а не об упадке. Сторонники кризисного происхождения революции главными ее причинами считают запаздывающие и половинчатые реформы, не поспевающие за жизнью, и отсталую архаическую политическую систему, т. е. противоречия между социально-экономической и политической структурами социума. Ленинизм умер. Да здравствует ленинизм!

В статье предлагается анализ Русской революции 1917 года сквозь призму теории модернизации, в свете которой она предстает как результат конфликта традиции и современности.

В историографии существует два взгляда на революционные события 1917 г. Согласно первому в России произошли две революции – в феврале и в октябре. По второй версии февральские и октябрьские перевороты являлись двумя последовательными стадиями или этапами одной революции. В настоящее время всё больше российских и зарубежных исследователей склоняются к мысли, что февральские и октябрьские события 1917 г. являются двумя этапами одной революции, начало которой целесообразно передвинуть к 1914 г., моменту вступления России в Первую мировую войну, а завершение – к 1920 г., окончанию Гражданской войны. И это представляется вполне резонным. Февральские события не успели завершиться легитимацией нового режима или его полным фактическим утверждением. Неслучайно и правительство являлось временным, и парламент – предпарламентом. Определить правовой статус нового режима и превратить его в легитимный должно было Учредительное собрание, но оно собралось слишком поздно и было безрезультатным – большевикам удалось его разо-

гнуть. Возвращение к концепции единой революции вполне оправдано и в сравнительно-исторической перспективе. Революционные события в Нидерландах в 1566–1579 гг., продолжавшиеся 13 лет, разделяются на четыре этапа, а не на четыре революции. Английская революция XVII в. (известная также как Английская гражданская война), длившаяся 18 лет, 1642–1660 гг., также делится историками на этапы или войны, а не на революции. Наконец, в истории Великой французской революции, 1789–1799 гг., историки выделяют четыре этапа, а не четыре революции, хотя взятие Бастилии, установление якобинской диктатуры, термидорианский переворот и переворот 18 брюмера могли бы претендовать на статус отдельной революции.

В таком случае можно говорить о трех революциях в России XX века: Первая русская революция 1905–1907 гг., Вторая русская революция 1914–1920 гг., Третья русская революция 1985–1993 гг. (от начала перестройки до претворения в жизнь реформ Е. Гайдара включительно).

РОССИЯ ПОСЛЕ ВЕЛИКИХ РЕФОРМ

В России после отмены крепостного права произошло настоящее экономическое чудо. В 1861–1913 гг. темпы экономического развития были сопоставимы с европейскими, хотя отставали от американских. Национальный доход за 52 года увеличился в 3,8 раза, а на душу населения – в 1,6 раза. И это несмотря на огромный естественный прирост населения, о котором в настоящее время даже мечтать не приходится. Население империи (без Финляндии) увеличивалось за эти годы почти на 2 млн ежегодно. Душевой прирост объема производства составлял 85% от средневропейского. С 1880-х гг. темпы экономического роста стали выше не только средневропейских, но и «среднезападных»: валовой национальный доход увеличивался на 3,3% ежегодно – это даже на 0,1% больше, чем в СССР в 1929–1941 гг., и только на 0,2% меньше, чем в США – стране с самыми высокими темпами развития в мире в то время [6, с. 22–23, 61–62]. Развивались все отрасли народного

хозяйства, хотя и в разной степени. Наибольшие успехи наблюдались в промышленности. С 1881–1885 по 1913 г. доля России в мировом промышленном производстве возросла с 3,4 до 5,3% [35, с. 385]. Однако и сельское хозяйство, несмотря на институциональные трудности, прогрессировало среднеевропейскими темпами.

Но главное чудо состояло в том, что при высоких темпах роста экономики и населения происходило существенное повышение благосостояния, другими словами, индустриализация сопровождалась повышением уровня жизни крестьянства и, значит, происходила не за его счет, как общепринято думать. На чем основывается такое заключение? О повышении уровня жизни свидетельствуют следующие факты.

1) Увеличение с 1850-х по 1911–1913 гг. реальной подневной платы сельскохозяйственного рабочего в 3,8 раза, промышленных рабочих – в 1,4 раза [14, с. 429].

2) Повышение с 1885 по 1913 г. производства потребительских товаров и оборота внутренней торговли на душу населения в постоянных ценах в 1,7 раза [25, с. 444] (за более раннее время сведений не имеется).

3) Увеличение между 1886–1890 и 1911–1913 гг. количества зерна, оставляемого крестьянами для собственного потребления, на 34% [14, с. 530].

4) Уменьшение числа рабочих дней в году у крестьян со 135 в 1850-е гг. до 107 в 1902 г., у пролетариев числа рабочих часов с 2952 в 1850-е гг. до 2570 в 1913 г. [11, с. 277; 14, с. 457].

5) Массовая скупка земли крестьянами. За 1862–1910 гг. крестьяне купили 24,5 млн десятин земли, заплатив за нее огромные деньги – 971 млн руб. – это в 28 раз больше, чем все недоимки, накопившиеся за ними к 1910 г. Купчая земля относительно наделной составляла 6,8% в 1877 г., 14,5% в 1887 г. и 21,6% в 1910 г., а относительно всей частновладельческой земли – соответственно 6,2, 13,1 и 25%. Причем почти половина (46%) земли была куплена крестьянскими обществами и товариществами [20, с. 81, 133–137; 24, с. 35; 23, с. 11–17].

6) Увеличение вкладов россиян в государственных сберегательных кассах – самом популярном банке в России. В 50 губерниях ев-

ропейской России с 1865–1869 по 1909–1913 гг. число вкладчиков увеличилось в 159 раз, на 1000 жителей – в 82 раза, величина вклада на одного вкладчика – в 2,7 раза, с учетом инфляции – в 1,7 раза, величина вклада на одного жителя страны – в 228 раз, с учетом инфляции – в 145 раз. Вкладчики касс делились на профессиональные группы, среди которых выделялись «работники». К последним относились лица, занятые в земледелии и промышленности, т. е. в огромном большинстве крестьяне и рабочие. Их доля среди клиентов банков увеличилась с 9% в 1865–1869 гг. до 33% в 1909–1913 гг., а доля во вкладах – соответственно с 11% до 33%. В 1913 г. их число достигло 7,6 млн, среди них на долю женщин приходилось около 43%, а мужчин – 57%. Если принять, что мужчины представляли целую семью, то получается: только в сберегательных кассах хранили деньги около 4,3 млн семей, обнимающих до 26 млн человек (поскольку в среднем семья включала 6 человек), т. е. 21% жителей европейской России. Сберегательные кассы хранили лишь часть накоплений «работников»: многие крестьяне держали деньги в кубышке; кроме сберегательных касс имелись и другие кредитные учреждения [14, с. 533].

7) Существенное и систематическое увеличение конечной (т.е. при достижении полной физической зрелости) длины тела мужчин за 1791–1915 гг. на 7,7 см (со 161,3 до 169,0) и веса за 1811–1915 годы – на 7,4 кг (с 59,1 до 66,5) дает уверенность в том, что благосостояние крестьянства действительно повысилось. Индекс массы тела, показывающий уровень питания, на протяжении 1811–1915 годов всегда соответствовал норме, а к концу изучаемого периода даже немного увеличился – с 21,8 до 23,3 [14, с. 213, 216, 372–373].

8) Повышение с 1863 по 1906–1910 гг. расходов на алкоголь в 2,6 раза на душу населения [14, с. 457].

9) Увеличение с 0,171 до 0,308 – в 1,8 раза индекса развития человеческого потенциала, который учитывает: а) продолжительность жизни; б) уровень образования (грамотность и процент учащихся среди детей школьного возраста); в) валовой внутренний продукт на душу населения (ВВП).

Таблица 1. Индекс развития человеческого потенциала в России в 1851–1914 гг. (без Финляндии)

Годы	Население, млн.	ВВП на душу населения*		Образование**			Средняя продолжительность жизни		Индекс развития человеческого потенциала
		дол.	индекс	грамотность, %	учащиеся, %	индекс	лет	индекс	
1851–1860	73,5	701,0	0,381	14	1,4	0,098	27,1	0,035	0,171
1861–1870	78,4	675,9	0,374	17	1,9	0,120	27,9	0,048	0,181
1871–1880	91,7	666,4	0,372	19	2,3	0,134	28,8	0,063	0,190
1881–1890	110,6	679,9	0,375	22	2,5	0,155	29,7	0,078	0,203
1891–1900	125,8	790,7	0,402	28	3,5	0,198	31,2	0,103	0,234
1901–1910	147,6	928,1	0,430	33	5,5	0,250	32,9	0,132	0,271
1913	171,0	1036,0	0,449	40	7,9	0,293	36,0	0,183	0,308

* В долларах США 1989 года.

** Без Польши и Финляндии.

Источники: [6, с. 22, 232–237; 9, с. 82, 146; 10, с. 111–125; 16, с. 518, 525, 527, 529, 531; 1, с. 61; 2, с. 292].

Прогресс наблюдался во всех сферах жизни. Социальная структура общества в пореформенное время претерпела коренную, но мирную трансформацию. Благодаря реформам 1860-х гг. сословия стали постепенно утрачивать свои специфические привилегии, сближаться друг с другом в правовом положении и постепенно трансформироваться в классы и профессиональные группы. Дворяне-помещики сливались в одну социально-профессиональную группу с частными землевладельцами, дворяне-чиновники – с чиновниками-недворянами, прочие категории личного и потомственного дворянства – с профессиональной интеллигенцией; происходило также «обуржуазивание» дворянства и «оземеливание» буржуазии. Духовенство эволюционировало от сословия в сторону профессиональной группы духовных пастырей. Городское сословие превращалось в предпринимателей, интеллигенцию

и рабочих, крестьянство – в фермеров и рабочих. Решающее значение в превращении сословий в классы и профессиональные группы имели, с одной стороны, юридическая и фактическая ликвидация привилегий дворянства, с другой – ликвидация правовой неполноценности податных сословий. С отменой крепостного права в 1861 г. все категории крестьян и городских обывателей сравнивались по своим правам, а дворянство утратило свою главную привилегию – монопольное право на владение крепостными. После введения земских учреждений в 1864 г. все сословия получили право формировать органы местного самоуправления на уездном и губернском уровнях. Городская реформа 1870 г. превратила городское сословное самоуправление во всеобщее самоуправление. В результате судебной реформы в 1864 г. сословные суды упразднились и все граждане попадали под юрисдикцию единых для всех общесословных судов. Введение всеобщей воинской повинности в 1874 г. ликвидировало принципиальное различие между привилегированными и податными сословиями: представители всех сословий, включая дворянство, стали на общих основаниях привлекаться к отбыванию воинской повинности. Другие важные реформы, происшедшие в последней трети XIX – начале XX века (отмена подушной подати и круговой поруки среди сельских и городских обывателей, включение дворянства в число налогоплательщиков, отмена паспортного режима, отмена выкупных платежей за землю, получение права на выход из общины в 1907 г., наконец, введение представительного учреждения и обретение гражданских прав всем населением в 1905 г.), привели к тому, что к 1917 г. все сословия юридически утратили свои специфические сословные права. Вертикальная социальная мобильность существенно возросла, поддерживая трансформацию социальной структуры из сословной в классово-профессиональную.

Политическое развитие страны после Великих реформ также следует признать достаточно успешным. Российская государственность эволюционировала от самодержавия к конституционной монархии и в 1905–1906 гг. стала таковой. После 1905 г. появились свободная пресса, общественное мнение, политические партии, тысячи добровольных ассоциаций – все элементы гражданского общества [13, с. 391–432]. В принципе сформировался механизм, обеспечивающий передачу общественных настроений, желаний, требований от общества к властным структурам и контроль за их исполнением посредством

законодательных учреждений, прессы, общественного мнения, добровольных ассоциаций. Если в середине XIX в. последних насчитывалось нескольких десятков, то накануне Первой мировой войны общее число (благотворительных, религиозных, студенческих, профсоюзных, клубов и других обществ) в империи без Польши и Финляндии превысило 51 тыс.: 19,7 тыс. православных церковно-приходских попечительств (в 1902 г.), 13 тыс. кредитных и ссудно-сберегательных товариществ, 8,7 тыс. потребительских кооперативов, 4,7 тыс. сельскохозяйственных обществ, более 5 тыс. благотворительных обществ (4958 в 1898 г.) и сотни ассоциаций другой специализации, включавших миллионы человек – только кооперативы всех видов охватывали около 9 млн членов. Во время войны, воспользовавшись слабостью правительства, либеральная оппозиция под лозунгом помощи жертвам войны создала массу новых общественных ассоциаций, в том числе всероссийского масштаба, что до войны запрещалось: Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам, Всероссийский союз городов, объединенный Главный по снабжению армии комитет Всероссийского земского и городского союзов (Земгор), Центральный военно-промышленный комитет. В 1915 г. сеть этих тесно связанных организаций покрыла всю Россию. За время войны число добровольных организаций, если ориентироваться на увеличение количества кооперативов (с 26,5 тыс. до 63–64 тыс.), существенно возросло. Даже в случае неизменности количества ассоциаций других видов всё равно к осени 1917 г. их общее число превысило 90 тыс., охватив до половины взрослых жителей страны. Набирали силу добровольные ассоциации буржуазии. Десятки биржевых обществ, съездов промышленников, обществ фабрикантов и заводчиков лоббировали региональные и отраслевые интересы предпринимателей перед государством и рабочими [14, с. 636].

Таким образом, политический процесс в пореформенный период претерпел кардинальные перемены. Исполнение его важнейших функций (социализации, рекрутирования элиты, коммуникации, артикуляции и агрегации интересов, определения и осуществления политического курса, вынесения судебных решений) перешло от разного рода коронных учреждений, традиционных институтов и органов сословного управления к средствам массовой информации, добровольным ассоциациям, парламенту, политическим партиям, школе всех уров-

ней и литературе. Сдвиг в соотношении сил в пользу общественности вызвал, с одной стороны, опасение императора потерять свое доминирующее положение в управлении государством, с другой – желание общественности разделить с царем и правительством власть пропорционально фактическому соотношению сил. На этой почве между ними естественно возникло противостояние. В его основе лежала борьба за власть. Либерально-радикальная интеллигенция чувствовала в себе силы и знания вывести Россию из тяжелого положения, в котором, по ее мнению, находилась страна, поэтому претендовала на роль избавителя от недуга и, следовательно, на власть лечить, помогать и управлять.

Как известно, улучшение условий жизни рассматривается в теории модернизации в качестве главного критерия ее успешности [36, с. 131–147]. Поскольку имперская Россия модернизировалась, а благосостояние населения при этом росло, модернизацию следует признать успешной, несмотря на все издержки.

Как неоспоримые успехи страны совместить с ростом в эти годы недовольства и оппозиции режиму, с развитием всякого рода протестных движений, которые в конечном счете привели к революции 1917 г.? Современная теория модернизации убедительно объясняет этот парадокс.

1. Издержки процесса модернизации

В настоящее время некоторые социальные исследователи, перепутав моду с объяснительной ценностью модернизационной парадигмы, и по причине слабого знакомства с мировой литературой списали ее в архив, объявив устаревшей. На самом деле слухи о смерти концепции оказались сильно преувеличенными. Похоронные мотивы звучат по трем причинам: трактовки модернизации порой грешат схематизмом, сводят описание процесса к взаимодействию абстрактных категорий; нередко в исторических исследованиях процесс модернизации трактуется односторонне, лишь как движение в сторону рыночной экономики и ценностей либеральной демократии; историки, работающие в рамках модернизационной парадигмы, часто ориентируются на модернизационные исследования классической поры, т. е.

полувековой давности. Однако за последние 50 лет концепция развивалась и в своем современном виде существенно отличается от того, чем была в момент своей наибольшей популярности в 1960-е гг. Нео-модернизационная перспектива, разработанная прежде всего в США, Великобритании, ФРГ, Франции и России, придала ей новый импульс. Теория модернизации оказалась более прагматической и работоспособной по сравнению с другими влиятельными в современной России макротеориями – общественно-экономических формаций и цивилизаций [17]. И, на мой взгляд, она хорошо объясняет как историческую динамику России XVIII – начала XX века, так и происхождение и непосредственные причины Русской революции 1917 года.

Как известно, теория модернизации предназначена для объяснения трансформации традиционного аграрного общества в современное индустриальное – именно того процесса, который происходил в России в имперский период. Согласно теории модернизация привела к появлению индустриальных технологий и соответствующих им политических, культурных, социальных механизмов, позволяющих управлять процессом развития общества. Главными признаками модерна являются индустриальное производство, правовое государство, гражданское общество и рациональный автономный индивид. Процесс трансформации социума шел по всем линиям одновременно или разновременно. В частности, суть политической модернизации состояла в переходе от абсолютизма к конституционной государственности и в передаче политической власти от традиционалистской к модернистской элите.

Как показывает мировой опыт, в модернизации, даже успешной, заключено множество подводных камней, проблем и опасностей для социума. Она требует больших издержек и даже жертв, что ведет к лишениям и испытаниям для отдельных сегментов населения и не приносит равномерного благополучия сразу и всем. «Осовременивание» различных сфер общественного организма осуществляется асинхронно, порой одних за счет других, что приводит к противоречиям между ними. В ходе модернизации возникает дисгармония между культурными, политическими и экономическими ценностями и приоритетами, разделяемыми разными социальными группами. В многоэтнических странах модернизация способствует обострению национального вопроса. Все это имеет одно фатальное следствие – увеличение социальной напряженности и конфликтности в обществе. Причем чем

быстрее и чем успешнее идет модернизация, тем, как правило, выше конфликтность. Как это ни покажется парадоксальным российскому читателю, революции, как правило, предшествуют длительное и бурное (по меркам своего времени) экономическое развитие и значительные структурные сдвиги в экономике и обществе. «Нет ничего более ошибочного, – заметил автор классического труда по истории революций К. Бринтон, – чем представлять себе старый режим угасающей тиранией, которая, катясь к своему финалу, доводит до предела деспотическое безразличие к протесту доведенных до крайности подданных» [29, с. 60]. Быстрый экономический рост является важнейшей предпосылкой революции, и подобная зависимость «характерна практически для всех стран, переживших полномасштабные революции» в период ранней модернизации. Нидерландской революции XVI века предшествовал быстрый экономический рост, затронувший как промышленность, так и сельское хозяйство. В Англии с середины XVI века и до начала революции и гражданской войны наблюдался быстрый промышленный рост. Во Франции активное преобразование сельского хозяйства начинается со второй половины XVIII века, а период с 1760-го по 1790 г. характеризуется успешным промышленным развитием и рассматривается как первая фаза промышленной революции. Германия в период, предшествовавший революции 1848 г., переживала промышленный переворот и экономический рост. То же наблюдалось за пределами Европы (Мексика, Иран и др.). Предреволюционные режимы и здесь проводили сознательную политику активной индустриализации и ломки традиционных структур, опираясь в первую очередь на широкое привлечение иностранного капитала, отмечают И. В. Стародубровская и В. А. Мау [22, с. 39–40]. Этот тезис им представляется настолько важным, что они посвящают ему целую главу. Действительно, исследователи неоднократно подчеркивали связь успешного экономического развития с вызреванием предпосылок революции. В одной из своих ранних работ, ставшей классикой по проблемам модернизации, С. Хантингтон установил наличие прямой связи между быстрым экономическим ростом и политической нестабильностью [32, р. 51]. Известный американский экономист и социолог М. Олсон считал быстрый экономический рост «важнейшим дестабилизирующим фактором», более того, «основной силой, ведущей к революции и социальной нестабильности» [34, р. 216].

Россия не стала исключением. Российская модернизация проходила под флагом европеизации, а точнее вестернизации, и затронула верхние страты общества в несравненно большей степени, чем нижние, западные регионы (и соответственно этносы, в них проживающие) – сильнее восточных, город – больше деревни, столицы – интенсивнее остальных городов. Все это приводило к серьезным противоречиям и конфликтам между городом и деревней, разными отраслями производства (аграриями и промышленниками), социальными слоями, территориальными, профессиональными, этническими сообществами. Важным негативным последствием модернизации стал социально-культурный раскол общества на образованное меньшинство, принявшее вестернизацию, и народ, в массе оставшийся верным традиционным ценностям. В свою очередь тонкое европеизированное меньшинство не было единым с точки зрения системы ценностей, политических ориентаций и социальных идеалов. В результате конфликтность и социальная фрагментарность общества со временем все более усиливались. Наконец, наблюдались побочные разрушительные последствия процесса модернизации в форме роста социальной и межэтнической напряженности, конфликтности, насилия, преступности и т. д. Именно высокие темпы и успехи модернизации создавали новые противоречия, порождали новые проблемы, вызывали временные и локальные кризисы, которые при неблагоприятных обстоятельствах перерастали в большие, а при благоприятных могли бы благополучно разрешиться.

2. Девиантное поведение, благосостояние населения и революции

Рост различных форм социального и политического протеста при улучшении жизни хорошо объясняют теории девиации, потому что все протестные движения можно отнести к девиантному поведению – протестующие не согласны с официально утверждаемыми целями жизни, со средствами их достижения или в целом с существующими порядками. Теории аномии, социальной дезорганизации и социального напряжения наилучшим образом объясняют всплеск протестного/отклоняющегося поведения в пореформенное время.

Великие реформы 1860-х гг., коренным образом изменившие условия существования и правила поведения, во-первых, породили дезори-

ентацию, так как социальные нормы стали противоречивыми, утратили прежнюю ясность (теория аномии). Во-вторых, прежние устойчивые социальные связи становились противоречивыми и разрушались, вследствие чего социальный контроль над человеком со стороны социальных организаций, таких как сельская община, мещанское, купеческое и дворянское общества, чрезвычайно ослабел и в обществе проявились черты дезорганизации (теория дезорганизации). В-третьих, возникло невиданное прежде по масштабам противоречие, или напряжение, между потребностями людей и реальными возможностями их удовлетворения (теория напряжения) [5, с. 99–154]. Это напряжение со временем увеличивалось по мере роста индивидуализма, личной свободы, гражданских прав, уровня культуры и кругозора. Именно дезориентация, или разрегулированность, дезорганизация и рост напряженности в обществе способствовали росту протестного/отклоняющегося поведения.

Уровень девиации в обществе до некоторой степени отражает преступность, поскольку включает основные формы отклоняющегося поведения. В России XIX–XX вв., как и всюду в мире, наблюдался устойчивый и, как правило, необратимый рост преступности: достигнув определенного рубежа, она стабилизировалась, но не снижалась. Были два исключения – царствование Николая I и сталинская эпоха, в обоих случаях преступность возвратилась к показателям конца XVIII в. – времени расцвета крепостничества. Значительное увеличение преступности происходило трижды: после Великих реформ 1860-х гг. – в 2,7 раза (1851–1860 гг. в сравнении с 1883–1889 гг.), после революции 1917 г. – в 3 раза (1911–1913 гг. в сравнении с 1921–1924 гг.), после реформ конца 1980-х – начала 1990-х гг. – в 2,6 раза (1981–1985 гг. в сравнении с 2006–2010 гг.) [5, с. 218, 223; 8; 12, с. 85]. Изменение преступности происходило скачками – в годы либеральных реформ она повышалась, а в консервативные годы стабилизировалась или медленно росла. Само по себе благосостояние не являлось главным фактором, обуславливавшим уровень криминогенности. Последняя имела тенденцию уменьшаться в периоды усиления социального контроля со стороны общественных и государственных структур и ограничения личных свобод и, наоборот, увеличиваться, когда контроль ослабевал и свободы становилось больше.

Профессиональный и социальный состав правонарушителей позволяет до некоторой степени оценить степень неудовлетворенности жизнью

отдельных социальных групп. В конце XIX – начале XX в. с точки зрения криминогенности представителей различных профессий (отношение доли лиц данной профессии в общем числе осужденных к доле лиц данной профессии во всем населении) на первом месте были рабочие (11,2), на втором – лица свободных профессий и чиновники (2,3), на третьем – торговцы (1,9), на четвертом – промышленники и ремесленники (0,9), на пятом – крестьяне-землепашцы (0,6). На долю 3,2 млн рабочих [18, с. 175], или 4,2% самостоятельного населения России, в 1897 г. [15, т. 1, с. 56–58] приходилось около 30% всех осужденных. Рабочие, в подавляющем числе крестьяне по сословной принадлежности, были в 19 раз более криминогенными, чем крестьяне-хлебопашцы, жившие в деревне. Большая преступность свободных профессий, торговцев и предпринимателей, в массе более состоятельных, чем крестьяне, свидетельствует о том, что бедность, хотя и являлась криминогенным фактором, сама по себе не оказывала решающего влияния на увеличение преступности. В этом отношении весьма красноречивы также данные о преступности по сословиям. С точки зрения криминогенности (отношение доли представителей сословной группы в общем числе осужденных к доле лиц этой группы в населении) в 1858–1897 гг. первое место принадлежало купцам (2,0), второе – мещанам и ремесленникам (1,7), третье – дворянам и чиновникам (1,5), четвертое – крестьянам (0,9), пятое – духовенству (0,3–0,4). Крестьянство уступало по криминогенности всем сословиям, кроме духовенства. После эмансипации влияние материального фактора на преступность возросло в другом смысле. Не бедность, а стремление разбогатеть любыми способами, не исключая и криминальных, часто служило мотивом преступления. Повышение роли богатства в системе ценностей, возможность посредством его сразу и радикально изменить свою жизнь к лучшему вводили многих небедных людей в искушение решить материальные проблемы преступным путем [12, с. 95].

Если преступность (так же, как самоубийства и убийства) отражает недовольство, фрустрацию и агрессию [5, с. 67–68; 21, с. 74–79], то следует признать: в конце XIX – начале XX в. интеллигенция и рабочие являлись самыми неудовлетворенными социальными группами. Их агрессия обуславливалась специфическими условиями их существования и особенностями менталитета [33, р. 239–263]. Высокая преступность рабочих объяснялась их маргинальным статусом: оторвавшись от привычных условий жизни и принятых стандартов по-

ведения в деревне, освобожденные от контроля семьи и общины, они тяжело адаптировались к фабричной и городской жизни, чувствовали себя отчужденными, что и служило источником антиобщественного поведения и негативных психических состояний.

Причина недовольства интеллигенции была иной – она была не удовлетворена не столько своим материальным положением, сколько недостаточным, на ее взгляд, влиянием на проходившие в стране социальные и политические процессы. В начале XX в. наиболее активная часть интеллигенции, часто называемая общественностью, была уверена, что вполне созрела для активного участия в государственном управлении. Как утверждал либерально мыслящий ученый Ф. И. Вернадский: «Русские граждане, взрослые мыслящие мужи, способные к государственному строительству», хотели легально заниматься политикой [26, с. 73]. Об этом свидетельствует «Записка», опубликованная в январе 1905 г., после Кровавого воскресенья, подписанная 1762 преподавателями российских университетов – практически всем преподавательским корпусом. В ней высказывалось требование привлечь выборных представителей к участию в законодательной власти и контроле над коронной администрацией [3, с. 76–77].

Хорошо известно, что успешное развитие цивилизации невозможно без свободы, неизбежно сопряженной с отклоняющимся поведением, в том числе и преступного характера. В этом смысле само существование девиантности свидетельствует о наличии известного пространства свободы в обществе. «Если преступность падает заметно ниже среднего уровня, нам не с чем поздравить себя, – говорит Э. Дюркгейм, – ибо мы можем быть уверены в том, что такой кажущийся прогресс связан с определенной социальной дезорганизацией» [7, с. 44]. Действительно, самый низкий уровень преступности в России за последние двести лет наблюдался в последние годы сталинского режима – может быть, в самый мрачный период отечественной истории, и поздравлять россиян с этим было бы неуместным. Чтобы общество развивалось, чтобы существовала возможность для самовыражения и самореализации, в нем в равной степени должна существовать возможность как для конструктивного, так и для деструктивного деяния относительно традиции. Неслучайно, наверное, рост преступности (деструктивного поведения) в пореформенной России сопровождался экономическим подъемом, ростом изобретательства и творческой активности

(конструктивного поведения). В 1861–1900 гг. сравнительно с 1825–1855 гг. преступность (если о ней судить по числу осужденных – наиболее точному показателю) возросла в 2,7 раза, но и число запатентованных изобретений – в 13,2 раза (с 17 до 224 в год) [19, с. 347].

Развитие протестных отношений хорошо объясняет также теория относительной депривации (относительных лишений), делающая акцент на психологической неудовлетворенности тем, что есть, и тем, что хочется и должно быть в соответствии с представлениями известных групп и индивидов [4]. Именно относительная депривация наблюдалась в пореформенной России. Рост потребностей постоянно обгонял достигнутый уровень жизни. Все слои населения, и интеллигенция в наибольшей степени, постоянно хотели больше того, что имели, и больше того, что реально возможно было иметь при имевшихся в то время экономических и финансовых ресурсах, низкой культуре населения, невысокой производительности труда. Рост желаемых потребностей опережал увеличение предоставляемых возможностей, такая диспропорция, все увеличиваясь, оставляла все меньше возможностей для мирного урегулирования. С 1870-х по 1911–1913 гг. номинальный средний годовой заработок российских фабрично-заводских рабочих увеличился примерно на 33% (со 190 до 254 руб.), сельскохозяйственных рабочих – на 75% (с 57 до 100 руб.), учителей земских школ – на 188% (со 135 до 390 руб., с квартирой и отоплением от школы). Однако и в 1870-е гг., и в начале 1910-х гг. все жаловались на плохое материальное положение, особенно учителя, считавшие свой заработок крайне недостаточным для интеллигентного человека, хотя в 1913 г. он был в 1,5 раза выше, чем у промышленных рабочих, а в 1870-е гг. – в 1,4 раза ниже. Как ни парадоксально, в еще большей степени сетовали на материальное положение учителя гимназий, чье годовое жалованье в 1910 г. равнялось 2100 руб., т. е. было в 5,4 раза выше, чем у земских учителей [14, с. 670–671]. В период Первой мировой войны депривация достигла критического уровня, так как быстро растущие ожидания натолкнулись на внезапное ухудшение условий жизни, а неудачи на фронте и большие военные потери отняли оптимизм и веру в конечную победу. Двойная, или прогрессирующая, депривация – относительно претензий и относительно прежних реальных достижений – оказалась особенно болезненной. Люди приобретали революционный настрой из-за опасения потерять то, чего им с таким трудом удалось достигнуть. Американский социолог Дж. Дэвис утверждает, что подобная

прогрессирующая депривация была причиной всех великих революций в истории (так называемая теория «J-кривой») [31; 30, р. 5–19].

Усиление социальных, политических и экономических протестных движений проходило под решающим влиянием либерально-радикальной интеллигенции – именно она выступала лидером, организатором и непременным их участником, что являлось закономерным следствием ее маргинальности в позднеимперской России. Само определение интеллигенции как специфической социальной группы, идентифицировавшей себя через оппозицию с капитализмом и самодержавием, отрицавшей господствующие в обществе цели и средства их достижения и предлагавшей свои [27, с. 96–98], говорит о ее маргинальности. В терминах теории девиации Р. Мертона, у типичного русского интеллигента наблюдалась дисгармония между культурными целями и легальными (институциональными) средствами, с помощью которых эти цели осуществляются. Одни практиковали инновацию, другие – ретретизм, третьи – бунт. Интеллигентов, если судить по числу лиц с высшим и средним образованием, насчитывалось в 1897 г. в европейской России около 774,6 тыс. (1,61% самостоятельного населения) [14, с. 646, 655]. К активным участникам протестных движений некоторые исследователи относят также люмпенов (463,5 тыс. в европейской России в 1897 г. [15, т. 2, с. 265, 293], появившихся в значительном числе в результате «выпадения из системы ценностей, существующих классовых, сословных или групповых структур, дававших человеку не только фиксированный социальный статус, но и определенную культурную ориентацию» [27, с. 116]. Вместе это давало довольно значительное число лиц, склонных к отклоняющемуся поведению.

Мы имеем право заключить: рост протестных движений в пореформенное время отражал не понижение уровня жизни, не кризис социума или государства – в смысле его неспособности управлять страной, а явился плодом прогрессивных социальных изменений в обществе, последствием предоставленной экономической и гражданской свободы огромной массе прежде бесправных людей, результатом развития рыночной экономики и невероятного прежде роста потребностей и ожиданий.

Итак, после Великих реформ 1860-х – начала 1870-х гг. в России быстрыми темпами проходила модернизация, затронувшая все стороны жизни и приведшая к конфликту традиции и современности. Этот конфликт сопровождался негативными последствиями –

дезорганизацией государственных и общественных структур и дезориентацией людей, ростом напряженности и конфликтности в социуме. Общество испытало так называемую травму социальных изменений, или аномию успеха. «Прогрессивные по своей сути изменения, имеющие позитивные результаты, обнаруживают свою негативную сторону именно в силу того, что являются изменениями, что нарушают установившийся, стабильный порядок, прерывают непрерывность, нарушают равновесие, ставят под сомнение или лишают смысла прежние навыки и привычки» [28, с. 474, 491]. Конфликт традиции и модерна можно назвать системным кризисом. Однако такой кризис не имеет ничего общего с тем пониманием системного кризиса, которое доминировало в советской историографии и до сих пор широко бытует в современной литературе, – как всеобщего и перманентного кризиса, превратившего российский социум в несостоятельную и нежизнеспособную систему, не способную развиваться и приспосабливаться к изменяющимся условиям жизни и обеспечивать благосостояние граждан. Кризис российского социума был болезнью роста, свидетельствовал о его развитии, а не о приближении его конца. Он не вел фатально к революции, а лишь создавал для нее предпосылки, только возможность, ставшую реальностью в силу особых обстоятельств. Осенью 1914 г., в тот момент, когда на страну обрушилось тяжелейшее испытание Первой мировой войной, модернизация находилась на марше; болезненные российские общественные проблемы: аграрная, рабочая и национальная, социально-экономическое неравенство, культурный раскол общества, низкий уровень жизни, несмотря на его повышение, – успешно решались, но еще не были решены. Бремя войны, которое, напомним, не выдержала даже такая модернизированная во всех отношениях страна, как Германия, оказалось очень тяжелым. Однако Россия имела предпосылки выйти из войны победителем (вместе со своими союзниками), если бы не ожесточенная борьба за власть между монархией и радикально-либеральной оппозицией, преступно подтолкнувшей в условиях тяжелейшей войны народ к свержению Николая II. Революция проходила по классическому сценарию – кризис «старого режима»; установление власти «умеренных»; победа радикалов, создавших «царство террора и добродетели»; термидор, или контрреволюционный переворот, и постреволюционная диктатура. Вследствие безответственного поведения либеральных и революционных элит страна на несколько лет погрузилась в хаос.

Список источников и литературы

1. Воспроизводство населения СССР / А. Г. Вишневский, А. Г. Волков (ред.). М., 1983.
2. Демографическая модернизация России: 1900–2000 / А. Г. Вишневский (ред.). М., 2006.
3. *Ганелин Р. Ш.* Российское самодержавие в 1905 году: Реформы и революция. СПб., 1991.
4. *Гарр, Т. Р.* Почему люди бунтуют. СПб., 2005.
5. *Гилинский Я. И.* Девиантология: Социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». 2-е изд. СПб., 2007.
6. *Грегори П.* Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.): Новые подсчеты и оценки. М., 2003.
7. *Дюркгейм Э.* Норма и патология // Социология преступности: (Современные буржуазные теории) // Б. С. Никифоров (ред.). М., 1966.
8. *Иншаков С. М.* Латентная преступность в Российской Федерации: перспективы исследования [Просмотр 22.10.2012: <[http://sartraccs.ru/i.php?oper=read_file&filename=Pub/inshakov\(10-04-10\).htm](http://sartraccs.ru/i.php?oper=read_file&filename=Pub/inshakov(10-04-10).htm)>]
9. *Миронов Б. Н.* История в цифрах: Математика в исторических исследованиях. Л., 1991.
10. *Миронов Б. Н.* Экономический рост и образование в России и СССР в XIX–XX веках // Отечественная история. 1994. № 4–5.
11. *Миронов Б. Н.* «Послал Бог работу, да отнял черт охоту»: трудовая этика российских рабочих в пореформенное время // Социальная история. Ежегодник. 1998/1999. М., 1999.
12. *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: В 2 т. 3-е изд. СПб., 2003. Т. 2.
13. *Миронов Б. Н.* Историческая социология России. СПб., 2009.
14. *Миронов Б. Н.* Благополучие и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. 2-е изд. М., 2012.
15. Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г.: В 2 т. СПб., 1905.
16. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР (вторая половина XIX в.) / А. И. Пискунов (ред.). М., 1991.
17. *Побережников И. В.* Переход от традиционного к индустриальному обществу: Теоретико-методологические проблемы модернизации. М., 2006.

18. *Рашин А. Г.* Формирование рабочего класса России: историко-экономические очерки. М., 1958.
19. *Ревинский Д. О.* Патентование изобретений в России (1812–1870 гг.) // Экономическая история. Ежегодник. 2001. М., 2002.
20. *Святловский В. В.* Мобилизация земельной собственности в России (1861–1908 гг.). СПб., 1911.
21. *Смидович С. Г.* Самоубийства в зеркале статистики // Социологические исследования. 1990. № 4. 1990.
22. *Стародубровская И. В., Мау В. А.* Великие революции: От Кромвеля до Путина. 2-е изд. М., 2004.
23. Статистика землевладения 1905 г.: Свод данных по 50-ти губерниям Европейской России. СПб., 1907.
24. Статистические сведения по земельному вопросу в Европейской России. СПб., 1895.
25. *Струмилин С. Г.* Статистика и экономика. М., 1979.
26. *Трубецкая О.Н.* Князь С.Н. Трубецкой: Воспоминания сестры. Нью-Йорк, 1953.
27. *Хорос В. Г.* Русская история в сравнительном освещении. М., 1996.
28. *Штомпка П.* Социология. М., 2005.
29. *Brinton C.* The Anatomy of Revolution. Revised and Expanded Edition. N. Y: Vintage Books, 1965.
30. *Davies J.C.* Toward a Theory of Revolution Revolution//When Men Revolt and Why / C. Davies (ed.). New Brunswick; London: Transaction Publishers, 1997.
31. *Davies J.C.* When Men Revolt and Why. New York: Free Press, 1971.
32. *Huntington S. P.* Political Order in Changing Societies. Princeton: Yale University Press, 1968.
33. *Huret R.* All in the Family Again? Political Historians and the Challenge of Social History // Journal of Policy History. 2009. Vol. 21. No. 3.
34. *Olson M.* Rapid Growth as a Destabilizing Force // When Men Revolt and Why / J.C. Davies (ed.). 2nd ed. New Brunswick: Transaction Publishers, 1997.
35. *Rather S., Soltow J. H., Sylla R.* The Evolution of the American Economy: The Evolution of the American Economy: Growth, Welfare, and Decision Making. New York: Basic Books, 1979.
36. *Tiryakian E.* The Changing Centers of Modernity // Comparative Social Dynamics: Essays in Honor of Shmuel N. Eisenstadt / E. Cohen, M. Lissak, U. Almagor (eds.). Boulder (CO): Westview, 1985.

ПОЗИЦИЯ РУССКИХ ЛИБЕРАЛОВ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ОТ «СВЯЩЕННОГО ЕДИНЕНИЯ» К КОНФРОНТАЦИИ С ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТЬЮ

В. В. Шелохаев

Институт российской истории РАН

ikraeved@yandex.ru

В статье рассматривается эволюция отношения партии кадетов к правительству в течение Первой мировой войны. Делается вывод о том, что в своей политической деятельности кадетские лидеры предприняли максимальные усилия к тому, чтобы предотвратить массовые революционные выступления. Во имя этого они сознательно шли на постоянные компромиссы с властью, рассчитывая, вплоть до последнего момента ее существования, на хотя бы минимальные уступки с ее стороны.

Ключевые слова: Первая мировая война, партия кадетов, П. Н. Милюков, Прогрессивный блок, Государственная дума

В начале войны кадеты, как, впрочем, и многие, разделяли распространенное тогда мнение о том, что она будет кратковременной. Такое представление не могло не наложить свой отпечаток и на выработку тактической линии по отношению к исполнительной власти. Еще в декабре 1912 г. в своем выступлении с думской трибуны В. А. Маклаков дал понять правительству, что в случае войны кадеты «забудут нашу вражду, будем помнить только, что власть защищает достоинство и интересы России» [1, стб. 328.]. По сути, сразу же за царским манифестом об объявлении войны кадеты издали воззвание «К единомышленникам», в котором говорилось: «Каково бы ни было наше отношение к внутренней политике правительства, наш первый долг сохранить нашу страну единой и нераздельной и удержать за ней то положение в ряду мировых держав, которое оспаривается у нас врагами. Отложим же внутренние споры, не дадим врагу ни малейшего повода надеяться на разделяющие нас разногласия и будем твердо помнить, что теперь первая и единственная задача наша – поддержать борцов верой в правоту нашего дела, спокойной бодростью и надежной на успех нашего оружия» [2, с. 5].

Тактика «внутреннего мира», предельно четко обозначенная в воззвании, нашла свое дальнейшее обоснование в выступлении Милюкова с думской трибуны 26 июля 1914 г. В своей речи он заявил: «В этой борьбе мы все за одно: мы не ставим условий и требований: мы просто кладем на весы борьбы нашу твердую волю одолеть насильника» [2, с. 6]. Это заявление лидера думской кадетской фракции налагало на партию народной свободы не только огромную политическую ответственность, но и сковывало ее, образно говоря, «по рукам и ногам» во всех ее последующих действиях в ближайшей перспективе. Можно предположить, что подобное «оптимистическое заявление» было обусловлено не внезапно возникшим порывом любви к режиму, а, во-первых, исходило из предположения о том, что война будет кратковременной и победоносной, а во-вторых – из отсутствия полной и достоверной информации о готовности России к войне. Тем не менее тревога за исход и последствия войны кадетов не покидала. Уже 11 августа 1914 г. на заседании ЦК в ходе обмена «мнений по поводу последних событий во внешней и внутренней жизни страны» из «компетентных военных сфер» была получена информация о том, что «на западном фронте перевес оказался на стороне германской армии». На заседании было заслушано сообщение кн. Д. И. Шаховского о состоянии общественных сил, которые активно включились в решение задачи укрепления обороны страны, но сразу же встретили «крайнее недоверие бюрократии», которая стала бесцеремонно вмешиваться в процесс мобилизации общественных сил, всячески тормозить создание ВЗС и ВСГ, а также других общественных структур (волостные попечительства, сельские кооперативы). По мнению Шаховского, власть поняла заявление 26 июля как своего рода «раскаяние» русского общества «в его прегрешениях против существующего правительства и как его готовность беспрекословно следовать за ним». ЦК было дано поручение А. С. Изгоеву «через посредство провинциальных газет ознакомлять провинцию» с деятельностью общественных организаций в стране [3, с. 361–363].

На пленарном заседании ЦК 18 августа 1914 г. московскими и петроградскими членами ЦК было заявлено о том, что в связи с усилившейся репрессивной политикой в «обществе начинает замечаться упадок настроения, грозящий перейти в апатию и полный индифферентизм, столь печальный особенно в настоящее время». Было впервые отмечено, что в широких общественных кругах появилось мнение о том, не

преждевременно ли партия народной свободы дала обещание хранить «священное единение» с властью. Однако и МО ЦК, и ПО ЦК продолжали настаивать на необходимости сохранять «в настоящий тревожный момент» сдержанность. Признав, что всякие выступления от имени партии представляются несвоевременными, ЦК тем не менее признал желательным усилить «практическую работу в общественных организациях». Шаховской предложил согласовать «действия трех армий: Земского союза, кооперации и интеллигенции», что, с одной стороны, позволит объединить «все живое в России», а с другой – «воздействовать и на направление курса политики». Однако Ф. И. Родичев самым категорическим образом заявил, что в данный момент было бы вообще «делом фантастическим» навязывать «того или иного министра», а следует сосредоточиться на разработке финансовых вопросов, оказании помощи военному ведомству, организации мелкой земской единицы. В целом позицию Родичева поддержал и левый кадет Н. В. Некрасов, посчитавший несвоевременным возбуждать общественное мнение «против ошибок правительства». Вместе с тем он считал, что партии следует «очистить с себя ответственность за то единение, которое было вотировано в Гос. думе и которое может быть распространено на все недопустимые действия власти». Не предвещая формы подобного «очищения», Некрасов заявил, что он все же «является сторонником какого-нибудь шага со стороны общества по направлению к носителю власти в смысле выяснения общего положения». Рассуждения Некрасова о гипотетической возможности обращения к верховной власти, самым категорическим образом были отвергнуты А. И. Шингаревым, который назвал их «маниловщиной» и заявил: «Задачу обороны страны, намеченную в Гос. думе, нельзя совместить с борьбой против существующего курса. Совершенно отпадает и страстная критика, и надежда на смену лиц; единственное, что сейчас остается, – практическая черновая работа. Даже организация волостных попечительств не везде осуществима и может путать практическую работу. Надо совсем бросить разговоры о возможности политической борьбы». Шингарев считал неприемлемыми какие-либо меморандумы и послышки депутатий к царю. «Нам незачем и не перед кем оправдываться, – утверждал он, – так как на правительстве, а не на нас лежит долг достичь объединения страны в общем порыве. Левые напрасно стараются толкать к.-д.-тов на посылку депутатии и т. п. шаги, от которых сами они тщательно себя отгораживают» [3, с. 363–367].

На пленарном заседании 19 августа 1914 г. дискуссии о необходимости выработки более определенной политической линии партии была продолжена. Обобщая результаты вчерашних дебатов, П. Н. Милюков, во-первых, отметил, что он считает не целесообразным противопоставлять практическую работу политической («надо лишь разделить и сочетать ту и другую так, чтобы они не мешали одна другой»); во-вторых, настало время, по его мнению, обратить серьезное внимание на «земские и другие союзы», однако, не забывая при этом «подводных камней на этом пути»; в-третьих, из «трех армий», названных Шаховским, он отдает предпочтение волостным и городским попечительствам («надо лишь остерегаться, чтобы этой позиции не отбили у к.-д. левые»); в-четвертых, «воздействие на сферы в их нынешнем составе – дело безнадежное», а беседы с министрами (например, С. Д. Сазоновым) могут носить исключительно осведомительный характер; в-пятых, всякие разговоры о смене лиц в правительстве в данный момент являются «бесполезными даже в тесном партийном кругу».

В результате милюковских разъяснений ЦК приняло следующее постановление, из 10 пунктов которого приведу лишь те, которые, на мой взгляд, важны для понимания политического курса кадетской партии в первые месяцы войны:

- «1) Мысль о предоставлении правительству меморандума об общем политическом положении отвергнуть;
- 2) просить Милюкова, как председателя фракции, в момент, какой он признает более удобным, обратиться к министру Сазонову за разъяснениями точки зрения правительства на некоторые акты последнего времени, затрагивающие вопросы международного права и касающиеся идейной позиции России в войне с Германией;
- 3) просить редакцию газеты «Речь» уделить больше внимания и места сообщениям о деятельности общественных организаций, общеземского и общегородского союзов и т. п;
- ...9) признавая желательным самое широкое привлечение членов партии к участию в работе всевозможных общественных учреждений, обратиться к ним с соответствующим призывом через органы печати, но не в виде воззвания от имени партии» [3, с. 368–370].

Как видим, кадетская партия в августовские дни 1914 г. продолжала упорно держаться за лозунг «священного единения», демонстрируя

лояльность власти, активно участвуя в обсуждении с представителями отдельных министерств (например, финансов) вопросов о введении правительством винной монополии, реформы финансовой системы (введение подоходного налога; налога на наследство; государственной монополии на табак, спички, нефть; увеличение вывозных пошлин и железнодорожных тарифов). Затем результаты этих встреч с правительственными чиновниками обсуждались в ЦК, заседания которого нередко превращались в научные дискуссии по вопросам экономического и финансового развития страны. Правда, эти «чисто деловые вопросы» нередко прерывались «чисто политическими». Так, 25 августа 1914 г. Н. В. Некрасов, принявший участие в обсуждении доклада А. И. Шингарева о монополиях, заявил о необходимости выдвижения лозунга о созыве думы, который, по его мнению, позволит объединить широкие круги населения. Однако кн. Д. И. Шаховской считал, что выдвижение этого лозунга преждевременно, ибо у оппозиции до сих пор нет «хорошо разработанной положительной программы реформ», что вызвало бы разочарование думой в общественном мнении страны. Милюков «находил вопрос о созыве в настоящее время Гос. думы крайне затруднительным», ибо общество, для которого уже стали очевидными «прорехи в деловой подготовке к войне», «сознательное нежелание правительства сделать необходимые шаги навстречу справедливым требованиям общества», уже не может ограничиться постановкой вопросов «о технических улучшениях в бюджете», а потребует у правительства отчета за свою неэффективную политику. Милюков считал, что «трудно ожидать, чтобы и сама Гос. дума готова была снова оказать правительству тот кредит, какой оказала она ему 26 июля», что фракциям «нельзя будет уклониться от вскрытия тех прорех, о которых говорилось», а если это так, то «критика расколется то единство, которое проявлено было 26 июля, – единство, как оказывается, довольно фиктивное, но его надо все же некоторое время поддерживать, так как демонстрация расхождения между властью и народом сейчас была бы очень неудобна с общей точки зрения. Положение оппозиции было бы очень трудное: с одной стороны, мы как бы обязались 26 июля оказать правительству поддержку, и притом, как здесь говорят, безо всяких задних мыслей, с другой же – оставить действия правительства без критики значило бы принять на себя часть той ответственности, которая сейчас целиком лежит на правительстве».

Демонстрируя чудеса политической эквилибристики, Милюков отметил, что «с объективной точки зрения на созыве думы необходимо настаивать», но «он должен сознаться, что отказом в созыве думы правительство сильно облегчило бы затруднительное положение оппозиции, к тому же можно быть уверенным, что чем сильнее и настойчивее будут раздаваться требования общественных организаций о созыве думы, тем менее склонно будет правительство удовлетворить это требование. Наконец, надо учесть и то обстоятельство, что на практике, что бы ни говорилось в думе, ближайший результат будет один: тем или иным большинством дума вынесет одобрение политике Барка и правительства» [3, с. 371–373].

Столь откровенное, если не циничное, разъяснение Милюкова относительно нежелательности выдвинуть лозунг созыва думы привело к острой дискуссии. Взывший слово первым, кн. Д. И. Шаховской не согласился с милюковским тезисом о том, «будто 26 июля русский народ и общество приняли на себя обязательства поддерживать правительство во всем и без всякой критики. Дело идет о слишком серьезных интересах страны, и надо совершенно искренно, без всяких задних мыслей, выявить в думе все, что надо, не боясь принять на себя ответственность. Пусть наш голос свободно раздается – по всей политике: финансовой и экономической... И почему думать, что Гос. дума способна будет только вслепую санкционировать детские мероприятия Барка? Не значит ли это недостаточно оценивать здравый смысл русского народа. Сейчас не такое время, чтобы закрывать глаза и спокойно ждать».

Позицию Шаховского поддержали А. М. Колюбакин («надо совершенно искренно желать созыва думы», а критика правительства «может сохранить единство общественного настроения»), Н. В. Некрасов («созвать думу было бы полезно для того, чтобы, быть может, предотвратить взрыв где-либо в другом месте»). На следующий день, 26 августа, дискуссия была продолжена. В «бой» вступил патриарх кадетской партии И. И. Петрункевич, который рекомендовал «воздержаться от пропаганды немедленного созыва думы». Амбивалентную позицию занял А. И. Шингарев: «Не агитировать за созыв думы неловко, агитировать – значит идти навстречу опасностям, и ясного выхода нет; поэтому не следовало бы на некоторое время отложить решение этого вопроса, пока обстоятельства более выяснятся?» Позиция Шингарева явно возмутила темпераментного Колюбакина который заявил: «Молчание, к которому

нас приглашают, было бы не выигрышем, а проигрышем с точки зрения интересов страны»; «и, может быть, теперь последний момент сказать правительству последнее слово предостережения. Выбор момента для созыва думы зависит не от нас – мы только можем напирать; но отмахиваться от тяжести и трудностей момента нельзя, надо иметь решимость взять на себя риск и ответственность» [3, с. 376–377].

Выступление Колюбакина явно задело Милюкова, который заявил: «Сторонники созыва говорят, что не следует бояться принять бой в чистом поле, но это не равносильно принятию боя, если у вашего противника все шансы, а у нас связаны руки; дело сведется не к бою, а бессильной жестикуляции». А. М. Колюбакин ставит вопрос иначе; он хочет сейчас выставить все политические вопросы...» Прервав на этой фразе Милюкова, Колюбакин заявил, что «он ставит лишь те требования, которые находятся в связи с обороной страны» (свобода печати, национальный вопрос, политическая амнистия). Милюков нашел этот перечень вопросов не относящимся к обороне, а имеющим политический характер. Выразив свое согласие, что «если политический вопрос не будет поставлен, а только финансовый, то страна не поймет этого и будет так же разочарована», а если это так, считал он, с политическими выступлениями следует подождать до тех пор, пока «завопит вся страна и потребует от нас сильных выступлений, и мы будем знать, что нам делать, и всякие противоречия исчезнут. А сейчас нам всё же не дают точных указаний, что говорить и делать в думе». Ухватившись за милюковскую фразу, Н. В. Некрасов парировал: «До сих пор мы умели угадывать нужды страны, надо думать, что и теперь не разойдемся с ней». «Ждать, пока страна завопит, – заявил Шаховской, – нет надобности; мы и сами можем завопить, если надо. Роль молчаливых прикладывателей штемпелей в думе нам не приличествует, так не будем их прикладывать» [3, с. 379–381].

Далее полемика вырвалась из-под председательского контроля и приобрела хаотичный и бессистемный характер. В итоге было принято решение: оставить вопрос открытым, перенеся его обсуждение на пленарное заседание ЦК 30–31 августа. По-видимому, планируемое заседание не состоялось, ибо его материалы в архивном деле отсутствуют. Нет сведений о заседании 30–31 августа и в отчете ЦК, с которым выступил на VI съезде А. А. Корнилов. Можно предположить, что Милюков уже не видел дальнейшего смысла продолжать полемику по данному вопросу, которая предельно четко выявила позиции в ЦК.

Неслучайно, что в последующие месяцы внимание членов ЦК было переключено на обсуждение национальных и организационных вопросов, о которых уже говорилось выше. Лишь спонтанно на заседаниях ЦК «прорывались» вопросы, которые, как правило, ставили левые кадеты о необходимости наконец «прервать молчание руководящих органов партии» и, в конце концов, определить свою политическую линию как по отношению правительству, так и по отношению созыва думы. Так, 9 ноября 1914 г. А. М. Колюбакин инициировал постановку в ЦК вопроса о современном внутреннем положении в стране в связи с усиливающейся реакционной политикой правительства. Отметив, что отсутствие в стране протестного движения «лишь подстрекало реакционный курс», Колюбакин подчеркнул, что определенная доля вины в этом лежит и на оппозиции, «священное» единение которой с правительством воспринимается общественным мнением как договор последнего с «оппозиционными буржуазными партиями». Поэтому дальнейшее молчание по этому вопросу «может оказаться политической ошибкой в обоих направлениях: с одной стороны, в интересах успешного ведения войны необходим подъем и сознание народного единства, реакционная же националистическая политика вносит расщепления в народ – это очень важно подчеркнуть; с другой стороны, нельзя игнорировать и впечатления, складывающиеся в широких кругах и питающиеся пущенными слухами о состоявшемся якобы примирении и соглашении «буржуазной оппозиции» с правительством. Если такие слухи оставить без возражений, от них может остаться известный осадок, который не будет способствовать росту авторитета оппозиции несоциалистической. Необходимо, чтобы широкие круги лучше поняли позицию партии к.-д., а для этого надо, чтобы сама партия сделала что-нибудь для объяснения своей позиции» [3, с. 426].

Возвращаясь к августовской дискуссии в ЦК, Колюбакин вновь поставил вопрос о необходимости созыва думы. Отвечая на него, Милюков заявил, что 26 июля 1914 г. авторитет кадетской партии «поднялся на недостижимую высоту. И если тогда, 26 июля, позиция партии имела серьезную поддержку, то надо стараться не сходить с нее и впредь. Никаких обязательств партия на себя не принимала и ни в какие соглашения с правительством не входила» [3, с. 427]. Поэтому он продолжает настаивать на том, что ни в коем случае не следует «сходить с партийной позиции к.-д. и не поддаваться на такие выступления, ко-

торые могли бы использовать левые. Обвинений бояться нечего, так как партия в начале войны в Гос. думе категорически заявила, что партийных своих позиций и взглядов она не меняет. Идти дальше значило бы лить воду на мельницу с.-д.-ов» [3, с. 427].

Дальнейшая полемика показала, что среди членов кадетского ЦК царит разногласие и они не могут прийти к определенному консенсусу. Так, А. С. Изгоев допускал возможность, что правительство, арестовав членов большевистской фракции, может «пойти и дальше» и нельзя «не видеть, что эта лавина катится и на нас». Ссылаясь на поведение оппозиции на Западе, которая по отношению к правительству не только держится нейтралитета, но оказывает ему полную поддержку в борьбе с немцами, А. А. Корнилов призывал и кадетов следовать этому примеру. Партия, по его мнению, не «изменяет», «не ставит штемпелей на всем, что делает правительство» [3, с. 427].

Вместе с тем Корнилов в принципе не отрицал необходимости созыва думы и считал, что критика депутатами ошибок правительства была бы полезна. Однако эта «гуттаперчевая» позиция Милюкова и Корнилова оказалась неприемлемой для Колюбакина, который, какой уже раз, попытался «раскрыть» однопартийцам глаза на то, что в настоящий момент происходит в стране. Напомнив, что «вешние победы находятся в колоссальной зависимости от внутренних настроений и что главный фактор победы – дух войск – зависит от духа страны», Колюбакин призывал «бороться с внутренним “немцем”, который опаснее Вильгельма, а при этом нейтралитет делается невозможен, а дальше он будет просто нестерпим... Серьезная государственная опасность может заключаться в возрождении тех настроений апатии и уныния, какие сопровождали японскую войну. Положение к.-д. с каким-либо новым выступлением правых или левых станет еще труднее, но партия должна быть готова принять на себя удары – конечно, если это действительно понадобится. Необходимо остерегаться, чтобы к.-д. не смешивали с с.-д., но к.-д. должны занять определенную позицию по поводу безумных выходов реакционного курса, разрушающих единство страны» [3, с. 429].

Солидаризируясь с тем, что партия должна продолжать стоять на «позиции 26 июля», Колюбакин тем не менее подчеркнул, что это несколько не означает, что она готова «к объединению с правительством во всех шагах его курса», что «руки у партии к.-д. в этом отношении совершенно свободны и никем не были связаны [3, с. 429].

Однако Милюкова все колюбакинские оговорки не удовлетворили, и он с прежним упорством продолжал твердить, что партия, учитывая «динамику настроений», происходящих в обществе, все же не должна совершать каких-либо неосторожных шагов, которые будут играть «на руку левым», что если сейчас потребовать созыва думы, то она «уже не обойдется одним актом лояльности», а это «может дать огромный толчок стране в обратную сторону». Поэтому созывать ее сейчас несвоевременно. Такой же позиции придерживался и Ф. И. Родичев, заявивший, что «настанет время, когда требование созыва думы станет лозунгом всей страны». Однако ускорять этот процесс было бы неосмотрительно. По мнению П. Б. Струве, «если общество проявит выдержку самоограничения сейчас, тем сильнее будет нападение потом». Однако А. С. Изгоев считал, что «воздержание и самоограничение нельзя довести до полного бездействия». В данный момент соглашений надо добиваться только с правыми, но не с левыми. А. А. Корнилов также считал необоснованными надежды Родичева и Струве «на богатую жатву будущего» и высказался за «желательность созыва думы». Дискуссия стала явно заходить в тупик, а никаких определенных решений не вытанцовывалось. На следующих заседаниях ЦК решили снова возвратиться к обсуждению национального и внешнеполитического вопросов, на что ушло целых два месяца. Лишь 21 декабря 1914 г. Милюков по собственной инициативе затронул вопрос о думе в связи с приближением официального срока ее созыва. Милюков проинформировал членов ЦК о разговоре И. П. Демидова с А. В. Кривошеиным, который также высказался за созыв думы.

В связи с этим в среде восьми депутатов кадетской фракции возникла идея встретиться с членами ЦК и обсудить с ними вопрос о предметах занятия думы, прежде всего о принятии ей бюджета, что, в свою очередь, и должно «явиться непременным условием сколько-нибудь правильного сотрудничества с правительством». Общим мнением этой группы думских депутатов являлось, что в данный момент «еще не время для резкой оппозиционной критики, что отношение к правительству должно быть сдержанным». Комментируя позицию членов фракции, Милюков выражал готовность довести при их содействии до сведения правительства позицию кадетской фракции в предстоящую сессию: внесение бюджета и чтобы «в декларации правительства заключались шаги навстречу обществу», или же чтобы, «по крайней мере, в этой декларации не заключалось никакой провокации» [3,

с. 478–489]. Дальнейшая дискуссия уже проходила в присутствии, прибывших на заседание ЦК членов думской кадетской фракции.

По мнению А. С. Изгоева, если дума будет замалчивать происходящее, то страна осудит кадетскую фракцию. Поэтому хотя бы в корректной форме надо «предостеречь правительство от вредных последствий принятого им курса и требовать от него каких-либо определенных шагов в смысле отказа от этого курса, хотя бы, например, в форме устранения кого-либо из наиболее реакционных министров». Параллельно в печати нужно уже во весь голос говорить о необходимости созыва думы и «намекать на уход министра Маклакова» [3, с. 483]. Милюков же продолжал считать, что созыв думы несвоевременен, ибо при «настоящих условиях оппозиция должна воздержаться в думе от тех открытых и ярких выступлений, каких заслуживает реакционная деятельность правительства». С другой же стороны, «не созыв Гос. думы в течение продолжительного времени привел бы к огромному понижению настроения в стране, в котором и сейчас уже чувствуются неблагоприятные признаки». Принимая в расчет информацию И. П. Демидова о наличии внутри правительства нескольких течений, в том числе и за созыв думы, по сути, это течение представлял один А. В. Кривошеин, и то считавший, что думу можно создать при условии демонстрации ей «священного» единения 26 июля и рассмотрения нескольких незначительных двух-трех правительственных законопроектов. С этим уже не мог согласиться Милюков, заявивший, что «этого для страны слишком мало» и лучше «совсем не созывать думу, чем созывать ее для одних этих целей». Он соглашался на созыв думы при условии рассмотрения ей бюджета, что явится способом «укрепления Конституции», и если правительство не пойдет на это, то оно «развяжет руки оппозиции для беспощадной критики». Если дума все же будет созвана на этих условиях, то «непоследовательно было бы делать боевые оппозиционные выступления против правительства, так как борьба с внешним врагом далеко еще не закончена и та цель, которая заложена была в объединении 26 июля 1914 г. всех слоев и народностей, еще не достигнута... У партии к.-д. слишком достаточно врагов, которые рады были бы всякому неосторожному шагу партии, чтобы спихнуть ее с той «недосягаемой высоты, на которую, по словам того же Кривошеина, поставила партию ее линия поведения в июльские дни 1914 г.». Поэтому, если «можно было предвидеть, что заседания думы

обратятся в ряд оппозиционных выступлений против правительства», то, по мнению Милюкова, надо «всеми силами противиться бы созыву думы» [3, с. 483]. Настойчивые попытки М. М. Винавера и А. С. Изгоева хоть как-то сдвинуть Милюкова с его позиции закончились ничем. Более того, в поддержку Милюкова высказалось большинство участников заседания. Так, А. А. Корнилов заявил: «Основная задача – победа над германцами, и партия должна стоять на этом, пока задача не будет выполнена. До тех пор ни о каком торге не может быть и речи, и само слово «оппозиция» должно быть на время устранено» [3, с. 488]. Член думской фракции А. М. Александров также считал, что партия не должна «терять позицию 26 июля» и разменивать ее «на оппозиционные слова, безответственные и беспардонные, лишенные практического значения». В результате было принято решение просить И. П. Демидова довести до сведения А. В. Кривошеина позицию кадетской партии в отношении созыва думы и ее желательной повестки дня (обсуждение бюджета, благожелательная правительственная декларация и недопущение каких-либо провокаций). В свою очередь Милюков заявил, что он «не видит никакой надобности в своих личных переговорах с теми или иными членами кабинета», а Демидов во время беседы с Кривошеиным должен сказать ему о том, что «ни в какие переговоры и договоры партия к.-д. с правительством не входит и от своего права критики не отказывается» [3, с. 493].

Однако Милюков явно лукавил. В воспоминаниях он рассказал о своем участии вместе с представителями других думских фракций во встрече с А. В. Кривошеиным, который, по его словам, лучше других понимал ситуацию и даже рассчитывал занять пост И. Л. Горемыкина. На этой встрече Милюков оказался в числе первых выступающих (другим был А. Н. Хвостов), заявив о желании Совета старейшин поставить перед правительством вопрос об ускорении сроков созыва думы. «Кривошеин, – вспоминал Милюков, – согласился, что необходимо для поддержания создавшегося настроения приблизить срок созыва, и доложил об этом Совету министров. Горемыкин пошел на уступку, и созыв думы был определен «не позднее февраля» 1915 г.» [4, с. 395].

Обещанная сессия думы была назначена на 27 января 1915 г. и была рассчитана всего лишь на три дня и посвящена исключительно обсуждению и принятию бюджета. Накануне открытия думы, 26 января, состоялось частное совещание думской комиссии по обороне с участи-

ем министров, на котором П. Н. Милюков и А. И. Шингарев выступили с критикой политики Н. А. Маклакова в отношении печати и национальностей (поляков, евреев, административной политики в Галиции) и потребовали от правительства внесения законопроекта о польской автономии и отставки Маклакова как «нарушителя “священного единения”», а также политической амнистии [4, с. 397]. Однако на заседании думы 27 января 1915 г. в своем выступлении Милюков ограничился высокопарными хвалебными словами в адрес армии, воюющих народов России и союзников по Антанте, вообще избежав каких-либо резких высказываний в адрес правительства. Во время обсуждения бюджета кадеты также заявили о полной поддержке своего прежнего отношения к войне и своей лояльности к правительству. Однако, как пишет Милюков в своих воспоминаниях: «Но мы прибавили, в осторожных выражениях, что правительство со своей стороны этого перемирия не соблюдает и пользуется им, чтобы укрепить свои позиции во внутренней политике» [4, с. 397]. В своем вступлении с думской трибуны А. И. Шингарев заявил, что «в настоящий момент наш долг повелевает нам, невзирая на политические и технические особенности бюджета 1915 г., дать в руки государственной власти все средства, необходимые ей для успешного окончания великого национального дела» [5, с. 150–151].

Тактика кадетской фракции, которую Милюков охарактеризовал в своем думском выступлении 27 января 1915 г. как «не жест политики, а твердое решение гражданина» [2, с. 6], весьма критически была воспринята представителями провинциальных комитетов, которые 22–23 февраля были приглашены на расширенное заседание ЦК. Представитель из Киева заявил: «Поведение фракции вызвало страшное неудовольствие, даже некоторые члены решили выйти из партии. Украинцы чрезвычайно обижены тем, что на замечание Сазонова, будто украинское движение сделано на немецкие деньги, никто из фракции не ответил» [6, с. 38]. У представителя из Иваново-Вознесенска поведение фракции вызвало недоумение «отказом присоединиться к запросу с.-д. об аресте депутатов. В Иваново этот вопрос особенно стоит остро, потому что с.-д. до сих пор жили очень согласно с группой к.-д. и оказывали им поддержку в местных интересах» [6, с. 39]. Ту же мысль высказали представители из Тамбова («слышатся нападки на к.-д. за отказ в поддержке запроса с.-д.») и Уфы («критика партийной деятельности есть, но слабая, и главная ее тема сейчас – отказ

фракции присоединиться к запросу с.-д.».) [6, с. 43]. Представитель из Орла подчеркнул, что «фракция слишком замкнулась в парламентскую работу, положение политической партии она не заняла» [6, с. 41–42].

Критические замечания представителей местных партийных комитетов возмутили Милюкова, он, взяв слово, решил несколько разрядить обстановку на заседании. Пытаясь разъяснить непонимающим «мудрость» тактической линии кадетского руководства, Милюков заявил, что она вообще «оказалась сюрпризом для наших врагов», что, выдвинув лозунг «война до победного конца», партия заняла позицию «не мешать тому правительству, которое стоит сейчас во главе. Мы от него ничего не ждем и не ведем поэтому с ним переговоров. Нам было видно, что кое-что мы, конечно, могли выхлопотать, и мы выхлопотали, например, созыв Гос. думы в январе. Амнистии выхлопотать мы не могли, хотя попытки были. С трибуны мы тоже не всё можем сделать. В самом правительстве идет сейчас борьба. При этой борьбе всякая вспышка оппозиционного настроения дает плюс стороне Маклакова... Нами в январе руководили те внутренние соображения, что и 26 июля. Мы от правительства ничего не ожидали тогда, ничего не ожидаем и теперь... Нам нужно было подбодрить солдат в окопах, и мы в этом успели. Мы считали своим долгом сказать слово одобрения нашим защитникам. Но кроме солдат нас слушали наши враги. Всякое слово критики было бы в Германии всячески использовано. Ослаблять себя перед лицом врага и перед союзниками нельзя. Эти соображения и заставили нас остаться на позиции 26 июля» [6, с. 41–42]. Перечислив вопросы, которые можно было бы поставить в думе (украинский, еврейский, польский, о запросе социал-демократической фракции), Милюков высказал убеждение, что если бы они были поставлены, то кадеты, зная настроения правительства, могли бы его критикой «ослабить Россию» [6, с. 42].

Выступление лидера думской кадетской фракции подлило масла в огонь критики ее тактики со стороны местных партийных функционеров, близко и непосредственно соприкасавшихся с демократическими массами. Оно разочаровало представителя из Нижнего Новгорода, у которого осталось «самое безотрадное впечатление от разъяснения Милюкова. На к.-д. смотрят как на мудрую политическую группу, которая должна вывести Россию, но пока она этого не сделала». Представитель из Казани констатировал: «На местах ждали, что фракция

выступит с заявлением, но ожидания не оправдались». Однако члены ЦК встали горой в поддержку своего лидера. Так, А. А. Кизеветтер прямо заявил: «Линия поведения нашей фракции есть линия народного инстинкта. Она производит поэтому впечатление силы, а не слабости». А. Р. Ледницкий особо подчеркнул: «Речь П. Н. Милюкова в Гос. думе была речь государственного человека» [6, с. 45–46]. После этих выступлений представители с мест несколько сбавили критический тон. В результате расширенное заседание ЦК с представителями местных комитетов признало «характер выступления фракции в заседании думы» вполне соответствующим «условиям момента» и заслуживающим одобрения [6, с. 49].

Всячески избегая конфронтации с правительством, кадетское руководство явно проигрывало в глазах общественности, которая, активно участвуя в деловых мероприятиях по обороне государства, стремительно стала наращивать оппозиционный потенциал против исполнительной власти на всех ее уровнях. Через формирующуюся систему общественных организаций и разного рода общественных инициатив в оппозиционный процесс втягивались все более широкие и активные слои населения, включая молодежь, которых уже не могла удовлетворить ни позиция, занятая кадетской думской фракцией, ни самой партией в ее целом. Разумеется, кадетские лидеры понимали, что тенденция к нарастанию «аритмии» между настроениями широкой общественности, о чем, в частности, поведали представители местных комитетов на февральском совещании 1915 г., и политической линией поведения партии народной свободы чревата для нее самой утратой прежнего положения в острой конкурентной борьбе с леворадикальными партиями за демократические слои населения. Вместе с тем февральская встреча с партийными «низами» показала партийной «верхушке», что партия не имеет прочных корней в среде демократической общественности, которая по мере обострения политического, экономического и социального кризиса в стране все активнее стала «леветь» и все чаще поговаривать о возможности новой революции. Кадетское руководство новой революции никак не желало, и, естественно, в отличие от кануна 1905 г., участвовать в ее подготовке и любых формах не собиралось. Ему ничего не оставалось, как во что бы то ни стало сохранять думу, хотя бы типа «3 июня», и стараться внутри нее сформировать большинство для продвижения законодательных

инициатив. Для кадетов было важно преодолеть топтание думы на месте. Для этого важно было перейти от кратковременных думских сессий, созываемых правительством для утверждения бюджета, к более длительной законотворческой деятельности. Сложность ситуации состояла в том, что правительство, воспользовавшись военным временем, предпочитало «законодательствовать» в порядке 87-й статьи Основных законов, мотивируя это необходимостью оперативного принятия управленческих решений. В свою очередь, это провоцировало правоконсервативные круги к муссированию идеи о превращении законодательной думы в законосовещательное учреждение. Перед кадетами стояла задача не допустить «привыкания» правительственных структур работать без думы, воспользовавшись «патриотической тревогой», охватившей широкие круги российской общественности, которая, минуя партийные структуры, через свои институции стала разрабатывать и выдвигать собственную, внепартийную программу вывода страны из кризисной ситуации. Часть этих институций типа ВСГ, ВЗС, ВПК, Всероссийские съезды представителей торговли и промышленности активной работой на оборону страны значительно укрепили свой авторитет и влияние в глазах широкой общественности. Все чаще и активнее они помимо чисто деловой работы стали ставить и обсуждать политические вопросы, объективно превращаясь в конкурентов политических партий. Если учесть организационные, финансовые и коммуникационные возможности подобного рода институций, то они в период Первой мировой войны многократно стали превосходить возможности политических партий, которым ничего не оставалось делать как искать и находить пути сотрудничества с внепартийной общественностью.

Неслучайно на заседаниях ЦК в центре внимания оказался вопрос об отношении партии к вновь возникшим общественным организациям. При этом стратегическая задача кадетов состояла в том, чтобы подчинить ее своему идейному влиянию. Так, 15 марта 1915 г. на заседании ЦК Н. В. Некрасов, выступая с сообщением о своем посещении театра военных действий, поставил вопрос об отношении партии к ВСГ и ВЗС и предложил воспользоваться их съездами и выдвинуть на них политические задачи. «Для этого, – заявил он, – важно занять влиятельные позиции не только в центре союза, но и на местах» [6, с. 54]. Делая акцент на аполитичности союзов, Милюков,

напомнив опыт 1905 г., с одной стороны, выразил сомнение, что эти организации будут востребованы после войны, а с другой заявил, что они не могут заменить Государственную думу. «В искусственном создании таких организаций, – заявил он, – наряду с более правильно организованным представительством будет нечто странное и ненормальное» [6, с. 55]. Не отрицая, что «союзы полезны в смысле объединения прогрессивных элементов», Милюков «нерв» политической жизни страны видел в Государственной думе. «Политическая борьба – заявил он, – через союзы не пойдет, – для нее они слишком хрупкое орудие... Движение – если оно будет – пойдет мимо: и мимо земского, и мимо городского союза» [6, с. 57]. Чтобы удержать это движение под контролем партии народной свободы, Милюков считал, что партии надо более активно разрабатывать вопросы: аграрный, национальный, финансовый; борьбы с алкоголизмом; обеспечения участи инвалидов и семейств жертв войны; определить круг мероприятий по борьбе с экономическим расстройством в стране. С одной стороны, эти вопросы должны разрабатываться на уровне ЦК, а с другой – в думской фракции. При этом, по его мнению, «политические вопросы не надо выдвигать на первый план», приоритет в их постановке должен принадлежать фракции [6, с. 77]. Обсуждение всего комплекса вопросов Милюков предложил сделать на специально созванной конференции. Накануне ее созыва, 1 июня, состоялось заседание ЦК, на котором Милюков проинформировал о программе предстоящей партийной конференции (вопросы: аграрный; о дороговизне; финансовый; об обеспечении инвалидов; национальный и тактический), а также о вновь начавшихся в общественных и думских кругах дебатах о созыве думы и об ответственности министров. «К.-д., – заявил Милюков, – будут поддерживать смену министров, но принять ответственности за это новое министерство нельзя». По мнению Милюкова, вопрос о «смене министерства более актуален, чем созыв думы» [6, с. 90–91]. Однако, по мнению Ф. Ф. Кокошкина, «составить министерство, которому верила бы вся страна, в России невозможно, потому что и сама дума не отражает настроения страны. Можно только требовать улучшения министерства технически и введения нескольких видных общественных деятелей». Учитывая трудности в «проведение в жизнь лозунга смены министерства», Кокошкин видел «единственный путь к этому – созыв думы» [6, с. 91].

С позицией Кокошкина полностью был солидарен Н. Н. Щепкин и отчасти Н. М. Кишкин, заявивший, что «один лозунг созыва думы недостаточен», надо отдавать себе отчет в том, зачем она созывается. По словам Кишкина, дума должна выразить недоверие правительству и предложить заменить его «элементами, мало-мальски заслуживающими доверия. Министерство коалиционное» [6, с. 92]. Н. А. Астров считал, что на партийной конференции следует поставить вопрос об ответственном министерстве. Подводя итог дискуссии, Милуков прямо заявил, что возвращение к традиционным партийным «трем замкам» поставило бы кадетов в «положение непопулярных вопросов». Поэтому, считал он, «нельзя поднимать вопрос об ответственном министерстве» вне контекста двух других «замков» – изменения избирательной системы и коренной реформы Государственного совета. В результате дискуссия кончилась безрезультатно, разрешать все вопросы предстояло на июньской партийной конференции, состоявшейся в Петрограде 6–8 июня 1915 года.

Милуков, избранный председателем «на текущее заседание», понимая остроту политических вопросов, настоял на том, что работу конференции следует начать не с обсуждения его тактического доклада, а с заслушивания докладов: о финансовом положении в стране (А. И. Шингарев), по аграрному вопросу (А. А. Мануйлов), «Война, трезвость и финансы» (А. И. Шингарев), о пособиях увечным воинам (кн. П. Д. Долгоруков и М. М. Новиков), по еврейскому вопросу (М. М. Винавер). Если попытаться суммировать сказанное докладчиками, то они дали в целом емкую картину состояния экономики и финансовой системы в стране, сформулировали задачи, которые в данный исторический момент являются для партии наиболее актуальными, наметили пути их возможного решения в рамках партийной программы. Так, А. И. Шингарев предложил немедленно создать единый для империи орган, который бы сосредотачивал и регулировал все вопросы, связанные с обеспечением населения продовольствием и снабжением продуктами первой необходимости. «В этом органе вместе с особо уполномоченными лицами исполнительной власти должны принять участие представители земского и городского союзов и союзов кооперативных учреждений». На местах, отмечал Шингарев, «необходима согласованная работа земских и городских органов самоуправления с про-

изводительными и потребительными кооперативами». Все это должно было стимулировать создание союзов потребителей, взаимопомощь граждан в борьбе с торговым посредничеством и дороговизной при непосредственном содействии «центральных и местных властей». В докладе Шингарева специально был сделан акцент на необходимости устранения всех законодательных, административных и полицейских препятствий для «успешной работы». Одновременно в докладе речь шла о необходимости повышения оплаты труда фабрично-заводских рабочих и мелких служащих казенных, общественных и частных предприятий и учреждений [7, с. 17–18].

Особого внимания заслуживает доклад А. А. Мануйлова по аграрному вопросу, в котором речь, по преимуществу, шла о наделении землей участников войны. Обратив внимание, что данный вопрос обсуждается в правительственных кругах, Мануйлов подчеркнул, что это благоприятствует реализации тезиса кадетской партийной программы о принудительном отчуждении частновладельческих земель, ибо расширение круга наделяемых землей лиц неминуемо повлечет за собой изыскание дополнительных источников для наделения. Наделение землей, считал Мануйлов, будет производиться как коллективным единицам, так и личным собственникам. Причем «право собственности на землю должно сохраняться за государством, а раздаваться земля должна в наследственное владение, причем должны быть установлены сроки пользования, воспрещено дробление участков, воспрещено возведение жилых помещений на полевых землях и т. п. При отводе земель коллективам можно было бы предоставить коллективам право выработать уставы, в которых были бы предусмотрены главные условия пользования. Во избежание земельной спекуляции должна быть воспрещена передача участков».

Обсуждение доклада Мануйлова выявило несколько подходов к решению аграрного вопросу. Одни делегаты считали неправомерным ограничивать решение аграрного вопроса только постановкой наделения землей воинов с их семьями, а рассматривать его в контексте кадетской аграрной программы (А. Я. Ефимович, П. П. Гронский, А. А. Токарский, А. А. Шингарев и др.). Другие делегаты считали, что во время войны ставить аграрный вопрос даже применительно к наделению воинов опасно, ибо, как подчеркивал Ф. Ф. Кокошкин, «сейчас страна схвачена врагом за горло, и, бросив этот лозунг, вызывающий

острую классовую борьбу, партия к.-д. была бы обвинена в том, что она пользуется затруднительным для государства моментом. Противники партии использовали бы этот шаг в своих целях. В 1905 г. принцип отчуждения вызвал величайшую оппозицию не только в среде землевладельцев, но и в среде промышленников и сильно озлобил так называемые имущественные классы против партии. Нельзя сейчас отбросить эти классы и сказать, что в настоящей тяжелой войне можно обойтись без их сотрудничества. С другой стороны, вряд ли партия будет иметь возможность объяснить подробно свой план реформы, что не предполагает трогать мелкое землевладение, а без этого сильно увеличившийся класс мелких собственников и хуторян будет опасаться, что партия хочет отнять у них собственность. Поэтому ввиду военного времени и остроты вопроса было бы осторожнее в резолюции по аграрному вопросу не упоминать о принудительном отчуждении» [7, с. 33]. Позицию Кокошкина разделял и Ф. И. Родичев, заявивший, что «возбуждать аграрный вопрос во всей его широте значит кинуть в тыл армии яблоко раздора» [7, с. 37].

Принятая резолюция по аграрному вопросу оказалась довольно лаконичной. Во-первых, подчеркивалась мысль, что «по окончании войны станет на очередь земельный вопрос». Во-вторых, были отвергнуты предложения, выдвинутые в записке А. В. Кривошеина о земельном наделении воинов как «явно недостаточные даже для выполнения этой задачи. В-третьих, «придавая земельному вопросу первостепенное государственное значение», конференция поручила ЦК продолжить разработку земельной реформы и передать выработанные им предложения «на обсуждение местных комитетов» [7, с. 193].

Во втором докладе А. И. Шингарева «Война, трезвость и финансы» говорилось о том, что кадетская партия предлагает ввести прогрессивный подоходный налог, увеличить налог с наследства, что в связи с тяжелым финансовым положением страны надо усилить косвенные налоги и создать ряд государственных монополий (спичечной, табачной, чайной, сахарной, нефтяной), повысить железнодорожные тарифы и вывозные пошлины (лес, лен, платина), а также ввести специальный военный налог [7, с. 46].

Посвятив полтора дня обсуждению вышеназванных вопросов, делегаты с нетерпением ждали центрального события конференции – политического доклада П. Н. Милюкова, с которым он выступил на

вечернем заседании 7 июня 1915 года. Лидеру партии предстояла непростая задача – с одной стороны, доказать правильность политической позиции, занятой руководством кадетов 26 июля 1914 г. и 27 января 1915 г. в Государственной думе, а с другой – внести коррективы в тактический курс в связи с изменившейся в стране ситуацией. По его мнению, думская фракция, взяв курс на поддержку правительства, во-первых, «не отменяла своего отношения к вопросам внутренней политики, а лишь отсрочивала парламентскую борьбу с ним по этим вопросам до тех пор, пока минует общая национальная опасность»; во-вторых, «оказывая поддержку правительству в борьбе с внешним врагом, фракция намеренно устраняла вопрос о своем отношении к данному составу правительства и к данной правительственной программе. Фракция считала нужным поддержать правительство как таковое и поддерживала бы всякое другое на его месте в минуту опасности» [7, с. 115].

Однако явное нежелание правительства идти навстречу пожеланиям общества, его органическая неспособность организовать должным образом оборону страны («правительство проявило преступную бездеятельность и нераспорядительность»), заставляют партию в данный момент «несколько изменить способы достижения цели – поддержания бодрости в населении и решимости бороться до конца». Достигнуть этой цели, считал Милюков, «можно теперь лишь одним способом: возродив в народе твердую уверенность в том, что те недостатки, которые лежат в основе военных неудач, будут быстро и радикально устранены и что армия будет в состоянии довести дело до полной и решительной победы. Создать такую уверенность могут только тот или те, кому население верит». По его мнению, такую уверенность породить у населения может лишь Государственная дума. «Государственная дума, – заявил Милюков, – поставила себя во мнении народа так высоко, как никогда не стояла прежде. К ней теперь обращаются все взоры, на нее возлагаются все надежды. Один тот факт достаточен, чтобы показать, как правильно было поведение фракции, существенно содействовавшее этому результату, ибо поведением фракции в очень значительной степени определился общий характер поведения Государственной думы» [7, с. 121].

Из этой посылки Милюков делал вывод, что дума «при всех своих недостатках» есть «все же единственный организованный центр национальной мысли и воли и единственное учреждение, которое можно

противопоставить бюрократии». Именно от думы, а не от каких-либо иных структур (партийных, общественных) «народ хочет услышать, прежде всего, знакомый голос его представителей, от них ждут открытого, полного диагноза болезни и столь же публичного лечения». дума, «оставаясь в пределах своей контролирующей власти», имеет «возможность призвать правительство к исполнению его долга и указать ему всенародно, в чем этот долг заключается. Конечно, может не помочь и это средство, но оно – последнее, и прибегнуть к нему необходимо» [7, с. 121].

Подобная логика мысли предполагала, во-первых, что цель созыва думы должна быть принципиально иной, чем те, которые преследовались двумя предыдущими сессиями – 26 июля 1914 г. и 27 января 1915 г. Учитывая, что прежняя роль уже сыграна, дума в данный момент, «стоя на твердом, ею же созданном фундаменте, должна выстраивать свою позицию на «фундаменте народного доверия», которое обязывает сказать «народу правду о положении – ту правду, которую давно уже знает наш враг, и разоблачение которой, следовательно, нельзя считать ни нескромностью, ни опасностью». «Теперь, – заявил Милюков, – когда речь идет о мобилизации всех сил страны, необходимо более чем когда-нибудь сделать народ сознательным участником общего дела» [7, с. 122]. Поэтому партия считает, что созыв думы должен быть на длительную сессию и она уже «не может ограничиваться демонстративными заседаниями», а «должна работать с народом и для текущих нужд народа, стоя во главе его. Народ должен чувствовать думу, а дума чувствовать народ».

Одной из главных задач текущего момента является устранение препятствий «к согласной деятельности, к полному использованию всех сил страны». Главным из таких препятствий, считал Милюков, является «данный состав правительства». Чтобы избежать открытого «столкновения двух сил в случае немедленного созыва законодательных учреждений», следовало бы предварительно устранить наиболее опасные элементы из состава нынешнего кабинета министров. Прекрасно осознавая, что решение данного вопроса находится вне компетенции «отдельных фракций», Милюков заявил, что возможный конфликт по данному вопросу все же представляется «менее опасным для национального дела», чем «сохранение данного правительства, оказавшегося неспособным удовлетворить хотя бы минимальные

требования, связанные с потребностью национальной самообороны и с мобилизацией всех народных сил». Поэтому устранение одиозных элементов из данного состава правительства еще накануне созыва новой сессии могло бы избежать конфликта.

Подчеркивая, что потребность «смены правительства чувствуетея в населении не менее широко, чем потребность в созыве Государственной думы», Милюков обратил на циркуляцию в общественном мнении двух подходов к решению данной проблемы, которые нашли свое выражение в двух формулах – «министерство общественного доверия» и «ответственное министерство». Раскрывая различия между этими двумя формулами, Милюков обратил внимание, что партийный лозунг «ответственного министерства» может быть реализован либо путем изменения «конституции» (имеются в виду Основные законы 23 апреля 1906 г. – *В. Ш.*), либо «путем создания неписаной практики». При этом кадеты не исключали ни ту, ни другую возможность. Требование «ответственного министерства», считал Милюков, должно идти в «одной связке» с двумя другими требованиями: изменением избирательного закона и коренной реформы Государственного совета. В противном случае требование «ответственного министерства» означало снятие одного из «трех замков», что, по сути, означало сохранение двух других, что противоречило партийной политической линии. Кадеты, отложив «внутреннюю борьбу до заключения мира», отложили «борьбу за эти три лозунга». «Это, конечно, не значит, – продолжал Милюков, – что, отказываясь в данный момент от требования «ответственного министерства» в своем смысле, партия отказывается и вообще от требования о смене министерства» [7, с. 123]. Напомнив делегатам английскую поговорку, что «лошадей не перепрягают во время переправы», Милюков заявил, что «перемены в министерстве мы признаем возможным ограничить для текущего момента пределами, безусловно, необходимыми». Такая постановка проблемы о критериях смены министерства «отличается не только от требования «ответственного министерства», но и от требования «коалиционного министерства», которое «предполагает наличность нескольких политических партий, так сказать, равноправных в политическом отношении, т.е. привыкших меняться местами в роли то правительства, то оппозиции». В российском же политическом пространстве, по мнению Милюкова, «противопоставляется не одна партия другой: правительственная –

оппозиционной, у нас противопоставляются бюрократия и общество». При таком раскладе на «долю же общественных элементов может достаться представительство кабинета перед обществом, ответственность, не сопровождаемая властью. Очевидно, такое неравномерное распределение не соответствует понятию «коалиции»» [7, с. 124]. Сказанное, отметил Милюков, всецело относится и к понятию «министерства общественных деятелей». Общий вывод Милюкова сводился к тому, что политическая ситуация данного момента и состояние общественных и партийных сил в России таковы, что речь может идти лишь о «министерстве общественного доверия». «Вот чего, в сущности, – подчеркнул Милюков, – требует теперь страна. Это – идеал, приближения к которому мы должны добиваться. Не требуя «ответственного» или «коалиционного» министерства, мы тем самым не ставим формальных требований, не навязываем определенных людей, но, с другой стороны, мы не принимаем никаких обязательств. Наш основной принцип, установленный в июле прошлого года, – не торговаться с властью – сохраняется в полной силе. Теперь, как и в январе, мы указываем власти исход. Повлиять на нее, побудить ее избрать этот исход, мы бессильны. И даже если бы мы имели силу, то применить ее – значило бы вступить на почву внутренней борьбы, которой мы в настоящую минуту избегаем. Наша сила в данном случае есть сила очевидности, сила общего суждения. Сила фактов, говорящих сами за себя. Правительство, идущее наперекор этой силе, стоять не может, или, если оно останется на месте, оно берет на себя слишком тяжелую ответственность. Правительству, которое уступает, мы не говорим: вот те, кто вас заменит. Мы не говорим этого потому, что наши указания в данную минуту едва ли будут использованы, а за чужие решения мы отвечать не можем. Мы говорим, напротив: вот что вы должны делать. Те из вас, которые по горькому опыту и убеждению партии этого делать не могут и не хотят – уйдите. Те, кто их заменит, пусть именем и деятельностью заслужит общественное доверие» [7, с. 123].

Доклад Милюкова и текст, внесенные им резолюции подверглись критике со стороны делегатов конференции, которые настаивали на необходимости более резкого тона в адрес правительства (Г. Д. Ромм); на том, что «настало время народу взять войну в свои руки», а это значит «не перелagать ответственность на кого-то другого, а взять ее на себя» (кн. Д. И. Шаховской); надо более четко сформулировать задачи партии (М. К. Имшенецкий); следовало бы «использовать путь личного

обращения к царю» (В. П. Обнинский); необходимо добиваться «ответственного министерства», но не делать «никаких революционных шагов» (В. Ф. Зеелер); от лозунга «ответственного министерства» в данный момент отказываться нельзя (Н. П. Василенко); надо настаивать на лозунге «ответственного министерства», и «если этого не сделаем, будем выбиты историей из позиций и потерпим громадное моральное поражение» (В. А. Коссинский) и т. д.

Однако члены ЦК и думской фракции, выступая в поддержку основных положений доклада Милюкова, призывали провинциальных делегатов к умеренности в выдвижении требований. Так, резкое осуждение со стороны В. А. Маклакова получила резолюция рижского комитета, которую огласил Ромм. В ней думская фракция партии народной свободы обвинялась в бездействии в области внутренней политики, в явном нежелании поддержать запрос социал-демократической фракции об аресте ее депутатов. В ответ Маклаков заявил, что «при данных обстоятельствах не только нельзя требовать установления «ответственного министерства», но надо идти на помощь этому негодному правительству» [7, с. 159]. Всецело поддержав Маклакова, А. Ф. Бабанский подчеркнул, что «думать о захвате власти, об амнистии и т.п. сейчас нельзя», ибо «для нынешнего правительства такие лозунги, как амнистия и ответственность министерства, звучат как начало революции» [7, с. 159]. По мнению Ф. И. Родичева, в данный момент партия не имеет моральной силы требовать «ответственного министерства», и когда «за нами будет народ», то такая сила появится, а в данный момент «мы должны бороться с народной паникой, и Государственная дума должна существовать именно для этого» [7, с. 162–163]. Н. А. Гредескул тоже считал, что «не о кадетском министерстве сейчас может идти речь, а хотя бы только об элементарном честном министерстве, которое способно было бы поддержать столь необходимый теперь внутренний мир» [7, с. 164].

В своем заключительном слове Милюков отверг обвинения в адрес ЦК и думской фракции, считая их необоснованными, тем не менее, он заявил, что при изменении политической конъюнктуры фракция вполне может выдвинуть и вопрос амнистии, и вопрос об «ответственном министерстве», но в настоящий момент все же было бы оптимальным ограничиться лозунгом «министерства общественного доверия». В конечном счете, Милюкову удалось убедить делегатов в необходимости

следовать постепенному расширению круга требований, предъявляемых правительству, и идти в народ со своими лозунгами, а не с лозунгами левых партий. Большинство голосов июньская партийная конференция приняла следующую милюковскую резолюцию о политическом положении:

«Конференция партии народной свободы, принимая во внимание:

- 1) что переживаемые серьезные события налагают на всех граждан России обязанность сплотиться еще теснее в общей усилении довести до победоносного окончания великую войну за свободу народов и осуществить поставленные ею на очередь национальные и мировые задачи;
- 2) что указанная цель может быть достигнута лишь при объединении и действии всех без исключения народных сил;
- 3) что, как выяснилось с несомненностью из десятилетнего опыта войны, правительство в его нынешнем составе оказалось несостоятельным в деле организации тыла войны, вследствие чего самоотверженные и геройские усилия доблестных бойцов за родину не принесли всех тех плодов, которые они могли принести при иных условиях;
- 4) что ярко проявившееся с самого начала войны стремление общества объединить свои силы для поддержки правительства в деле обороны страны столкнулось с рядом правительственных действий, проникнутых недоверием к общественному почину и общественным силам, возбуждающих национальную рознь и несовместимых с необходимым для государства внутренним миром;
- 5) что создавшееся вследствие указанных условий положение находится в непримиримом противоречии с жизненными интересами России,

– признает необходимым для действительного объединения народных сил и правильного использования их в интересах защиты родины:

- 1) образование кабинета, способного обеспечить правильную организацию тыла войны, соблюдение внутреннего мира в стране и тесное сотрудничество правительства и общества;
- 2) немедленный созыв Государственной думы» [7, с. 194–195].

Если решения кадетской партийной конференции рассматривать и оценивать в контексте с требованиями, которые принимались общественными организациями (ВСГ, ВЗС, ЦВПК, Земгор), не говоря уже

о леворадикальных партийных организациях, то они представляются весьма умеренными. В монографиях В. С. Дякина, В. И. Старцева, Н. Г. Думовой, Ф. А. Гайды подробно проанализированы позиции общественных организаций периода Первой мировой войны, приведены и списки составов разных типов министерств («министерства общественного доверия», «коалиционного министерства», «ответственного министерства»). В результате в историографии воссоздана достаточно полная картина состояния российской общественности в летние месяцы 1915 г., различные слои и группировки которой лихорадочно искали выход из стремительно осложняющейся политической ситуации. Как было показано выше, Милюков предпочел сделать акцент на «чистке» данного правительства от одиозных фигур, по сути, – на создании «делового» кабинета, способного пойти на компромисс с обществом. Милюковская схема позволяла, с одной стороны, возможность послать сигнал лично монарху, который единолично мог перетасовать любую «министерскую колоду», а с другой – как бы устраняла думу от участия в «министерском пасьянсе», памятуя ее происхождение от третьеиюньского избирательного закона и наличие в ней крайне правых элементов. Если бы думе вдруг пришлось формировать министерство, то не было никаких гарантий, что оно было бы лучше чисто бюрократического министерства. Считая думу «единственным организующим центром страны», Милюков, тем не менее, сомневался, что дума «3 июня» сможет сформировать министерство, которое бы всецело могло удовлетворить партию народной свободы. В замысле Милюкова было сконструировать такое думское большинство, с помощью которого можно было активизировать законодательную работу. Недаром он активно включился в формирование Прогрессивного блока, который и должен был, по его мнению, наладить конструктивную работу в думе, способствуя проведению через нее законопроектов, отвечающих потребностям обороны страны и установлению в ней социального мира. Милюков прекрасно понимал, что начинать переговорный межфракционный процесс, в который предполагалось включить и членов Государственного совета на основе требований, в том числе и «ответственного министерства», выдвигаемых общественностью, не реально. Для этого переговорного процесса требуется умеренная программа, на которой можно будет объединить желательно большую часть думских депутатов и выбранных членов Государственного совета. Создание Прогрессивного блока, по мнению

лидера кадетской фракции, позволило бы «расчистить» путь принятия законопроектов через обе палаты, поставив тем самым монарха перед выбором – ставить или не ставить под ними свою подпись. Разумеется, это в известной мере был «шахматный ход», и при определенном раскладе сил кадеты могли рассчитывать на выигрыш.

На первых порах казалось, что последовавшие перетасовки в составе кабинета министров накануне созыва думы сделаны под влиянием общественности. Это способствовало распространению иллюзий в общественной, в том числе и кадетской среде, о благоразумии верховной власти. В связи с этим в кадетских кругах не получила поддержки шингаревская идея о создании «Союза национальной обороны», возникшая еще в конце мая 1915 г., 10 июня 1915 г. А. И. Шингарев выступил с ее обоснованием на заседании ЦК. Суть этой идеи состояла в том, чтобы создать некое надпартийное объединение, которое могло бы «осуществлять контроль над деятельностью правительственных органов». В. А. Маклаков считал, что «момент захвата обществом власти еще не пришел, и поэтому – ввиду грозящей опасности – надо правительству помогать вести войну», хотя в ряде случаев «надо организовать целесообразное давление общества на власть» [6, с. 101]. Полное согласие с Маклаковым выразил Ф. И. Родичев, который в обоснование своего отрицательного отношения к шингаревской идее вспомнил о периоде французской революции, когда из якобинских клубов образовалось новое правительство. «Наши союзы поневоле также обратятся в новое правительство, но это процесс органический, и его торопить нельзя» [6, с. 107].

По мнению же Милюкова, предложение Шингарева уже запоздало, ибо в стране уже «образовались группы на чисто деловой работе для удовлетворения отдельных нужд обороны и работают уже совместно с органами правительства». И всё это поплывет мимо нас, – отмечал он, – если сами не войдем туда же». Вместо того, чтобы организовывать других, считал Милюков, надо «организовать самих себя». «Если есть надежда, что дума будет созвана, начнем готовить законопроекты. Теперь мы склонны с усмешкой относиться к мысли о «законодательствовании», – и в этом надо себя дисциплинировать» [6, с. 107]. Эта милюковская мысль пришлась по душе Маклакову, который призывал готовиться в думе к деловой работе, для чего необходима «деловая программа», которая может стать основой для переговоров с октябристами и прогрессистами.

16 июня 1915 г. кн. Д. И. Шаховской выступил на заседании ЦК с подробным докладом, в котором изложил «деловую» программу деятельности кадетской партии в стране и думе. «Не добиваясь в данный момент власти, – заявил он, – мы должны готовиться, как будто собирались бы взять власть». Суть «деловой» программы Шаховского сводилась к следующему: 1) организация ответственной власти и создание шести новых министерств (снабжения армии, продовольствия, местного самоуправления, труда, землеустройства, полиции); 2) обновление губернаторского корпуса – заменить «маленьких Маклаковых» за счет привлечения председателей земских управ, городских голов, представителей контрольных и казенных палат; 3) пополнение личного состава земства; 4) распространение земства на окраины (Сибирь, Кавказ); 5) финансы земств; 6) создание министерства местного самоуправления; 7) закон о кооперативах; 8) законодательство о труде, создание профессиональных союзов; 9) борьба с экономической дезорганизацией; 10) преобразование государственного контроля; 11) внешкольное образование; 12) создание комиссии для расследования действий преступных лиц, ответственных за недостаток снарядов.

Большинство выступавших, отдав хвалу энтузиазму Шаховского, высказались за необходимость придания программе стройности, выделения «ударных» проблем (Родичев, Гредескул, отметивший, что к программе должен быть подход не только кадетский, «а с общего согласия, из среды думы»). По мнению С. В. Востротина, в думу следует внести конкретные законопроекты. Подводя итоги дискуссии, Милюков заявил: «Это программа-минимум настоящего момента», ее надпартийный характер позволит объединить вокруг нее, с одной стороны, представителей разных думских фракций, а с другой – представителей различных направлений общественности в стране. Давая общую оценку «деловой» программы Шаховского и хода дискуссии вокруг нее, можно сказать, что ее обсуждение послужило одним из подготовительных этапов в разработке общей программы Прогрессивного блока. Кадетам удалось сублимировать в этой программе идеи и требования широких кругов либеральной общественности, но все же ее основным базовым ядром стали выработанные в собственной среде представления об умеренной программе, позволившей найти общий язык между значительной частью депутатов думы и членов Государственного совета.

Программа Прогрессивного блока, по мнению Милюкова, исходила из двух основных положений:

«1) создание однородного правительства, составленного из лиц, пользующихся доверием страны и решивших в кратчайший срок провести программу, согласенную между палатами; 2) радикальное изменение приемов управления, основанных на недоверии ко всякой независимой политической деятельности, в частности, строгое соблюдение законности администрацией, невмешательство военных и гражданских властей в вопросы, не касающиеся непосредственно военных операций; обновление местного состава администрации и усвоение разумной и последовательной политики, способной сохранить внутренний мир и избежать столкновений между социальными классами и различными национальностями».

Эти исходные положения и предопределили ее наполнение конкретными требованиями: общая амнистия за политические и религиозные преступления и проступки; возвращение политических ссыльных; прекращение религиозных преследований; отмена ограничений в правах поляков на всей территории России, незамедлительная разработка и внесение в законодательные учреждения законопроекта об автономии Царства Польского и одновременный пересмотр узаконений о польском землевладении; отмена ограничений в правах евреев, в частности дальнейшие шаги к отмене черты еврейской оседлости, облегчение доступа в учебные заведения, отмена стеснений в выборе профессии, восстановление еврейской печати; примирительная политика в финляндском вопросе, в частности перемены в составе администрации и Сената и прекращение преследований должностных лиц; восстановление мало-русской печати; немедленный пересмотр дел жителей Галиции, содержащихся под стражей, и ссыльных и освобождение тех из них, которые подверглись преследованиям невинно; восстановление профессиональных рабочих союзов. Одновременно Прогрессивным блоком предусматривалось внесение в думу ряда законопроектов: создание органа по координации работы тыла; уравнение крестьян в правах с другими классами, создание волостного земства, реформа городских и земских учреждений, а также законопроекты о кооперативах, обществах трезвости, обеспечении воинов и их семей землей, примирительных камерах и отдыхе торговых служащих [2, с. 33; 4, с. 412; 8, Стб. 92–108; 9, с. 167].

Выступая в думе 19 июля 1915 г., Милюков изложил программу Прогрессивного блока, заявив, что «народ хочет сам теперь прини-

маться за дело и исправить упущенное... Страна не ждет. В стране уже сейчас происходит огромная организационная работа во всех слоях, сверху донизу русского общества... Нужна политика власти, не связывающая живых сил народного почина». Заявив, что изменение лиц в составе правительства никак не сказалось на его внутренней политике, Милюков вместе с тем, следуя решениям партийной конференции, не ставил вопроса ни о «министерстве общественного доверия», ни тем более об «ответственном министерстве». Характерно, что кадетская фракция присоединилась к формуле перехода консервативных фракций, в которой говорилось о доверии данному составу правительства. В этой логике решался кадетами и вопрос об участии в четырех совещаниях (по обороне, топливу, перевозкам и продовольствию). В результате им удалось получить два места в Особом совещании по обороне и по одному месту в остальных совещаниях.

Летняя думская сессия оказала стимулирующее воздействие на активизацию деятельности общественных организаций, которые всё более стали заострять вопрос о необходимости смены правительства и формировании разного рода министерств («министерство общественного доверия», «коалиционное министерство», «ответственное министерство»), подчеркивая тем самым недоверие к бюрократическому кабинету, продолжавшему вести прежнюю политику.

На заседании ЦК 11 августа 1915 г. вопрос о смене министерства был поднят кн. Д. И. Шаховским, заявившим, что «теперешнее министерство хуже прежнего» и на предстоящем партийном съезде следует со всей определенностью поставить вопрос о выдвижении партийного лозунга об «ответственном министерстве». А. Р. Ледницкий категорически заявил, что если вдруг кадетам предложат войти в министерство, то от этого следует отказаться: «Спасти страну мы не можем, крах неизбежен, и мы ваши ошибки расхлебывать не желаем. Лучше дать им погибнуть и потом строить свое». По мнению Ф. Ф. Кокошкина, кадеты ни в коем случае не должны предлагать правительству свои услуги. «В думе, – подчеркнул он, – нет условий для к.-д. министерства. Страна также не кадетская. Министерство должно быть коалиционным и не думским, т. е. не из депутатов. Опирается должно на существующие в стране силы и на думу. Оно должно быть общественным» [6, с. 147–148]. Однако вопрос о том, кто мог бы возглавить это правительство, и кто войдет в его состав, остался открытым.

Обсуждение этого вопроса было продолжено на заседании ЦК 19 августа 1915 г. По всей видимости, идея возврата к партийному лозунгу уже не покидала членов ЦК. Неслучайно П. Н. Новгородцев предложил при ЦК создать военную комиссию, которая должна была серьезно заняться проблемой организации обороны страны. Одновременно комиссия должна была наладить «правильное взаимодействие сил и партий с союзными и нейтральными странами», организовать в них поездки «для направления общественных течений». Соглашаясь с идеей Новгородцева о том, что партия «должна обладать определенным планом войны», Шаховской обратил внимание, что вместо ориентации работы комиссии на поиск помощи извне она должна активно включиться в организацию обороны внутри страны. И, тем не менее, основная задача партии состоит не в этом, а «в обновлении министерства». Под таким углом зрения и проходила дальнейшая дискуссия. Кокошкин проинформировал участников заседания о том, что в Петрограде и Москве активно обсуждается вопрос о кандидатурах главы кабинета, при этом называют имена А. И. Гучкова, Г. Е. Львова и А. В. Кривошеина, предлагают различные варианты обращений к царю и думе. По его мнению, «лучше уж пусть царь без посредников назначит министров», а вместе с тем нельзя игнорировать и думу, ибо «только от нее могут министры получить полномочия, она и деньги ассигновать может». Кокошкин в качестве примера привел выступление В. А. Маклакова, который считал требование общественного министерства крайне опасным. «Люди, взявшие министерский пост, погибнут и дадут сигнал к выступлению улицы помимо легальных органов... Нужно, – говорил Маклаков, – оставить все как есть, поставить Кривошеина премьером, и общественные деятели могут быть там, как сведущие лица». «Собрание, – заявил Кокошкин, – было раздражено этой речью Маклакова» [6, с. 147–148]. А. Р. Ледницкий считал, что нельзя сразу делать «скачок» от министерства Горемыкина к министерству Львова, требуется промежуточный кабинет Кривошеина.

Рассуждения о том, какой кабинет будет лучше, возмутили Шаховского, и тот со всей определенностью заявил, что в данный момент спасти страну может только кабинет Львова и надо «ускорять это избрание и не затягивать». Н. Н. Щепкин считал, что власть «надо брать в любой момент». Н. И. Астров подчеркнул, что «негодование всеоб-

щее так велико, что нет ничего невероятного в убийстве Николая. В такие моменты нужно иметь запас сил» [6, с. 152].

21–23 августа 1915 г. состоялось пленарное заседание ЦК, на котором была обсуждена политическая ситуация в стране, включая позицию кадетской фракции и оформившихся общественных организаций, заявивших претензии на лидирующие роли в противовес политическим партиям. В ходе дискуссии критике была подвергнута позиция ЦК и думской фракции. По словам кн. Д. И. Шаховского, «ни ЦК, ни фракция Народной свободы не стоят на высоте, которая диктуется нынешним положением страны. И в стране, и в армии деморализация. Сейчас мы стоим у поворотного пункта русской истории, перед вопросом о дальнейшем бытии государства. В такой момент не методическая, медленная и спокойная работа требуется, а быстрая и страстная, не спокойные слова нужны, а негодующие». Проинформировав участников заседания о требованиях московской общественности, Шаховской подчеркнул, что кадетское руководство должно поддержать ее решение о выдвижении кандидатуры кн. Г. Е. Львова в качестве главы «министерства общественного доверия», расширить свои контакты с демократическими кругами, выдвинуть более радикальные требования. «Все теперь волнуется, все кипит, надо смело идти в самую гущу жизни, ни в чем не отрекаясь от самих себя; если мы не сделаем этого, другие займут место, которое по праву принадлежит нам» [6, с. 155]. В ответ на страстный призыв Шаховского к активным действиям, большинство членов ЦК проявило настоящий скепсис и в отношении демократизации партии, и в отношении созыва предстоящего партийного съезда. «Подойти к левым, заявил А. И. Шингарев, – это значит пойти на социальные реформы, поддерживать же Львова – это значит отказаться от них. В думе сейчас происходит равнение не по демократическим силам, а по умеренным, и именно с ними мы вступаем в блок» [6, с. 157–158]. Прогрессивный блок становился для кадетского руководства, образно говоря, той «священной коровой», которую, во-первых, нельзя трогать ни при каких обстоятельствах, а во-вторых – приносить ей в жертву программные требования и моральную репутацию партии.

После роспуска думы 3 сентября 1915 г. конфликт либеральной оппозиции с правительством вступил в свою новую фазу и превратился, по словам Милюкова, в «открытый разрыв». Однако, продолжая оставаться в рамках концепции эволюционного общественного развития,

кадетское руководство всячески стремилось направить назревающий в стране стихийный массовый взрыв народного гнева в мирное парламентское русло. В ходе дебатов на заседаниях Прогрессивного блока и кадетского ЦК выявились три точки зрения. Подавляющее большинство Прогрессивного блока, включая Милюкова, на первых порах ограничивалось по преимуществу лозунгом требования «делового кабинета» (лишь в отдельных случаях прорывалось требование «министерства общественного доверия» из умеренных представителей оппозиции и либеральных бюрократов). Лозунг «делового кабинета», по мнению Милюкова, вполне мог быть приемлем и для верховной власти, ибо ни в коем случае не предусматривал какого-либо политического переворота и одновременно мог бы рассматриваться в качестве «ступеньки» к «министерству общественного доверия», а в перспективе и к «ответственному министерству».

Однако для более радикальных представителей Прогрессивного блока во главе И. Н. Ефремовым и А. И. Коноваловым, имеющим тесные связи с московскими оппозиционными общественными кругами, даже лозунг «министерства общественного доверия» уже в данный момент казался явно недостаточным, и они настаивали на перехваченном у кадетов партийном лозунге «ответственного министерства». Этот лозунг, по мнению прогрессистов, более соответствовал требованиям текущего момента и повышал шансы предотвращения стихийного революционного взрыва в стране. И, наконец, крайне незначительная часть сторонников Прогрессивного блока во главе с А. И. Гучковым в общих, довольно смутных контурах, стала вынашивать мысль о подготовке дворцового переворота. Разъясняя свое понимание смысла этой «русской традиции», Гучков в показаниях Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства говорил, что дворцовый переворот должен был быть совершен «не солдатами, а воинскими частями», как это имело место в 1825 г. Такого рода переворот, по мнению Гучкова, мог быть произведен довольно быстро и безболезненно, с «наименьшими жертвами и наибольшей приемлемостью для страны» [10, с. 278]. В представлениях Гучкова и небольшой группы его сторонников дворцовый переворот мог стать альтернативой нового «вползания» России в революцию.

Дебаты вокруг формул разного типа министерств («делового кабинета», «министерства общественного доверия», «ответственного

министерства»), обсуждение списков различных составов будущего правительства, муссирование идеи дворцового переворота, а также попытки направить депутации и адреса царю стали структурными элементами общественного сознания и оппозиционного движения вплоть до Февральской революции 1917 г.

В ходе этих утомительных и по большей части бесплодных дискуссий лидеры кадетской партии занимали, как правило, более умеренные позиции, чем прогрессисты, хотя на заседаниях кадетского ЦК, начиная с сентября 1915 г., все чаще и активнее стали прорываться нотки недовольства. Так, кн. Д. И. Шаховской и А. И. Шингарев заявляли, что перерыв в занятиях думы, происшедший в момент формирования Прогрессивного блока, будет способствовать, с одной стороны, «резкому изолированию реакционного курса», с другой – позволит кадетам активизировать свою деятельность в общественных организациях с целью подчинить их своему влиянию. Однако Милюков, выступая на заседании ЦК 5 сентября, находил «неудобным действовать на два фронта: вести борьбу против Горемыкина рядом с его противниками из бюрократических сфер и в то же время добиваться чисто общественного министерства с кандидатурой кн. Львова». Он считал, что роспуск думы 3 сентября «отодвинул нас на несколько шагов назад от кандидатуры Львова, и сейчас сами министры, противники Горемыкина, были бы затруднены этой кандидатурой». По его мнению, партии не следовало бы делать «никаких формальных шагов» и надо ограничиться заявлением, что она в целом разделяет требования общественных организаций типа московской городской думы и всероссийских земского и городского союзов. «И если для свержения Горемыкина, – подчеркнул он, – выдвинется кандидатура кого-либо другого из бюрократических кругов, с этим пока придется помириться» [6, с. 163]. Из хода рассуждений лидера думской фракции следовало, что общественные организации должны «направить сюда два лозунга: созыв Гос. думы и поддержку Прогрессивного блока». Именно этой логикой можно объяснить категорическое несогласие с предложением В. И. Вернадского обратиться с воззванием к рабочим («для блока это невозможно»), и с предложением А. С. Изгоева об отзыве представителей кадетской партии из особых совещаний. Милюков предпочитал ждать исхода борьбы в бюрократических сферах, которая может закончиться «победой Поливанова или

Кривошеина над Горемыкиным», и если «министры победят Горемыкина, они сами потребуют созыва думы».

Такая «осторожная» позиция не устраивала тех членов ЦК, которые, в отличие от членов думской фракции, начинающих с головой увязать в блоковских комбинациях, находились в постоянном контакте с общественными организациями и гораздо лучше, чем думцы, знали настроения в демократических слоях населения. Именно поэтому Шаховской выражал свое несогласие «с осторожной политикой» ЦК и фракции, и призывал «не бояться ответственности» и «всю энергию партии направить на организацию общественных сил». По его мнению, «надо заставить министров рыть себе самим яму. Сейчас совершенно немыслимо стоять за министерство Поливанова, Кривошеина или другого, которые покорились этой старой туфле – Горемыкину. Если сейчас все зависит от того, кто из министров кого обойдет, то надо все министерство выкинуть вон, и нельзя ограничиваться маленькой перестановкой. Иначе, если свяжетесь с кем-нибудь из них, и вас выметут с ними. Сейчас уже как будто идет дело не только об общественном, но и об ответственном министерстве, и если это так, то и отлично: сейчас и момент это пустить в ход» [6, с. 165–166]. Характерно, что даже Ф. И. Родичев заявил, что «входить для того только, чтобы свергнуть Горемыкина – задача недостаточная» [6, с. 168]. Однако Милюков был непоколебим, считая, что надо твердо стоять на программе Прогрессивного блока и не «надо переоценивать событий», происходящих в данный момент в стране, и продолжать призывать население к самообладанию и спокойствию. Тем не менее, эта «выжидательная» позиция лидера думской фракции все чаще и чаще стала подвергаться критике внутри ЦК.

Так, на заседании ЦК 14 сентября 1915 г., М. М. Винавер, резюмируя прения, заявил, что «выжиданием событий ограничиться невозможно, наоборот – надо оказать возможную поддержку движению, которое уже началось в думе, союзах и т. д.» [6, с. 179]. О необходимости изменить тактическую линию поведения говорилось на заседании МО ЦК 16 сентября 1915 г. По мнению Шаховского, задача партии состоит в возобновлении борьбы за власть: нужно коалиционное министерство во главе с кн. Г. Е. Львовым. В отличие о Ф. Ф. Кокошкина, который горой стоял за Прогрессивный блок и считал, что не партия, а именно блок и должен вести борьбу за власть, Н. И. Астров оцени-

вал блок как «явление запоздавшее» и говорил, что следует ориентироваться не на него, а на «левые направления», ставя задачу привлечь их на свою сторону. «В стране, – подчеркивал Астров, – уже поставлен вопрос о смене династии, и нам нужно решить, будем ли мы участвовать в этом». По мнению А. А. Мануйлова, блок совершил организационную ошибку, «не пригласивши левых», и теперь этот факт ставится левыми в укор кадетской партии. Н. В. Тесленко видел ошибку блока в его разрыве «со всеми движущими силами в стране», а это, по его мнению, «дает повод позорить блок и к.-д. как претендентов на министерские кресла, забегających к царю, непопулярному в стране до последней степени». Заявив, что «блок неизбежное зло», Н. Н. Щепкин подчеркнул, что «фракция им связана в проявлении своего демократизма», однако партия обязана «проявлять широко свою деятельность среди демократических слоев». В принятом постановлении МО ЦК решило довести результаты этой дискуссии до сведения ПО ЦК.

В свою очередь ПО ЦК, организационно привязанное к думской партийной фракции, в буквальном смысле слова «увязло» в организации разного рода консультационных совещаний по экономическим, финансовым и продовольственным вопросам с представителями особых совещаний при министерствах и ведомствах, в подготовке фракционных законопроектов и в гораздо меньшей степени, чем МО ЦК, было связано с демократическим движением в столице. Оценивая работу кадетов в этих совещаниях, Н. В. Тесленко на пленарном заседании ЦК заявил: «Наши представители в совещаниях оказываются менее осведомленными, чем чиновники, а это факт недопустимый. Необходима коренная реорганизация. Возможно, что самое участие в совещаниях было ошибкой, т. к. совещания могут обратиться в щит, ширму всевозможных злоупотреблений. Следует выйти из состава совещаний, руководствуясь даже не политической, но деловой точкой зрения» [6, с. 179]. Однако Ф. И. Родичев высказался против выхода из состава совещаний, заявив, что это может быть сделано лишь в том случае, если станет очевидным, что «спасти Россию невозможно». По мнению кн. Д. И. Шаховского и кн. П. Д. Долгорукова, все же следует остаться в совещаниях в исключительно осведомительских целях.

В принятом пленарным заседанием ЦК постановлении говорилось о необходимости: 1) согласованности действий членов кадетской партии, входящих в совещания при министрах; 2) организации поддержки

работы блока при помощи создания комиссий для разработки фракционных законопроектов; 3) активизации работы членов партии в обществах обывателей; 4) признании желательным лозунга требования «министерства общественного доверия» во главе с кн. Г. Е. Львовым [6, с. 195–196]. Однако, сделав небольшой шаг от исключительно «делового» бюрократического кабинета к требованию «министерства общественного доверия», кадетское руководство продолжало выступать против лозунга «ответственного министерства», что и было продемонстрировано на заседании Прогрессивного блока 5 октября 1915 г. Во имя сохранения Прогрессивного блока Милюков готов был принести в жертву многие программные требования, ибо считал, что партия не имеет поддержки в массовом демократическом движении в стране и не может контролировать протекание политического процесса. Сохраняя Прогрессивный блок, Милюков рассчитывал контролировать и деятельность Государственной думы, используя ее как фактор влияния на общественное мнение. В его понимании Прогрессивный блок должен был выполнять двуединую задачу: во-первых, активизировать законотворческую деятельность думы и, во-вторых, выступать в роли «тарана» против правительства, которое также понимало, что распустить Государственную думу оно не может. Поэтому он самым решительным образом отвергал любые суждения однопартийцев о возможном роспуске думы, что и проявилось во время заседания ЦК 3 февраля 1916 г. В ответ на выступления Н. И. Астрова («в стране по вине правительства происходит процесс гниения»; «нельзя молчать о Распутине»), Н. М. Кишкина («роспуск думы при этих условиях не страшен»), кн. Д. И. Шаховского («прогрессивный блок уже анахронизм»; «нужна полнота власти»), А. В. Тырковой (не надо бояться «навлечь недовольство придворных сфер») Милюков считал, что в данный момент ни в коем случае нельзя затевать борьбу «с двором», а следует сделать акцент на том, чтобы «не допускать переговоров правительства с отдельными представителями партий, вступивших в блок» и стараться проводить, хотя бы по частям, программу блока в предстоящую думскую сессию.

Политическая ситуация в стране бурно обсуждалась и на VI съезде кадетской партии, проходившем в Петрограде 18–21 февраля 1916 г. Накануне съезда П. Н. Милюков опубликовал брошюру «Тактика фракции народной свободы во время войны», которая и была положена

в основу его политического доклада, его суть сводилась к тому, чтобы всячески оправдать тактическую линию ЦК и фракции, доказать ее эффективность. В этой же логике обосновывалась позитивная роль Прогрессивного блока. Сформулированные Милюковым перспективные задачи деятельности партии и фракции по-прежнему сводились: во-первых, к дальнейшему укреплению блока и максимальной реализации им своей программы (законопроекты о кооперации, о волостном земстве, о земстве на окраинах, городская реформа и введение трезвости навсегда); во-вторых, к длительной думской сессии; в-третьих, к сохранению лозунга «министерства общественного доверия», ибо без снятия «трех замков» требование «ответственного министерства» невозможно; в-четвертых, к активизации организаторской деятельности партии в стране по мобилизации общественных сил в деле доведения войны до победного конца.

Представители местных партийных комитетов вновь, и какой уже раз, подвергли критике тактический курс своего партийного лидера. Я. К. Имшенецкий (Полтава) считал, что кадетам не следует «уклоняться от власти», что партийным лидерам надо не только заниматься критикой правительства, но и искать реальные выходы из острейшей политической ситуации. «У нас, – говорил он, – есть большинство в парламенте (имелся в виду Прогрессивный блок – *В. Ш.*), которое могло бы определенно заявить, что оно готово взять власть в свои руки, а наши лидеры иногда говорили речи, из которых следовало как будто, что они этого боятся, боятся взять на себя власть. Конечно, взять теперь власть на себя является большим самопожертвованием, но того требует настоящий момент» [7, с. 262].

М. Л. Мандельштам (Москва), обращаясь к историческому прошлому партии, в частности к решениям V съезда, когда ЦК провел принцип «открытых дверей», основываясь на котором кадеты получили возможность блокироваться и направо и налево, он из доклада Милюкова не получил, во-первых, определенного ответа на вопрос «Куда фракция хочет идти перед лицом назревающего конфликта власти и народа?»; во-вторых, партии не следовало бы отказываться от своего лозунга «ответственного министерства» и «порывать с левыми демократическими течениями ради сердечных отношений с большинством блока»; в-третьих, надо «добиваться новой власти», ибо, только «изменив правительство, мы можем победить». Общий вывод

выступления Мандельштама сводился к следующему: «Надо или победить правительство, или отказаться ставить свой бланк на его действиях и не сидеть в Государственной думе бессильно – «пока не надоест» [7, с. 265–266]. В. П. Обнинский (Москва) также считал, что «в партии значительно ослабела воля к власти, которая так интенсивна была в дни I думы. Прогрессивный блок начисто отказывается от власти. И мы не готовы к тому, чтобы получить власть в свои руки» [7, с. 265–266].

Делегаты с мест настаивали на замене уже полностью скомпрометировавшей себя в глазах демократической общественности формулы «министерство общественного доверия» более определенной формулой «ответственного министерства». Этой позиции придерживались Н. М. Вторых (Рига), Л. А. Кроль (Екатеринбург), Н. П. Василенко (Киев), В. А. Коссинский (Киев), Д. Н. Григорович-Барский (Киев), настаивавшие в своих выступлениях на том, что партии народной свободы следует «больше прислушиваться к голосу демократии».

Предложения левых кадетов встретили отпор со стороны не только правых, но и центральных кадетов. «Если бы старый режим, – отметил Н. А. Гредескул, – захотел зло пошутить над нами на фоне происходящей трагедии, он сказал бы: «Извольте, становитесь на наше место». И что тогда? Было бы то, что было с «обновленцами» в Петроградской городской думе. Получилось бы дилетантское министерство, лишённое деловых навыков и непривычное к политической работе в условиях обладания властью. Это могло бы оказаться гибелью не только для Родзянки, но и для кн. Львова, и для Милюкова; над этим надо бы очень задуматься» [7, с. 270]. Гредескул считал, что следует во что бы то ни стало стремиться к сохранению Прогрессивного блока и только после того, как его программа будет полностью выполнена, «с ним можно расстаться». Только в этом случае кадеты пойдут «своей дорогой, как демократическая партия, подкрепляя свои демократические связи в новых, более благоприятных условиях» [7, с. 277]. За сохранение Прогрессивного блока как временного союза разнородных элементов высказался и Ф. И. Родичев, заявивший: «Для партии к.-д. не было другого пути, чем тот, которым она пошла» [7, с. 277]. Подводя итоги дискуссии по тактическому докладу, Милюков решительно отверг идею о необходимости сближения с левыми партиями и организациями. «И пусть не мы к левым, а левые идут к нам, – заявил он, так как мы им нужны, так как у нас

есть определенная позиция». Вместе с тем он утверждал: «Мы – хозяева Государственной думы, хозяева этой сессии. Теперь мы впервые со времен I Государственной думы не топчемся на месте, а движемся вперед, в направлении, понятном для страны... У нас своя позиция, а у левых – никакой». Отвечая на упрек Гредескула, напомнившего о прежней позиции «открытых дверей», Милуков подчеркнул, что в данный момент кадеты избрали «одностороннее движение» на соглашение с умеренными элементами Прогрессивного блока, который надо использовать в «интересах тех же левых элементов» [7, с. 299].

В результате VI съезд большинством голосом принял следующую резолюцию по докладу Милукова «О тактике к.-д. партии во время войны»:

«Задачи ближайшего будущего деятельности партии и парламентской фракции к.-д. определяются всей совокупностью требований Прогрессивного блока, которые сохраняют полную силу и в настоящее время – как в части, касающейся порядка управления, так и в законодательных его предложениях.

В частности:

1) необходимо продолжать борьбу с дезорганизующей деятельностью настоящего правительства и с его теперешним составом до достижения поставленной в программе блока цели – создания объединенного правительства из лиц, пользующихся доверием страны и согласившихся с законодательными учреждениями относительно выполнения в ближайший срок определенной программы;

2) необходимо проводить дальнейшие меры к организации оборонной и хозяйственной жизни страны, использовать активное сотрудничество всех граждан в этом неотложном для надлежащего успеха войны деле путем усовершенствования форм участия общественных сил в обслуживании армии и тыла и использования наличных организаций для удовлетворения общегосударственных нужд, а также и путем создания для этой цели новых организаций, объединяющих те элементы, которые недостаточно использованы в существующих союзах, прежде всего кооперативные силы и рабочих;

3) партия и при временной комбинации блока должна неустанно отстаивать интересы демократии и равноправия национальностей и, по возможности, поддерживать контакт с другими демократическими партиями;

4) выбор средств для достижения намеченной цели должен соотноситься с обстоятельствами военного времени» [7, с. 320].

Как видим, приведенный выше полный текст резолюции съезда свидетельствует о полной победе умеренной милюковской тактической линии, которая едва ли могла вдохновить не только широкие демократические массы, но и широкие круги оппозиционной ответственности, которая уже давно в своих требованиях и психологическом настрое опережала партию народной свободы, которая по рукам и ногам была повязана цепями Прогрессивного блока, предпочитавшего, с одной стороны, вести закулисные разноуровневые переговоры с царской бюрократией о все новых и новых комбинациях в правительстве, а с другой – боявшегося нарастания массового недовольства и массовых выступлений. Чтобы как-то «скрасить» впечатление от тактической резолюции, VI съезд обратился с публичным воззванием к гражданам, в котором они призывались к «сохранению прежней бодрости духа, веры в будущее и силы русского народа». В воззвании, которое неоднократно переписывалось и вновь и вновь обсуждалось на съезде, а затем на пленарном заседании 21–23 февраля 1916 г., ничего не было сказано ни о необходимости смены правительства, ни о «министерстве общественного доверия», не говоря уже об «ответственном министерстве», ни о программе Прогрессивного блока, ни о тактике партии в период Первой мировой войны [7, с. 323–324].

Как говорится, гора родила мышь, сказать что-то конструктивное ни избирателям, ни широкой общественности кадетское руководство оказалось не в состоянии. Заседания кадетского ЦК всё чаще стали напоминать дискуссионный клуб, где обсуждались доклады общетеоретического и прикладного характера по экономическим, финансовым, продовольственным, внешнеполитическим проблемам. Одновременно формировались комиссии и подкомиссии для последующей их проработки и нового круга обсуждения. В связи с ростом рабочего забастовочного движения в Петрограде и стране в целом на заседаниях ЦК стали обсуждаться вопросы, связанные с разработкой законопроектов о легализации рабочих профсоюзов, примирительных камерах, биржах труда и т.п. При этом выяснилось, что рабочие «очень скептически относятся к Особому совещанию, не хотели даже, чтобы вопрос о примирительных камерах проходил через это совещание» [11]. Так, на заседании ЦК 4 марта 1916 г. было принято постановление, в котором предлагалось включить в формулу перехода кадетской фракции три позиции: «1) о вреде забастовки (речь, прежде

всего, идет о забастовке рабочих Путиловского завода. – *В. Ш.*) и призыве к работе; 2) об участии провокации в беспорядках и 3) о бесплодности меры милитаризации рабочих», которые были предложены правительством [6, с. 233]. Чтобы удержать под своим влиянием Всероссийские городской и земский союз, которые приняли решение о своей легализации, в недрах кадетского ЦК были разработаны два соответствующих законопроекта, направленные во фракцию для внесения в Государственную думу. Характерно, что Милюков, избранный на февральском пленарном заседании председателем ЦК, с большой неохотой ставил на обсуждение общеполитические вопросы, а если они все же возникали спонтанно (например, 12 марта на МО ЦК Н. М. Кишкин выдвинул требование «ответственного министерства перед настоящим большинством думы»), то Милюков с большим скепсисом признал, что эта формула, несмотря на всю ее нелепость, «на худой конец, нас спасет», и порекомендовал ее авторам, что если они находятся «под влиянием отжившего страха», проводить эту формулу на предстоящих съездах Всероссийского городского и земского союзов. По всему чувствовалось, что Милюкову обсуждение вопроса о все новых типах министерств основательно поднадоело, тем более он в апреле собирался вместе с А. И. Шингаревым отбыть на длительный срок с парламентской делегацией за границу. Обсуждение давно запланированной заграничной поездки на пленарных заседаниях ЦК превратилось в настоящую трагикомедию, ибо большинство цекистов были против этой поездки двух парламентских лидеров, опасаясь за «судьбу партии» в их отсутствие. Однако ни Милюкова, ни Шингарева однопартийцам уговорить «остаться на хозяйстве» так и не удалось, и с 16 апреля по 19 июня 1916 г. оба лидера совершали поездки по союзническим странам, устанавливая контакты с западноевропейскими политическими деятелями.

Оставшись без «присмотра», ЦК и думская фракция, как, впрочем, и все фракции, входящие в Прогрессивный блок, неторопливо «пережевывали» программные блоковские законопроекты на партийных, комиссионных и пленарных думских заседаниях.

Такая ситуация не могла удовлетворить левых кадетов, активно работающих в массовых общественных организациях; 26 апреля на заседании ЦК Н. М. Кишкин заявил, что «в стране создается такое впечатление, что Прогрессивный блок отодвинул к.-д. на задний план» и уже

давно настало время «установить грань между ролью партии в стране и деятельностью ее в парламенте... Почему к.-д. должны в этом вопросе (речь идет об «ответственном министерстве». – *В. Ш.*) повсюду равняться по тактике блока, если даже не все фракции, входящие в блок, единодушны в вопросе об ответственности министров? Московское отделение ЦК, вопреки голосу Милюкова, признало за членами партии право отстаивать принцип ответственности». Кишкина также «смущал» вопрос о «неподготовленности блока к внесению практических законопроектов, в частности такого настоятельного, как проект реформы городского положения. «Если весенняя сессия думы, – подчеркнул Кишкин, – будет бесплодна, авторитет блока будет подорван, и для партии к.-д. это будет иметь горькие последствия» [6, с. 235]. Это уже было нечто новое в истории кадетской партии, когда в «бунт» против кадетского лидера включилось МО ЦК, возглавляемое Н. М. Кишкиным. Неслучайно, что в защиту Милюкова сразу же ринулся секретарь ЦК А. А. Корнилов, пытавшийся доказать, что председатель ЦК рассматривает формулу «ответственного общественного министерства» как «мостик» к «ответственному министерству», что утверждение, что Прогрессивный блок «отодвинул к.-д. на задний план» – «это явная несправедливость», ибо «никто и не требовал, чтобы партия равнялась по блоку». «Если вы признаете думу, – заявил Корнилов, – признавайте блок, – другого пути, кроме думы, для партии пока нет». Поэтому необходимо сосредоточиться на подготовке законопроектов, работа над многими из которых (о волостном земстве, о расширении земства в Сибири, о крестьянском равноправии) идет медленно, исключение составляет законопроект о городской реформе, а кооперативный закон «уже прошел через думу» [6, с. 292]. В свою очередь, члены кадетской фракции поведали о том, как конкретно идет работа над законопроектами в думских комиссиях, где кадеты вынуждены во имя их прохождения в думе идти на значительные уступки своим правым партнерам по блоку. Пессимизм, который пронизывал выступления фракционных депутатов, привел и Кишкина к окончательному выводу о том, что если партия «будет упорно связывать себя только с блоком, авторитет ее сведется к нулю». «В стране, – заявил он, – привыкли всегда на что-нибудь надеяться, а здесь и надеяться не на что. В связи с теми настроениями, которые дает война, это делается опасно. Не стране равняться по блоку; наоборот, если в стране будет

напор воли, идущей дальше блока, это только подспорье. Тут вовсе не демагогия, а громадная народная печаль» [6, с. 292]. Кишкин предлагал сказать стране правду о том, что «нет никаких надежд на 4-ю Госдуму», что «у нас самих нет уже никакой надежды на блок». Однако большинство участников заседания продолжало упорно твердить, что блок рано или поздно «оправдает себя», если даст стране хотя бы «небольшое число полезных законов», а путь революции – «это не наш метод» (А. А. Корнилов); что блоку надо поставить определенные условия и если он «до известного времени» не исполнит 10 пунктов своей программы, то «партия возвращает себе свободу действия» (М. М. Винавер); что «для парии нет другого пути, чем тот, которым она идет» (А. С. Изгоев); что «бить правительство во время войны нельзя» (В. А. Маклаков); что «как из окопов нельзя выходить до времени, так и мы не должны сходить со своих позиций», ибо «блок есть опыт, научно-политически поставленный» (Д. Д. Протопопов).

Страх перед возможной революционной альтернативой развития событий в России в период войны окончательно парализовал волю большинства кадетского ЦК, которое намертво связало свою судьбу с Прогрессивным блоком и выражало готовность идти во имя его сохранения на дальнейшие жертвы как программного, так и тактического характера. И лишь небольшая часть левых кадетов занимала более реалистические позиции, предлагая проводить такую политическую линию, которая бы равнялась на общественные настроения в стране, а не на настроения в правительственных верхах. Левые кадеты были не меньшими противниками новой революции, чем их правые однопартийцы, но они не хотели, по выражению Кишкина, «сидеть на прежних позициях», а стремились идти вместе с широкой демократической общественностью и настойчиво требовать «ответственного министерства» и осуществления реформ в интересах демократического большинства. Не случайно в самом конце заседания ЦК Кишкин заявил, что «сказанного о работе блока еще недостаточно; надо, чтобы наша фракция думала и о борьбе за власть». С этим выводом согласился и товарищ председателя ЦК М. М. Винавер, заявивший, что «и в данном случае борьба за власть сама собой разумеется» [6, с. 297]. В постановлении, принятом на пленарном заседании ЦК 10–11 мая 1916 г., состоявшемся в Москве, было признано желательным, чтобы «независимо от законодательства в думе велась борьба с правительством

всеми парламентскими способами» [6, с. 303]. Однако этот пункт постановления, внесенный по предложению кн. Д. И. Шаховского, подвергся новому обсуждению на заседании ПО ЦК 19 мая 1916 г.

М. М. Винаверу пришлось специально разъяснять правым кадетам, что речь идет не о предъявлении блоку каких-либо ультиматумов или «о свободе действий для партии», на чем настаивал Н. В. Некрасов, и тем более не о «расколе блока», что предлагал Е. М. Ещин, а всего лишь о законодательной активизации деятельности Прогрессивного блока.

Весьма критически была воспринята часть постановления московского пленарного заседания: во-первых, пункт о внесении поправки к статье закона о крестьянском равноправии, которая чуть не привела к расколу фракции, часть крестьян вообще пригрозили выходом из ее состава; во-вторых, пункт о признании необходимости внести в думу законопроекты об отмене черты оседлости и профессиональных ограничений для евреев. «Потребовать полного равноправия для евреев, – заявил А. С. Изгоев, – значит порвать с блоком». Поэтому, считал он, прежде чем ставить еврейский вопрос в полном его объеме, надо вступить в переговоры с другими фракциями блока и найти с ними какой-то компромисс. По мнению В. И. Вернадского, вообще надо «предоставить дело естественному ходу, не напирая на блок». М. С. Аджемов предложил обратиться к блоку с просьбой, учтя трудное положение, в котором оказалась кадетская фракция в связи с постановкой еврейского вопроса, «поставить на очередь еврейские законопроекты». Однако А. С. Изгоев и К. К. Черносвитов посчитали, что такое обращение к блоку было бы унижительным для кадетской фракции. «Если же начнем сейчас обострять в блоке еврейский вопрос, который и для самого блока представляется очень острым, – подчеркнул Черносвитов, – то мы проиграем». По мнению Изгоева, «надо сказать, что к.-д. пойдут на соглашение с блоком в еврейском вопросе, но чтобы и он исполнил свои обязательства, – ближайшим шагом требовать образования комиссии для рассмотрения еврейского вопроса».

Видя, что дискуссия по еврейскому вопросу заходит в тупик, В. И. Вернадский предложил исключить из уже принятого постановления пленарного заседания ЦК пункт о еврейских законопроектах, ибо «сейчас самый неудобный для этого момент в наших отношениях

с блоком». Это предложение Вернадского поддержал кн. В. А. Оболенский, хотя и голосовавший в Москве за данный пункт постановления. Однако большинство участников данного заседания (М. М. Винавер, А. С. Изгоев, Д. Д. Grimm, Н.К. Волков) высказались за сохранение законопроектов о черте еврейской оседлости и об отмене профессиональных ограничений для евреев. В результате большинством в восемь против четырех голосов ЦК поручил К. К. Черноswiftову «прозондировать» среди блоковских фракций вопрос о возможности «форсирования» постановки еврейского вопроса. Как видим, и по данному вопросу кадетское руководство не хотело обострять отношений своей думской фракции с Прогрессивным блоком, рассчитывая, что или путем переговоров, или уговоров, или компромиссов это «детище» лидера партии Милюкова удастся сохранить и тем самым продлить и жизнь Государственной думы.

В отсутствие своего председателя члены ЦК не решались принимать каких-либо важных политических решений, погрузившись в текущую «деловую» работу по обсуждению разного рода думских мероприятий. Вскоре после своего возвращения из поездки с парламентской делегацией Милюков в августе отправился во вторую зарубежную поездку, которая растянулась почти до середины сентября 1916 г. Общее настроение оставшихся «на хозяйстве» членов ЦК было минорным, ибо каких-либо конструктивных результатов очередная думская сессия не принесла, а положение в стране уже стало принимать угрожающий характер. В условиях стремительно назревающего общенационального кризиса лидеры российского либерализма вынуждены были признать, что все их благие надежды на примирение и сотрудничество с правительством оказались иллюзорными. Так, на заседании Прогрессивного блока 20 октября И. Н. Ефремов заявил: «Наш долг произвести переворот, чтобы добиться победы. Но это производство переворота предательство. Я не хочу приходить к выводу: братцы, свергайте правительство. Но возможно говорить, чтобы не вытекал призыв к революции: этого не может быть из любви к отечеству» [6, с. 304].

Через два дня после заседания Прогрессивного блока в преддверии очередной сессии Государственной думы в Петрограде состоялась конференция кадетской партии. К сожалению, не сохранилось протокольных записей данной конференции, и исследователи вынуждены пользоваться лишь лапидарными газетными сообщениями «Речи»,

«Русских ведомостей», «Утра России» и донесениями охранки. Судя по сведениям департамента полиции, «конференция показала, что левое крыло партии все более и более усиливается, и нападки этого крыла на ЦК партии приобретают все более несдержанный характер... Если на конференции победило течение, представляемое Милюковым, то только благодаря поддержке московской группы. Настроение же провинции было явно антимилюковское, неизмеримо более радикальное. По мнению левых кадетов, осторожная тактика Милюкова «убивает партию в глазах в последнее время стихийно левеющего провинциального общества», что он, разъезжая за границей, «плохо следит за настроением русского общества и не отдает себе отчета в том, какое впечатление на массу, в смысле престижа партии, производит его уклончивая, дипломатическая тактика заигрывания с правительством... Накануне выборов в V Государственную думу подобная тактика партии «самоубийственна». В отличие от Милюкова, который «центр тяжести видит в парламентской борьбе с правительством», местные партийные организации «считают необходимым перенести центр тяжести в организацию масс, в сближение с левее стоящими политическими группами, в более решительной борьбе с правительством не только на парламентской почве, но и при посредстве всевозможных общественных организаций». Что же касается московских делегатов, оказавших поддержку Милюкову, то они выступили на сочетание парламентской и внепарламентской форм борьбы с правительством. Это позволило Милюкову «примирить три течения к.-д мысли: правое – Петроград, центр – Москва, левое – провинция». Однако это примирение, подчеркивалось в донесении охранки, носит весьма условный характер, ибо, если Милюкову не удастся достигнуть своей цели, то «крутой поворот к.-д. партии влево станет неизбежным» [12, с. 90]. Такая общая характеристика, содержащаяся в докладе кн. П. Д. Долгорукова, взятого за основу охранкой, представляется соответствующей реальной ситуации, которая имела место на октябрьской партийной конференции.

Из вопросов, обсуждавшихся на конференции и не попавших в газетные отчеты, охранка обратила внимание, прежде всего, на анализ депутатами настроений в армии «с точки зрения интересов левой общественности». По вопросу об отношении к войне «большинство делегатов отмечало угрожающее падение настроения, апатию и разо-

чарование в возможности победоносного исхода войны», которое наблюдается «во всех слоях населения, в особенности же в крестьянской деревне и в среде городской бедноты». Кроме того, делегатами обсуждались вопросы, связанные с возможностью: либо отсрочки созыва данной думы, либо ее роспуска. Учитывая возможность развития событий по данному сценарию, кадеты предусматривали подготовку информационного материала, касающегося выборов в V думу. В итоге из прений выяснилось, что «к.-д. страшно боятся роспуска думы, из страха будут готовы на всякого рода компромиссы». Милюков, указав, что правительство, распустив думу и пойдя на новые выборы, не остановится перед крайним «выборным террором», организацией выборов «по болгарскому, стамбуловскому образцу». Но даже в условиях такого террора, по его мнению, «к.-д. твердо уверены в своей победе», что в «V Государственной думе к.-д., несомненно, будет принадлежать руководящее большинство».

Согласно же газетным источникам, в докладе о политическом положении в стране, с которым на конференции выступил П. Н. Милюков, была дана характеристика внутренней и внешней политики, состояния продовольственного вопроса в стране, а также сформулированы основные задачи фракции народной свободы в думе. Главной задачей фракции Милюков считал «активное применение всех парламентских средств для скорейшего устранения препятствий, стоящих на пути к победе». В ходе дискуссии по докладу «некоторые провинциальные делегаты упрекали фракцию лишь в том, что не она заставляет идти блок за собой, а сама делает слишком много уступок другим фракциям, входящим в блок». При этом левые делегаты подчеркивали, что «если блок окажется не на высоте современных задач, лучше действовать самостоятельно, чем принести в жертву блоку свои принципиальные позиции» [7, с. 357–358]. Однако Милюков настаивал на том, что фракция должна продолжать поддерживать связь с блоком, «поскольку настроение последнего остается гармонирующим с поставленными текущим моментом задачами национальной политики» [7, с. 348–350].

Итоговая резолюция конференции гласила:

- «1) Успешный исход настоящей войны подвергается серьезной опасности вследствие ухудшения внутреннего настроения страны, глубокого расстройств народнохозяйственных отношений и неумелого ведения политики.

- 2) Ответственность за все эти явления падает на правительственную систему, основанную на отчуждении власти от населения, на управлении посредством мер внутреннего принуждения и на систематическом игнорировании указаний народных представителей.
- 3) Задачей фракции к.-д. в Государственной думе должно быть активное применение всех парламентских средств для скорейшего устранения препятствий, стоящих на пути к победе, и, прежде всего, для замены теперешнего состава правительства лицами, опирающимися в своей деятельности на большинство Государственной думы и проводящими ее программу.
- 4) Для осуществления этих задач фракция должна поддерживать связь с думским большинством, поскольку настроение последнего гармонирует с поставленными текущим моментом задачами национальной политики.
- 5) В своей деятельности, в частности при использовании права вопросов и проведения законодательных мер, фракция в Государственной думе по-прежнему должна руководиться целью поддержания связей с широкими слоями населения и использования демократических элементов страны для противодействия общей опасности. Для немедленного изучения условий работы на местах необходимо спешное проведение в законодательном порядке волостного земства и земского и городского положения.
- 6) Одобряя, в общем, резолюции бюджетной комиссии по продовольственному вопросу, конференция полагает, что дальнейшая разработка плана для разрешения грозных продовольственных затруднений должна быть делом совместного обсуждения всех заинтересованных слоев, а именно Земского союза, торгово-промышленных сфер, кооперативов и рабочих групп, причем партийные деятели должны принимать в обсуждении этих мер деятельное участие» [7, с. 350].

Комментируя принятую конференцией резолюцию, охранка верно уловила психологический настрой участников конференции, которые испытывали «непомерный страх перед революцией», ибо, опираясь на опыт провинциальной жизни, понимали, что она примет «неизбежный анархический характер народного движения». В донесении охранки приведен интересный оценочный текст из выступления Милюкова: «Бесспорно, нас ожидает после войны грозное народное движение.

Но именно поэтому, что оно будет грозно-стихийным, мы должны прилагать все усилия, чтобы вложить в него разум, план, организующее начало. В борьбе с движением правительство очутится в безвоздушном пространстве – ему не на кого и не на что будет опереться, – и вся надежда, все спасение будет в сплочении существующих политических партий и общественных организаций. Нравственный кредит правительства равен нулю; в последний момент, охваченное ужасом, оно, конечно, ухватится за нас, и тогда нашей задачей будет не добывать правительство, что значило бы поддерживать анархию, влить в него совершенно новое содержание, т. е. прочно обосновать правовой конституционный строй. Вот почему в борьбе с правительством, несмотря на все, необходимо чувство меры. Народная мысль и без того имеет опасный уклон в сторону анархизма, отрицания всякой власти; война же, потребовав во имя государственной идеи от массы страшных, невероятных жертв, – неизбежно в темных, неуравновешенных умах подорвала самую государственную идею. Неизбежно рождение после войны, подобно тому, что 10 лет назад, ряда чисто анархистских групп и организаций, которые явятся серьезными конкурентами существующих левых партий. Это явление необходимо предусмотреть и заранее определить свое отношение к нему, чтобы не смешивать его с явлениями действительной политической революции. Поощрять во имя борьбы с правительством деятелей анархической революции – это значило бы рисковать всеми нашими политическими достижениями, завоеванными с 1905 г.» [7, с. 352–353].

Как видим, материалы охраны и либеральных газет прекрасно дополняют друг друга, позволяют в своей совокупности всесторонне представить позицию партии народной свободы накануне Февральской революции, понять, что кадеты всячески старались ее предотвратить и канализировать массовое народное движение в конституционное русло. Классическим образцом речи, в которой содержалась, с одной стороны, предельно острая критика правительства, а с другой – не было призыва к революции, явилось выступление Милюкова 1 ноября 1916 г. в думе. «Теперь мы видим и знаем, – говорил он, что с этим правительством мы так же не можем законодательствовать, как не можем с ним вести Россию к победе». Однако Милюков был далек от призыва к свержению этого правительства, оставляя право на борьбу с ним исключительно либеральной оппозиции. «Мы, – продолжал

он, – говорим этому правительству, как сказала декларация блока: мы будем бороться с вами; будем бороться всеми законными средствами до тех пор, пока вы не уйдете.... Вы спрашиваете, как же мы начинаем бороться во время войны? Да ведь, господа, только во время войны они и опасны. Они для войны опасны, и именно поэтому во время войны и во имя войны, во имя того самого, что нас заставило соединиться, мы с ними теперь боремся» [13, стб. 46–47].

Речь Милюкова 1 ноября, в которой набатом звучал вопрос: «Что это, глупость или измена?» произвела огромное впечатление как на депутатов думы, так на все российское общество. «Впечатление получилось, – вспоминал Милюков, – как будто прорван был наполненный гноем пузырь и выставлено напоказ коренное зло, известное всем, но ожидавшее публичного обличения» [4, с. 445]. Растиражированная в миллионах экземпляров, речь Милюкова стала, по его выражению, «мультипликатором полученного впечатления», но все же было бы явным преувеличением ее считать «штурмовым сигналом» к революции. Она, скорее всего, была «громоотводом» от революции, которой лидер кадетской партии в принципе не хотел, ибо предчувствовал, что она неминуемо примет социальный анархический характер, а это как раз и не входило ни в текущие, ни в перспективные политические планы партии народной свободы.

Милюкова поддержал выступивший на том же памятном думском заседании В. А. Маклаков, который заявил: «Мы заявляем этой власти: либо мы, либо они. Вместе наша жизнь невозможна» [13, стб. 135]. В ноябрьские дни лозунг «ответственное министерство» стал лозунгом всей либеральной оппозиции, рассчитывавшей, что, поднявшись на следующую ступеньку, можно предупредить революцию... «Правительство думает, что мы делаем революцию, а мы ее предупреждаем», – говорил на заседании Прогрессивного блока 16 ноября С. И. Шидловский [12, с. 125].

Боязнь, что революция примет социальные и анархические формы, заставлял кадетов усиливать накал словесной критики в адрес правительства, тем более они видели некоторые подвижки со стороны монарха, который, наконец, расстался с премьер-министром Б. В. Штюрмером. Либералам казалось, что если они еще чуть-чуть усилят напор, то не исключено, что можно «сверху» получить «ответственное министерство». При этом раскладе они рисковали гораздо меньше, чем

своим вступлением в «игру» с подготовкой революции. Анализируя сложившуюся ситуацию в стране к середине 1916 г., Милюков, выступая в думе 16 декабря, подчеркнул: «Мы переживаем теперь страшный момент. На наших глазах общественная борьба выступает из рамок строгой законности, и возрождаются явочные формы 1905 года». Политическое движение в стране, считал он, снова «приобрело то единство фронта, которое оно имело до 17 октября 1905 года». Но за эти десять лет произошли серьезные подвижки в общественном сознании, Поэтому, считал Милюков, «масштабы и формы борьбы, наверное, будут теперь иные. И в этой-то по существу уже ставшей экстремальной ситуации «кучка слепцов и безумцев пытается остановить течение того могучего потока, который мы в дружных совместных усилиях со страной хотим ввести в законное русло. Господа, я еще раз повторяю – это еще можно сделать. Но время не ждет. Атмосфера насыщена электричеством. В воздухе чувствуется приближение грозы. Никто не знает, господа, где и когда грянет гром. Но, господа, чтобы гром не разразился в той форме, которой мы не желаем – наша задача ясна, мы должны в единении с общими силами страны предупредить этот удар» [13, стб. 1178–1179].

Однако надежд на мирный исход борьбы с правительством оставалось все меньше и меньше. Это толкало к поискам иных, непарламентских средств воздействия на власть. Причем эти поиски велись как правыми монархистами, подталкивающими монарха к вообще роспуску думы, так и либералами типа А. И. Гучкова и А. И. Коновалова. В ночь на 17 декабря 1916 г. группой монархистов был убит Г. Е. Распутин. Одновременно Гучков активизировал подготовку дворцового переворота. «В обществе, – писал Милюков – широко распространялось убеждение, что следующим шагом, который предстоит в ближайшем будущем, будет дворцовый переворот при содействии офицеров и войска» [14, с. 37]. Однако попытки подготовить дворцовый переворот, по признанию Гучкова, «настолько затянулись, что не привели ни к каким реальным результатам» [10, с. 262]. Так же бесплодно закончились попытки Гучкова и Коновалова привлечь на свою сторону рабочую группу ЦВПК, с помощью которой они намеривались созвать рабочий съезд и даже приступить к подготовке всеобщей политической стачки в поддержку думской оппозиции.

К началу 1917 г. лидеры либеральной оппозиции почувствовали свое полнейшее бессилие изменить ход событий и оказались, по

признанию Милокова, «утомлены в бесплодной борьбе» с правительством. В то время, когда требовалась решительность в действиях, они упустили из своих рук «руководство событиями», которые перешли к более левым течениям [15, с. 27]. В январе 1917 г., на заседаниях кадетского ЦК, как ни в чем не бывало, продолжалось, уже неизвестно по какому кругу, обсуждение польского, литовского и армянского вопросов; выносились порицания Некрасову и Волкову за их отсутствие на заседании МО ЦК; осуждалось поведение членов фракции Воронкова и Востротина за их молчание на Особом совещании у А. А. Риттиха и т. п.

Несколько живее прошло пленарное заседание 4–5 февраля 1917 г., на котором обсуждался вопрос о возможном выступлении рабочих в Петрограде 14 февраля и о том, какую позицию партии следует занять. Милоков выразил опасение, что рабочие, если они «пойдут в сторону разъединения, а не объединения» с думой, «наверное, будут физически разбиты и выступление не будет иметь успеха». Ф. И. Родичев признавал, что стихийное движение рабочих «уже вышло из сферы нашего влияния», тем не менее считал, что «надо сделать все, что каждый умеет и может, чтобы остановить это выступление». Большинство выступавших на заседании членов ЦК, за исключением М. С. Аджемова, высказалось против поддержки рабочей забастовки 14 февраля [6, с. 342].

Дискуссию вызвал вопрос о тактике думской деятельности фракции в предстоящую сессию (голосовать против всего бюджета или отдельных смет министерств и ведомств), какие законопроекты следует выдвигать в первую очередь и т.д. По мнению, кн. Павла Д. Долгорукова, «раз мы отрицаем выступление на улице, в думе выступление необходимо». Соглашаясь с этим, Ф. И. Родичев заявил: «Выступления думы должны носить крайне деловой характер и этим бить правительство». Однако Н. В. Тесленко считал, что «думе нужно не стесняться, что своим разоблачением она поможет немцам», а ей «надо сказать до конца, что с таким поведением мы идем к поражению», что акцент следует делать не на смену отдельных лиц, а «делать нажим на изменение системы». По мнению же Ф. Ф. Кокоткина, в думе «обструкции не нужны, даже по отношению к Протопопову», а И. П. Демидов предлагал «составить в думе меморию и с депутацией отправить ее к государю». Члены МО ЦК настаивали на более решительной позиции. Так, Н. И. Астров считал, что «в выступлениях думы тон должен быть не ниже тона 1 ноября», что надо «установить связь и общение с ра-

бочими группами», ибо «в будущем министерству народного доверия хорошие отношения с рабочими очень и очень будут нужны». Характерно, что Астров поддержал предложение Аджемова о том, что пора начать борьбу «с короной». Тем не менее, резюмируя выступления членов ЦК, Милюков пришел к выводу, что в первые дни сессии следует «посвятить критике правительства, чтобы дать твердость существования думы» [6, с. 342]. Неслучайно, что на заседании думы 15 февраля 1917 г. Милюков, отвечая на призыв левых фракций действовать «смело, и страна будет с вами», заявил: «Эти призывы, эти надежны нас глубоко трогают, но, я должен сказать, и несколько смущают. Наше слово есть уже наше дело. Слово и вотум суть пока наше единственное оружие» [15, с. 342–346].

Однако на царских бюрократов словесные угрозы кадетов оказывали противоположное воздействие. Понимая, что дума без поддержки масс бессильна и что без нее в принципе вполне можно обойтись, правительство накануне Февральской революции пыталось ужесточить репрессивные меры (например, арест членов группы ЦВПК), спровоцировать выступления рабочих, а затем подавить их силой оружия. Вполне понятно, что царские министры никак не отреагировали на одно из последних и наиболее ярких думских выступлений одного из старейших депутатов думы члена кадетской фракции Ф. И. Родичева. Выступая на заседании думы 24 февраля, он сказал: «Мы требуем в настоящую минуту, именем голодного народа, именем народа, который борется за свою судьбу во внешней борьбе, именем этого народа мы требуем власти, достойной судеб великого народа, достойной значения той минуты, которую страна переживает, мы требуем призыва к ней людей, которым вся Россия может верить, мы требуем, прежде всего, изгнания отсюда людей, которых вся Россия презирает» [13, стб. 1343–1344].

Но обитатели Царскосельского и Мариинского дворцов, предпочитавшие расправляться с народом традиционными методами насилия, понимали силу не словесного, а исключительно материального воздействия. В распоряжение кадетов таких сил, естественно, не было. В показаниях Чрезвычайной следственной комиссии 4 августа 1917 г. Милюков признал: «События 26 и 27 февраля застали нас врасплох» [10, с. 351–352]. Размышляя над ходом Февральской революции 10 лет спустя, Милюков справедливо писал: «дума не создала новой

революции: для этого она была слишком лояльна и умеренна. Но она и не отвратила опасности этой революции» [15, с. 11].

Конечно, было бы неверно сбрасывать со счетов значение оппозиционных выступлений партии народной свободы. Своими парламентскими действиями она вкупе с другими оппозиционными фракциями, безусловно, способствовала разоблачению пороков бюрократического режима, что в свою очередь вело к дальнейшему углублению общенационального кризиса в стране. В этом процессе определенную роль сыграла и Государственная дума, которая, по словам Милюкова, «сделалась как бы аккумулятором общественного недовольства и могущественным рупором, через который глухое и бесформенное чувство недовольства и раздражения возвращалось народу в виде политически осознанных, определенно отчеканенных политических формул» [15, с. 11]. И хотя эти «либеральные формулы» в общем и целом имели умеренный характер, тем не менее они способствовали созданию определенного оппозиционного настроения, прежде всего в тех слоях населения, которые в силу разных причин еще не были затронуты влиянием социалистических партий и организаций. Разумеется, участвовавшие в Февральской революции социальные страты и политические партии преследовали различные цели и по-разному видели перспективу дальнейшего общественного развития страны. Но на определенном, хотя и весьма коротком историческом отрезке времени, их усилия объективно слились как бы воедино, обеспечив тем самым победу Февральской революции.

Годы Первой мировой войны стали завершающим этапом в процессе формирования не только отдельных структурных элементов либеральной идеологии, но и либеральной концепции общественного развития России в целом. Условия войны с особой остротой выявили наличие глубоких противоречий, с одной стороны, между теоретическим осознанием либеральными идеологами и политиками связи войны с революцией, а с другой – их практическим неприятием насильственного переворота в стране. В своей повседневной политической деятельности кадетские лидеры предпринимали максимальные усилия к тому, чтобы предотвратить массовые революционные выступления. Во имя этого они сознательно шли на постоянные компромиссы с властью, рассчитывая, вплоть до последнего момента ее существования, на хотя бы минимальные уступки с ее стороны. Только под непо-

средственным влиянием Февральской революции кадеты вынуждены были изменить свой прежний политический курс.

Список источников и литературы

1. Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия II. Часть I. СПб., 1913. Стб. 328.
2. *Милюков П. Н.* Тактика фракции народной свободы во время войны. Пг., 1916.
3. Протоколы Центрального комитета Конституционно-демократической партии. 1912–1914 гг. Т. 2. М., 1997.
4. *Милюков П. Н.* Воспоминания. М., 1991.
5. Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия III. Стенографические отчеты. Пг., 1915.
6. Протоколы Центрального комитета Конституционно-демократической партии. 1915–1920 гг. Т. 3. Кн. 1. М., 1998.
7. Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. Т. 3. Кн. 1. М., 2000.
8. Государственная дума. Созыв IV. Сессия IV. Пг., 1915.
9. *Милюков П. Н.* При свете двух революций // Исторический архив. 1993. № 1.
10. Падение царского режима. Т. 6. М. – Л. 1926. С. 278.
11. Речь. 1916. 24 февраля.
12. Красный архив. 1933. № 1.
13. Государственная дума. Созыв IV. Сессия V. Стенографические отчеты. Пг., 1916.
14. *Милюков П. Н.* История второй русской революции. М., 2001.
15. *Милюков П. Н.* Россия на переломе. Париж, 1927. Т. 1.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВПК НА ФОНЕ ДУМСКОЙ СЕССИИ ФЕВРАЛЯ 1916 ГОДА

О. Р. Айрапетов

МГУ им. М. В. Ломоносова

oleg_airapetov@list.ru

В статье рассматривается проблема диалога российской власти и оппозиции в период Первой мировой войны. Отмечается, что представители оппозиционной цензовой общественности не желали конструктивно сотрудничать с правительством и не доверяли ему. При этом крупными позитивными результатами в области укрепления обороноспособности страны организационная деятельность вождей оппозиции не отличалась. Зимняя сессия Государственной думы 1916 г. сопровождалась политической активизацией руководства Военно-промышленных комитетов. Апелляция оппозиции к рабочему движению создавало её противостоянию с властью особо опасный характер.

Ключевые слова: Первая мировая война, внутренняя политика, военная экономика, пропаганда, правительство, Государственная дума, военно-промышленные комитеты.

10 декабря 1915 г. глава МВД А. Н. Хвостов заявил, что сессия думы откроется в конце января, и что главной целью политики правительства является объединение, а не разъединение всех слоев русского общества [13, с. 3]. «По этой причине, – утверждал глава МВД, – запрещены и московские съезды (Военно-промышленных комитетов, Земского и Городского союзов. – А. О.). Неуравновешенных людей можно найти везде, но Москва за последнее время показала, что там скопление этих элементов наиболее велико. Резолюций, вторгающихся в прерогативы власти, допускать нельзя. Надо предупреждать возможные увлечения, столь опасные для переживаемого ответственного времени, а не ждать, пока они сформируются, чтобы потом их фотографировать и с фотографией в руках привлекать к ответственности. Запрещение съездов в Москве не поход против общественности, а государственная необходимость» [13, с. 3].

19 декабря 1915 г. М. В. Родзянко обратился к главе правительства с письмом, в котором говорилось о том, что катастрофа, о неизбежности которой предупреждала дума, уже наступила, и что палата не возь-

мет на себя ответственность за поражение в войне, в связи с чем рекомендовал И.Л. Горемыкину «уступить место более молодым силам». Это письмо стало широко известно среди общественности [42, с. 179]. 31 декабря 1915 г. Николай II издал Приказ по армии и флоту, который заканчивался словами: «Я вступаю в Новый год с твердою верою в милость Божию, в духовную мощь и непоколебимую твердость и верность всего русского народа и в военную доблесть Моих армии и флота» [18, с. 1]. Ничто, казалось, не говорило в пользу скорых уступок, однако они вскоре последовали.

20 января 1916 г., уступая давним требованиям оппозиции, император отправил в отставку Горемыкина и назначил на пост председателя Совета министров Б. В. Штюрмера [19, с. 1]. Отставка Горемыкина была почетной – она сопровождалась Высочайшим рескриптом, пожалованием в действительные статские советники 1-го класса с оставлением в должностях статс-секретаря, члена Государственного совета и сенатора [19, с. 1; 33, с. 1; 20, с. 2]. Через два дня правительство приняло решение о созыве очередной сессии Государственной думы [42, с. 183]. 25 января император подписал указ об открытии ее заседаний, начиная с 9 (22) февраля 1916 г. [34, с. 1; 1, с. 1214]. Расчет на достижение диалога с общественными силами был очевиден.

9 февраля 1916 г. возобновила работу четвертая сессия Государственной думы IV созыва. Это был день падения Эрзерума. Как всегда, успех на фронте сказался во внутренней политике. 4 (17) февраля, во время пребывания Николая II в Ставке, министр Двора граф В. Б. Фредерикс сделал доклад о желательности посещения монархом думы. В Могилеве уже знали об успехе в Закавказье, и надеялись, что в сложившейся ситуации этот акт должен был примирить правительство с общественностью [6]. 8 (21) февраля, накануне открытия работы палат, на квартире главы правительства было собрано совещание министров. Штюрмер зачитал декларацию, которую он собирался представить на следующий день думцам. Ее содержание стало известно, и даже кадетская «Речь» признала, что документ составлен «в благожелательном тоне» – целый ряд положений декларации был заимствован из программы Прогрессивного блока (реформа городского положения, реформа волостного управления, укрепление трезвости навсегда). Тем не менее общее настроение думцев орган кадетов описал одним словом – «пессимизм» [21, с. 4].

Внешне все выглядело прилично. После окончания молебна в честь взятия Эрзерума император сказал краткую речь, приветствуя депутатов, и пожелал им успешной работы. Ему ответил Родзянко, смысл его выступления сводился к следующей фразе: «Какая радость нам, какое счастье, – наш Русский Царь здесь, среди нас» [1, с. 14]. После этого император проследовал в зал заседаний, где его встретили овациями, криками «ура» и пением гимна. Родзянко сопровождал императора и давал объяснения [22, с. 3]. Момент был очень торжественный, единение короны и палаты казалось очевидным. Родзянко немедленно воспользовался этим и порекомендовал Николаю II объявить о даровании ответственного министерства. Тот обещал подумать об этом и покинул думу под аплодисменты. В торжественной встрече не участвовали только левые депутаты, которые предпочли остаться в своих кабинетах [6, с. 32–33].

Пессимизм, о котором писала «Речь», возможно, и не чувствовался в полную силу, но он никуда не исчез. Это чувство легко объяснить. Демонстрация единения была всего лишь демонстрацией, причем трудно сказать с уверенностью, кто из двух сторон искреннее искал понимания партнера. О подготовке солидарной позиции представителей ценовой общественности среди прочего можно судить, в частности, и по активной работе лидеров ВПК.

После заявления Хвостова о запрете съездов общественных организаций, вопрос о месте и возможных сроках их созыва повис в воздухе. А. И. Гучков не собиравшись отступить и фактически провел съезд Военно-промышленных комитетов (ВПК) под другим названием и в другом месте. Формально другой была и повестка дня. 13–15 (26–28) декабря в Петрограде под председательством Гучкова было созвано совещание представителей местных комитетов [23, с. 5; 24, с. 4]. Оно заслушало доклады о работе на местах – ввиду отсрочки созыва съезда Гучков в первый день предложил продлить работу совещания до 20 декабря (2 января 1916 г.), но формально от этого предложения отказались – обработка докладов продолжалась в Центральном военно-промышленном комитете (ЦВПК) [14, с. 4]. Совещание было довольно результатами, о них говорилось в стиле пресловутых ящиков со снарядами [41, с. 122–126]: «Доклады доказывают активное участие многих тысяч промышленных деятелей в работе по организации обороны страны. Учреждается ряд предприятий, имеющих специаль-

ное назначение, и создаются отрасли промышленности, которых до сих пор в России не было, благодаря иноземному ввозу» [14, с. 4].

Совещание обратилось (по рекомендации А. И. Коновалова) с призывом ускорить введение представителей рабочих в комитеты всех уровней. Кроме того, было принято решение провести съезд в январе 1916 г. [24, с. 4; 25, с. 4]. Материалы докладов обсуждались в ЦВПК – он отчитывался о достижениях в организационной работе. Комитеты получили на нее из казны 518 тыс. рублей, из них 300 тыс. рублей было направлено в распоряжение Центрального Комитета, еще 160 тыс. рублей было получено от Совета съездов промышленности и торговли [15, с. 4]. 22 дек. 1915 г. (4 янв. 1916 г.) Гучков сделал сообщение о докладах представителей 34 областных и местных комитетов. Он был доволен результатами: на местах было замечено значительное оживление работы, достигнуты большие успехи. В ходе обсуждений были выявлены и основные проблемы – расстройство перевозок и отсутствие топлива [16, с. 4].

Решение совещания о созыве съезда в январе также не было выполнено. Кроме ошибочных расчетов относительно съездов Земского и Городского союзов была и еще одна причина переноса. Накануне предполагаемого открытия съезда и сразу же после завершения работы в ЦВПК заболел Гучков. В ноябре 1915 г., после поездки на автомобиле в Ригу по делам Комитета, он простудился. Состояние больного резко ухудшилось в начале года. Новости о здоровье Гучкова стали достоянием общественности. «Тяжко занемог председатель Центрального военно-промышленного комитета А. И. Гучков, – сообщал 7 (20) января орган ЦВПК. – Судьба к нему немилосердна: проклятый недуг подкрался к нему в тот момент, когда он был так необходим, ибо полным ходом пошла работа Центрального комитета и задачи огромной важности и трудности стали перед ним. Как нужен был бы теперь его ясный четкий ум, его огромная энергия, его исключительная работоспособность! Нет, он не должен болеть. Напряжением всей нашей воли и наших знаний мы должны отвоевать его у смерти» [9, с. 3].

Следует отметить, что в начале 1916 года обстановка вокруг Путиловского завода вновь обострилась. Возглавляя, по сути дела, обанкротившийся орган, Гучков ревностно критиковал плохо работавшее детище Путилова. Использовались самые различные приемы давления на общественность и государственные органы, не была обойдена

вниманием и Ставка. 11 (24) февраля туда вернулся из Петрограда Николай II [2, с. 225–226]. В Могилеве были собраны главнокомандующие фронтами, которые должны были обсудить вопрос об оказании помощи Франции [6, с. 33]. 21 февраля началось германское наступление на Верден, которое в первые дни развивалось весьма успешно. В Могилеве император принял британскую делегацию – 16 (29) февраля сюда прибыли генерал А. Пэдджет и капитан лорд Р. Г. Пемброк. Они вручили русскому главнокомандующему жезл фельдмаршала британской армии [35, с. 3; 27, с. 3; 2, с. 226–229].

Обстановка на Западном фронте Антанты была крайне напряженной. Непростой была ситуация и на внутреннем фронте в России. Кажущееся спокойствие многих не устраивало. 14 (27) февраля 1916 г. Гучков отправил М. В. Алексееву телеграмму, извещая Начальника штаба Главкома о срочной необходимости сделать доклад о деятельности ЦВПК и получить «важные для комитета Ваши указания». Сам он приехать не мог по причине продолжавшейся болезни, а в обществе распространялись слухи о том, что глава ЦВПК умирает, «отравленный распутинской бандой». Поэтому он предложил принять вместо себя своего заместителя А. И. Коновалова [4, с. 545]. В тот же день было проведено заседание бюро ЦВПК по вопросу о подготовке проведения II съезда Военно-промышленных комитетов. В связи с болезнью Гучкова, он был избран почетным председателем будущего съезда, а в председатели был назначен Коновалов [26, 3].

Непосредственно перед этим съездом, 20 февраля (4 марта) 1916 г., в Петрограде был открыт I Съезд представителей металлообрабатывающей промышленности. Его председателем был единогласно избран А. Д. Протопопов, тот самый, которого осенью того же года либеральная общественность дружно обвинит в непрофессионализме и безумии. Съезд рекомендовал включить не менее двух членов избранного Совета съезда в Особые совещания по обороне, топливу, перевозкам, продовольствию, обеспечению армии предметами боевого и материального снаряжения и другие комиссии, которые еще будут созданы правительством [37, лл. 57–57 об.]. Кроме того, съезд выступил категорически против секвестра Путиловского завода, «всегда стоявшего во главе инициативы и производства вооружения нашей армии» [37, л. 58]. На заводе шла забастовка, в разжигании которой его владелец на съезде обвинил Рабочую группу ЦВПК. Ее председатель

вслед за этим публично возразил под аплодисменты промышленников [43, с. 532]. Проблема взаимодействия общественных и рабочих организаций с особой остротой встала на II Съезде ВПК.

В отсутствие Гучкова съезд, собравшийся в Петрограде 26–29 февраля (10–13 марта) 1916 г., открыл Коновалов. Он же был избран его председателем. На съезд прибыло около тысячи делегатов, в том числе представители от рабочих из 20 городов [28, с. 5]. «Громадный зал собрания инженеров путей сообщения, где происходит съезд, — отмечал корреспондент «Речи», оказался заполненным сплошь, даже все проходы были заняты членами съезда» [28, с. 5]. Сопредседателями были избраны Г. Е. Львов, М. В. Челноков и П. П. Рябушинский (который также отсутствовал по причине болезни). Это было зримым осуществлением призыва Коновалова к объединению общественных сил во имя победы, прозвучавшего в первый день съезда [10, с. 3]. Первая же его речь наметила и явные политические задачи общественного единства.

Коновалов заявил: «Мы вправе сказать: если в стране сеются семена новой России, если создаются новые попытки найти путь к тому, чтобы Россия экономически встала твердо на ноги, эти семена, наряду с другими общественными организациями, сеются и деятелями мобилизованной промышленности. Настоящий съезд даст нам возможность подвести итоги сделанного и наметить новые пути и методы для дальнейшей работы. Чувство глубокого удовлетворения вызвала во всех деятелях Военно-промышленных комитетов речь председателя Государственной думы М. В. Родзянко, с думской трибуны признавшего полезность работ Военно-промышленных комитетов. В настоящий момент, когда больше, чем когда-либо рассеяна ядовитая атмосфера злых козней, подозрений, интриг, недоброжелательства, искусно и упорно создаваемых вокруг деятельности общественных организаций, ценно признание Государственной думой деятельности промышленников, ценна эта моральная поддержка. Наше горячее желание — да будет прочной творческая деятельность Государственной думы по укреплению в стране порядка и законности, да будет непрерывным благотворное течение ее работ, необходимых для блага родины, для нашей победы» [28, с. 5].

Последние слова потонули в громе аплодисментов. В конце своей речи Коновалов призвал к установлению более тесного сотрудничества с Земским и Городским союзами. Эта мысль также вызвала

бурную продолжительную поддержку делегатов. Готовность сотрудничать во имя победы немедленно проявил выступивший немедленно после выборов руководства съезда Львов. Глава Земского союза был доволен проведенной работой и вновь обратился к пресловутому символу достижений общественных организаций: «Посмотрите на ящики со снарядами, на которых красуются теперь итоги наших совокупных трудов в виде надписи: “Снарядов не жалеть”» [28, с. 5]. На фоне таких достижений остается удивляться, почему П. И. Пальчинский – представитель горнопромышленников Урала 29 февраля (13 марта) отметил, что в обществе распространены взгляды «на промышленников, как на пиявок, присосавшихся к здоровому народному телу» и призвал съезд «подчеркнуть неправильность» такого взгляда [17, с. 4]. О создании положительного образа своей организации в руководстве ВПК не забывали и без напоминаний.

Одной из составных частей программы ЦВПК было и единение с рабочими организациями, обеспечить которое должен был рабочий съезд. Эта идея была подготовлена декларацией Рабочей группы. Декларация была принята 29 ноября (12 декабря) 1915 г. и оглашена в заседании бюро ЦВПК 3(16) декабря 1915 г., где она получила полную поддержку [12, с. 3]. Более того, 21 декабря 1915 г. (3 января 1916 г.) на общем собрании ЦВПК Гвоздев выступил с докладом, в котором были оглашены следующие требования группы, также получившие полную поддержку со стороны руководства комитета: право на устройство по мере надобности и без разрешения и присутствия полиции собраний, сходбищ и разного рода совещаний во всех фабрично-заводских предприятиях, а также незамедлительного открытия приостановленных с момента возникновения войны всех легальных рабочих организаций как культурно-просветительных, так и экономическо-профессиональных. 4 (17) января 1916 г. заместитель Председателя ЦВПК Коновалов обратился с письмом к министру внутренних дел с просьбой об удовлетворении ходатайства Рабочей группы, на что последовал отказ [39, л. 89 об.].

Через две недели в принадлежащих Коновалову «Русских Ведомостях» было опубликовано письмо за подписями членов Рабочей группы, извещавшее «товарищей рабочих» о том, что главной своей задачей группа считает подготовку общероссийского рабочего съезда с целью объединения рабочего класса и с призывом устанавливать для этого связь с группой ЦВПК [36, с. 2]. Гвоздев зачитал на съезде декларацию

Рабочей группы. Ее текст был опубликован уже после Февральской революции: «Мы считаем очередной задачей рабочего класса, всей демократии и всех искренних сторонников спасения страны – борьбу за созыв Учредительного собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права, за немедленное осуществление всех гражданских свобод: слова, собраний, печати, союзов и коалиций, за отмену всех национальных ограничений, признание за всеми населяющими Россию народами права на национальное самоопределение, за немедленное переизбрание всех городских и земских учреждений на основе четырехчленной формулы, за широкое социальное законодательство, за восьмичасовой рабочий день, за землю крестьянам и за немедленную амнистию по всем религиозным и политическим делам» [12, с. 3]. Выступление Гвоздева полностью соответствовало запрещенному обращению Рабочей группы по вопросу о стачке на Путиловском заводе и упомянутой выше декларации.

Его речь была встречена бурными овациями, а председательствующий Коновалов даже не сделал попытки прервать выступающего [6, с. 67]. Конечно, учитывая предсъездовскую работу руководителя Московского ВПК, это не должно вызывать удивления, но все же... Гвоздев открыто ставил под вопрос цели войны, фактически призывал к миру «без аннексий и контрибуций», обвинял правительство в том, что развязало преследование евреев, мусульман и финляндцев, готовит «общероссийский погром», преследует Земский, Городской союзы и ЦВПК [39, л. 89]. В его словах содержался весьма слабо замаскированный призыв к революционному перевороту. «Добиться же при существующих в России условиях права для всего народа на самозащиту, – говорил он, – означает не что иное, как немедленное и коренное изменение существующих политических условий и вручение власти правительству, поставленному народом и ответственному перед ним» [12, с. 3]. Цензура пропустила только небольшой отрывок из этой речи: «...группа говорит, что... рабочие действуют в полном согласии с идеей защиты народов от военных нападений и насильственных подавлений...» [10, с. 5]. Другие представители рабочих выступали в стиле Гвоздева и даже предлагали предпринимателям «поддержку со стороны рабочих, не считаясь с жертвами» [39, л.89].

Присутствовавшие аплодировали [6, с. 67]. Впрочем, поддержка таких заявлений не была постоянно единодушной. Контуры знакомых

конфликтов были уже довольно явными. Со стороны представителей промышленников в сторону рабочих депутатов был даже брошен упрек в незрелости. Он «вызывал резкую отповедь со стороны рабочих» [30, с. 4]. Обстановку несколько разрешил Терещенко, призвавший не обострять «рабочего вопроса» и представитель Московского ВПК, предложивший не превращать комитеты в «арену классово-борьбы». После этого делегаты II Съезда ВПК единогласно и с аплодисментами проголосовали за декларацию, предложенную представителем петроградских рабочих Г.Е. Брейдо о созыве рабочего съезда [30, с. 4–5].

Это была резолюция Рабочей группы от 3 (16) декабря 1915 г., и в результате была создана организационная комиссия и выработана программа будущего съезда. Она включала в себя следующие пункты: 1) отношение рабочих к современному положению страны; 2) дороговизна жизни и продовольственный кризис; 3) экономическое положение рабочих и охрана труда во время войны; 4) рабочие и жертвы войны (инвалиды, беженцы и проч.); 5) отношение к Военно-промышленным комитетам; 6) выборы в Центральный ВПК [3, с. 72–84]. Программа была опубликована 29 марта (11 апреля) 1916 г. в органе ЦВПК [11, с. 4]. Хорошо изданная, эта, по сути дела, легализованная политическая прокламация распространялась в большом количестве по всей стране [7, с. 108–109]. Группа призвала всех сознательных рабочих немедленно приступить к организации ячеек на производстве, начать подготовку общероссийской первомайской стачки, при каждом выступлении требовать мира «без аннексий и контрибуций» и т. д. [39, л. 91].

Естественно, что Рабочая группа полностью поддержала и резолюцию II Съезда ВПК о создании «ответственного министерства», реформу местного самоуправления и введение всеобщих, прямых, равных и тайных выборов в Государственную думу. Гучков мог быть доволен: возникла перспектива создания контролируемого его организацией всероссийского рабочего движения. Последнее было тем более важно, что руководитель ЦВПК явно не стремился к ответственности перед IV думой [42, с. 198, 201]. Впрочем, руководители ЦВПК пока что не торопились раскрывать карты – дума должна была стать орудием для осуществления их замыслов, и поэтому они с явным удовольствием поддерживали призывы делегатов принять обращение «к законодательным собраниям, так как только они могут вывести страну из создавшегося тупика» [29, с. 4].

Текст резолюции был немедленно доставлен главе МВД и Николаю II. На докладе император, как почти всегда, был непроницаемо спокоен [7, с. 109]. Однако он был весьма недоволен тактикой, избранной Военным министром в отношении ЦВПК и его Рабочей группы, и результатами ее политики попустительства, проявившимися во время съезда ВПК [6, с. 68]. Весьма болезненным оставался и вопрос о Путиловском заводе. В результате стачки работа важнейшего для обороны страны завода была фактически парализована две недели. Забастовка закончилась 4 (17) марта 1916 г. Генералу Крылову, наводившему порядок на Путиловских заводах, не удалось избежать падения производства. Полную производительность они дали только к 15 (28) марта 1916 г. [38, л.110]. Военное управление вложило в завод еще около 20 млн рублей, с 25 до 30 тыс. человек увеличилось число рабочих. Увеличился и объем производства – завод в 1916 г. дал 2828 орудий (против в 1566 в 1915 г.), в 2 раза увеличился их ассортимент, начался выпуск новой продукции – 76-миллиметровых зенитных орудий, и, наконец, был освоен выпуск 6-дюймовых снарядов. В 1916 году завод давал около половины всех снарядов этого калибра, производимых в России [43, с. 532].

В разгар этой работы Крылова на Путиловском заводе выздоровел Гучков. После своего выздоровления он, по собственным словам, не мог уже равнодушно видеть бессилие ГАУ в организации правильного снабжения русской армии тяжелой артиллерией, предложил в течение шести месяцев поставить шесть шестиорудийных батарей 16-дюймовых гаубиц в полном снаряжении, со всем необходимым для немедленного выступления. Таким образом, в кратчайший срок предлагалось достичь паритета с противником в этой области. В качестве эксперта Гучковым был приглашен бывший директор Путиловского завода А. П. Меллер, который предложил довольно экстравагантный план: освободить три мощнейших завода – Путиловский, Обуховский и Ижорский – от производства снарядов для тяжелой артиллерии для производства этих тридцати шести 16-дюймовых гаубиц [5, с. 162–163].

Чем должна была в эти шесть месяцев стрелять остальная русская артиллерия – на этот вопрос ответа не было. Гарантии выполнения этого, чрезвычайно сложного проекта также не предоставлялись. Неудивительно, что Главное артиллерийское управление отказалось от него. Однако сам факт этого предложения многое объясняет в

том поведении, а вернее, в той игре, которую вел руководитель ЦВПК. Деятельность Военно-промышленных комитетов приобретала все более ярко выраженный политический характер. 5 (18) марта 1916 г. на заседании продовольственного отдела ЦВПК при участии А. И. Коновалова для решения продовольственного вопроса было решено создать в Москве «Центральный комитет объединенных общественных организаций», который бы начал действовать, не считаясь с политикой Министерства земледелия. Предполагалось, что именно кризис в продовольственном вопросе должен был вызвать в ближайшее время кризис власти [42, с. 201].

Представители Прогрессивного блока явно оказались позади событий, что их категорически не устраивало. Только 7 (20) марта 1916 г. дума рассмотрела вопрос о положении на Путиловском заводе в закрытом заседании. В результате была принята формула с требованием установления «реальной» зарплаты, создания профсоюзов и примирительных камер. С речью о положении на Путиловском заводе выступил Военный министр. Это выступление, как и в августе 1915 г., не было согласовано с правительством [42, с. 200]. «Одновременно с объявлением о закрытии завода и об общем расчете рабочих, – отчитывался Поливанов, – в соответствии с обязательным постановлением военной на театре военных действий власти, все рабочие, которые числятся военнообязанными и получили отсрочку явки к исполнению воинской повинности, собственно для выполнения срочных заказов военного и морского ведомств, коль скоро они этой обязанности не выполняют, то они привлекаются к исполнению общей воинской обязанности, т.е. в запасные батальоны для воинского обучения. Из бастовавших на Путиловском заводе рабочих, военнообязанных, призваны только два младших возраста военнообязанных, а именно: ратники первого и второго разряда и новобранцы 1915 и 1916 гг., рабочего элемента, наименее привычного к работе, наименее подходящего к званию квалифицированных рабочих. Для суждения над учинившими насилие и побои военной властью учрежден военно-полевой суд» [1, с. 2858].

В заключение министр назвал забастовку на Путиловском «ударом в спину», который армия получила от «своих». Эта речь была встречена бурными аплодисментами [1, с. 2859]. Выступление Поливанова не подверглось критике, но вслед за ним выступил Милюков, который возложил ответственность за случившееся на правительство и резко осудил насилие по отношению к бастующим, объяснив случившееся

экономическими причинами и недостатком пропаганды среди рабочих. «Как же сделать, чтобы этого не было, – ни пораженчества, ни анархизма? – восклицал он. – Нужно, чтобы человек не чувствовал себя чужим, чтобы он чувствовал себя в самом деле “своим”, тогда “ударов в спину”, может быть, не будет. Тогда поймут, что этих вещей нельзя делать, тогда и те немногие элементы “пораженчества”, которые существуют, исчезнут. Приобщите рабочего к общей равноправной семье, дайте ему средство цивилизованными способами считаться с работодателями, и когда вы это дадите, тогда взыскивайте» [1, с. 2870]. Милюков не подверг критике владельцев завода, обошел он молчанием и действия военных. Следует отметить, что Поливанов полностью расходился со Штюмером по вопросу об отношении к забастовке, а после этого выступления он способствовал тому, что сведения о закрытом заседании появились в прессе [6, с. 69]. Уже 13 (26) марта с санкции военного министра и председателя Государственной думы отчет о нем был опубликован в «Речи» [31, с. 5–6].

Принятая думой 7 (20) марта формула перехода к делам содержала прямое осуждение подавления забастовки: «...насильственное и одностороннее разрешение столкновений на экономической почве способно лишь привести к внутренней розни, ослабляющей и радующей нашего врага...» [1, с. 2887]. Руководители Прогрессивного блока вскоре попытались вернуть себе инициативу. 12–13 (25–26) марта 1916 г. прошли съезды Земского и Городского союзов, в ходе работы которых усилилась политизация требований их руководства. П. Н. Милюков выехал в Москву, чтобы принять участие в работе съездов и попытаться согласовать их резолюции с линией Прогрессивного блока. Сделать это ему не удалось, хотя съезды все же заявили о своей поддержке блока. Требование «ответственного министерства», естественно, было также включено в резолюцию.

Не был обойден вниманием и поднятый на съезде Военно-промышленных комитетов рабочий вопрос. О нем напомнил выступавший представитель Рабочей группы ЦВПК В. А. Черногорцев, повторивший программные требования «гвоздевцев». В свою очередь А. И. Коновалов предложил объединить все общественные организации по примеру «Союза союзов» в 1905 г. и приступить к организации Союза рабочих, высшим органом которого должна была стать Рабочая группа ЦВПК и Всероссийского крестьянского союза [42, с. 202–203].

«Русские Ведомости» и «Речь» начали публикацию проекта рабочего съезда – его делегаты должны были избираться выборщиками (от организаций от 100 до 1 тыс. чел. – 1 выборщик и свыше 1 тыс. чел. – по 1 выборщику от каждой сотни) под контролем рабочих групп. На съезд должны были быть представлены по 10 делегатов от столиц и по 5 от прочих городов [32, с. 5].

Но если радикализация программы общественных организаций вызывала естественное удовлетворение у их руководства, то не менее естественным в этой обстановке было и раздражение Николая II. Политика сотрудничества с ЦВПК оборачивалась весьма неприглядными последствиями на «домашнем фронте» [6, с. 69]. Кроме того, результаты деятельности общественности в деле мобилизации промышленности на нужды фронта также трудно назвать впечатляющими [40, с. 104–127]. Не удивительно, что на этом фоне встал вопрос об уходе из правительства человека, ставшего летом 1915 г. символом «нового курса» во внутренней политике. В марте 1916 г. в Ставке появились слухи о скором смещении креатуры Николая Николаевича-младшего – ген. Поливанова – на посту Военного министра. Это сразу же отметил британский представитель при русском Верховном командовании: «...возможно, потому, что он (Поливанов. – А. О.) не был *persona grata* (выделено авт. – А. О.). Его заменит Шуваев» [8, р. 84].

Итак, попытка установить диалог между властью и оппозицией в очередной раз оказалась безуспешной. Внутриполитическое положение страны ухудшилось. Власть все более и более теряла поддержку в обществе, что отнюдь не останавливало либеральную оппозицию от дальнейшего раскачивания равновесия, потеря которого многим казалось не столь уж опасной перспективой.

Список источников и литературы

1. Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. 1916 г. Сессия четвертая. Пг., 1916.
2. *Дубенский Д.* Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович в действующей армии. Июль 1915 – март 1916 гг. Июль 1915 – март 1916 гг. Пг., 1916.
3. К истории «Рабочей группы» при Центральном Военно-Промышленном комитете. // Красный архив. М.–Л., 1933. Т. 2 (57).

4. Лемке М. К. 250 дней в Царской Ставке. Пг., 1920.
5. Маниковский А. А. Боевое снабжение русской армии в войну 1914–1918 гг. М., 1922. Ч. 2.
6. Спиридович А. И. Великая война и Февральская революция 1914–1917. Нью-Йорк. 1960. Кн. 2.
7. Шаховской В. Н. “Sic transit Gloria mundi” (Так проходит мирская слава). 1893–1917. Париж. 1952.
8. Hunbary-Williams J. The Emperor Nicholas II. As I knew him. Lnd. 1922.
9. Известия Центрального Военно-Промышленного комитета. 7 янв. 1916. № 46.
10. Известия Центрального Военно-Промышленного комитета. 28 февр. 1916. № 64.
11. Известия Центрального Военно-Промышленного комитета. 29 марта 1916 г. № 77.
12. Известия Центрального Военно-Промышленного комитета. 29 апреля 1917 г. № 221.
13. Новое Время. 10 (23) дек. 1915 г. № 14280.
14. Новое Время. 15 (28) дек. 1915 г. № 14285.
15. Новое Время. 19 дек. 1915 г. (1 янв. 1916 г.) № 14289.
16. Новое Время. 22 дек. 1915 г. (4 янв. 1916 г.) № 14292.
17. Новое Время. 1 (14) марта 1916 г. № 14361.
18. Правительственный вестник. 1 (14) янв. 1916 г. № 1.
19. Правительственный вестник. 20 янв. (2 февр.) 1916 г. № 15.
20. Речь. 20 янв. (2 февр.) 1916 г. № 19 (3402).
21. Речь. 9 (22) февр. 1916 г. № 39 (3422).
22. Речь. 10 (23) февр. 1916 г. № 40 (3423).
23. Речь. 13 (16) дек. 1915 г. № 343 (3366).
24. Речь. 15 (28) дек. 1915 г. № 345 (3368).
25. Речь. 16 (29) дек. 1915 г. № 346 (3369).
26. Речь. 15 (28) февр. 1916 г. № 45 (3428).
27. Речь. 18 февр. (2 марта) 1916 г. № 48 (3431).
28. Речь. 27 февр. (11 марта) 1916 г. № 56 (3439).
29. Речь. 1 (14) марта 1916 г. № 59 (3442).
30. Речь. 2 (15) марта 1916 г. № 60 (3443).
31. Речь. 13 (26) марта 1916 г. № 71 (3454).
32. Речь. 20 марта (2 апр.) 1916 г. № 78 (3461).
33. Русский инвалид. 21 янв. 1916 г. № 20.

34. Русский инвалид. 27 янв. 1916 г. № 26.
35. Русский инвалид. 18 февр. 1916 г. № 47.
36. Русские Ведомости. 18 янв. 1916 г. № 13.
37. Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (АВИМАИВиВС.) Ф. 13. Оп. 87/1. Д. 2.
38. АВИМАИВиВС. Ф. 13. Оп. 87/2. Д. 75.
39. Российский Государственный Военно-исторический архив (РГВИА) Ф. 2067. Оп. 1. Ед. хр. 3909.
40. *Айрапетов О. Р.* Генералы, либералы и предприниматели. Работа на фронт и на революцию (1907–1917). М., 2003.
41. *Айрапетов О. Р.* Снарядная демагогия. Слова и дела русских либералов // Родина. 2010. № 7.
42. *Гайда Ф. А.* Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 – весна 1917 г.). М., 2003.
43. *Мительман М. [И.], Глебов Б. [Д.], Ульяновский А. [Г.]* История Путиловского завода 1801–1917. М., 1961.

НАЗНАЧЕНИЕ А. Н. ХВОСТОВА УПРАВЛЯЮЩИМ МВД В СЕНТЯБРЕ 1915 г.: ПРЕДЫСТОРИЯ И МЕХАНИЗМ

С. В. Куликов

Санкт-Петербургский институт истории РАН

ikraeved@yandex.ru

Назначение А. Н. Хвостова предопределялось не влиянием «темных сил», а личным выбором императора. Николай II и А. Н. Хвостова сближали консервативно-либеральные компоненты их политических взглядов. Это был шаг навстречу оппозиции.

Ключевые слова: Первая мировая война, Николай II, А. Н. Хвостов, Александра Федоровна, Г. Е. Распутин, М. М. Андроников

Одним из наиболее заметных явлений политической истории России периода Первой мировой войны стала «министерская чехарда», означавшаяся кадровой нестабильностью прежде всего на уровне министров. Начало «министерской чехарде» положило назначение управляющим МВД Алексея Николаевича Хвостова, оказавшегося первым за всю историю дореволюционной Государственной думы депутатом, получившим министерский портфель. Однако современниками, писавшими не просто мемуары, а истории своего времени, как левыми [1, с. 190–193], так и правыми [2, с. 180–187], и исследователями, причем эмигрантскими [3, с. 222–227], советскими [4, с. 115–118] и постсоветскими [5, с. 497–499], Хвостов рассматривался как ставленник не думы, а камарильи – императрицы Александры Федоровны и группировавшихся вокруг нее представителей «темных сил» в лице старца Г. Е. Распутина, подруги царской семьи А. А. Вырубовой, князя М. М. Андроникова и сенатора С. П. Белецкого. Согласно этой версии, Хвостов, Андроников и Белецкий воспользовались отсутствием

в Царском Селе императора Николая II и, опираясь на Александру Федоровну, Вырубову и Распутина, провели в руководители МВД Хвостова.

Источник представленной версии – письма царицы царю за 1914–1917 гг., изданные в эмиграции отдельно [6], и в СССР – в составе полной переписки царской четы за тот же период [7], переизданной в 1996 г. (без телеграмм) [8] и в 2013 г. (полностью) [9]. «Эти письма, – характеризовал письма Александры Федоровны их рецензент, – как нельзя более отчетливо обрисовывают руководящую роль Распутина в направлении курса внутренней политики в последние годы царствования Николая. Александра Федоровна служила послушным рупором для внушений Григория и вкладывала всю присущую ей страстность в соответствующие атаки на Николая, всегда приводившие к желанному ей и ее другу результату. В своем безнадежном ослеплении она внушала Николаю одно роковое решение за другим» [10, с. 333–334]. По мнению советского историка, переписка царской четы показывает, что утверждение об отсутствии влияния «темных сил» на монарха – «явное преувеличение» [4, с. 26]. Первым актом несомненного вмешательства камарильи в высшую кадровую политику и стала «кампания за назначение в министры внутренних дел А. Н. Хвостова с прямыми указаниями на то, что его рекомендует Распутин. Как известно, по всем этим пунктам Распутин и Александра вскоре получают полное удовлетворение». «Так, – отмечал А. А. Кизеветтер, – кабинет Александры окончательно становится истинной лабораторией правительственных смещений и назначений» [10, с. 332–333].

Версия самого Хвостова, представленная им Чрезвычайной следственной комиссии (ЧСК) Временного правительства, о непричастности к его назначению камарильи, полагал С. П. Мельгунов, «опровергается опубликованными письмами Александры Федоровны» [3, с. 224]. Признавая первостепенную значимость этих писем при изучении заявленной темы, нельзя не заметить, что вырванные из контекста, взятые сами по себе, рассматриваемые вне сопоставления с другими источниками, письма, в действительности, не более достоверны, чем любой другой документ, относящийся к теме.

Другой источник версии о Хвостове как ставленнике камарильи – письменные показания С. П. Белецкого, подготовленные им для ЧСК [11, с. 119–533], переработанные П. Е. Щеголевым в так называемые «воспоминания», опубликованные в журнале «Былое» в 1922 и 1923 гг.

[12], издательством «Былое» – в 1923 г. [13] и в том же году – в «Архиве русской революции» [14]. На письменных показаниях Белецкого основывался и автор постановления ЧСК о «темных силах», описывая обстоятельства назначения Хвостова [15]. Рассматриваемые опять-таки вне контекста их создания, сами по себе, показания Белецкого производят потрясающее впечатление на неискушенного читателя. Прочитав «Воспоминания», напечатанные в «Архиве», Б. А. Бахметев писал В. А. Маклакову: «Почему-то именно писания Белецкого, в общем – очень скучные и некрасочные, произвели на меня особенно подавляющее впечатление. Государство, зависящее от воли Андроникова и Вырубовой – это что-то невероятное и, право же, недопустимое. Я думаю, что Белецкий не преувеличивает; он пишет сухо и почти летописно. При этом у меня нет ощущения, что он чувствует неправильность. Читая его, кажется, что все эти темные интриги за спиной умирающих на поле войны русских людей представляются Белецкому естественным, обыденным делом» [16, с. 157].

Вероятно, Бахметев изменил бы свое мнение об информативной ценности подразумевавшихся им мест показаний Белецкого, если бы узнал, что, создавая свои записки, он играл роль «кающегося охранника» и выполнял социальный заказ, поскольку испытывал не только моральное, но и физическое давление со стороны представителей новой власти. Согласно свидетельству товарища председателя Комитета помощи политическим заключенным (Политического Красного Креста) М. А. Рысс (жены видного эсера), по личному приказу А. Ф. Керенского Белецкого, допрашивая с пристрастием, подвергали пытке заключения в подземный карцер, итогом чего стало временное ослепление заключенного. Таким путем Керенский хотел узнать, кто из его политических оппонентов, особенно слева, был тайным агентом Департамента полиции. Вообще, – по сведениям Н. В. Савича, – «жестокость отношения к заключенным при Временном правительстве превышала всякие вероятия, по сравнению с которыми времена Николая II были верхом гуманности» [17, с. 109–110].

От ответа на вопрос, насколько назначение Хвостова было случайным, т. е. зависящим от камарильи, или рационально обусловленным, не зависящим от нее, предопределяется решение более общей проблемы – проблемы того, существовал или нет накануне Февральской революции 1917 г. так называемый «кризис верхов» именно в виде всевластия «темных сил».

Первый раз о своем намерении заменить на посту министра внутренних дел Н. Б. Щербатова А. Н. Хвостовым Николай заявил премьеру И. Л. Горемыкину в Царском Селе 25 июля 1915 г., когда у него был всеподданнейший доклад [18, с. 144], либо 29 июля, когда у царя заседало правительство [18, с. 145]. Вывод об этих датах вытекает из сопоставления источников, а именно – показаний Горемыкина и министра юстиции А.А. Хвостова, дяди А. Н. Хвостова. По воспоминаниям И. Л. Горемыкина, он оспорил намерение монарха, указав «на невозможность назначения Хвостова по его личным свойствам». По мнению премьера, занятию А. Н. Хвостовым поста министра внутренних дел препятствовало «все его прошлое» [19, с. 318]. Горемыкин долго противился этому назначению, ибо «боялся молодости и разбойничьего наскока Хвостова» [20, с. 92]. Видя, что царь остается на прежней точке зрения, И. Л. Горемыкин посоветовал Николаю узнать мнение о А. Н. Хвостове у его дяди, управляющего Министерством юстиции А. А. Хвостова. Во мнении дяди премьер мог быть уверен, поскольку А. А. Хвостов являлся давним другом И. Л. Горемыкина и, как министр юстиции, креатурой премьера. А. А. Хвостов был рекомендован Горемыкиным, который лично его знал, был «непосредственно подчинен Горемыкину и в хороших с ним, личных, почти семейных отношениях» [21, с. 216]. А. А. Хвостов «боготворил» Горемыкина [22, с. 76].

«Когда Горемыкин, – вспоминал Хвостов-старший, – вернулся с всеподданнейшего доклада и сказал, что государем намечен на пост министра внутренних дел А. Н. Хвостов, он сообщил мне, что сослался государю на то, что хорошо было бы в виду моего родства и ближайшего с А. Н. Хвостовым знакомства спросить меня об этом. Таким образом, Горемыкин меня предупредил, чтобы я подготовился, что могу быть вызван. Действительно, кажется, на другой день я был вызван скороходом Александровского дворца, который по телефону сказал, что его величество просит меня прибыть, во внедокладный день, в Царское Село и что самое удобное мне выезжать с таким-то поездом, так как государь примет меня в таком-то часу. Я немедленно отправился в Царское» [23, с. 469]. Согласно дневнику Николая, его внеочередная встреча с А. А. Хвостовым состоялась 3 августа 1915 г., до завтрака («Кроме обычных докладов, принял еще Хвостова») [18, с. 145].

Дядя дал отрицательную оценку племяннику и высказался против его назначения [23, с. 469]. С. П. Мельгунов упомянул [3, с. 224–225],

а А. Я. Аврех процитировал показания А. А. Хвостова. Однако они не удосужились установить – когда же произошла беседа царя и министра [4, с. 122]. Если бы они сделали это, то тогда бы они удостоверились, что А. Н. Хвостова выдвинул Николай II. Отметим, что такой выбор монарха был вполне рациональным. А. Н. Хвостов уже рассматривался как кандидат в министры, показал себя как энергичный губернатор, имел ценный опыт депутата Государственной думы и твердые монархические убеждения. Однако анализ источников подгонялся историками под версию о том, что Хвостов – ставленник камарильи.

Между тем в период, непосредственно предшествовавший выбору царем кандидатуры А. Н. Хвостова, с 15 июня по 31 июля 1915 г., Г. Е. Распутин был у себя на родине в Сибири [24, с. 269–271]. В письмах же царицы за период до 15 июня имя А. Н. Хвостова не упоминается ни разу. Следовательно, к выдвижению кандидатуры А. Н. Хвостова Александра Федоровна и Г. Е. Распутин никакого отношения не имели.

В то время, когда решалась судьба министра внутренних дел Щербатова, решалась и судьба товарища министра внутренних дел, заведовавшего полицией – В. Ф. Джунковского, причем и в этом случае к его увольнению, точнее – к созданию повода для этого, царица и старец никакого отношения не имели. Сам Джунковский был уверен, что главную роль в компании против него играли «Хвостов со своими единомышленниками и Белецкий» [28, с. 615]. Однако в это время Белецкому было не до интриг, поскольку в апреле 1915 г. у него скончался старший сын, смерть которого его «сильно поразила», а затем он отсутствовал в Петрограде до сентября 1915 г. в течение трех месяцев [11, с. 152]. Кроме того, как уполномоченный Комитета великой княгини Марии Павловны, совершал по ее поручению инспекторские поездки по России [26, с. 394–395].

К увольнению В. Ф. Джунковского приложила руку княгиня З. Н. Юсупова. Намекая на причастность к увольнению В. Ф. Джунковского З. Н. Юсуповой, попечитель Варшавского учебного округа князь И. А. Куракин отмечал, что «в этом вопросе и Зинаида не без греха» [27, л. 164]. В свою очередь министр внутренних дел Щербатов, сменивший в июне 1915 г. Н. А. Маклакова, хотя и оставил в прежней должности В. Ф. Джунковского, «сразу стал думать, как достойно отправить его в отставку» [2, с. 134], поскольку «все более и более выносил впечатление, что Джунковский едва в курсе дела» [21, с. 225].

Отметим, что очень низко оценивал деловые и моральные качества Джунковского хорошо знавший кухню МВД К. Д. Кафатов, свидетельствующий «о полном непонимании Джунковским интересов и авторитета ведомства, которому он служил» [29, с. 83].

Кроме Николая II, Юсуповых и Щербатова за отставку Джунковского выступил и В. Н. Воейков [40, с. 23]. (У Воейкова существовало «искреннее убеждение в затаенном желании генерала Джунковского получить должность дворцового коменданта, тем более что об этом уже одно время ходили слухи в петроградском обществе, ввиду пошатнувшегося тогда положения генерала Воейкова») [11, с. 210].

На место Джунковского Н. Б. Щербатов хотел назначить прокурора Одесской судебной палаты Р. Г. Моллова [21, с. 225] (тот был собственником Щербатова) [29, с. 91]. Однако, в конце концов, Моллова назначили директором Департамента полиции (6 сентября 1915 года), а товарищем министра внутренних дел, заведующим полицией стал С. П. Белецкий.

До назначения Белецкого императрица относилась к нему с недоверием, а потому «Белецкий получил указанное назначение не по желанию императрицы» [30, с. 339]. У Распутина в 1915 г. тоже существовало «недоверие» к Белецкому «за прошлое»: в свое время при уходе из Департамента полиции тот отверг желание старца познакомиться, а позднее, в 1914 г., – «не был его сторонником» и давал отрицательные сведения о Распутине генералу Е. В. Богдановичу и великому князю Николаю Николаевичу [11, с. 153, 154]. В конце 1914 г. Белецкий познакомился с Распутиным на квартире князя Андроникова, а с Вырубовой – на квартире Распутина. И Распутин и Вырубова поначалу отнеслись к нему недоброжелательно. 29 сентября 1915 г. Распутин высказал Белецкому упрек «за прошлое соглядатайство за ним» [11, с. 162]. При встрече с Белецким до сентября 1915 г. Вырубова тоже восприняла его подозрительно [25, с. 400].

Тем не менее, для А. Я. Авреха причастность Г. Е. Распутина к замене В. Ф. Джунковского на Белецкого была бесспорной. «С Белецким, – писал А. Я. Аврех, – все было проще и быстрее, потому что его уже непосредственно рекомендовал Распутин» [4, с. 116]. Для подтверждения своей точки зрения А. Я. Аврех сослался на письмо царицы супругу от 20 сентября 1915 года. Однако в этом письме никакой рекомендации старца не содержится. Между тем впервые о необходимости

замены Джунковского Белецким Николай II заявил Н. Б. Щербатову еще 29 июля, после заседания Совета министров [31, с. 199]. Правда, Щербатов тогда от Белецкого, «решительно уклонился» [32, с. 163].

Поскольку с 31 июля по 5 августа Г. Е. Распутин находился в Петрограде и встречался с венценосцами, ему было известно о близости увольнения В. Ф. Джунковского. В случае малейшей причастности к увольнению генерала старец не преминул бы в ней признаться, как это впоследствии он делал даже по поводу тех кадровых перемен, к которым никакого отношения не имел. Но, беседуя со своими охранниками 10 августа у себя на родине, Г. Е. Распутин сообщил, что В. Ф. Джунковского «со службы уволили, а теперь он, быть может, будет думать, что уволили его через меня, а я его не знаю, кто он такой» [24, с. 273]. По данным А. Т. Васильева, Распутин «отрицал любое участие в отставке Джунковского. Он уверял, что ему рассказали об отставке и ее причине только через некоторое время после того, как она произошла» [33, с. 425].

Сам Джунковский вспоминал: «В последних числах июля я узнал, что в думе небольшой группой, во главе с Хвостовым, готовится выступление с резкой критикой моих действий, что для этого все уже подготовлено, что Хвостов решился меня “свалить”, представив против меня “ужасающие” факты моей якобы германфильской политики. День, намеченный для этого выступления, называли между 1 и 5 августа» [28, с. 615]. Джунковский знал, что «Хвостов почерпал свои небылицы у Юсупова» [11, с. 626]. 1 августа Джунковский получил сведения, что Хвостов выступит со своей речью 3 августа, и доложил об этом князю Щербатову. Тот, переговорив с Горемыкиным, сказал Джунковскому, что весь состав правительства будет в думе в этот день, и потому поводов для беспокойства нет: «если признается нужным, будут отвечать министры», а не Джунковский. Но 3 августа за четверть часа до начала заседания в думе Щербатов неожиданно сообщил, что он несколько запоздает, а Джунковский должен сам решить, отвечать или нет на нападки Хвостова. Джунковский понял, что Горемыкин со Щербатовым, посылают его «на закляние» [28, с. 616].

Первая половина речи А. Н. Хвостова 3 августа 1915 г. была посвящена немецкому землевладению в России, промышленным немецким предприятиям, деятельности банков, вторая – исключительно критике Джунковского. Оратор перечислил случаи покровительства Джунковского поданным вражеских государств [34, с. 330–343].

Выступление Хвостова неоднократно прерывалось «бурными рукоплесканиями» не только справа и в центре, но и «на отдельных местах слева» и даже слева в целом. Хвостов превзошел сам себя. Он, «говоря о немецком засилье, смешал с грязью Министерство внутренних дел и высмеял непригодность ушедшего Маклакова и оставшегося Джунковского». По мнению А. И. Спиридовича, эта речь «по резкости и нападкам на власть была гораздо хуже речей левых и потому произвела на всех особенно сильное впечатление» [2, с. 137]. В результате Общим собранием IV Государственной думы 11 августа 1915 г. была избрана Комиссия по борьбе с немецким засильем во всех областях русской жизни. Она состояла из 33 депутатов под председательством члена фракции центра Г. В. Скоропадского. Эта комиссия рассматривала законопроекты об ограничении прав неприятельских подданных и российских подданных – этнических немцев, австрийцев и венгров. Она создала 4 подкомиссии: по немецкому землевладению, торгово-промышленную и банковскую, по прибалтийским делам и по запросам [35, с. 273].

После речи о немецком засилье Хвостова приняла вдовствующая императрица Мария Федоровна. Отметим в этой связи интересный факт: князь М. М. Андроников «представил Хвостова состоявшему при императрице Марии Федоровне князю Шервашидзе, стараясь заручиться симпатией последнего» [2, с. 183]. Впрочем, Мария Федоровна принимала А. Н. Хвостова и ранее [36, с. 162]. Характеризуя свои отношения с матерью царя, он подчеркивал: «Ко мне вообще и раньше относилась хорошо вдовствующая императрица Мария Федоровна». «С ней, – указывал А. Н. Хвостов, – считались в смысле назначений, хотя и были в дурных отношениях» [22, с. 74]. Подлинный полный дневник Марии Федоровны за 1915 г. не сохранился, а то, что имеется в распоряжении исследователей – опубликованная копия, включающая в себя записи не за все дни. Так, от августа 1915 г. остались только записи за 8, 9, 12, 18, 20, 21, 23, 24, 27 и 28 числа, от сентября того же года – только за 2, 3, 8, 17 и 18 [37, с. 88–91]. Поэтому точную дату встречи Хвостова и Марии Федоровны определить нельзя.

В ходе беседы вдовствующая императрица сказала, что «она знает желание сына» иметь А.Н. Хвостова в качестве министра внутренних дел», нужно только принять меры, чтобы Александра Федоровна не препятствовала этому назначению [22, с. 74].

Следуя совету Марии Федоровны, Хвостов подал Николаю II просьбу принять его. «Царь на этом прошении написал, – вспоминал А. Н. Хвостов, – что хочет меня видеть для разговора по вопросу о немецком засилье» [36, с. 163]. Встреча, видимо, произошла 5 августа 1915 года. В своем дневнике в этот день император записал «Утром принимал нескольких представляющихся» [18, с. 146].

Таким образом, как вспоминал осведомленный современник, «Джунковский поскользнулся на “немцах”, а не, как явствует по другой версии, по поводу якобы враждебного для Распутина доклада царю!» [38, с. 347]. Он просто ловко прикрыл для публики истинную причину увольнения своим “антираспутинством”» [38, с. 315].

Ведь Джунковский действительно оказывал покровительство немецким военнопленным, в т.ч. – австрийскому барону, о перемещении которого из Нижнего Новгорода в Москву хлопотала его жена-француженка. Николай II остался очень недоволен получившими огласку фактами, «и генерал Джунковский немедленно был отстранен от должности. Играла ли при этом какую-нибудь роль его позиция в вопросе о Распутине, я не знаю. Думаю, что не играла вовсе» [38, с. 348].

15 августа 1915 г. Щербатов получил от императора записку: «Настаиваю на немедленном отчислении Джунковского от должности с оставлением в Свите. Николай» [28, с. 633]. На другой день Джунковский подал просьбу царю отчислить его и из Свиты и разрешить отправиться в действующую армию [39, с. 102–103]. На письмо Джунковского царь написал: «В Свите оставить, на отправление в действующую армию согласен» [28, с. 636]. Более того, царь «дал ему право носить форму Корпуса жандармов, над облагорожением которого Джунковский потрудился больше всех других командиров Корпуса. Тут сказалась обычная манера государя подслащивать горькие пилюли» [40, с. 23].

Тем временем в споре царя с премьером по поводу назначения А. Н. Хвостова царица заняла сторону мужа. «Я надеюсь, – писала она 22 августа уезжавшему в Ставку Николаю, – что Горемыкин одобрит назначение Хвостова – тебе нужен энергичный министр внутренних дел; если он окажется неподходящим, можно будет его позднее сменить, беды в этом нет. Но если он энергичен, он может очень помочь, и тогда со стариком нечего считаться. Если ты его берешь, то телеграфируй мне “Хвост (Tail) годится”, и я пойму» [41, с. 212]. То же самое место письма царицы В. Д. Набоков перевел иначе: «Я надеюсь, что

Горемыкин одобрит твой выбор (выделено нами – С. К.) Хвостова – тебе нужен энергичный министр внутренних дел» [42, с. 159]. Данный перевод, если учесть, что кандидатура А. Н. Хвостова была личным выбором Николая II, представляется более адекватным. «Хвостов отнюдь не являлся еще кандидатом Александры Федоровны», – справедливо отмечал С. П. Мельгунов [3, с. 208].

На следующий день, 23 августа, Александра Федоровна встретила с И. Л. Горемыкиным. Во время пребывания царя в Ставке императрица оставалась в Царском Селе и часто принимала с докладом И. Л. Горемыкина как председательница Верховного совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов, делами которого она очень интересовалась. «Газетная придворная хроника каждый раз доводила до сведения публики о выезде в Царское Село с докладом ее величеству председателя Совета министров И. Л. Горемыкина, но никогда не указывала на то, что И. Л. Горемыкин ездил к государыне с докладами по Верховному совету как его председательнице. На этой почве росли слухи, что в отсутствие государя доклады по государственным делам принимает ее величество» [43, с. 115].

Горемыкин сказал царице, что находит А. Н. Хвостова слишком легкомысленным «и не совсем верным в некоторых отношениях». Премьер обещал принести Александре список более подходящих кандидатов на должность министра внутренних дел для передачи его императору [44, с. 215].

В этот момент Хвостов демонстративно сблизился с Прогрессивным блоком, созданным 25 августа 1915 года. После образования Прогрессивного блока Хвостов вообще покинул фракцию правых и вступил во внепартийную группу независимых депутатов [45, с. 190]. Как полагала газета «Биржевые ведомости», «при некоторых организационных усилиях» «депутата А. Н. Хвостова можно было бы привлечь в Прогрессивный блок». «Если бы не неожиданный портфель министра внутренних дел, то трудно сказать, как далеко пошел бы в своем новом повороте А. Н. Хвостов» [46].

А. Н. Хвостов открыто заявил себя сторонником назначения на министерские должности членов законодательных палат, правда не только пользующихся «общественным доверием», но и имеющих опыт административной деятельности. «Я, – конкретизировал А. Н. Хвостов собственную позицию в интервью либеральной газете «Утро России», –

допускаю и даже считаю желательным назначение в состав высшего правительства тех деятелей различных партий Государственной думы и Совета, которые известны своей прошлой административной деятельностью и против которых в обществе нет нареканий». В том же интервью А. Н. Хвостов заявил, что если бы «авторы Прогрессивного блока» включили в свою программу вопросы о борьбе с немецким заговором и дороговизной, то он к ним охотно бы присоединился [47].

Таким образом, А. Н. Хвостов, по сути, одобрял программу Блока и лишь хотел дополнить ее двумя пунктами. Неудивительно, что в период формирования Прогрессивного блока А. Н. Хвостов назывался в качестве возможного главы «министерства доверия», наряду с А. В. Кривошеиным и А. И. Гучковым [1, с. 180]. Выдвигая свое предположение, что «имя Хвостова... могло быть впервые подсказано и не из распутинских сфер», Мельгунов отмечал, что Хвостов «несколько неожиданно стал в августовские дни появляться даже на завтраках Кривошеина и был введен тогда либеральным Григоровичем в число желательных кандидатов на занятие министерского поста в “деловом” кабинете» [3, с. 223–224].

Итак, в августе 1915 г. А. Н. Хвостов пользовался доверием оппозиции, но отнюдь не главы кабинета И. Л. Горемыкина. В список желательных Горемыкину кандидатов на пост министра внутренних дел входили директор Департамента общих дел МВД А. Н. Волжин, государственный секретарь С. Е. Крыжановский, помощник варшавского генерал-губернатора по гражданской части Д. Н. Любимов и варшавский губернатор П. П. Стремоухов [60, с. 25]. Наиболее желательным кандидатом И. Л. Горемыкин считал С. Е. Крыжановского. Александра Федоровна сообщала Николаю II, что во время состоявшейся 28 августа 1915 г. встречи И. Л. Горемыкин, в противовес А. Н. Хвостову, «хотел предложить Крыжановского, но я ответила, что ты никогда не согласишься» [53, с. 237]. Тогда премьер выдвинул бессменного лидера Группы правого центра Государственного совета А. Б. Нейдгарт [50, с. 180–181].

Расчет И. Л. Горемыкина был весьма тонок. Он отлично знал, что А. Б. Нейдгарт, руководивший деятельностью Комитета великой княжны Татьяны Николаевны для оказания временной помощи лицам, пострадавшим от военных действий, пользуется благоволением Александры Федоровны. Кроме того, с августа того же года А. Б. Нейдгарт был

членом находившегося под руководством императрицы Верховного совета по призрению семей лиц, призванных на войну. Неудивительно, что 1 августа 1915 г. по ее ходатайству (и при участии премьера) А. Б. Нейдгарт, выбывший из состава выборных членов Государственного совета, был сделан его назначенным членом [51, с. 100]. Таким образом, А. Б. Нейдгарт принадлежал к числу лиц, входивших в ближайшее окружение Александры Федоровны, которая, по логике И. Л. Горемыкина, выбирая между А. Б. Нейдгартом и совершенно ей незнакомым А. Н. Хвостовым, должна была второму предпочесть первого. Это, поначалу, как будто бы и получилось.

Царица поддержала кандидатуру А. Б. Нейдгарта, написав супругу: «Он прекрасный работник и доказал это на деле, чрезвычайно порядочен и энергичен. ...Мне кажется, что Нейдгарту можно было бы доверять – не думаю, что его немецкая фамилия могла бы послужить препятствием, так как его всюду превозносят за деятельность в Татианином комитете» [52, с. 234].

Что касается Хвостова, то, писала Александра Федоровна, «старик против него, я же его не знаю, и потому мне нечего сказать». «В случае (я совсем не знаю, одобряешь ли ты Нейдгарта) если ты его назначишь, и он тебе представится, поговори с ним *решительно* и откровенно. Смотри, чтобы он не пошел по стопам Джунковского. Ты с самого начала объясни ему положение нашего Друга, чтобы он не смел поступать, как Щербатов, Самарин. Дай ему понять, что преследуя нашего Друга или позволяя клеветать на Него, он этим действует прямо *против* нас. Ты можешь воздействовать на его самолюбие» [53, с. 237].

Пока писались эти строки, произошло событие, существенно уменьшившее шансы Нейдгарта. Его конкурент, А. Н. Хвостов, по совету М. М. Андроникова обратился к Вырубовой [36, с. 163].

Вспоминая об обстоятельствах своего знакомства с А. Н. Хвостовым, князь сообщал, что после речи Хвостова в Государственной думе о немецком засилье и дороговизне, которая ему чрезвычайно понравилась, он искал случая с познакомиться с Хвостовым. Помогла их общая знакомая Н. И. Червинская [54, с. 342].

Отметим, что Андроников «не только не пользовался каким-либо авторитетом при Дворе в царской семье, но отношение ее к нему было критически-ироническое» [55, с. 290]. «Личному возвышению князя Андроникова мешала непобедимая антипатия к нему бывших импера-

трицы и императора, который однажды через камердинера возвратил образ, поднесенный ему князем Андрониковым» [54, с. 330]. В этой связи Воейков вспоминал: «Однажды я получил присланную мне от ее величества икону и приглашение зайти к ней. Из разговора с государыней я узнал, что икона прислана ей Андрониковым, но что она ни под каким видом не желает от него ничего принимать и потому просит меня ему икону вернуть. Что касается взгляда государя на Андроникова, то я лично могу засвидетельствовать, что, когда случайно зашла о нем речь, его величество высказал свое весьма отрицательное о нем мнение» [43, с. 36].

По воспоминаниям князя, предыстория встречи А. А. Вырубовой с А. Н. Хвостовым была такова: «Совершенно случайно, после этой знаменательной его речи в думе я заговорил о Хвостове у Вырубовой: «Читали вы речь?» – «Да, – говорит, – читала: он много говорит про дороговизну... Какой он умный, как он хорошо все знает! Я бы хотела его повидать, – мне говорили о нем их величества». Я говорю: «Очень просто: скажите, – и он приедет»... Она отвечает: «Как-нибудь, когда я буду посвободнее». Потом она протелефонировала: «Желаю видеть Хвостова» – я его и привез» [26, с. 381–382]. «Нас в вагоне увидели, да и трудно было его не заметить (я тоже был полнее, чем теперь)... Нас увидело несколько знакомых и сейчас же, после назначения Хвостова, они говорили: “Ах, Андроников возил Хвостова в Царское, – значит, вот откуда все это происходит!”» [26, с. 379]. Вырубова попросила устроить эту встречу князя М. М. Андроникова, выступившего, в данном случае, в качестве посредника.

«На допросе, – писал А. Я. Аврех, – Андроников пытался уверить комиссию (Временного правительства. – С. К.), что он привел Хвостова к Вырубовой “случайно”, по ее инициативе и уже после того, когда царем было решено сделать Хвостова преемником Щербатова. Однако переписка царской четы полностью опровергает эту версию: до появления Андроникова в Царском Селе императрица и Горемыкин примеривали на пост министра внутренних дел совсем других людей, в частности упомянутого Нейдгарта. Впервые имя Хвостова в качестве возможного кандидата на пост министра внутренних дел императрица упоминает в письме от 3 сентября, причем наряду с тем же Нейдгартом. Из ее последующих писем видно, что эта кандидатура была подсказана ей именно Андрониковым» [4, с. 115]. На самом деле впервые

кандидатура А. Н. Хвостова появляется в письме царицы от 22 августа, а кандидатура А. Б. Нейдгардта – в письме от 28 августа, причем из первого письма видно, что кандидатура Хвостова была «подсказана» Александре Федоровне не М. М. Андрониковым, а самим Николаем II. В сущности, это был вынужден признать сам Аврех, когда писал, что царица выступала в пользу назначения Хвостова «еще при заочном знакомстве, со слов Вырубовой, при сопротивлении Горемыкина, настаивавшего на своем кандидате – Крыжановском, в отсутствие Распутина, находившегося в то время в Покровском» [4, с. 115].

29 августа Александра телеграфировала: «Не предпринимай ничего окончательно, если можно, до получения моего завтрашнего письма о “Хвосте”» [49, с. 235]. Встреча подруги царицы и депутата думы произошла 29 августа в Царском Селе в доме Вырубовой, которой Хвостов понравился. Царица писала: «А[ня] только что видела Андроникова и Хвостова, последний произвел на нее прекрасное впечатление. Он очень тебе предан, говорил с ней спокойно и хорошо о нашем Друге, рассказал, что на завтра готовился запрос в думе о Григории: просили подписи Хвостова, но он отказал и заметил, что если этот вопрос будет поднят, то амнистия не будет дарована. Они подумали и – опять отказались от запроса. Он рассказал такие ужасы про Гучкова!» [49, с. 237]. «Вообще она им очарована» [49, с. 237], писала Александра о впечатлении, произведенном А. Н. Хвостовым на А. А. Вырубову.

30 августа 1915 г. Николай, согласно его дневнику, «долго принимал» И. Л. Горемыкина [18, с. 150], вопрос о новом министре внутренних дел так и остался нерешенным. Супруге царь телеграфировал: «Сердечно благодарю за два милых письма, полученных вчера вечером. Видел старика, о многом поговорили, но отложил окончательное решение до своего возвращения» [56, с. 241]. «Я рада, что у тебя была хорошая беседа со “Старцем”, как наш Друг называет Горемыкина, – отвечала Александра 31 августа мужу. – Я полагаю, что твои слова о том, что ты откладываешь решение до своего возвращения, касаются вопроса о смене министра внутренних дел. Как было бы хорошо, если бы ты мог повидать Хвостова, обстоятельно с ним побеседовать и увидеть, произведет ли он на тебя то же благоприятное впечатление честного, лояльного, деятельного человека, что и на Аню» [57, с. 241].

Несмотря на постепенное усиление сочувственного интереса Александры Федоровны к личности кандидата Николая, тем не менее в на-

чале сентября царица все еще балансировала между А. Н. Хвостовым и А. Б. Нейдгартом. Так, в письме за 3 сентября, выражая желание, чтобы Николай «мог хоть мельком взглянуть на Хвостова, Александра Федоровна тут же добавляла: «А не то Нейдгарт (последний такой педант!)» [58, с. 250]. Сообщая 7 сентября о состоявшейся в этот день своей встрече с И. Л. Горемыкиным, императрица писала: «Теперь резюмирую то, что сказал старик. Надо найти нового министра внутренних дел (я ему сказала, что ты еще не решил относительно Нейдгарта, – может быть, по возвращении ты еще раз подумаешь о Хвостове)» [59, с. 264]. Однако, именно в первой половине сентября агитационное воздействие на А.А. Вырубову, которое оказывал в пользу А. Н. Хвостова князь М. М. Андроников, начало достигать своего апогея.

Указав императору 7 сентября на то, что князь М. М. Андроников в разговорах с А. А. Вырубовой «продолжает восхвалять Хвостова и убеждает в этом Горемыкина», Александра Федоровна сообщала: «Он (т. е. князь Андроников. – С. К.) хочет ему (И. Л. Горемыкину. – С. К.) его (А. Н. Хвостова. – С. К.) представить, чтобы старик убедился, что этот человек готов дать себя разрубить на куски для тебя (он стоит за нашего Друга и никому не позволит о Нем плохо отзываться). Его бестактность ничего не значит теперь, – нам нужен энергичный человек, знающий людей, и с русским именем» [59, с. 267].

М. М. Андроников развернул письменную агитацию в пользу назначения А. Н. Хвостова. Упомянув в письме Вырубовой, написанном не ранее 2 сентября, о резком росте оппозиционных настроений, князь утверждал: «Здесь нужны люди, полные энергии и жизни и вместе с тем люди, беззаветно преданные нашему государю и нашему государственному строю... Государю нужны такие помощники-министры, которые вели бы Россию в согласии с ... народными желаниями, а не в угоду разным политическим авантюристам и реформаторам. Среди таких всецело понимающих народные желания лиц в настоящее время рельефно выделяется личность Алексея Николаевича Хвостова, крепкого русского человека, опытного государственного деятеля, энергичного и ловкого политика. Это единственный, быть может, в настоящее время человек, который сумеет заговорить к народу, который успокоит разбушевавшиеся страсти, и который разорвет те плотины, которые не дают прорваться потоку народной любви к своему государю –

защитнику Родины. На министра внутренних дел в настоящее время обращены не только тысячи глаз, но и тысячи умов. Его ум должен уметь реагировать на эти умы толпы. Речь А. Н. Хвостова, произнесенная им недавно в Государственной думе, пронеслась доброй вестью по всей России. С какой же силой пронесутся его речи, когда он будет произносить их в качестве ближайшего слуги нашего царя. Народ больше всего пленяют такие политические деятели, которым присущи живое слово, энергия и ум, а на таких царских слуг теперь страдная пора» [60, с. 25].

По удачному выражению самого А. Н. Хвостова, князь М. М. Андроников «не проводил», а «хвалил» его [61, с. 22]. Игра князя была абсолютно беспроигрышной, поскольку, по его собственному признанию, он отлично знал, что «Хвостов предназначен был уже государем» [26, с. 388]. Агитационная деятельность князя М. М. Андроникова, занимавшегося, наряду с составлением писем А. А. Вырубовой и распространением речей А. Н. Хвостова, постепенно начинала приносить свои плоды.

«Вот тебе, дружок, речь Хвостова... – писала Александра Николаю 8 сентября 1915 г. – Она исполнена ума, честности и энергии. Видно, что этот человек жаждет быть тебе полезным» [62, с. 271–272]. «Просмотрел ли ты его книгу?» – вопрошала царица супруга 11 сентября [63, с. 283]. Похожий вопрос («Просмотрел ли ты произведения Хвостова?») содержался в письме от 17 сентября [64, с. 305].

Николаю II о желательности назначения А. Н. Хвостова М. М. Андроников написал еще позже – приблизительно в середине сентября. В письме, составленном около этого времени, князь, довольно стильно излив на либеральную оппозицию свое недовольство, утверждал: «Так думают миллионы искренно преданных царю слуг, которых можно видеть везде: и под соломенной крышей крестьянской, и в непривлекательных военных окопах, и, наконец, в высших законодательных учреждениях. Среди последних особенно вырисовывается фигура члена Государственной думы Алексея Николаевича Хвостова, пользующегося особенным уважением и авторитетом и с вполне подготовленной и определенной государственной программой, которой в последнее время не было ни у одного министра. Многие, помня желание государя императора привлечь Хвостова к высшему управлению Министерством внутренних дел после кончины Столыпина, намечают его кандидатом на этот пост и в настоящее трудное время. Голос народа –

голос Бога, говорит пословица. Быть может, действительно Алексей Николаевич Хвостов будет избранником, и тогда наши тревоги уступят место полному успокоению, т. к. во главе нашего внутреннего, самого важного ведомства будет человек сильной воли, будет сильная преданная царю власть. Все изложенное пред вашим императорским величеством продиктовано болеющим сердцем за царей и Русь, а потому дерзаю надеяться, что этот плач души моей не будет мне поставлен в укор» [60, с. 28–29].

Под влиянием А. А. Вырубовой и М. М. Андроникова царица 10 сентября окончательно приняла кандидатуру А. Н. Хвостова. В этот день она сообщала мужу: «Прошу тебя, поговори серьезно о Хвостове как министре внутренних дел с Горемыкиным. Я уверена, что он – подходящий человек для теперешнего момента, так как никого не боится и предан тебе» [66, с. 279]. Подразумевая неприемлемость Щербатова, царица писала: «Прошу тебя, назначь Хвостова на его место... Он очень энергичен, никого не боится и всецело предан тебе, что самое важное в нынешнее время. Он делает бестактности, но можно предупредить его их не делать... Пожалуйста, дорогой, *серьезно* подумай о нем. Он не такой трус и *тряпка*, как Щербатов» [63, с. 283–284].

Но против назначения А. Н. Хвостова выступал Горемыкин. 11 сентября он был у царицы. Премьер стал отстаивать кандидатуру государственного секретаря С. Е. Крыжановского. Однако у императрицы он поддержки не нашел. Тем не менее глава правительства продолжил добиваться задуманного. «В первых числах сентября 1915 г., – вспоминал С. Е. Крыжановский, – И. Л. Горемыкин, вызвав меня на дачу на Елагин остров, сказал, что едет на следующий день в Ставку и будет просить государя о назначении меня министром внутренних дел» [68, с. 141]. Тем самым Горемыкин предпринял последнюю попытку по нейтрализации кандидатуры А. Н. Хвостова.

«После чая, – записал Николай II 14 сентября 1915 г., – принял Горемыкина» [18, с. 153]. При встрече премьер указал императору на Крыжановского как на лучшего кандидата в министры внутренних дел. Но царь отверг эту кандидатуру. Николай II по-прежнему настаивал на А. Н. Хвостове. «Через два дня, – отмечал С. Е. Крыжановский, – Горемыкин вернулся из Ставки с известием о назначении А. Н. Хвостова» [68, с. 141]. Премьер проиграл. Характерно, однако, что о предстоящем назначении Хвостова царь не написал супруге.

Состоявшийся 14 сентября всеподданнейший доклад И. Л. Горемыкина подвел известную черту под длившимся полтора месяца глухим сопротивлением премьера желанию Николая II провести в министры внутренних дел своего личного кандидата. Между тем Александра Федоровна продолжала поддерживать императора в его противостоянии И. Л. Горемыкину. «Пожалуйста, – писала она мужу 15 сентября, – помни о Хвостове» [70, с. 299].

К середине сентября царица решила лично встретиться с А. Н. Хвостовым, чтобы проверить положительные мнения о нем, высказанные А. А. Вырубовой и М. М. Андрониковым. В решении пойти на эту встречу Александру Федоровну утвердила телеграмма Г. Е. Распутина, все еще находившегося в Сибири. О близости назначения А. Н. Хвостова Г. Е. Распутин узнал из телеграммы А. А. Вырубовой только в середине сентября. Ответная телеграмма старца была получена ею 16 сентября. Григорий по телеграфу «дал нам понять, что Хвостов подойдет» [71, с. 302]. Примечательно, однако, что в истории с назначением А. Н. Хвостова старец появился, да и то заочно, лишь тогда, когда все уже давным-давно было решено без него.

Не менее примечательно и то, что Г. Е. Распутин, мнение которого о А. Н. Хвостове до этого момента было отрицательным, решительно переменял фронт и благословил выбор императора, когда узнал, что назначение нижегородского обидчика предрешено Николаем II и одобряется Александрой Федоровной. Впрочем, в данном случае имела место и обратная зависимость – получив благословение старца, царица еще больше утвердилась во мнении о том, что в споре Николая с И. Л. Горемыкиным по поводу кандидатуры А. Н. Хвостова прав ее муж. «Теперь, когда и Григорий советует взять Хвостова, я чувствую, что это *правильно*, и потому приму его», – писала царица 17 сентября [64, с. 305].

Частный прием у царицы А. Н. Хвостову устроила Вырубова. Этому способствовал и Михаил Андроников [36, с. 163]. «Милый, Хвостов был опять у Ани и умолял, чтоб я приняла его, поэтому приму его сегодня. Из всего, что он сказал ей, видно, что он отлично понимает положение и думает, что с умением и умом можно будет все наладить. Он знает, что его дядя и Горемыкин против него, так как боятся его, потому что он очень энергичен. Но он больше всего предан тебе и поэтому предлагает тебе свои услуги. Попробуй, посмотри, не может ли он помочь.

Он очень уважает старика и не захочет пойти против него. Он уже раз вовремя остановил запрос о нашем Друге в думе. Он хочет положить этому конец» [64, с. 304]. Боясь, как бы И. Л. Горемыкин не перехватил инициативу у ее мужа, она снова и снова возвращалась к той же самой теме: «Меня с ума сводит состояние неизвестности относительно того, что ты думаешь и решаешь, это такой крест – переживать все издали! А может быть, ты не предпримешь никаких перемен до своего возвращения и я только напрасно мучаюсь? Телеграфируй хоть одно слово, чтобы успокоить меня. Если министры не сменены, телеграфируй: “Перемен пока нет”, и если решил насчет Хвостова, напиши: “Я помню про Хвост”, а если нет, то: “Не надо Хвоста”. Но дай Бог, чтобы ты был хорошего мнения о нем! Я его принимаю, потому что он просит этого поскорее, – не знаю, почему он верит в мою мудрость и помощь. Это только доказывает, что он хочет служить тебе и твоей династии против этих разбойников и крикунов» [64, с. 305].

Встреча царицы с А. Н. Хвостовым произошла 17 сентября. Императрица призналась мужу: «Я помолилась, прежде чем принять его, так как немного боялась этого разговора» [64, с. 308]. Беседа продолжалась больше часа. Хвостов критически высказался о своем конкуренте А. Б. Нейдгарте («Он говорит, что мадам Столыпина сильно старается за Татьянинного Нейдгардта, ибо желает сама опять играть роль, но он находит его совсем неспособным»). Царица писала мужу, что Хвостов «благодарил горячо, что я ему позволила высказать все, что у него было на душе, так как он возлагает на меня свою надежду помочь правому делу для пользы тебе, Бэби и России» [64, с. 307].

«Мой муж, – говорила, согласно А. Н. Хвостову, царица, – не раз уже подумывал о назначении вашем на пост министра внутренних дел, и действительно – Щербатов совершенно не годится. Но сознаюсь, что я этому препятствовала, вследствие того, что вы так отрицательно относитесь к Григорию Ефимовичу». В конце встречи царица намекнула А. Н. Хвостову на желательность назначения С. П. Белецкого товарищем министра внутренних дел, с тем, чтобы на него была возложена охрана Распутина [36, с. 163–164].

Как свидетельствует письмо царицы супругу от 17 сентября 1915 г., Александра Федоровна осталась в полном восторге от встречи с А. Н. Хвостовым. Царица «пришла к заключению, что работа с таким человеком будет удовольствием». «Поговорив с ним, – писала царица

мужу, – я теперь могу откровенно тебе посоветовать взять его *без всяких колебаний*. «Ты бы наслаждался работой с этим человеком». «Тебе не пришлось бы ни подгонять его, ни подталкивать, он одинаково добросовестно работал бы с тобою и в твое отсутствие». «Он видит и думает, как мы, – все время почти он вел разговор сам». «Хвостов меня освежил, я не падала духом, но жаждала, наконец, увидеть “человека”, а тут я его видела и слышала» [64].

18 сентября Николай ответил жене: «Твои милые письма так глубоко меня трогают, что я просто в отчаянии, что не могу отвечать в том же роде; я даю тебе, может быть, лишь десятую долю того, что ты мне даешь твоими любящими строчками... Только что получил твое последнее милое письмо от 17-го, в котором ты говоришь о хорошем впечатлении, произведенном на тебя молодым Хвостовым. Я уверен был в этом, зная его по прошлому, когда он был губернатором в Вологде, а позднее – в Нижнем. И чтобы не терять времени, немедленно повидая его в тот день, когда приеду, в 6 часов» [71а, с. 316]. Таким образом, во всей истории назначения А. Н. Хвостова, с начала и до конца, Николай сохранял за собой главную роль, не сравнимую по своему значению с явно второстепенной ролью царицы, не говоря уже о пребывавшем в сетях Г. Е. Распутине.

Товарищем нового министра внутренних дел стал С. П. Белецкий. Осенью 1915 г. Андроников, узнав о возвращении Белецкого в Петроград, позвонил ему, прося зайти. «Когда я пришел к нему, – вспоминал Белецкий, – то от него я узнал, что за время моего отсутствия он близко сошелся с Распутиным, проник через него в особое доверие к А. А. Вырубовой, вошел в наилучшие отношения со статс-дамой Нарышкиной и что в составе кабинета предстоят большие перемены, которые могут повлечь за собою обратное мое возвращение к активной работе, к чему почва достаточным образом подготовлена, так как им сделано многое в мою пользу. Он ставил условием в будущем действовать с ним солидарно» [11, с. 152–153]. «Когда князь Андроников, – вспоминал С. П. Белецкий, – сообщил мне о предстоящих переменах, то под строгим секретом передал мне, что им еще задолго до этого, уже с лета выставлена кандидатура А. Н. Хвостова, которого он сблизил и с дворцовым комендантом Воейковым, и с А. А. Вырубовой; что А. Н. Хвостов уже был вызываем во дворец государыней, произвел самое лучшее на нее впечатление и что теперь для Хвостова подготов-

ляется благоприятная почва к приему у государя; что, судя по всему, успех назначения обеспечен и что это делается очень тонко, так что даже Горемыкин не посвящен в это назначение, т.к. это назначение, как он думает, могло бы встретить противодействие со стороны Горемыкина, имевшего своего кандидата, к провалу которого, путем сообщения о нем некоторых сведений, приняты уже им, князем Андрониковым, меры и что А. Н. Хвостов, который раньше, будучи губернатором, ко мне относился несколько предубежденно, теперь, под влиянием его, князя, рад будет совместному служению со мною. На другой день было назначено в квартире князя Андроникова свидание с А. Н. Хвостовым, повлекшее за собою ряд дальнейших свиданий, нас тесно сблизивших, и затем состоялась моя совместная с ним поездка к А. А. Вырубовой, где я встретил доверчивый прием, и к генералу Воейкову, с которым до этого времени я познакомился через князя Андроникова и у которого бывал неоднократно. Эти сведения меня убедили, что князь Андроников весьма точно передал мне обстановку дела и что вопрос о переменах в кабинете – вопрос самого близкого будущего, и предопределено, судя по полученным уже из дворца известиям, назначение А. Н. Хвостова» [11, с. 155].

Приведенная выдержка из воспоминаний С. П. Белецкого нуждается в существенных корректировках. Сближение А. Н. Хвостова с дворцовым комендантом В. Н. Воейковым имело место не до, а после возвращения царя из Ставки, т. е. после 23 сентября. Беседа М. М. Андроникова с С. П. Белецким состоялась не ранее 23 сентября, поскольку именно этим числом датировано письмо князя дворцовому коменданту генералу В.Н. Воейкову, которое и привело к сближению А. Н. Хвостова с генералом. Это видно, в частности, из следующих строк письма князя М. М. Андроникова В. Н. Воейкову от 23 сентября 1915 г. Обращаясь к В. Н. Воейкову, М. М. Андроников писал: «Очень прошу Вас разрешить мне приехать к Вам с Алексеем Николаевичем Хвостовым, если можно – завтра, в четверг, или в пятницу. Я много говорил Алексею Николаевичу про Вас, и он жаждет видеть Вас» [73, л. 26 об.]. 23 сентября после приема «Хвостов и Белецкий были у генерала Воейкова» [2, с. 184].

Хотя роль князя М. М. Андроникова в подготовке назначения А. Н. Хвостова сводилась к роли посредника, царица беспокоилась, как бы болтливость князя не выставила в превратном свете ее

и А. А. Вырубову. «Андроников, – сообщала Александра Федоровна мужу 20 сентября, – дал Ане честное слово, что никто не будет знать, что Хвостов и Белецкий бывают у нее (она видается с ними в своем доме, не во дворце), так что ее имя и мое не будут в этом замешаны» [74, с. 319]. Поначалу тайну удавалось сохранять вполне. «Очень шатким, – сообщил Д. Н. Матвееву крупный чиновник Министерства внутренних дел Н. Д. Тальберг 19 сентября 1915 г., – продолжают считать положение нашего шефа, преемниками которого называют Крыжановского, Веревкина (товарища министра юстиции), Ал[ександра] Трепова, даже Муратова» [75, с. 129]. Примечательно, что имя кандидата Николая, в отличие от кандидата И. Л. Горемыкина, в этом списке отсутствует.

23 сентября 1915 г. от 18.00 до 20.00 царю «имел счастье представляться член Государственной думы в звании камергера Хвостов» [76, л. 167об.]. «Он мне ни слова не сказал о моем назначении, – вспоминал А. Н. Хвостов, – говорил о текущих делах, говорил, что читал мои речи, – вполне со мной согласен; говорил об общем положении вещей, – говорил долго... Потом простился со мной и сказал, что будет с большим интересом читать мои речи в Государственной думе. Когда он говорил со мной, у него уже было написано письмо Горемыкину, потому что в тот же день, когда я приехал домой, Горемыкин получил приказ, в котором было сказано, что меня назначили министром внутренних дел... Таким образом, он говорил одно, а на деле уже было решено другое, – и разговор о моих будущих речах был просто приятным разговором» [61, с. 7]. 24 сентября 1915 г. Николай II «вернулся в поезде с Горемыкиным» [18, с. 155].

25 сентября 1915 г. царь принял «в 11 час. – Щербатова и в 12 час. – Самарина и простился с обоими» [18, с. 155]. В тот же день он отправил повеление А. С. Танееву: «Пришлите мне указы об увольнении: князя Щербатова от должности управляющего Министерством внутренних дел и Самарина от должности исправляющего должность обер-прокурора Св. Синода. О назначении члена Государственной думы Хвостова управляющим Министерством внутренних дел. Николай. 25 сентября 1915» [77, л. 7]. Указы о назначениях А. Н. Хвостова и С. П. Белецкого Николай подписал 26 и 28 сентября [78, с. 50].

Распутин вернулся в Петроград на другой день после увольнения Щербатова, о чем он был заранее предупрежден телеграммой

[79, с. 215]. В Петрограде Распутин был 28 сентября. В тот же день в дневнике Николая II появилась запись: «Вечер провели хорошо у Ани с Григорием» [18, с. 156].

Встреча старца с А. Н. Хвостовым и С. П. Белецким состоялась уже после их назначений, 29 сентября [11, с. 161] в квартире князя Андроникова. Был устроен обед. Участвовавшие в нем Белецкий, Хвостов, Андроников и Червинская «были поражены некоторою в нем (Распутине – С. К.) переменою: в нем было более апломба и уверенности в себе. Из первых же слов Распутин дал понять, что он несколько недоволен тем, что наше назначение состоялось в его отсутствие, и этим подчеркнул князю, считая его в том виновным» [11, с. 161]. Тем не менее, преувеличивая свою роль, виновником возвышения и того, и другого Г. Е. Распутин выставлял себя. Так же считало и общественное мнение. Лев Тихомиров писал в дневнике: «Рассказами о Гришке полна Россия. Так, еще недавно слышал уверения, что Хвостов назначен в министры Гришкою. Нет сомнения, что все такие слухи раздуваются врагами самодержавия, но это не изменяет результатов» [81, с. 188].

«Меня злило, – говорил по этому поводу М. М. Андроников, – когда Распутин говорил: “Я назначил Хвостова, я назначил Белецкого”... Это была неправда, потому что Хвостов был назначен 24–25 августа, а Распутин приехал в сентябре!» [26, с. 379].

Впрочем, сам М. М. Андроников, кадя своему самолюбию, перед непосвященными, в частности – С. П. Белецким, тоже представлял дело так, будто он и является автором кандидатуры А. Н. Хвостова. Понятно, что старец и князь выдавали желаемое за действительное. Назначение А. Н. Хвостова предопределялось не влиянием «темных сил», а личным выбором императора, который поддержала его жена. Впоследствии она раскаивалась в этом: «Я в отчаянии, что мы через Григория рекомендовали тебе Хвостова. Мысль об этом не дает мне покоя, ты был против этого, а я сделала по их настоянию, хотя с самого начала сказала Ане, что мне нравится его сильная энергия, но он слишком самоуверен, и что это мне в нем антипатично» [82, с. 501].

Логику императора можно понять. Хвостов имел репутацию «принципиального немцененавистника» [45, с. 221], «заядлого фанатика борьбы с немецким засилием и немецким шпионажем» [3, с. 209]. Показательный факт: Хвостов, будучи нижегородским губернатором (т. е. еще до войны), просил у императора разрешения на освобождение

дочери-институтки от занятий немецким языком и получил высочайшее согласие на это. В Нижегородский Марининский институт благородных девиц из Канцелярии Его Величества по учреждениям императрицы Марии Федоровны пришла соответствующая бумага [82а, с. 299]. Выбирая А. Н. Хвостова, Николай хотел добиться нейтрализации слухов о влиянии на него «германофильской партии». Поскольку А. Н. Хвостов имел репутацию ярого германофоба и являлся, в этом смысле, знаковой фигурой, его назначение, по мысли царя, должно было доказать несостоятельность подозрений, захвативших массовое сознание. «Во время войны, – вспоминала Вырубова, – Хвостов был правым членом думы, стал произносить громовые речи против немецкого засилия. Государь взял его, сказав, что “уж его в шпионстве не заподозрят”» [83, с. 110].

По мнению А. Я. Авреха, для царя и царицы А. Н. Хвостов «был “своим” в том смысле, что стоял на тех же позициях, что и его августейшие покровители. Иными словами, аморальность и беспринципность являлись тем пропуском и свидетельством благонадежности, которые открывали доступ к тесной группе “своих”. Здесь действовал принцип шайки, принцип мафии» [4, с. 122]. А. Я. Аврех прав, что Николай и А. Н. Хвостов находились на одних и тех же позициях. Однако предпосылкой этого стали не «аморальность и беспринципность», а консервативно-либеральные компоненты их политических взглядов.

Назначение А. Н. Хвостова, подчеркивал В. М. Волконский, «было сделано под влиянием общественного мнения» [84, с. 137]. «Царю все навязывали общественных деятелей, – комментировал назначение А. Н. Хвостова В. Б. Лопухин. – С благословения Распутина он и взял себе общественного деятеля в министры внутренних дел, думая угодить общественности» [87, с. 255]. Подразумевая назначение А. Н. Хвостова, Г. Е. Львов признавал: «Несомненно, тут была идея – мы идем навстречу обществу, мы берем наших министров из рядов избранников народа» [85, с. 215]. Как раз накануне назначения А. Н. Хвостова, 13 сентября 1915 г., А. А. Клопов, доводивший до Николая II мнения оппозиции, просил императора призвать «в ряды правительства и на местах (губернаторов) лиц, пользующихся всеобщим доверием, действительно любящих народ и хорошо знающих нужды его» [86, с. 466]. Для Александры Федоровны тоже плюсом было то, что Хвостов «член думы, так что имеет то преимущество, что всех знает и сумеет с ними

разговаривать, а также охранять и защищать твое правительство» [67, с. 287]. Таким образом, назначение А. Н. Хвостова было шагом на встречу оппозиции, а отнюдь не следствием влияния «темных сил».

Список источников и литературы

1. *Милуков П. Н.* Воспоминания. В 2-х т. М., 1990. Т. 2.
2. *Спиридович А. И.* Великая война и Февральская революция. Воспоминания. Минск, 2004.
3. *Мельгунов С. П.* Легенда о сепаратном мире. Канун революции. М., 2006.
4. *Аврех А. Я.* Царизм накануне свержения. М., 1989.
5. *Рассулин Ю. Ю.* Верная Богу, Царю и Отечеству. Архивные материалы и исторические зарисовки к духовному портрету блаженной памяти монахини Марии, в миру Анны Александровны Танеевой (Вырубовой) // Верная Богу, Царю и Отечеству. Анна Александровна Танеева (Вырубова) – монахиня Мария. СПб., 2005.
6. Письма императрицы Александры Федоровны к императору Николаю II. В 2-х тт. Берлин, 1922.
7. Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 3–5. М.–Пг.–Л., 1923–1927.
8. Николай II в секретной переписке. М., 1996.
9. Переписка Николая и Александры. М., 2013.
10. *Кизиветтер А. А.* Письма царицы // Современные записки. 1922. № 13.
11. Показания С. П. Белецкого // Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в ЧСК Временного правительства. В 7 тт. М.–Л., 1924–1927. Т. 4.
12. *Белецкий С. П.* Григорий Распутин. Из воспоминаний // Былое. 1922. № 20; 1923. № 21, 22.
13. *Белецкий С. П.* Григорий Распутин (из записок). Пг., 1923.
14. *Белецкий С. П.* Воспоминания // Архив русской революции. 1923. Т. 12.
15. Постановление следователя ЧСК Временного правительства Ф. П. Симсона. 1 ноября 1917 г. // Искендеров А. А. Закат Империи. М., 2001.
16. Б. А. Бахметев – В. А. Маклакову. 6 марта 1924 г. // «Совершенно лично и доверительно!»: Б. А. Бахметев – В. А. Маклаков. Переписка. 1919–1951. В 3-х тт. М., 2002. Т. 3.
17. *Савич Н. В.* После исхода. Парижский дневник. 1921–1923. М., 2008.
18. Николай II. Дневники (1894–1918). В 2-х т. М., 2013. Т. 2. Ч. 2.

19. Допрос И. Л. Горемыкина. 15 мая 1917 г. // Падение царского режима... Т. 3. М.–Л., 1925.
20. *Тхоржевский И. И.* Последний Петербург. Воспоминания камергера. СПб., 1999.
21. Допрос князя Н. Б. Щербатова. 27 сентября 1917 г. // Падение царского режима... Т. 7. М.–Л., 1927.
22. Допрос А. Н. Хвостова. 17 июля 1917 г. // Падение царского режима... Т. 6. М.–Л., 1926.
23. Допрос А. А. Хвостова. 12 июля 1917 г. // Падение царского режима... Т. 5. М.–Л., 1926.
24. Выписка из данных наружного наблюдения за Григорием Распутиным... // Святой черт. Тайна Григория Распутина. Воспоминания. Документы. Материалы Следственной комиссии. М., 1990.
25. Допрос С. П. Белецкого. 19 мая 1917 г. // Падение царского режима... Т. 3. М.–Л., 1925.
26. Допрос князя М. М. Андроникова. 6 апреля 1917 г. // Падение царского режима... Т. 1. М.–Л., 1924.
27. И. А. Куракин – М. А. Шаховской. 23 августа 1915 г. // РГИА. Ф. 1542 (князя Шаховские). Оп. 1. Д. 131.
28. *Джунковский В. Ф.* Воспоминания. В 2-х тт. М., 1997. Т. 2.
29. *Кафафов К. Д.* Воспоминания о внутренних делах Российской империи // Вопросы истории. 2005. № 4.
30. Приложение № 5. Протокол допроса Вырубовой Анны Александровны от 14 октября 1917 г. // Верная Богу, Царю и Отечеству. Анна Александровна Танеева (Вырубова) – монахиня Мария. СПб., 2005.
31. *Поливанов А. А.* Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. Т. 1. М., 1924.
32. *Поливанов А. А.* Девять месяцев во главе Военного министерства (13 июня 1915 г. – 13 марта 1916 г.) // Вопросы истории. 1994. № 2–3.
33. *Васильев А. Т.* Охрана. Русская секретная полиция // «Охранка». Воспоминания руководителей охранных отделений. В 2-х тт. М., 2004. Т. 2.
34. Ораторы России в Государственной думе (1906–1917 гг.). В 2-х тт. СПб., 2004. Т. 2.
35. *Демин В. А.* Комиссия по борьбе с немецким засильем // Государственная дума Российской империи: 1906–1917. Энциклопедия. М., 2008.
36. *Хвостов А. Н.* Из воспоминаний // Голос минувшего. 1923. № 2.
37. Мария Федоровна, имп. Дневники (1914–1920, 1923 гг.). М., 2005.

38. *Мартынов А. П.* Моя служба в Отдельном корпусе жандармов // «Охранка». Воспоминания руководителей охранных отделений. В 2-х тт. М., 2004. Т. 1.
39. *Монархия перед крушением. 1914–1917.* Бумаги Николая II и другие документы. М.-Л., 1927.
40. *Шавельский Г. И.* Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. В 2-х тт. М., 1996. Т. 2.
41. *Александра Федоровна – Николаю II. 22 августа 1915 г.* // Переписка Николая и Александры. М., 2013.
42. *Александра Федоровна – Николаю II. 22 августа 1915 г.* // Письма императрицы Александры Федоровны к императору Николаю II. В 2-х тт. Берлин, 1922. Т. 1.
43. *Воейков В. Н.* С царем и без царя. Воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II. М., 1995.
44. *Александра Федоровна – Николаю II. 23 августа 1915 г.* // Переписка Николая и Александры. М., 2013.
45. *Иванов А. А.* Правые в русском парламенте от кризиса к краху (1914–1917). М. – СПб., 2013.
46. *Султанов С. М.* А. Н. Хвостов (Письмо из Москвы) // Биржевые ведомости. 1915. 7 октября.
47. *А. Н. Хвостов о кабинете общественных деятелей* // Утро России. 1915. 28 сентября.
48. *А. Н. Хвостов о Прогрессивном блоке* // Утро России. 1915. 28 сентября.
49. *Александра Федоровна – Николаю II. 29 августа 1915 г.* // Переписка Николая и Александры. М., 2013.
50. *Куликов С. В.* Нейдгарт (Нейдгарт) Алексей Борисович // Государственный совет Российской империи: 1906–1917. Энциклопедия. М., 2008.
51. *Куликов С. В.* Практика пополнения состава членов Государственного совета по назначению в 1906–1917 гг. // Проблемы социального и гуманитарного знания. Сборник научных работ. Вып. 2. СПб., 2000.
52. *Александра Федоровна – Николаю II. 28 августа 1915 г.* // Переписка Николая и Александры. М., 2013.
53. *Александра Федоровна – Николаю II. 29 августа 1915 г.* // Переписка Николая и Александры. М., 2013.
54. *Постановление Ф. П. Симсона. 1 ноября 1917 г.* // Искендеров А. А. Закат империи. М., 2001.

55. Руднев В. М. Правда о царской семье и «темных силах» // Святой черт. Тайна Григория Распутина. Воспоминания. Документы. Материалы Следственной комиссии. М., 1990.
56. Николай II – Александре Федоровне. 30 августа 1915 г. // Переписка Николая и Александры. М., 2013.
57. Александра Федоровна – Николаю II. 31 августа 1915 г. // Переписка Николая и Александры. М., 2013.
58. Александра Федоровна – Николаю II. 3 сентября 1915 г. // Переписка Николая и Александры. М., 2013.
59. Александра Федоровна – Николаю II. 7 сентября 1915 г. // Переписка Николая и Александры. М., 2013.
60. «Успокоения нечего ожидать». Письма князя М. М. Андроникова Николаю II, Александре Федоровне, А. А. Вырубовой и В. Н. Воейкову // Источник. 1999. № 1.
61. Допрос А. Н. Хвостова. 18 марта 1917 г. // Падение царского режима... Т. 1. М.-Л., 1924.
62. Александра Федоровна – Николаю II. 8 сентября 1915 г. // Переписка Николая и Александры. М., 2013.
63. Александра Федоровна – Николаю II. 11 сентября 1915 г. // Переписка Николая и Александры. М., 2013.
64. Александра Федоровна – Николаю II. 17 сентября 1915 г. // Переписка Николая и Александры. М., 2013.
65. Александра Федоровна – Николаю II. 9 сентября 1915 г. // Николай II в секретной переписке...
66. Александра Федоровна – Николаю II. 10 сентября 1915 г. // Переписка Николая и Александры. М., 2013.
67. Александра Федоровна – Николаю II. 12 сентября 1915 г. // Переписка Николая и Александры. М., 2013.
68. Крыжановский С. Е. Воспоминания. Из бумаг последнего государственного секретаря Российской империи. СПб., 2009.
69. Николай II – Александре Федоровне. 19 сентября 1915 г. // Переписка Николая и Александры. М., 2013.
70. Александра Федоровна – Николаю II. 15 сентября 1915 г. // Переписка Николая и Александры. М., 2013.
71. Александра Федоровна – Николаю II. 16 сентября 1915 г. // Переписка Николая и Александры. М., 2013.

- 71а. Николай II – Александре Федоровне. 18 сентября 1915 г. // Переписка Николая и Александры. М., 2013.
72. Александра Федоровна – Николаю II. 18 сентября 1915 г. // Переписка Николая и Александры. М., 2013. С. 311.
73. М. М. Андроников – В. Н. Воейкову. 23 сентября 1915 г. // РГИА. Ф. 1617 (князь М. М. Андроников). Оп. 1. Д. 63.
74. Александра Федоровна – Николаю II. 20 сентября 1915 г. // Переписка Николая и Александры. М., 2013.
75. Переписка правых и другие материалы об их деятельности в 1914–1917 гг. // Вопросы истории. 1996. № 1.
76. Черновой камер-фурьерский журнал за сентябрь 1915 г. // РГИА. Ф. 516 (камер-фурьерские журналы). Оп. 219/2728. Д. 41.
77. Николай II – А. С. Танееву. 25 сентября 1915 г. // РГИА. Ф. 1409 (Собственная Его Величества канцелярия). Оп. 9. Д. 321.
78. *Куликов С. В.* «Министерская чехарда» в России периода Первой мировой войны. Хроника событий (июль 1914 – февраль 1917). // Из глубины времен. 1994. Вып. 3.
79. Допрос князя Н. Б. Щербатова. 27 сентября 1917 г. // Падение царского режима... Т. 7. М.–Л., 1927.
80. Показания С. П. Белецкого // Падение царского режима... Т. 4. М.–Л., 1925. С. 161.
81. *Тихомиров Л. А.* Дневник. 1915–1917 гг. М., 2008.
82. Александра Федоровна – Николаю II. 2 марта 1916 г. // Переписка Николая и Александры. М., 2013.
- 82а. *Макаров И. А.* Губернаторы и полицмейстеры. Нижний Новгород, 2005.
83. *Вырубова А. А.* Страницы моей жизни // Верная Богу, Царю и Отечеству. А. А. Танеева (Вырубова) – монахиня Мария. СПб., 2005.
84. Показания князя В. М. Волконского. 19 июля 1917 г. // Падение царского режима... Т. 6. М.–Л., 1926.
85. *Соколов Н. А.* Предварительное следствие 1919–1922 гг. // Российский архив. 1998. Т. 8.
86. А. А. Клопов – Николаю II. 13 сентября 1915 г. // Тайный советник императора. СПб., 2002.
87. *Лопухин В. Б.* Записки бывшего директора департамента Министерства иностранных дел /Отв. Ред. С. В. Куликов. СПб., 2008.

**«ДЛЯ ПОБЕДЫ... ВСЕ НАРОДНЫЕ СИЛЫ
ДОЛЖНЫ ТЕСНО СПЛОТИТЬСЯ ВОКРУГ
СВОЕГО ВЕРХОВНОГО ВОЖДЯ»
(о взглядах Д. И. Иловайского в 1914–1916 гг.)**

А. А. Иванов

*Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена
andriv78@yandex.ru*

А. В. Репников

*Российский государственный архив
социально-политической истории
repnikov@mail.ru*

Статья посвящена взглядам известного русского историка Д. И. Иловайского на причины, характер и цели Первой мировой войны, а также на проблемы, вызванные военным временем. На основе анализа публицистических статей Иловайского, опубликованных в 1914–1916 гг. в «Кремле», показано отношение историка к славянскому вопросу, германизму, планам послевоенного переустройства мира, политической ситуации в России.

Ключевые слова: Д. И. Иловайский, Первая мировая война, национализм, консерватизм, «Кремль Иловайского», славянский вопрос, геополитика

Имя известного русского историка Д. И. Иловайского (1832–1920) после долгих лет относительного забвения, которому оно было предано в советское время, снова возвращается к читателю и постепенно занимает полагающееся ему по праву место в отечественной историографии. Биография, научное творчество и политические взгляды Иловайского активно изучаются, ему посвящаются монографии [13–14] и статьи [1–6, 12–14], однако публицистическое наследие историка, характеризующее его как убежденного консерватора (отметим, что он был членом таких правых организаций, как Русское собрание, Союз русских людей и Русское монархическое собрание [5]), на сегодняшний день изучено не достаточно. В связи с этим представляется важным остановиться на отношении Иловайского к Первой мировой

войне, характеристике ее причин и целей, а также проблем, вызванных военным временем.

Разразившуюся летом 1914 г. войну Д. И. Иловайский трактовал как неизбежное столкновение между германизмом и славянством. Еще в 1912 г. он отмечал: «Немцы, бывшие сто лет назад раздробленными и слабейшими нас, за это столетие, при нашей же помощи объединились, чрезвычайно усилились, высоко подняли свою культуру и свой национализм. А между тем в будущем, и даже недалеко, славяно-русскому миру предстоит неизбежное и страшное с ними столкновение, несмотря на пресловутую традиционную дружбу, а может быть, именно вследствие сей мнимой дружбы; ибо, в конце концов, она способна поставить нас в такое критическое положение, из которого возможен только один исход: война» [7]. Поэтому вооруженный конфликт между Россией и Германией не стал для Иловайского неожиданностью. Рассматривая войну как событие, перед которым «бледнеет все, что представляет Всемирная история за последние два или три столетия», историк возлагал большие надежды на то, что итогом ее станет освобождение южного и западного славянства, «стонавшего под игом немцев, турок и мадьяр» [8].

Виновниками мирового конфликта Д. И. Иловайский считал немцев, с их «ненасытными национальными стремлениями и аппетитами». Первые месяцы войны, ознаменовавшиеся взбудоражившими Европу сообщениями о варварском разрушении германцами Лувена в Бельгии и Реймского собора во Франции, а также сведениями о жестокостях, творимых германскими военными служащими в отношении пленных и гражданского населения, заставили историка дать крайне нелестную оценку немцам. «Кроме боеспособности и численности германцы ярко обнаружили в этой войне и нечто иное, то, чего никак не ожидали от германской культуры, гордившейся именами великих поэтов, мыслителей и ученых. Они обнаружили не только полное пренебрежение всякими международными трактатами и традициями, но и наглую попрание всех нравственных христианских начал, – писал Иловайский в декабре 1914 г. – Страшная жестокость, грабительство, бессмысленное разрушение памятников искусства и целых городов, всевозможные насилия над мирными жителями, над женщинами, над стариками и детьми, всяческие обманы и колоссальная ложь, избиение или уродование раненных и пленных, употребление разрывных и отравленных

пуль, – вот чем отличись немецкие вооруженные орды, соперничающие в разрушительной деятельности с вандалами, гуннами, татаро-монголами и другими средневековыми варварами. Для большего подобия татаро-монголам им не достает только обозначать свои пути пирамидами из человеческих черепов. При сем начальники их не только не удерживают нижних чинов, а еще и поджигают их и служат им примером. Сознаемся, что многим из нас, русских интеллигентов, прискорбно было разочароваться и потерять то уважение, которое обычно ученики питают к своим учителям» [8].

Задаваясь вопросом, каким образом с нацией, породившей великих философов и поэтов, произошла такая ужасающая перемена, историк приходил к выводу: «...она подготовлялась издавна, а именно со времени победоносных войн, завершенных объединением Германии и вызвавших крайнее национальное самомнение. Последующие затем замечательные успехи промышленности, техники, создание огромного флота, широкое распространение торговли и колонизации, а главное, сознание необычайной военной мощи, – все это так возгордило и вскружило головы немцам, что они совсем зазнались, вообразили себя народом избранным, первым на Земном шаре и предназначенным к мировому господству; а потому стали свысока, пренебрежительно относиться к другим народам, и в особенности к славянам, давно уже обрекая их на роль удобрения для вящего произрастания германской нации» [8]. Впрочем, полагал Иловайский, в развитии у немцев этих качеств была вина и русской дипломатии, проявлявшей перед войной излишнюю угодливость и уступчивость перед Берлином.

Осуждая крайние формы немецкого национализма, Иловайский приходил к выводу, что причина войны именно в нем, а не в германском милитаризме, а потому, для эффективного ему противодействия, необходимо развивать русский национализм, соединенный со славянской идеей. «Наша антinationальная печать усердно сбивает с толку общественное мнение, повторяя заведомую ложь, будто виною всему явился германский милитаризм, и стараясь этою фразою затушевать “германский национализм”, – отмечал он в 1916 г. – Милитаризм тут только средство, а целью служат национальные немецкие идеалы, т. е. елико возможное расширение своей территории и мировая гегемония, как политическая, так и экономическая. Балканский союз, неожиданно для Австро-Германии победивший огромную Оттоманскую империю,

ускорил начало великой Европейской войны. Кайзер решил долее ее не откладывать и убедил к тому союзную с ним (а в действительности вассальную) Австро-Венгрию. С обычной энергией и настойчивостью он привлек к своему союзу Турцию и заставил держать благоприятный ему нейтралитет почти все соседние второстепенные государства, и даже не соседние; причем ловко воспользовался династическими связями некоторых из них с Германией. Мало того, ему удалось оторвать от Балканского славянства и загнать в свой союз Болгарию благодаря царствующему в ней австрийскому немцу Фердинанду Кобургу» [10]. В этих рассуждениях есть большая доля истины. «Не правда ли, какая курьезная проповедь: реальному немецкому национализму противопоставить отвлеченную идею антимилитаризма! – заочно дискутируя с либералами, – писал историк. – Да, вооруженные такой идеей, мы наверное были бы побиты» [8].

Как и многие другие русские консерваторы, опасавшиеся, что российская дипломатия может оказаться недостаточно подготовленной к моменту заключения мира с Германией, Иловайский выдвинул программу внешнеполитических требований, которые должны быть воплощены в жизнь после победы над противником. Прежде всего, полагал историк, необходимо «упразднить здание Германской империи», которая стала виновницей мировой войны. Для этого Иловайский предлагал вернуть Пруссию к ее прежним размерам, восстановив независимость других германских земель (Баварии, Саксонии, Вюртемберга и др.). Тем самым на смену единому Рейху должен снова явиться основанный на Венском конгрессе довольно аморфный Германский союз. Но с частью своих территорий, согласно этому проекту, Германии предстояло расстаться. Познанскую провинцию вместе с южной Силезией Иловайский считал нужным передать «имеющей образоваться автономной Польше», Эльзас и Лотарингию – Франции, северный Шлезвиг – Дании, а часть Прирейнской Германии – Бельгии. При этом колониальные владения Германии, на которые по окончании войны неизбежно стала бы претендовать Англия, Иловайский предлагал по возможности сохранить за немцами, чтобы их стремление к решению земельного вопроса реализовывалось в дальнейшем не за счет Европы, а за счет Африки, Азии и Океании. «Разумеется, – рассуждал Иловайский, – по отношению к Германии дело не может ограничиться приведенными сейчас переменами, земельными и государственными.

Придется потребовать громадную контрибуцию, вчетверо или впятеро больше той, которую она взяла с Франции в 1871 году. Тут придется предъявить ей не только военные издержки членов коалиции, но и длинный счет разрушенных городов и памятников искусства, сожженных сел, истребления мирных жителей, гнусных над ними насилий и грабежей, между прочим в виде варварских контрибуций. Затем идут в счет попрание всякого международного права, в том числе постановлений Гаагской конференции, жестокое обращение с ранеными и пленными, в особенности употребление пуль “дум-дум” и т. д.» [8]. А чтобы немцы сполна выполнили свои обязательства перед странами, ставшими жертвами ее агрессии, Иловайский предлагал до окончания выплаты контрибуции держать на германской территории оккупационные союзнические войска. Также, полагал историк, справедливым наказанием для Германии стала бы выдача немцами их военного флота, которая «имела бы большую важность для России, сразу возвратив ей почетное место среди морских держав» [8].

Но помимо Германии в числе врагов России была и Австро-Венгрия, в составе которой находились славянские земли, в том числе и некогда входившие в состав Древнерусского государства. Поэтому в отношении «лоскутной империи» Иловайский выдвигал территориальные требования со стороны России и славянских народов: «Во-первых, Русь Галицкая, Угорская и Буковинская присоединяются, или, точнее, воссоединяются с Россией, чем довершается соби́рание всех ветвей русского племени в единое целое. Затем сербы получают соплеменные им балканские области: Боснию, Герцеговину, Далмацию (пожалуй, и бывшую Воеводину) и, кроме того, северную часть Албании со Скутари. Как поделят их между собою королевство Сербское и Черногорское, это подлежит их взаимному соглашению» [8]. Хорватов историк характеризовал как «католическую ветвь сербского племени» и предлагал объединить со словенцами или, что было бы предпочтительнее, с Сербией или Черногорией «на тех же правах, на которых Венгрия связана с Австрией, т. е. имея общего короля, общую армию и внешнюю политику». Чехи, полагал он, могли бы восстановить свое древнее королевство, в состав которого также вошли бы словаки. Таким образом, Иловайский практически предугадал территориальные границы будущих Югославии и Чехословакии. При этом, являясь убежденным сторонником славянского единства, он хотел видеть эти славянские

государства в составе единого военно-политического союза с Российской империей во главе.

Особняком стоял для Иловайского вопрос о будущем Польши. Приветствуя польскую автономию, он вместе с тем был категорически против того, чтобы в жертву ей приносились бы русские интересы и в связи с этим предлагал оригинальный план, заметно отличающийся от большинства проектов, составленных в консервативном лагере. «Если Польша окажется под скипетром русского императора, – писал он, – то это должна быть только личная уния. Необходимо провести строгую таможенную черту, чтобы более развитая польско-немецкая промышленность никоим образом не подрывала русскую. Кроме того, нельзя гражданам и уроженцам Польши давать права русского гражданства, права служить, торговать, приобретать недвижимость и т. д., т. е. отнимать хлеб у русских и оттеснять их от каких-либо мест, занятий и предприятий, как это происходило до сих пор и как это в особенности резко бросается в глаза в ненормальных отношениях автономной Финляндии к империи» [8]. Когда же территория Польши оказалась оккупированной немцами, заявившими о намерении воссоздания независимого Польского королевства, Иловайский пришел к выводу, что в таких условиях «русскому правительству издавать проект будущего автономного устройства Польши с обязательством выполнить его во что бы ни стало, – это было бы совсем не согласно с достоинством великой державы, и такой акт мог бы вызвать только глумление наших врагов» [11]. Поэтому он решительно выступил против требований оппозиции ответить на немецкие действия каким-нибудь официальным актом, декларирующим будущее Польши. В итоге в конце 1916 г. свою позицию в «польском вопросе» Иловайский сформулировал так: «Я не только не враг симпатичной польской нации, а напротив, почитатель ее, желающий ей всех благ. Но только не во вред собственному русскому народу. Я сочувствую воссозданию Польского королевства, самостоятельного, состоящего, если хотите, под русским протекторатом, но не в личной унии с Русской империей. В прошлом мы уже имеем опыт такой унии; но сей опыт вышел крайне неудачен и только усилил национальную рознь, которою особенно воспользовались немцы. <...> А что касается будущего главы возобновленного Польского королевства, было бы крайне нежелательно получить для того одного из бесчисленных германских или австрийских принцев. И, наоборот,

весьма желательно видеть на этом высоком посту одного из русских великих князей» [11].

В отношении второго союзника Германии – Османской империи, к которой у России тоже имелись территориальные претензии, включая мечту об освобождении Константинополя и проливов, Иловайский также предлагал свой проект. По мнению историка, одной из целей российской дипломатии должно было быть требование удаления турок с Балканского полуострова, с отторжением Царьграда, юго-восточной части Фракии и проливов, а также полное освобождение от турок армянских областей в Малой Азии. Но при этом, в отличие от других консерваторов, Иловайский сомневался в целесообразности занятия Константинополя русскими войсками с последующим его подчинением России: «Тут желание очистить многовековую святыню от мусульманского налета и отслужить торжественную православную обедню в храме св. Софии должно быть согласовано со средствами и нуждами самой России, чтобы такая обедня не обошлась ей слишком дорого. Да еще нужно принять все меры, чтобы мусульманский фанатизм не взорвал православную святыню, при благосклонном участии полухристиан, полуязычников немцев» [8].

Достаточно сдержан был историк и в отношении проливов, считая, что для России было бы вполне достаточно «иметь в своих руках только ключ к Черному морю, т. е. Босфор, чтобы в случае нужды мы могли запереть двери и охранять безопасность нашего юга от нападений неприятельского флота». А вот в отношении Святой Земли Иловайский был категоричен, требуя по окончании войны «освобождения Гроба Господня и Святой земли из рук мусульманских» и дальнейшего решения этого вопроса европейским сообществом [8].

На протяжении войны Д. И. Иловайский обращался и к вопросам, связанным с изменением государственной политики России. Прежде всего, считал он, необходимо исправить те ошибки, которые вызвали главные затруднения России во время войны: «недостаток национализма и тесно связанного с ним протекционизма» [9]. Полемизируя с либералами и левыми, Иловайский пытался доказать, что именно «недостаточным развитием русского национального самосознания и чувства вообще и слабостью, приниженностью правой, или коренной русской печати» объясняется то обстоятельство, что «вместо поправки, которое, казалось бы, должно было принести подъем патриоти-

ческого духа во время популярной войны с немцами, мы наблюдаем, наоборот, полевение многих общественных деятелей» [9].

После того как в 1915 г. либеральная оппозиция объединилась в рамках Прогрессивного блока и начала «осаду власти», Д. И. Иловайский выступил решительным критиком притязаний либералов. Категорически не приемля выдвижения каких бы то ни было партийных требований в тяжелые годы войны, ученый призывал власть не церемониться с «возмутителями спокойствия», а дать им жесткий отпор. «Напрасно думают, что во время войны не следует давать им отпор в видах якобы поддержания общего единения, – отмечал он. – Мы совершенно с тем не согласны: где в действительности нет полного духовного единения, там следует не ублажать явных нарушителей его, а клеймить их изменниками Царю и отщепенцами русского народа, не дожидаясь, пока их поведение принесет свои горькие плоды в борьбе с внешним врагом. <...> Для победы над ним все народные силы должны тесно сплотиться вокруг своего Верховного вождя, не предъявляя никаких требований, не входя ни в какие торги с властью, а энергично преследуя только одну цель, одно страстное хотение: окончательную победу над немцами во что бы ни стало» [9].

Из лидеров либерального движения особенно доставалось П. Н. Милюкову, который воспринимался Иловайским как «открытый отщепенец, доступный подкупу врагами русского народа, защитник немецкого землевладения в России, плохой историк и невежественный политик, принесший нам огромный вред своим кобургофильством и сербофобством» [10]. В связи с этим, подмечал Дмитрий Иванович, принципиальное отличие английских либералов от их подражателей кадетов заключается в том, что первые глубоко патриотичны, а вторые, «при своем обезьянстве в подражании внешним формам и обычаям английского парламентаризма», – антинациональны [10]. Эта характеристика имела особое значение для Иловайского, который признавался в том, что для него не существует разделения политических партий по их названиям (правые, националисты, октябристы, кадеты и др.) ибо в действительности в России есть лишь две большие партии – «националов и антинационалов». В такой ситуации «наше несчастье именно и заключается в численном превосходстве вторых над первыми», – резюмировал он [10].

В публицистических заметках Иловайский обращал особое внимание на либеральную печать, формировавшую общественное мнение.

Являясь, по его мнению, печатью антинациональной, «она, будучи принципиальным врагом правительства, всегда была и есть главным врагом успехов русской культуры, а следовательно одним из главных виновников наших военных неудач» [9]. Но и в правительстве историк видел вредные влияния, полагая, что проведению подлинно национальной политики мешает «немецкий элемент», ибо «везде на влиятельном посту сидит немец и тормозит всякий национальный русский прогресс» [10].

Таким образом, можно констатировать, что Д. И. Иловайский проявил себя не только как историк и публицист, но и как геополитик. Искренне переживая за будущее России, он, как и ряд других представителей консервативного лагеря, поспешил представить собственную программу требований к войне, надеясь, что его предложения будут востребованы российской дипломатией к моменту ее завершения. Оптимистическим надеждам Иловайского на полное торжество «славянства» над «германизмом» не суждено было сбыться, но вины историка в этом не было. Зато в выявлении «рисков», которым подверглась Российская империя в годы Первой мировой войны, и «слабых мест» политической системы Иловайский в целом оказался прав: «националы» проиграли «антинационалам», и встреченная в 1914 г. с большим национальным воодушевлением война с Германией закончилась для России в 1918 г. «похабным» Брестским миром.

Список источников и литературы

1. *Алексеева А. Н.* Д. И. Иловайский и его газета «Кремль» // Наследие Д. И. Иловайского и М. К. Любавского в русской историографии. Труды Всероссийской научной конференции / под ред. Л. В. Чекурина. Рязань, 2012. С. 120–127.
2. *Багдасарян В. Э.* Иловайский Дмитрий Иванович // Общественная мысль России XVIII – начала XX века: энциклопедия. М., 2005. С. 171–173.
3. *Дурновоцев В. А., Бачинин А. Н.* Ученый грызун: Д. И. Иловайский // Историки России XVIII – начала XX века. М., 1996. С. 365–378.
4. *Егоров А. А.* Из истории русского национального консерватизма. Газета Д. И. Иловайского «Кремль» (1897–1916 гг.) // Российская цивилизация XX века: исторический и музееведческий аспекты: материалы научных чтений 22–23 декабря 1999 г. М., 2000. С. 38–47.

5. *Иванов А. А.* Иловайский Дмитрий Иванович // Черная сотня. Историческая энциклопедия 1900–1917. М., 2008. С. 223–225.
6. *Иванов А. А.* «Смерти я не страшусь». Дмитрий Иванович Иловайский (1832–1920) // Воинство святого Георгия: жизнеописания русских монархистов начала XX века / сост. и ред. А. Д. Степанов, А. А. Иванов. СПб., 2006. С. 417–429.
7. Кремль. 1912. № 48–50. 12 октября.
8. Кремль. 1914. № 56–58. 30 декабря.
9. Кремль. 1915. № 59–60. 17 октября.
10. Кремль. 1916. № 61. 26 марта.
11. Кремль. 1916. № 62–63. 10 декабря.
12. *Репников А. В.* Иловайский Дмитрий Иванович // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия / отв. ред. В. В. Журавлев, отв. секр. А. В. Репников. М., 2010. С. 195–200.
13. *Филатов И. А.* Славянский вопрос в публицистике Д. И. Иловайского // Историографическое наследие провинции. Вып. 2. Материалы V научно-практической конференции, посвященной памяти Д. И. Иловайского и М. К. Любавского. Рязань, 2011. С. 121–128.
14. *Чекурин Л. В.* Без гнева и пристрастия: личность и судьба русского историка Д. И. Иловайского. Рязань, 2009.
15. *Чекурин Л. В.* Русский историк Д. И. Иловайский. Опыт библиографического исследования. Рязань, 2002.
16. *Чекурин Л. В.* Труды Д. И. Иловайского: оценки историков // Историографическое наследие провинции. Вып. 2. Материалы V научно-практической конференции, посвященной памяти Д. И. Иловайского и М. К. Любавского. Рязань, 2011. С. 3–37.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВЕТ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ДО И ПОСЛЕ НАЧАЛА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

К. А. Соловьев

*Институт российской истории РАН
ikraeved@yandex.ru*

В статье исследуются особенности законотворческой деятельности Государственного совета. Автор рассматривает изменения в работе Государственного совета после начала Первой мировой войны. Анализируются взаимоотношения Государственного совета с правительством и Государственной думой.

Ключевые слова: Первая мировая война, Государственный совет, Совет министров Российской империи, Государственная дума, законотворчество

Решениями Государственного совета должна была говорить политическая мудрость и бюрократический опыт [1, с. 24]. В правительственных кругах на этот счет существовало такое мнение: «Для того чтобы проявить... свое действие в полной мере и с наибольшим успехом, Государственный совет должен объединить в себе консервативные силы страны и, являясь сосредоточением опыта и государственного направления, иметь и соответственное этому значению его общественное признание» [2, л. 321 об., 322]. Это свело бы к минимуму случаи, когда верховной власти, рискуя собственным авторитетом, пришлось бы самой отвергать решения думы [2, л. 325]. По словам министра юстиции И. Г. Щегловитова, и в странах Западной Европы принимались меры, чтобы верхняя палата не оказалась бы под диктатом общественного мнения: повышался имущественный ценз, ограничивался круг лиц, которые могли быть в нее избраны, вводился особый порядок ее пополнения (часто даже наследственный) [3, с. 5–6].

В России речь шла о создании принципиально нового для страны учреждения – верхней палаты представительной власти. При этом

«палата лордов по-русски» должна была иметь свою специфику. Еще в 1905 г. в правительственных кругах пришли к убеждению, что членами Государственного совета, прежде всего, должны были оставаться чиновники, так как именно они обладали необходимым управленческим опытом и государственной зрелостью. Дворянство же в России как таковое не было самостоятельным в материальном смысле и развитым – в интеллектуальном [2, л. 328].

Эта оценка скорее оправдалась. Согласно воспоминаниям В. М. Андреевского, члены Государственного совета разделились на две практически равные части. Половина совершенно уклонилась от какой-либо комиссионной деятельности, зато другая половина работала интенсивно [4, л. 42]. По подсчетам Андреевского, всего 70–75 человек, постоянно участвовавших в комиссионной деятельности, составляли работоспособное «ядро» Государственного совета [4, л. 43]. По преимуществу речь шла о членах по назначению. Их более высокий уровень по сравнению с избранными коллегами отмечали и Д. Н. Шипов [5, л.6], и Н. А. Хомяков [6, л. 31 об.], и М. М. Ковалевский. Так, последний писал: «К немалому моему прискорбию, должен сказать, что бюрократические элементы в нашем Совете по уму, талантливости, знанию и практическому опыту выигрывают по сравнению с общественными деятелями» [7, с. 400].

Благодаря своему чиновному характеру Государственный совет был весьма авторитетным экспертным сообществом в области законодательства. По мнению Ковалевского, верхняя палата как законодательная машина в техническом отношении ничем не уступала аналогичным учреждениям Западной Европы и Северной Америки: «Умелые руководители комиссий, как Романов, Манухин, Эксперре, Дмитриев, Тимирязев, а в более ранние года А. А. Сабуров, не говоря уже о таких осведомленных в мелочах русских законоведов, как товарищ председателя Голубев и бывшие государственные секретари профессор Сергеевский и барон Икскуль, не только умеют вести прения, но и раскрывают нередко скрытые недостатки, не сразу бросающиеся в глаза противоречия поступивших к нам законопроектов, и с общими тенденциями русского права, и с теми или другими нормами, никем не отмененными. В знании законодательства и судебной практики, в частности, гражданского права и процесса, права торгового и вексельного, нельзя отказать ни бывшему сенатору Кобылинскому, ни Платонову, ни Манухину. Мы насчитываем в наших рядах таких криминалистов,

как Таганцев и А. Ф. Кони. Наше земельное законодательство не представляет тайны ни для Стишинского, ни для бывшего главноуправляющего земледелием Ермолова. Русский бюджет в течение ряда лет составлял предмет, если не теоретического, то практического изучения не только графа С. Ю. Витте, но и его прежних товарищей и помощников – Коковцова, Дмитриева, Романова. Железнодорожное хозяйство хорошо известно и генералу Петрову, и бывшему начальнику движения Киевского округа Немешаеву, и Эксперре» [7, с. 397–398].

Состав Государственного совета предопределял и «социальную психологию» этого органа власти. Члены верхней палаты невольно рассматривали законопроекты глазами правительства. Ведь, как отметил в записной книжке член верхней палаты Ф. Д. Самарин, Государственный совет должен был решать вопросы не столько с политической, сколько с практической точки зрения [8, л. 13 об – 14]. Поэтому при обсуждении вопросов, касавшихся Морского министерства, тон задавали его бывшие руководители и сотрудники (прежде всего, А. А. Бирилев и Ф. В. Дубасов), хорошо осведомленные о положении дел в ведомстве [9, стб. 1761–1764; 10, стб. 1425; 11, стб. 2054–2055, 2071]. О проблемах обороноспособности страны в Государственном совете преимущественно говорили кадровые военные [9, стб. 1800].

Имея в виду лишь количественные показатели утвержденных законопроектов, сложно оспорить точку зрения А.Н. Наумова, согласно которой Государственный совет чаще всего был склонен соглашаться с думой [12, с. 175]. По подсчетам В.А. Демина, из 3350 законопроектов, получивших одобрение нижней палаты, 46 (более 1%) были отклонены верхней, 19 (менее 1%) Государственный совет отказался рассматривать, 153 (4%) не успел рассмотреть, 39 проектов (около 1%) к 1917 г. не прошли согласительные процедуры. Наконец, 3291 (93%) законопроект был утвержден Государственным советом [13, с. 97].

И все же логика принятия им решений сильно отличалась от той, что доминировала в думе. Верхняя палата продолжала традиции законотворчества, сложившиеся задолго до издания Манифеста 17 октября 1905 года. Бросавшаяся в глаза особенность обсуждения вопросов в Государственном совете – большое внимание к формальной стороне дела: прежде всего к редакции законопроекта. Не случайно 31 мая 1913 г. секретарь Государственной думы И. И. Дмитриуков обратился к председателю Совета министров В. Н. Коковцову с предложением учредить осо-

бую комиссию, которая выработала бы общие правила редактирования законопроектов для думы, Государственного совета и министерств. Ковцов высказался в пользу создания такого совещания [14, л. 534, 552].

Многие опытные бюрократы (например, П. П. Кобылинский, А. С. Стишинский) с большим скепсисом относились к документам, исходившим из думы. Согласно воспоминаниям А.Н. Наумова, «в настроении всех этих лиц чувствовалось некоторое недоверие к новому учреждению, выражавшееся в чрезвычайно осмотрительном обращении с передававшимися на их рассмотрение думскими законопроектами» [12, с. 121–122]. Эта точка зрения бытовала и в депутатской среде. По словам А. А. Бобринского, в думе зачастую относились легкомысленно к принятию «закончиков», зная, что последнее, решающее слово принадлежало Государственному совету [15, л. 12]. В этой связи еще в начале 1906 г. государственный секретарь Ю. А. Икскуль ставил вопрос о создании особого учреждения для предварительной разработки и редактирования законопроектов, инициированных думой или Государственным советом. Это способствовало бы сохранению стилистического и смыслового единства нормативно-правовой базы Российской империи, а также снимало проблему юридического дилетантизма народных представителей [16, л. 1–2]. Эту точку зрения поддержал и бывший государственный секретарь А. А. Половцов. Однако в правительственных кругах не решались пойти на эту меру [17, л. 121; 18, с. 100].

Член верхней палаты В. И. Карпачев писал кн. А. П. Голицыну 26 февраля 1916 г.: «Всякий раз, когда возвращаешься из Государственного совета или из комиссии, приходишь домой злой-презлой и возмущенный. Не угодно ли такой факт: подоходный налог поступил в Государственный совет в таком несовершенном виде, что уже представлено 150 поправок». В период Первой мировой войны такая скрупулезность верхней палаты казалась неприемлемой и правительству. И когда «высоким собранием» было все-таки решено передать законопроект для дополнительного комиссионного обсуждения, министры явились в полном составе на заседание Государственного совета, благодаря чему эта резолюция и была отвергнута [19, л. 563]. Выступая в Государственной думе 6 марта 1909 г., П. Н. Милюков цитировал по схожему поводу английского публициста Г. Самуэля, который утверждал, что «верхние палаты предназначены для того, чтобы остановить “бурный поток” сменяющихся законодательных предположений,

а в сущности имеют дело со “стоячей лужей” и что для этой цели они не нужны» [20, стб. 3087].

В комиссии верхней палаты законопроекты часто задерживались надолго. По подсчетам Л. Неманова, большинство значимых законопроектов обсуждалось в Государственном совете по меньшей мере 6–8 месяцев. Принятие же наиболее важных законодательных инициатив усилиями верхней палаты задерживалось на год и более. Так, законопроект о преподавании польского и литовского языков в семинариях Северо-Западного края был принят в течение 15 месяцев после его внесения в Государственный совет, законопроекты об условном освобождении, об исправительно-воспитательных заведениях для малолетних преступников, о попудном сборе в пользу городов – в течение года, указ 9 ноября 1906 г. – 14 месяцев, правительственные инициативы о введении защиты в обряд предания суду, о снятии ограничений с лишенных сана священников, о старообрядческих общинах – 20 месяцев [21].

Большинство наиболее значимых (прежде всего, правительственных) проектов, вносившихся в верхнюю палату, в лучшем случае подлежало серьезной корректировке, а некоторые из них и вовсе отвергались. Показательно, что за одну сессию 1912–1913 гг. Государственный совет отклонил законопроекты о женской адвокатуре, о расширении доступа в университеты, внес принципиальные поправки в проект об отдыхе торговых служащих, сократив сферу применения закона и увеличив рабочий день, пересмотрел многие статьи Городового положения в Царстве Польском, вернул в Государственную думу на вторичное рассмотрение законопроекты о частных учебных заведениях, об ответственности должностных лиц, о расширении прав учредителей частных школ, о вечно-чиншевом владении, о рыболовстве, об управлении портами, о расширении прав замужних женщин [22].

В феврале 1912 г. П. П. Извольский так охарактеризовал работу своих коллег по верхней палате: «В нашем Совете хорошо только тому, кто все силы напрягает, чтобы остановить всякую реформу, всякое движение вперед, все то, что [П. Н.] Дурново называет увлечениями молодых людей» [23, л. 572]. Точно так же и сами члены правой группы вполне определенно обозначали свои задачи. «Государственному совету не в первый раз приходится задерживать, вернее сказать, сдерживать увлечения, которые он усматривает в деятельности Государственной думы, принимающей с известными видоизменениями законопроекты, вносимые правительством и

большей частью с уклонением от нормы, от чувства меры, что и вызывает со стороны Государственного совета обязанность их исправлять... Правая группа, когда замечала отступление от коренных начал, на коих покоится наш государственный строй, или от исторической политики России, всегда выступала на их защиту, на их охрану», – утверждал А. А. Нарышкин на заседании верхней палаты 26 марта 1911 года [24, стб. 1813–1814].

В годы Первой мировой войны положение Государственного совета существенно изменилось. Это прежде всего было связано с новым раскладом сил в верхней палате, который вполне стал очевиден к лету 1915 г. Большинство, на которое всегда могла рассчитывать верховная власть, уже не было столь предсказуемым. Летом 1915 г. шло брожение даже в правой группе. Некоторые (в том числе В. М. Урусов, А. Н. Наумов, С. И. Зубчанинов) подумывали о том, чтобы выйти из ее состава [25, л. 672]. Многие члены верхней палаты присоединились к Прогрессивному блоку. По оценке депутата думы Н. В. Жилина, 26 членов Государственного совета вошли в блок, 6 – были готовы их поддержать, а 34 – втайне склонялись к этому решению [26, л. 1918].

Осенью 1915 г. состоялись выборы в Государственной совет. Должна была смениться треть избираемых членов. Результаты кампании в корне изменили расклад сил. Если до выборов определенное преимущество было у противников Прогрессивного блока (99 против 89 голосов), то теперь большинство получили как раз его представители (100 против 90). При этом Государственный совет пополнился такими яркими фигурами, как А. И. Гучков, кн. Е. Н. Трубецкой, П. П. Рябушинский [27, с. 286]. 26 ноября последовало назначение в Государственный совет пяти новых членов консервативного направления: бывших губернаторов Н. П. Муратова и А. А. Римского-Корсакова, а также Н. П. Гарина, кн. Н. Д. Голицына, И. С. Крашенинникова. В свою очередь, некоторые назначенные члены верхней палаты, которых вполне обоснованно подозревали в членстве в Прогрессивном блоке, всячески отреклись от него. Так, согласно сообщениям «Биржевых ведомостей», кн. А. Д. Оболенский утверждал: «Нам нет надобности выходить из состава Прогрессивного блока, ибо мы в его состав никогда не входили» [27, с. 289]. И все же Государственный совет нельзя было считать столь же «благонадежным», как раньше.

Немало зависело от председателя «высокого собрания». У многих верхняя палата как раз ассоциировалась с ее «спикером» – М. Г. Акимовым, который скончался вскоре после начала войны –

9 августа 1914 года. Председателем Государственного совета 15 июля 1915 г. стал А. Н. Куломзин. По мнению А. А. Поливанова, это назначение стало своего рода компромиссом. Верховная власть боялась «раздразнить» правых, выдвинув «конституционалиста» И. Я. Голубева. Куломзин же, умело маневрировавший между противоположными флангами, должен был стать для всех членов высокого собрания более или менее приемлемой кандидатурой [28, с. 168–169]. Расчет не вполне оправдался. Правым новый председатель казался радикалом и оппозиционером [29, л. 405]. Верховная власть все делала для того, чтобы Государственный совет вернулся к предписанной ему роли охранителя закона и порядка. В начале ноября 1916 г. товарища председателя Государственного совета И. Я. Голубева вызвали в Царское Село, где императрица отчитала его за характер прений в верхней палате [30, л. 954]. К декабрю 1916 г. был намечен новый председатель верхней палаты – бывший министр юстиции, человек крайне правых убеждений И. Г. Щегловитов. Как раз тогда в беседе с А. Д. Протопоповым он вполне обоснованно жаловался на «полевание» верхней палаты. По оценке Щегловитова, чтобы в Государственном совете вновь установилась гегемония правых, необходимо было назначить к присутствию 15 благонадежных лиц [31, с. 56]. В январе 1917 г. император, вняв совету нового председателя, сменил 17 назначенных к присутствию членов Государственного совета, что смутило даже членов правой группы [32, л. 25]. В итоге расклад сил в верхней палате действительно существенно изменился. По сведениям Ю. А. Икскуля фон Гильдебандта, «в Государственном совете образовалось крепкое “зубровое большинство”, с храброй бестактностью, идущее на конфликт с Государственной думой» [33, л. 93].

Протопопов рассчитывал на обновленный состав верхней палаты и на самого Щегловитова, с которым он переговаривался чуть ли не ежедневно и к мнению которого, безусловно, прислушивался. Однако возможность председателя влиять на расклад сил в Государственном совете в действительности была довольно ограниченной. Это касалось, в том числе, и правой группы, казалось бы, более других прислушивавшейся к настроениям «высших сфер». Так, в январе 1917 г. ее председателем стал А. Ф. Трепов, чему Щегловитов всячески, но безуспешно пытался помешать [31, с. 460].

Таким образом, Государственный совет и до 1914 г. отнюдь не был тем учреждением, которое, не задумываясь, «штамповало» правитель-

ственные проекты. Напротив, верхняя палата весьма скептически относилась и к правительству, и к думе. Наиболее важные инициативы министерств зачастую надолго задерживались в стенах Мариинского дворца. Их тщательно редактировали, а иногда даже переписывали. Некоторые проекты так и не стали законами как раз по воле Государственного совета, для которого был один подлинный авторитет – император. В этом сказывалась не столько политическая позиция, сколько бюрократическая традиция. Бывшие министры, заседавшие в «звездной палате», недолюбливали действующих членов правительства.

К 1915 г. положение изменилось. Теперь Государственный совет искал договоренностей с думой, по некоторым вопросам был готов солидаризироваться с оппозиционным большинством нижней палаты. В сущности, он обретал политическое лицо и становился все менее контролируемым со стороны даже верховной власти. Конечно, на него можно было влиять путем назначений. Но и они не давали гарантированного результата. Назначенные члены далеко не всегда были послушны. Даже среди правых членов Государственного совета единства не было.

Война застала политическую систему России в условиях сборки, которая в 1914 г. была далека от завершения. Новые вызовы времени потребовали ее коренной ревизии. Сборка практически началась заново и уже на новых основаниях. К этому не были готовы многие участники политического процесса и в правительстве, и в представительных учреждениях. Не все успели заучить свою «роль», для некоторых она была неприемлема. Следствием этого становились неразрешимые конфликты, порождавшие острейший политический кризис.

Список источников и литературы

1. Библиотека РГИА. Коллекция печатных записок. № 30. Справка о составе верхних палат, а также о Государственном совете и сходных с ним учреждений.
2. РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 616.
3. Библиотека РГИА. Коллекция печатных записок. № 32. Записка И. Г. Щегловитова 3 апреля 1913 г.
4. ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 225.
5. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 74.
6. РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 4.
7. *Ковалевский М. М.* Моя жизнь. Воспоминания. М., 2005.

8. ОР РГБ. Ф. 265. К. 123. Д. 13.
9. Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия III. 1907–1908. СПб., 1908.
10. Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия IV. 1908–1909. СПб., 1909.
11. Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия V. СПб., 1910.
12. *Наумов А. Н.* Из уцелевших воспоминаний, 1868–1917. Кн. 2. N.Y., 1955.
13. *Демин В. А.* Верхняя палата Российской империи. М., 2006.
14. РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 35.
15. РГАДА. Ф. 1412. Оп. 2. Д. 233.
16. ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 526.
17. ГА РФ. Ф. 583. Оп. 1. Д. 69.
18. Русский конституционализм: От самодержавия к конституционно-парламентской монархии. М., 2001.
19. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1053.
20. Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия II. СПб., 1909. Ч. 2.
21. *Неманов Л.* Государственная дума и Государственный совет // Речь. 191, 3 февр.
22. *Озеросский С.* Труды Государственного совета // Речь. 1911, 1 янв.
23. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 561.
24. Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия VI. 1910–1911. СПб., 1911.
25. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1031.
26. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1037.
27. *Милоков П. Н.* Общественное мнение, парламенты и правительства союзников // Ежегодник газеты «Речь» на 1915 г. Пг., 1915.
28. *Поливанов А. А.* Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника, 1907–1916. М., 1924.
29. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1052.
30. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1059.
31. Падение царского режима: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Т. 4. Л., 1925.
32. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1068.
33. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Там же. Д. 1070.

«МИНИСТЕРСКАЯ ЧЕХАРДА»: К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ И ХАРАКТЕРЕ ЯВЛЕНИЯ

Ф. А. Гайда

Московский государственный университет

имени М. В. Ломоносова

ikraeved@yandex.ru

В статье рассматривается проблема «министерской чехарды» в России в 1914 – феврале 1917 г. Автор приходит к выводу, что отставки и назначения в правительстве в основном мотивировались стремлением к достижению единства его действий. Попытки ввести в него представителей общественности или лиц, которые заведомо могли пользоваться ее доверием, обычно оканчивались неудачей.

Ключевые слова: «министерская чехарда», Совет министров Российской империи, Государственная дума, «министерство доверия», император Николай II, И. Л. Горемыкин, Б. В. Штюрмер, А. Н. Хвостов, А. Ф. Трепов, А. Д. Протопопов

Запущенное В. М. Пуришкевичем в феврале 1916 г. выражение «министерская чехарда» нашло большое общественное признание и позднее прочно укоренилось в историографии. Сам депутат объяснял быструю смену лиц в правительстве «посторонними влияниями» и отсутствием единого кабинета [1, стб. 1502–1503]. Историки традиционно были склонны делать упор на первый фактор – активизацию «темных сил» [2, с. 105–109; 3, с. 148–164]. Напротив, современный историк С. В. Куликов полагает, что настоящей причиной было влияние самого народного представительства, на уступки которому шла верховная власть, стремившаяся создать альтернативный оппозиционному вариант «министерства доверия» [4, с. 398–399].

Как известно, в августе 1914 – феврале 1917 г. в Российской империи пост премьер-министра последовательно занимали 4 osoby, министра внутренних дел – 6, военного министра, министра юстиции, земледелия, обер-прокурора Синода – по 4, министра иностранных дел, путей сообщения, народного просвещения, государственного контролера – по 3, министра торговли и промышленности – 2, финансов – 1. Впрочем,

динамика была вполне сравнимой с той, что имела место в союзных России державах, где единый кабинет уже давно существовал. В Британии за этот же период на своих постах побывало 2 премьера, 4 министра внутренних дел, 2 министра иностранных дел, 4 военных министра, 3 морских министра, 3 министра финансов, во Франции – 2 премьера, 1 министр внутренних дел, 5 министров иностранных дел, 5 военных министров, 3 морских министра, 2 министра финансов. Таким образом, в странах с единым кабинетом министры менялись не намного реже. Как можно увидеть, отличие России составляет частая смена лиц на двух постах: председателя правительства (с 1916 г.) и министра внутренних дел (с лета 1915 г.).

В отличие от Британии и Франции перемены военного времени в российском правительстве начались лишь в январе 1915 г., когда пост министра народного просвещения вместо скончавшегося Л. А. Кассо занял гр. П. Н. Игнатьев, ставленник неформального лидера правительства главноуправляющего земледелием и землеустройством А. В. Кривошеина [5, с. 156–157]. В феврале 1915 г. последовала отставка министра торговли и промышленности С. И. Тимашева. По его собственным словам, он ушел, «разочаровавшись в той обстановке работы, которая создавала собою бессилие» [6, л. 31 об.]. Министр финансов П. Л. Барк считал, что император был недоволен медлительностью Тимашева, что и подтолкнуло его подать в отставку. Министром был назначен кн. В. Н. Шаховской. В период доминирующего влияния Кривошеина приход Шаховского, который не был ставленником всесильного главноуправляющего, насторожил всех министров [7, с. 85–87]. Шаховской был выдвинутцем Великого князя Александра Михайловича и своего бывшего начальника министра путей сообщения С. В. Рухлова. Однако перед назначением Николай II посоветовался с премьером И. Л. Горемыкиным, который решение одобрил. Поддержал назначение и Кривошеин [8, с. 22].

С обострением политического кризиса в мае 1915 г. большинство министров во главе с Кривошеиным пошло на беспрецедентный шаг. Через Горемыкина они обратились к императору с предложением о созыве Государственной думы и отставке тех членов Совета министров, кто не мог рассчитывать на «общественное доверие». Фактически это был ультиматум. Николай II поначалу «был возмущен» такой инициативой, предложение «чрезвычайно ему не понравилось», однако почти сразу согласился со всеми предложениями [9, с. 176–177; 10, с. 76–81].

Вскоре министр внутренних дел Н. А. Маклаков, Военный министр В. А. Сухомлинов, министр юстиции И. Г. Щегловитов и обер-прокурор В. К. Саблер были отправлены в отставку. Их преемники были выдвинуты победителями [10, с. 76–81]. Главноуправляющий коннозаводством кн. Н. Б. Щербатов, назначенный министром внутренних дел, был братом адъютанта главнокомандующего В. кн. Николая Николаевича [11, с. 152–155]. Новый обер-прокурор А. Д. Самарин ранее рекомендовался Кривошеину начальником императорской военно-походной канцелярии кн. В. Н. Орловым (основным посредником между Ставкой и правительством) в качестве кандидата на пост министра внутренних дел [5, с. 156–157]. Щербатов и Самарин были назначены не в силу профессиональных качеств, а как политические фигуры. Ген. А. А. Поливанов, ставший Военным министром, был близок общественным кругам (особенно А. И. Гучкову) и, в частности, рекомендован Кривошеину П. Б. Струве [12, с. 147]. На пост министра юстиции был назначен бывший сослуживец и старый знакомый премьера А. А. Хвостов. Таким образом, в Совете министров, включая военное ведомство, было установлено, как казалось, полное единство взглядов, причем министры могли рассчитывать на союз со Ставкой, а также на широкую общественную поддержку. События показали, что сговор с думским большинством был недостижимой иллюзией [13, с. 120–128]. Кроме того, на этой почве министры вступили в конфликт с Горемыкиным.

Второй ультиматум, выдвинутый министрами Николаю II в августе 1915 г. и содержавший «просьбу» об отставке премьера под угрозой собственных отставок, имел противоположный первому результат. Лишились своих постов активно провоцировавшие такое решение Щербатов и Самарин, вскоре ушел Кривошеин и тяжело болевший Рухлов. Новый обер-прокурор ген. А. Н. Волжин был родственником А. А. Хвостова и ставленником Горемыкина. Премьер также хотел провести на пост министра внутренних дел С. Е. Крыжановского и был совершенно уверен в успехе [14, с. 159–163], но назначен был А. Н. Хвостов, племянник А. А. Хвостова (впрочем, дядя это назначение не одобрял). Хвостов-младший сам активно добивался назначения и действовал, в частности, через кн. М. М. Андроникова и императрицу. Однако важнейшим фактором было личное благоволение Николая II [4, с. 101–103]. Хвостов рассматривался как возможный кандидат в премьеры [15, с. 29]. Он сразу попытался распространить свое влияние и на

другие ведомства. На должность министра земледелия император назначил А. Н. Наумова, представителя умеренно-консервативных общественных кругов, бывшего самарского губернского предводителя дворянства, члена Государственного совета по выборам от самарского земства (в августе 1915 г. он перешел из правой группы в правый центр). Такое решение поддерживал и Хвостов, считая его своей инициативой (возможно, это и была его инициатива, но проведенная не от себя, а через Александру Федоровну) [16, с. 85–86; 17, с. 428–429]. Премьером в январе 1916 г. был назначен Б. В. Штюрмер. По мнению Барка, кандидатуру Штюрмера порекомендовал начальник С.Е.И.В. канцелярии А. С. Танеев [18, с. 14–15], однако и самому императору Штюрмер был давно и хорошо известен [4, с. 165–178]. Хвостов считал, что Штюрмер был уже «слишком стар» для должности премьера «и голова его уже не так свежа, как раньше», но предполагал в скорой перспективе сменить его сам [15, с. 24, 29, 43].

Однако влияние Хвостова не было безграничным. Он стремился провести на пост министра путей сообщения Д. Б. Нейдгарта [16, с. 91], однако таковым стал А. Ф. Трепов, назначение состоялось по совету ушедшего в отставку министра путей сообщения С. В. Рухлова [19, с. 119]. Трепов ранее не был связан с транспортным ведомством, но обладал решительностью и смог добиться значительных успехов. Императрица Александра Федоровна, как и Хвостов, считала назначение Трепова неудачным, но вынуждена была с ним смириться [17, с. 422]. Ушедший в отставку в январе 1916 г. государственный контролер также добился назначения на этот пост своего ставленника Н. Н. Покровского [8, с. 169–170].

В марте 1916 г. в результате громких скандалов отставку получили несостоявшийся премьер А. Н. Хвостов и А. А. Поливанов. Место Хвостова ненадолго занял сам Штюрмер (в первый и последний раз после смерти Столыпина должности премьера и министра внутренних дел оказались совмещены), а военного министра – глава интендантского ведомства ген. Д. С. Шуваев, пользовавшийся доверием как императора, так и думы [4, с. 187–188]. В июле Штюрмер (и претендовавший на руководящую роль в правительстве Трепов) добился отставки Сазонова [8, с. 167–171] и сам занял его пост, передав МВД А. А. Хвостову, который, в свою очередь, уступил должность министра юстиции А. А. Макарову (бывшему министру внутренних дел и товарищу Штюрмера и Трепова по правой группе Государственного совета). Отставку

получил и Наумов, спровоцировавший конфликт со Штюмером, Треповым и кн. Шаховским [20, с. 337–343, 452, 539–542; 21, с. 86–87]. Управляющим министерством земледелия был назначен протеже Штюмера гр. А. А. Бобринский [20, с. 557]. Назначение Н. П. Раева обер-прокурором произошло по инициативе близкого Штюмеру петроградского митрополита Питирима (Окнова) [4, с. 230]. Создание Главного управления государственного здравоохранения и назначение его главы академика Н. Е. Рейна (соратника Столыпина, состоявшего в правой группе Государственного совета вместе со Штюмером) было инициативой Николая II [22, с. 418–421]. Таким образом, в Совете министров вновь, как и год назад, установилось единовластие политического тандема, но на сей раз в этой роли выступали Штюмер и Трепов. Назначение Трепова после отставки Штюмера в ноябре 1916 г. стало логическим завершением происходивших событий.

Напротив, полным разрывом с традицией кадровых решений выглядело назначение министром внутренних дел А. Д. Протопопова. Он был торгово-промышленником, товарищем председателя Государственной думы, не имел никакого административного опыта, но горячо желал министерского поста. Премьер предлагал на этот пост кн. Н. Л. Оболенского, председателя Особого комитета по борьбе с дороговизной [23, с. 11]. Председатель думы М. В. Родзянко пытался продвинуть Протопопова на пост министра торговли и промышленности, эту идею поддерживал Кривошеин. Возглавляя парламентскую делегацию за границей весной-летом 1916 г., Протопопов произвел благоприятное впечатление на английского короля Георга V и Сазонова [8, с. 83–84]. Императрица заинтересовалась Протопоповым всего за 9 дней до его назначения, но быстро стала его сторонницей, поскольку кандидат в министры, кроме всего прочего, выражал личную лояльность и поддерживался Г. Распутиным. 7 сентября Александра Федоровна писала мужу о Протопопове: «Ты знаешь его, и он произвел на тебя хорошее впечатление» (Протопопов представлялся императору после возвращения из-за границы парламентской делегации). Николай II отвечал: «Протопопов – хороший человек, но у него много дел с заводами и т. п. <...> Я должен обдумать этот вопрос, так как он застигает меня совершенно врасплох. Мнения нашего Друга о людях бывают иногда очень странными, как ты сама это знаешь – поэтому надо быть осторожным, особенно при назначениях на высокие должности». Однако уже 16 сентября Протопопов

был назначен. Первая личная встреча нового управляющего МВД с императрицей состоялась, очевидно, лишь 21 сентября [23, с. 11–12, 16–17, 51]. Так или иначе, назначение Протопопов получил только тогда, когда заручился поддержкой самых разнохарактерных политических сил, и только в обстоятельствах острого политического кризиса, когда верховная власть пожелала видеть на столь важном посту представителя общественности. Однако как министр внутренних дел Протопопов сразу продемонстрировал полное профессиональное бессилие [24, л. 14–14 об.; 25, л. 28].

В Совете министров Протопопов остался в изоляции. Хотя премьеры Трепов и Голицын, несмотря на свои отчаянные попытки, не смогли добиться его отставки (лишь активное личное вмешательство императрицы сохранило Протопопову его пост) [15, с. 30], но и сам он не мог (и даже не собирался) проводить своих кандидатов на те или иные посты. Министр иностранных дел Н.Н. Покровский и сменивший его на посту государственного контролера С. Г. Феодосьев, а также министр земледелия А. А. Риттих были креатурами Трепова. Последние двое, по воспоминаниям коллег, были настоящими профессионалами в своей сфере [26, с. 78, 80, 194–195; 20, с. 348; 27, л. 47–47 об.]. То же самое можно было сказать и о сменившем А. Ф. Трепова на посту министра путей сообщения Э. Б. Кригер-Войновском – правой руке Александра Федоровича по ведомству [28, с. 108].

Добиваясь отставки Протопопова, Трепов решился на отчаянный шаг: премьер предложил Распутину полное содержание и 200 тыс. руб. за отставку министра внутренних дел или перемещение его на пост министра торговли и промышленности. Разумеется, об этом стало известно императрице [23, 153; 29, 237–240]. Сменить Трепова сперва предполагалось на С. Е. Крыжановского [14, с. 164–175, 183–186, 188] или Щегловитова (последний отказался сам и получил пост председателя Государственного совета) [30, с. 56–57]. Однако пост премьера получил лично преданный Николаю II кандидат – председатель Комитета помощи русским пленным кн. Н. Д. Голицын, незадолго до этого вручивший ему записку консервативного кружка Римского-Корсакова, посвященную вопросу укрепления правительственной власти перед лицом оппозиции [31, с. 337–343]. Вместе с тем в полном противоречии с идеями этой записки Голицын оказался фактически отстраненным от возможности влиять на кадровую политику. Он стал вторым после Штюмерера премьером, не имевшим предварительного

опыта правительственной деятельности и неизбежно нуждавшимся в опоре, однако, в отличие от Штюмерера, такой опоры у него не было. Таким образом, это было первое назначение премьера, представлявшее собой полный разрыв с предыдущим правительственным курсом.

Министром юстиции стал сенатор Н. А. Добровольский, в 1906–1915 гг. исполнявший обязанности обер-прокурора I департамента Сената и таким образом хорошо известный Щегловитову, министром народного просвещения – сенатор и известный ученый-биолог профессор Н.К. Кульчицкий, близкий Римскому-Корсакову и состоявший в 1914–1916 гг. попечителем Петроградского учебного округа. По свидетельству А. С. Путилова, Кульчицкий намного опережал своего предшественника Игнатьева и по опыту, и по способностям [25, л. 16–16 об.]. Шуваева сменил генерал от инфантерии М. А. Беляев, давно признававшийся во властных и общественных кругах кандидатом на пост военного министра. В свое время по поводу назначения Беляева помощником военного министра при Поливанове «Русское слово» писало, что дума единодушно встретила это решение приветствием, поскольку в военной комиссии Беляев «проявлял исключительные знания и осведомленность». Общая оценка была такой: «Прекрасный знаток своего дела. Лучшего выбора Военный министр сделать не мог» [32]. Шаховской признавал: «Высоко порядочный и умный человек» [8, с. 147]. Барк о Беляеве писал: «Отличался необычайным знанием деталей всех вопросов, которые подлежали обсуждению, никогда не был в затруднении дать ответ и объяснения по делам, которые обсуждались. Кроме того, он обладал огромной выдержкой и терпением и никогда не вносил в дебаты никакой ноты раздражения» [3, с. 101]. Таким образом, последний состав правительства почти полностью состоял из профессионалов, но менее чем какой-либо он был способен к принятию политических решений.

Наличие в ключевых правительственных постах Голицына и Протопопова, тесно связанных с императрицей, неизбежно предполагало рост ее активного влияния на текущую политику. Между тем общее значение императрицы Александры Федоровны (и, тем более, Распутина) в кадровых решениях в историографии и мемуаристике сильно преувеличено. Судя по личной переписке императора и императрицы, в июне 1915 – ноябре 1916 гг. она настаивала на отставке 12 членов Совета министров (Поливанова, Щегловитова, Щербатова, Самарина, Сазонова, Кривошеина, Рухлова, Волжина, Горемыкина, Макарова как министра

юстиции, А. А. Хвостова как министра внутренних дел, Штюрмера, Шуваева), однако с учетом контекста событий нет оснований считать, что когда-либо ее голос становился решающим. В то же время в августе 1915 – декабре 1916 г. императрица выступала за назначение 14 кандидатов на различные правительственные посты, 8 из которых были назначены (А. Н. Хвостов, Наумов, Штюрмер, Рейн, Раев, Протопопов, Добровольский, Беляев). Во всех случаях назначений Александра Федоровна выступала за кандидатуры, ранее уже инициированные иными лицами. Всего за это время состоялось 28 назначений.

В феврале 1917 г. произошли два роковых для судеб монархии события: во-первых, подчиненная Протопопову полиция была фактически отстранена от охраны порядка в Петрограде и заменена тыловыми батальонами, подчиненными командующему Петроградского военного округа ген. С. С. Хабалову, не имевшему никакого соответствующего опыта (не имел его и Военный министр Беляев) [34, с. 62; 8, с. 198]; во-вторых, царские дети заболели корью и Александра Федоровна, судя по переписке с мужем, на время отстранилась от вопросов государственного управления. В обычной ситуации оба эти факта не имели бы никакого особого значения, но после принятых в последние месяцы кадровых решений они приобрели характер исключительный. Именно они обеспечили быстротечный характер революции в столице.

Таким образом, при правительственных назначениях власть обычно прибегала к двум стратегиям. Наиболее распространенным был такой тип решения, при котором оно исходило от премьера или стоящего за его спиной неформального правительственного лидера (Кривошеина, А. Н. Хвостова, Трепова; на рубеже 1916–1917 г. роль такого лидера частично принял на себя председатель Государственного совета Щегловитов). В иных случаях решение принималось по инициативе самого Николая II. В первую очередь это касалось военного и морского ведомств (за исключением назначенного по настоянию Кривошеина военного министра Поливанова). Лишь однажды император прибег к подобному решению касательно ведомства внутренних дел: А. Н. Хвостов, считавшийся образцовым столыпинским губернатором, должен был повторить столыпинскую карьеру и в перспективе занять премьерский пост с сохранением за собой МВД. Опыт Столыпина повторить не удалось, что привело к неизбежному последствию: Хвостов оказался в конфликте с новоназначенным премьером Штюрмером. Николай II также прибег к самостоятельному

решению при назначении Рейна и Голицына. Кроме этих двух стратегий, в редких случаях в 1915–1916 гг. уходящие в отставку министры (Рухлов, Харитонов, Трепов) могли продвинуть на свой пост собственных кандидатов. Наконец, ярким исключением на фоне кадровых решений этого периода стало назначение последнего министра внутренних дел Протопопова. Призванное стать символом национального единения, оно сразу спровоцировало усиление политического противостояния.

Отставки обычно осуществлялись с целью поддержания единства действий правительства. В январе-июле 1915 гг. основным мотивом стало достижение «общественного доверия», однако подобная стратегия потерпела поражение. Как правило, решение об отставке соответствовало желанию самого высокопоставленного чиновника. Вопреки такому желанию состоялись отставки группы министров летом 1915 г. (Маклакова, Сухомлинова, Щегловитова, Саблера), а также А. Н. Хвостова, Штюмерера и Трепова (всего – 7); в большинстве случаев эти отставки были связаны со стремлением наладить более тесные отношения с общественностью, лишь увольнение Хвостова и Трепова в 1916 г. было связано с совершенными ими неординарными поступками (попытками убийства или подкупа Распутина), но и они диктовались поведением оппозиции.

Правительство традиционно комплектовалось из среды кадровых бюрократов (администраторов, чиновников судебного ведомства и технократов). Однако в 1915–1916 гг. в состав Совета министров вошли лица, чья карьера имела необычный характер (Щербатов, Самарин, Наумов, Протопопов): они были «представителями общественности», назначения имели ярко выраженный политический характер. Как правило, действия таких министров не были профессиональными, а поведение вело к острому внутриправительственному конфликту. Наибольшей остроты конфликт достиг в случае с Протопоповым, взятым в Совет министров из среды парламентской оппозиции.

«Министерская чехарда», безусловно, не была следствием произвола «темных сил». Если понимать под «чехардой» частую смену министров без обеспечения преемственности курса, то она практически не затронула столь важные для военного времени ведомства, как министерства финансов, торговли и промышленности, путей сообщения, военное и морское, государственный контроль. О серьезном влиянии «министерской чехарды» на ведомства можно говорить лишь в отношении МВД (с лета 1915 г.) и, отчасти, Министерства земледелия (с лета

1916 г.). Обе структуры находились под пристальным вниманием либеральной оппозиции, чья критика, подчас деструктивная, сыграла не последнюю роль в дезориентации ведомственной политики. Попытки назначения на эти посты «популярных» министров не увенчались успехом ни в смысле повышения эффективности работы ведомств, ни в смысле сближения правительства и общественности. У оппозиции не было согласованного списка кандидатов в «министерство доверия», попытки делать назначения, угадывая общественные настроения, в целом были неудачны. Не зря видный думский оратор и кадет Ф. И. Родичев в узком кругу признавался (5 сентября 1915 г.): «[Прогрессивный. – Ф. Г.] блок, в сущности, основан на фикции, что при настоящих условиях в России может быть правительство, не враждебное стране» [35, с. 168].

Список источников и литературы

1. Государственная дума. Созыв IV. Сессия IV. Стенографические отчеты. Пг., 1915–1916.
2. *Аврех А. Я.* Царизм накануне свержения. М., 1989.
3. *Дякин В. С.* Николай, Александра, Распутин и камарилья // Новый часовой. 1995. № 3.
4. *Куликов С. В.* Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004.
5. Кн. В. Н. Орлов – А. В. Кривошеину, 29 октября 1914 г. // Из истории борьбы в верхах накануне Февральской революции: новые документы. Вводная статья, подготовка текста и комментарии С. В. Куликова // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. Кн. 6. СПб., 1996.
6. *Прилежаев В. В.* Воспоминания // РГАЛИ. Ф.1208. Оп.1. Д.45.
7. *Барк П. Л.* [Воспоминания] // Возрождение. 1965. № 167.
8. *Шаховской В. Н.* «Sic transit gloria mundi» (Так проходит мирская слава). 1893–1917 гг. Париж, 1952.
9. Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны (записи заседаний и переписка). СПб., 1999.
10. *Барк П. Л.* [Воспоминания] // Возрождение. 1966. № 169.
11. Кн. В. Н. Орлов – А. В. Кривошеину, 25 октября 1914 г. // Из истории борьбы в верхах накануне Февральской революции: новые документы. Вводная статья, подготовка текста и комментарии С. В. Куликова // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. Кн. 6. СПб., 1996.

12. Красный архив. 1933. № 4 (59).
13. *Гайда Ф. А.* Либеральная оппозиция на путях к власти. 1914 – весна 1917 г. М., 2003.
14. *Крыжановский С. Е.* Воспоминания. Из бумаг С. Е. Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи. Берлин, б/г.
15. Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 4. М.–Пг. (Л.), 1926.
16. Падение царского режима. Стенографический отчет допросов Верховной следственной комиссии. В 7 т. Под ред. П. Е. Щеголева. Т. 6. М.–Л., 1926.
17. Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 3. М.–Пг. (Л.), 1923.
18. *Барк П. Л.* Глава из воспоминаний // Возрождение. 1955. № 43.
19. Прогрессивный блок в 1915–1917 гг. // Красный архив. 1933. № 1 (56).
20. *Наумов А. Н.* Из уцелевших воспоминаний. 1868–1917. В 2 кн. Нью-Йорк, 1954–1955. Кн. 2.
21. *Гайда Ф. А.* Внутриправительственные конфликты в период кризиса третьей июньской системы (1911–1917) // Российская история. 2009. № 4.
22. Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. / 1916 год. М., 2008.
23. Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 5. М.–Пг. (Л.), 1927.
24. *Харламов Н. П.* Записки бюрократа. Воспоминания. Последний министр последнего самодержца (А. Д. Протопопов) // ОР РГБ. Ф. 261. Оп. 20. Д. 5.
25. *Путилов А. С.* Период кн. Голицына // РГАЛИ. Ф. 1208. Оп. 1. Д. 46.
26. *Барк П. Л.* [Воспоминания] // Возрождение. 1966. № 181.
27. *Путилов А. С.* Период кн. Голицына // РГАЛИ. Ф. 1208. Оп. 1. Д. 46.
28. *Барк П. Л.* [Воспоминания] // Возрождение. 1966. № 179.
29. *Мосолов А. А.* При дворе последнего российского императора. М., 1993.
30. Падение царского режима. Стенографический отчет допросов Верховной следственной комиссии. В 7 т. Под ред. П. Е. Щеголева. Т. 4. М.–Л., 1926.
31. Записка, составленная в кружке Римского-Корсакова и переданная Николаю II кн. Голицыным в ноябре 1916 г. // Архив русской революции. Под ред. И. В. Гессена. Кн. 3. Т. 5. М., 1991.
32. Новый помощник военного министра // Русское слово. 1915. 27 июня.
33. *Барк П. Л.* [Воспоминания] // Возрождение. 1966. № 177.
34. *Глобачев К. И.* Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения // Вопросы истории. 2002. № 9.
35. Протоколы ЦК и зарубежных групп конституционно-демократической партии. В 6 т. Т. 3. М., 1998.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КНЯЗЯ М. М. АНДРОНИКОВА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Д. И. Стогов

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» имени В. И. Ульянова (Ленина)
bel-grigorij@yandex.ru*

В статье рассказывается о деятельности князя М. М. Андроникова, чиновника особых поручений при обер-прокуроре Святейшего Синода, организатора одного из крупнейших салонов предреволюционного Петрограда. Рассматривается вопрос о степени влияния князя на политику Николая II, а также его судьба после февраля 1917 г.

Ключевые слова: Российская империя, Первая мировая война, салон, правые, черносотенцы, бюрократия.

Князь Михаил Михайлович Андроников (1875–1919) – чиновник, издатель журнала, общественный деятель, организатор правомонархического салона, известный политический авантюрист предреволюционного периода. Расцвет его деятельности пришелся на годы Первой мировой войны, когда князь с помощью своих единомышленников, участников салона пытался оказывать влияние на политику Николая II, прежде всего на кадровые назначения.

Традиционно принято считать, что М. М. Андроников принадлежал к деятелям правых убеждений. Отметим, что в исторической и политологической литературе под правыми традиционно понимают «консервативные партии, отстаивавшие и отстаивающие традиционные – политический, социальный, экономический, религиозный, бытовой – уклады жизни, стоящие за сохранение основ существующего или существовавшего строя» [1, с. 5].

Наиболее последовательной и активной частью русского правомонархического движения были черносотенцы. В России конца XIX – на-

чала XX вв. они выступали за сохранение незыблемого традиционного самодержавия, и в этой связи термин «черносотенцы» для того времени фактически являлся синонимом слова «монархисты». Черносотенцы ратовали также за первенство русской народности и православной религии на территории традиционного проживания великороссов, малороссов и белорусов, которые рассматривались ими как составные части триединого русского народа.

К правым организациям с некоторой долей условности можно отнести националистов [2, с. 92–101], в частности Всероссийский национальный союз (ВНС) – крупнейшую организацию русских националистов, стоявшую в политическом спектре чуть левее черносотенных организаций.

М. М. Андроников, хотя и не принадлежал к какой-либо официальной правой политической организации, тем не менее в своих устных выступлениях и в печати в период до февраля 1917 г. позиционировал себя как русский монархист.

Рассмотрим основные вехи биографии князя М. М. Андроникова.

По отцу, ротмистру князю Михаилу (Мимуши) Абеловичу Андроникову (1852–1882), адъютанту великого князя Михаила Николаевича, он был грузинским князем. По матери, Софии Агнес Эве (1852–1884), дочери генерала от кавалерии барона Леонгарда Карловича Унгерн фон Штернберга, он принадлежал к старинному балтийскому баронскому роду [3, с. 125]. М. М. Андроников являлся чиновником при министерстве внутренних дел (1897–1914), «одним из главных агентов Распутина» [4, с. 21], редактором журнала «Голос России», чиновником особых поручений при обер-прокуроре Святейшего Синода (1914–1915) [5, с. 126].

23 января 1917 г. высочайшим приказом по гражданскому ведомству за № 5 [6] он был уволен со службы на основании статьи 149 Уложения о службе гражданской, Т. III, издания 1896 года, с должности чиновника особых поручений [7, л. 8 об.].

Поскольку увольнение князя М. М. Андроникова со службы случилось буквально за несколько недель до Февральской революции 1917 г., рассмотрим его причины и фактическую сторону событий более подробно. Причины увольнения князя обстоятельно раскрываются в докладной записке В. И. Яцкевича. «Князь Андроников ни разу не являлся в канцелярию обер-прокурора Святейшего Синода и

совершенно неизвестен чиновникам центральных учреждений Святейшего Синода, и со времени его назначения не несет никаких обязанностей по службе, и ни одного поручения на него возложено не было». На полях записки карандашом сделана приписка, очевидно, рукою обер-прокурора Синода: «Да и я его ни разу не видел» [7, л. 17–17 об.].

В. И. Яцкевич, ввиду неисполнения М. М. Андрониковым своих обязанностей, согласно распоряжению тогдашнего обер-прокурора Святейшего Синода в должности егермейстера высочайшего двора А. Д. Самарина письмом от 17 сентября 1915 г. за № 9281 передал князю Андроникову предложение подать прошение об увольнении от службы по Духовному ведомству [7, л. 22–22 об.]. Но князь не только не подал соответствующее прошение об отставке, но и вообще никак не ответил на письмо Яцкевича. По утверждению директора канцелярии обер-прокурора Синода, А. Д. Самарин намеревался уволить князя Андроникова без прошения, но не осуществил своего намерения вследствие своего скорого оставления должности обер-прокурора [7, л. 17 об.]. Также В. И. Яцкевич в докладной записке отмечал, что «в некоторых столичных газетах появились статьи с разоблачением деятельности князя Андроникова», а также, что «имеются и частные слухи, не лестные для Андроникова».

В заключение записки директор канцелярии обер-прокурора утверждал, что Андроников состоит издателем газеты «Голос Руси» [7, л. 17 об., 18] (на самом деле – журнала «Голос России»; газету «Голос Руси» издавали члены Государственной думы С. Н. Алексеев и М. П. Дмитриев). Журнал «Голос России», по уверению анонимного автора заметки в либеральной газете «Утро России», получил субсидию в 40 000 руб. из особых средств государственного казначейства по распоряжению И. Л. Горемыкина, незадолго до отставки премьера [8, с. 1]. Однако по другим, документированным, а, значит, достоверным сведениям, размер этой субсидии составлял 15 000 рублей, и она была получена от Главного управления по делам печати не незадолго до отставки И. Л. Горемыкина, а позже, в 1916 г., когда, собственно говоря, и был налажен выпуск журнала [9, с. 329, 344]. Кроме того, говорилось в газете «Утро России», вскоре после назначения М. М. Андроникова чиновником по особым поручениям Святейшего Синода (газета «Утро России» уверяла, что это было за несколько недель до войны; на самом же деле Андроников был назначен на эту должность уже после

начала войны, в декабре 1914 г.), «он уехал в Берлин и оттуда прислал в Главное управление по делам печати ходатайство о разрешении издавать немецкую газету», и «это ходатайство было уважено». Однако, уверяла газета, «объявление войны помешало выходу газеты» [8, с. 1]. Если отмеченное газетой «Утро России» событие и имело место, то оно могло состояться в то время, когда князь еще не был чиновником особых поручений при Синоде.

Издававшийся Андрониковым журнал «Голос России» следователь Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства Ф. П. Стимсон (в тексте документа – Симсон) охарактеризовал как «расходившийся в ничтожном количестве экземпляров черносотенный журнальчик» [10, л. 35 об.].

Итак, приведенные факты проясняют некоторые обстоятельства службы князя М. М. Андроникова. Можно сделать вывод о том, что главными причинами его обоих увольнений (из Министерства внутренних дел и из канцелярии обер-прокурора Синода) явилось неисполнение служебных обязанностей, а проще говоря, практически полное отсутствие на службе.

М. М. Андроников в последние предреволюционные годы проживал по адресу: Петроград, Фонтанка, 54 (телефон 132-45) [7, л. 1]. В этом доме [11] проходили салонные собрания у князя, в которых участвовали видные государственные деятели Царской России: А. Д. Протопопов, А. Н. Хвостов, С. П. Белецкий, А. И. Спиридович, а также архиепископ Варнава, Г. Е. Распутин и многие другие.

Время существования салона князя М. М. Андроникова – с 1900-х годов по 1917 год. Общее количество участников исчислялось сотнями, однако число постоянных посетителей колебалось от десяти до нескольких десятков человек. Среди них – Г. Е. Распутин, архиепископ Варнава, Н. П. Саблин, Т. М. Беляев, Д. М. Граббе, Д. К. Нарышкин, М. А. Ушаков, С. П. Белецкий, А. Н. Хвостов, А. Д. Протопопов, А. И. Спиридович, Н. И. Червинская (псевдоним Вобла). Кружок занимался по преимуществу продвижением своих сторонников в органы государственной власти и борьбой с негодными. К примеру, недругом князя был министр финансов П. Л. Барк. Мало того, между кружками Н. Ф. Бурдукова и М. М. Андроникова шла ожесточенная борьба за преобладающее влияние при дворе, которая закончилась падением политической роли обоих кружков. Финансирование деятельности

салона М. М. Андроникова осуществлялось из секретных фондов Министерства внутренних дел. По свидетельству документов Чрезвычайной следственной комиссии, часть денег от С. П. Белецкого и А. Н. Хвостова шла через М. М. Андроникова к Г. Е. Распутину [14, л. 10 об.]. Однако следует отметить, что политическое влияние М. М. Андроникова на императора было ничтожным. Как следует из хранящихся в РГИА (Ф. 516) камер-фурьерских журналов императора и императрицы, за период Первой мировой войны князь ни разу не был принят ни самим Николаем II, ни членами императорской фамилии. Царская чета не любила скандально известного князя (в обществе были широко распространены слухи о гомосексуальных наклонностях Андроникова) и не принимала его во дворце.

О личности и характере князя М. М. Андроникова писали многие – как его друзья и компаньоны, так и враги. Весьма подробное описание жизни и деятельности князя оставил товарищ прокурора Екатеринославского окружного суда В. М. Руднев, лично допрашивавший Андроникова после Февральской революции 1917 г. Руднев отобрал при обыске на квартире князя, проходившем в течение двух дней марта 1917 года, огромное количество разного рода документов. Из квартиры Андроникова Руднев перевез в Зимний дворец, в помещение ЧСК, огромный архив на двух автомобилях. «При этом надо отдать полную справедливость князю Андронику в том, что канцелярская часть была поставлена у него безукоризненно. Все делопроизводство его разбиралось по папкам на определенные министерства, которые, в свою очередь, распались на департаменты. Дела оказались вложенными в обложки с соответствующими надписями, подшитыми, занумерованными и свидетельствовали о тщательном наблюдении со стороны князя Андроникова за их движением» [12, с. 288], – писал далее В.М. Руднев.

По представлению Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства с 23 марта по 11 июля 1917 года Андроников находился в тюрьме Трубецкого бастиона Петропавловской крепости. Департамент общих дел Министерства внутренних дел направил 21 апреля 1917 г., вследствие требования состоящего при ЧСК А. А. Спичакова-Заболотного, переданного им лично начальнику I Отделения Департамента общих дел, архивное дело князя М. М. Андроникова (1907 г.), а также дела других арестованных в ЧСК, которые,

«по миновании в них надобности», должны были быть возвращены обратно в Департамент [13, л. 68].

Аморфность политических убеждений князя, а также его желание обелить себя перед лицом новой революционной власти демонстрирует прошение М. М. Андроникова начальству Трубецкого бастиона Петропавловской крепости от 31 мая 1917 года. М. М. Андроников, за несколько месяцев до того клявшийся в верности самодержавию, просил дать возможность «принести присягу на верность Новому Правительству, чтобы послужить нашей дорогой Родине, наконец, освобожденной от гнета произвола и насилия и выведенной на светлый путь правды, свободы, братства и любви» [14, л. 1]. Позже в прошении в ЧСК князь заявлял, что всегда был «поборником свободных начал государственного строя» [14, л. 22]. Рабочие Экспедиции заготовления государственных бумаг в августе 1917 года направили прошение, в котором говорилось о том, что М. М. Андроников в 1905 году хлопотал об их освобождении из-под ареста [14, л. 19].

По словам А. И. Путилова, председателя правления Русско-Азиатского банка, лично знавшего Андроникова, «в его [М. М. Андроникова. – Д.С.] голове весьма странно, но совершенно свободно укладывались самые консервативные идеи наряду с самыми либеральными». И те и другие воспринимались им от разных лиц, и он просто копировал их. Его легко было в течение десяти минут убедить в противоположном тому, что он только что высказывал. Тех, кто был с ним мил и любезен, он расхваливал, а тех, кто ссорился с ним, он повсюду дискредитировал [15, с. 99].

Тем временем продолжалось расследование «дела» М. М. Андроникова Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства. В фонде канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода сохранилось письмо из ЧСК от 22 апреля 1917 г. с требованием выслать формулярный список князя М. М. Андроникова [7, л. 31]. В ходе расследования «злоупотреблений по должности» А. Д. Протопопова бывшего министра внутренних дел пытался шантажировать некто председатель Центрального комитета организации, название которой скрывалось под аббревиатурой ОЭЛ, П. И. Дубосарский, который сообщил Протопопову в письме из Одессы от 25 марта 1917 г., что о роли князя Андроникова ему и его организации известно (не раскрывая при этом, в чем, собственно, заключалась эта роль, но, видимо, речь шла

о каких-то фактах, связанных с якобы имевшим место участием князя в шпионской деятельности в пользу Германии). При этом Дубосарский угрожал, что в случае, если Протопопов будет продолжать «запираться», то он опубликует имеющиеся в его распоряжении документы [13, л. 117 об.]. Впрочем, дальнейшее расследование, целью которого было выяснить, что это за организация – ОЭЛ, где проживает П. И. Дубосарский и, по возможности, допросить его, не увенчалось успехом. Ни о самой организации, ни о Дубосарском никакими сведениями власти Одессы (в том числе Исполнительный комитет Совета рабочих депутатов и представителей армии и флота) совершенно не располагали [13, л. 115–146].

В отличие от других заключенных, допрошенных ЧСК, князь М. М. Андроников, пожалуй, как никто иной, пытался не просто опровергнуть наличие в прошлом контактов с Распутиным, императрицей Александрой Федоровной и ее фрейлиной А. А. Вырубовой, но и откровенно поносил их: «Это две истерички, глубоко несчастные женщины, которые верили в этого Распутина как в посредника между ними и Господом Богом. Дальше этого человек идти не может» [9, с. 315].

По словам В. М. Руднева, М. М. Андроников вел себя на допросах ЧСК весьма неискренно; попросту говоря, он много и откровенно лгал: «При допросе князь Андроников старался о многом умолчать или извратить фактическую сторону данных обстоятельств, но, будучи уличен мною, на основании письменных документов, в заведомо ложном освещении событий, заявил мне: «Вы моя совесть» и дал мне клятвенное обещание в дальнейшем не лгать. Однако через несколько минут допроса он был мною вновь изобличен в том же искажении истины; тогда князь обратился ко мне с просьбой сообщить ему мое имя; я исполнил его просьбу и при следующем его допросе князь мне заявил, что спрашивал мое имя для того, «чтобы записать в воспоминанье и молиться, как за святого человека» [12, с. 290].

В ходе расследования Чрезвычайной следственной комиссии обвинения в адрес М. М. Андроникова в пользу Германии не были доказаны, и князь 11 июля 1917 г. был выпущен из тюрьмы Трубецкого бастиона Петропавловской крепости. Далее на протяжении нескольких месяцев мы не располагаем никакими сведениями о нем. Скорее всего, он в этот период времени не проявлял политической активности, занимая выжидательную позицию.

После Октябрьской революции, в 1918 г., князь М. М. Андроников служил в ЧК. Об этом свидетельствует письмо В. И. Ленина, датированное 10 июля 1919 г., следующего содержания: «Тов. Зиновьев. Прошу назначить исключительно партийных, опытных, абсолютно надежных и беспристрастных – товарищей для расследования поведения... б[ывшего] князя Андроникова (друга Распутина, Дубровина и т. д.), служащего в Чека в Кронштадте» [16, с. 226–227]. По утверждению советских исследователей, Андроников даже являлся начальником Кронштадтской ЧК [17, с. 287]. Обстоятельства этого назначения до конца не ясны.

В 1999 г. в американском издании «Вестник» появилась публикация Гарри Любарского из Чикаго, в которой он объясняет произошедшее следующим образом: «...князь Андроников при всех своих пороках был неглупым человеком и, заметив раньше других, что зашаталась «устои», тайно переметнулся на службу к большевикам, которым нужны были его положение и связи. Именно квартира князя служила тем укрытием, где скрывался по указанию Ленина перед октябрьским переворотом Дзержинский и где он наметил первые контуры печально известной организации, которую впоследствии назвали “карающий меч революции”. Также Любарский утверждает, что на высокую должность начальника Кронштадтской ЧК князь М. М. Андроников был назначен «по рекомендации Ленина и Дзержинского» [18]. Однако, поскольку автор материала не ссылается на источники, непонятно, откуда он почерпнул столь сенсационные сведения. Если они являются достоверными, то, пожалуй, перед нами – уникальный и, пожалуй, по-настоящему единственный в своем роде пример так называемого «черносотенно-большевистского симбиоза», о котором писали и пишут отдельные историки [19, с. 347].

Находясь на должности начальника Кронштадтской ЧК, князь М. М. Андроников занимался организацией денежного потока для представителей бывших имущих классов, желавших откупиться от тюремного заключения, или для намеревавшихся выехать из советской России. «Князь Андроников, плоть от плоти этой среды, знал, как надо подойти к своим «клиентам», и успешно справлялся с поставленной перед ним «архиважной задачей». [...] Доверие к нему было настолько велико, что сам Дзержинский ездил на пару с ним в Швейцарию для размещения крупных денежных сумм. Рассказывают, что М.

М. Андроников состоял в близких отношениях с «банкиром большевиков» знаменитым Парвусом» [18], – пишет все тот же Г. Любарский. Приведенные сведения настолько сенсационные, что, ввиду отсутствия в нашем распоряжении источников, которые могли бы подтвердить или опровергнуть их, мы вынуждены оставить эти факты без каких-либо комментариев. Вместе с тем, поскольку автор статьи пересказывает различные слухи, не имеющие подтверждений в других источниках и не выдерживающие никакой критики (тайное исповедование Андрониковым лютеранства, презрение к русским святыням, дружба с основателем Союза русского народа А. И. Дубровиным), рискнем предположить, что и приведенная Г. Любарским информация, связанная с сотрудничеством князя с советской властью, также относится к разряду непроверенных сомнительных слухов.

Как пишет далее автор заметки, вскоре князь М. М. Андроников был пойман с поличным на крупных взятках (о взятке в 2 000 000 рублей золотом от великого князя Александра Михайловича и его жены Ксении Александровны узнал заместитель председателя ВЧК Г. И. Бокий) [18]. Подробности, связанные с арестом и последующим расстрелом князя, в достоверности которых, однако, также ручаться трудно, сообщает все тот же Г. Любарский: «Князь был взят под наблюдение и схвачен за руку. В Швеции и Норвегии спецкурьеры-следователи обнаруживают три секретных счета на имя Андроникова. Следует тайный арест на заседании губкома партии, секретный суд, приговор к расстрелу» [18].

Однако судили князя М. М. Андроникова не за получение взяток. «До начала августа 1919 года» (по утверждению Д. Л. Голикова, в июле 1919 г.) князь был арестован в связи с делом «национального центра» по обвинению в участии в подпольной антисоветской организации и в «шпионаже в пользу Германии» [20, с. 317] и расстрелян. При этом само обвинение в обоих случаях доказано не было. Если верить Г. Любарскому, «не спасли его [князя М. М. Андроникова. – Д.С.] в последний момент и спрятанные у надежного человека компрометирующие документы на Ленина и Дзержинского; чекисты выбили у него адрес этого человека, забрали документы и расстреляли его вместе с Андрониковым» [18].

На наш взгляд, вопрос о сотрудничестве М. М. Андроникова с ЧК и обстоятельства, связанные с расстрелом князя, требуют дальнейших архивных изысканий. После нашего обращения 30 декабря 2013 г.

в архив Управления Федеральной службы безопасности по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, нами была получена справка за № 10/25-С-3639/11, из которой следует, что сведениями в отношении М. М. Андроникова архив не располагает. Также нам удалось переговорить по телефону с Г. Любарским, однако он не смог дать четкого ответа на вопрос о том, какими источниками пользовался при написании статьи о князе Андроникове и «пане Дзержинском». Автор публикации заявил, что не помнит, какие источники он использовал, но, судя по всему, это «какие-то книги по истории советских спецслужб, изданные в конце 1990-х гг.».

Так или иначе, вопрос о службе М. М. Андроникова в ЧК и о его расстреле остается пока не проясненным.

Нельзя сказать, что деятельность князя М. М. Андроникова в префевральский период совершенно нетипична. Отметим, что, как и Андроников, весьма многие фактически (по крайней мере на словах) приняли февральскую революцию. Так, весть о падении самодержавия была воспринята идеологом «монархической государственности» Л. А. Тихомировым, по сути дела, с радостью: «...можно надеяться, что Временное Правительство поддержит порядок и защиту страны, – писал он в своем дневнике 2 марта 1917 года. – Если это будет так, то нужно признать, что переворот произведен замечательно ловко и стройно. [...] Династия, видимо, сгнила до корня...» [21, с. 308–309]. В целом Л. А. Тихомиров радостно приветствовал февральско-мартовские события 1917 года, о чем неопровержимо свидетельствуют записи в его дневнике за 1917 год. Мало того, известно, что сразу же после падения самодержавия он дал подписку о полном признании нового правительства [22, с. 43].

А вот каким образом высказался по данной проблеме считавший себя ранее убежденным монархистом националист М. О. Меньшиков: «...подавляющее большинство из монархов были слишком невыдающиеся, слишком заурядные люди. И вот в руки этих-то слабых и неумных [выделено в тексте источника. – Д. С.] людей, очутившихся в вихре лести и измены, попала историческая судьба великого народа...»; «Боже, до чего прав я был, чувствуя задолго до войны глубокое возмущенное и презрительное чувство к Николаю III! Он погубил Россию, как губит огромный корабль невежественный или пьяный капитан...»; «При жизни Николая II, – писал М. О. Меньшиков в дневнике

уже после расстрела царской семьи, – я не чувствовал к нему никакого уважения и нередко ощущал жгучую ненависть за его непостижимо глупые, вытекавшие из упрямства и мелкого самодурства решения [...] Ничтожный был человек в смысле хозяина...» [21, с. 314–316].

В этой связи современный исследователь правовомонархического движения А. А. Иванов справедливо полагает: «Конечно, подавляющее большинство правых повело себя иначе (о чем в книге также говорится), но данные примеры (особенно Меньшикова, который сегодня нередко преподносится как убежденный монархист), несомненно, заслуживают внимания» [23].

Заметим, приведенные цитаты из Л. А. Тихомирова и М. О. Меньшикова взяты из их дневниковых записей, и, следовательно, этих деятелей в данном случае нельзя заподозрить в конъюнктурности их суждений. По-видимому, они высказывались вполне искренно. И, таким образом, князь М. М. Андроников в своих словесных симпатиях к «новому строю» среди прочих монархистов был далеко не одинок. Однако его последующая судьба (служба в ЧК) заметным образом выделяется на фоне судеб других лидеров монархического движения.

Список источников и литературы

1. Правые партии. Документы и материалы. 1905–1917 гг. Т. 1–2 / Публ. Ю. И. Кирьянова. М., 1998. Т. 1.
2. *Иванов А. А.* «Россия для русских»: pro et contra. Правые и националисты конца XIX – начала XX века о лозунге «русского Возрождения» // Трибуна русской мысли. 2007. № 7.
3. Дворянские роды Российской империи / авторы-составители: Станислав Думин, Юрий Чиковани, Петр Гребельский, Михаил Катин-Ярцев, Андрей Шумков. М., 1998. Т. 4.
4. *Мосолов А. А.* При дворе последнего императора / под ред. С. И. Лукомской. СПб., 1992. С. 21.
5. *Ерошкин Н. П.* Самодержавие накануне краха. М., 1975.
6. Правительственный вестник. 1917. 2 февр. № 27.
7. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.797. Оп. 84. 1 отделение, 1 стол. Д. 176.
8. *С. Князь. М. М. Андроников* // Утро России. 1917. 6 февр. № 37.
9. *Искандеров А. А.* Закат империи. М., 2001.

10. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.1467. Оп. 1. Д. 479.
11. *Колотило М. Н.* Толстовский дом. Квартира князя-чекиста / под науч. ред д. филол. н. Н. И. Крайневой. Альбом-монография. СПб., 2013.
12. *Руднев В.* Правда о царской семье и «темных силах» // Святой черт. Тайна Григория Распутина / предисл., сост. А. Кочетов. М., 1990.
13. ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 450.
14. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 1695. Оп. 2. Д. 167.
15. Последний временщик последнего царя // Вопросы истории. 1964. № 12.
16. Ленин и ВЧК. Сб. документов (1917–1922). М., 1975.
17. *Голинков Д. Л.* Крушение антисоветского подполья в СССР. Кн. 1. М., 1986.
18. *Любарский Г.* Князь Андроников и пан Дзержинский // Вестник. 1999. 3 авг. № 16 (220).
19. Монархист и Советы. Письма Б. В. Никольского к Б. А. Садовскому 1913–1918 / публ. С. В. Шумихина // Звенья. М.; СПб., 1992.
20. *Кутузов В. А.* и др. Чекисты Петрограда на страже революции. Партийное руководство Петроградской ЧК: 1918–1920 гг. Л., 1987.
21. *Репников А. В.* Консервативные представления о переустройстве России (конец XIX – начало XX веков): монография. М., 2006.
22. *Репников А. В.* Консервативные концепции переустройства России в контексте исторического процесса конца XIX – начала XX вв.: автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 2006.
23. *Иванов А. А.* Консервативные представления о переустройстве России. О новой книге А. В. Репникова [Электронный ресурс] // Русская народная линия: сайт. – http://ruskline.ru/analitika/2007/01/12/konservativnyye_predstavleniya_o_pereustrojstve_rossii/ (дата обращения 25.11.2013).

К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ НАЗНАЧЕНИЯ И ОТСТАВКИ ВОЕННОГО МИНИСТРА Д. С. ШУВАЕВА

А. В. Евдокимов

*Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского
Artemius2014@yandex.ru*

В статье рассматривается деятельность Д. С. Шуваева на различных должностях, а также обстоятельства его назначения на пост военного министра и отставки в начале января 1917 года.

Ключевые слова: Д. С. Шуваев, Военный министр, А. А. Поливанов, Николай II, армия, П. Н. Милюков, интендантское ведомство

В последние годы изучение событий, связанных с Первой мировой войной и последними годами существования Российской империи, становится все более актуальным. Многие сюжеты нашей истории начала XX века по разным причинам были и остаются малоизученными или же вовсе неизвестными для массового читателя, зачастую не попадая на страницы учебников по отечественной истории.

Одним из таких сюжетов, безусловно, является деятельность генерала Д. С. Шуваева. Исследование данной темы позволяет лучше представить противоречивую эпоху заката императорской России и выявить тенденцию к разрастанию кризиса власти.

Необходимо отметить, что государственная и военная деятельность Д. С. Шуваева до сих пор является практически неизученной и представляется перспективной для исследования, о чем, в частности, упомянул Е. В. Бей, защитивший в 2011 году диссертацию по государственной и военной деятельности В. А. Сухомлинова [4, с. 183].

Первой и, пожалуй, единственной работой, целиком посвященной Д. С. Шуваеву, является статья Г. М. Ширшова [24]. Данная работа яв-

ляется обзорной. Автор освещает основные вехи в биографии генерала. При этом вопросы о причинах назначения и отставки Шуваева в качестве военного министра Г. М. Ширшов глубоко не разбирает. Мы же сосредоточимся именно на этой проблеме.

Приведем сначала краткие биографические сведения о генерале Шуваеве. Родился Дмитрий Савельевич 12 (24) октября 1854 года. По вероисповеданию православный. Выходец из потомственных почетных граждан, уроженец Уфимской губернии [24, с. 20]. Окончил 3-е военное Александровское училище (1872) и Николаевскую академию Генерального штаба (1878). Службу начал во 2-м Туркестанском стрелковом батальоне, участник Хивинской кампании и взятия Коканда; награжден боевыми орденами. С 1885 года возглавлял Новочеркасское казачье юнкерское училище, в 1899–1905 гг. – начальник Киевского военного училища. С 1905 командир 5-й пехотной дивизии, участник Русско-японской войны. С 1908 г. – во главе 2-го Кавказского армейского корпуса.

8 августа 1909 года генерал-лейтенант Д. С. Шуваев назначается начальником Главного интендантского управления (ГИУ), иными словами начальником тыла армии, и остается на этой должности в течение 7 лет. Видя несовершенство системы снабжения армии, новый начальник начал реорганизацию интендантского ведомства на основании опыта Русско-японской войны. Надо сказать, что назначение Шуваева начальником ГИУ совпало с проведением военной реформы 1905–1912 гг. Реорганизация коснулась и самого ГИУ, при этом особое внимание было обращено на усиление технического комитета за счет введения в его состав представителей гражданских ведомств (министерств финансов, торговли, промышленности и др., а также профессоров ряда институтов). Позже, в 1913 году, реформированию подверглись и войсковые интендантские органы [24, с. 20].

При Шуваеве впервые с научной точки зрения подошли к определению суточного солдатского рациона. Специально созданная комиссия разработала рацион в 4245 килокалорий, куда, в частности, входило 307,5 граммов мяса и 1230 граммов хлеба ржаного. Что касалось алкоголя, то выдавать водку нижним чинам в мирное и военное время разрешалось теперь только в лечебных целях. В 1911–1912 гг. без участия Д. С. Шуваева была введена новая полевая форма одежды: серая шинель, гимнастерка и шаровары защитного цвета, полевая

фуражка, усовершенствованный вещевой мешок, сапоги и полевое снаряжение. По отзывам иностранных специалистов, эта форма была одной из лучших в мире. Было также радикально улучшено вещевое снабжение нижних чинов, введены постельные принадлежности, банно-прачечное обслуживание [24, с. 20].

Принимались меры и к повышению престижности службы на интендантских должностях. В частности, лица, поступившие в интендантство после окончания гражданских высших учебных заведений, стали пользоваться правом на получение военного чина. В 1911 году в целях организации наиболее совершенной формы подготовки интендантских кадров вместо существовавшего с 1900 года при Академии Генерального штаба интендантского курса была создана Интендантская академия. Государь отметил труды Шуваева по совершенствованию интендантской службы, присвоив ему в 1912 году звание генерала от инфантерии. В том же году Шуваев был удостоен ордена Белого орла, а через два года – ордена Св. Александра Невского [24, с. 20].

Теперь перейдем к вопросу о назначении Д. С. Шуваева на должность военного министра. В историографии представлено несколько точек зрения. А. Я. Аврех считает, что кандидатура Шуваева была предложена лейб-медиком Федоровым и адмиралом Ниловым из-за их личной неприязни к А. А. Поливанову [1, с. 151].

О. Р. Айрапетов отмечает, что отставка Поливанова совпала с окончанием неудачного мартовского наступления под Нарочью и это свидетельствовало о том, что снарядный голод не был преодолен в необходимой для успеха мере [2, с. 88]. Также исследователь считает, что Шуваев как нельзя лучше подходил на должность военного министра, особенно в военное время [3, с. 150].

С. В. Куликов считает Шуваева личным кандидатом Николая II, который стал Военным министром вопреки предпочтению Александры Федоровны и Г. Е. Распутина таких кандидатов на этот пост, как М. А. Беляев и Н. И. Иванов [14, с. 188]. Г. М. Ширшов полагает, что императору на данной должности был необходим человек, не связанный с придворными кругами и в то же время знающий военное дело и нужды армии. Таким и был Д. С. Шуваев [24, с. 21].

Так что же стало причиной назначения генерала Шуваева на должность военного министра? Нам представляется, что здесь было несколько причин:

- 1) поддержка со стороны императора;
- 2) аполитичность по сравнению со своим предшественником;
- 3) профессионализм, знание нужд армии и предвоенный опыт проведения интендантской реформы;
- 4) хорошее отношение к нему Государственной думы и буржуазии (недаром именно в газете «Биржевые ведомости» его деятельность на новой должности освещалась положительно и весьма подробно, о чем будет сказано ниже).

Надо сказать, что решение о назначении генерала Шуваева Военным министром Николай II принял еще 11 марта [13, с. 576]. Примерно в это же время А. А. Поливанов перестает упоминаться среди присутствующих на совещаниях Совета министров, вместо него до совещания 22 марта упоминается М. А. Беляев [18, с. 116].

Назначение Д. С. Шуваева было многими воспринято как большая неожиданность, даже самим генералом. 14 марта, как отмечает в своем дневнике М. К. Лемке, «за завтраком царь огорошил Шуваева словами: «Сегодня я вижу вас у себя уже как военного министра»... Все стали передавать это друг другу, и скоро все протягивали Шуваеву свои стопки, желая ему здоровья... Никто не ожидал ничего подобного» [15, с. 633]. О неожиданности данного назначения свидетельствует также и Г. И. Шавельский [23]. В газетах же сообщения о смене военного министра появились лишь 17 марта, причем о генерале Поливанове говорилось только в положительном ключе, а также отмечалось, что его отставка, к примеру как это было отражено в «Биржевых ведомостях», «не находится в прямой зависимости от его выдающейся практической деятельности...» [5].

Тезис о «выдающейся практической деятельности» А. А. Поливанова может быть подвергнут критике. Приведем лишь два примера, высказанных современником и внимательным наблюдателем происходивших событий. Пример первый: к осени 1915 года существенных сдвигов в улучшении снабжения армии не последовало. Более того, новый Военный министр пригласил еврея Гинсбурга из Порт-Артура в качестве поставщика, сделав большие заказы в США, его помощником стал генерал Вогак. В Мексике было куплено 200 тысяч ружей Маузера по 120 рублей за штуку, которые четырьмя месяцами ранее предлагались по 40 рублей [12, с. 127].

Пример второй: в конце октября того же года начальник ГАУ генерал Маниковский прямо заявил в прессе, что до настоящего времени

Военно-промышленным комитетом не было поставлено ни одного снаряда. А то, что поступило, было выполнено по заказам, данным до открытия Военно-промышленных комитетов. Интересно, что вскоре в газете «Земщина» вычеркнули статью, разоблачавшую злоупотребления в Военно-промышленном комитете [12, с. 131].

Теперь рассмотрим деятельность Д. С. Шуваева после вступления в новую должность. На встрече с журналистами 22 марта новый Военный министр сообщил, что его цель – «снабжение армии всем необходимым для достижения победы над врагом». Он считал, что общеземский и общегородской союзы, а также Военно-промышленные комитеты «должны больше делать, чем говорить». По мнению генерала, «общественные организации необходимы, без них армия обойтись не может» [20].

Генерал Шуваев сделал весьма много за время пребывания в новой должности, ниже отмечены наиболее важные события, связанные с его деятельностью:

- 1) на заседании Совета министров 15 апреля Д. С. Шуваев ходатайствовал об ассигновании Военному министерству чрезвычайного сверхсметного кредита в размере 377 647 000 рублей [18, с. 165];
- 2) на заседании Совета Министров 29 апреля Военный министр счел необходимым заказать заводам А. А. Анатра и акционерного общества «Аксай» в Нахичевани 400 двигателей для самолетов по 20 000 рублей каждый и запчасти – всего на сумму 11 200 000 рублей. Также выдать каждому заводу ссуду на 7 лет в сумме 560 000 рублей, а также каждому аванс в сумме 1 820 000 рублей [18, с. 189];
- 3) генерал Шуваев обратился с письмом к министру внутренних дел по вопросу об оказании помощи дубенскому, луцкому и кременецкому городским управлениям, на это Министерство внутренних дел ассигновало 18 000 рублей [6];
- 4) на заседании Особого продовольственного совещания 24 августа представитель Военного министерства генерал Акимов от имени Д. С. Шуваева заявил, что совершенно необходимо не только существование твердых цен для правительственных закупок с обязательным применением в нужных случаях реквизиции, но следует распространить их на все частные сделки, так как в противном случае спекулянты смогут наживать большие деньги за счет потребителя [17];

- 5) Военный министр обратился к министру торговли и промышленности князю В. Н. Шаховскому с просьбой выяснить вопрос о движении заработной платы во время войны для выяснения общего положения рабочих. В связи с этим фабричным инспектором разослан циркулярно запрос о движении заработной платы и предложено выяснить жилищные условия рабочих в промышленных центрах [7];
- 6) помимо сохранения твердых цен и права реквизиции для снабжения армии Д. С. Шуваев предлагал распространить их на закупки для населения заводов и фабрик и на все сделки для того, чтобы армия могла успешно действовать на театре военных действий [21];
- 7) Военный министр поднял вопрос о бесплатной выдаче зарубежных паспортов русским подданным, выезжающим во Францию для посещения своих больных и раненых родственников, находящихся в рядах французской армии [8];
- 8) данное событие сложно расценить иначе как одно из свидетельств заслуг Д. С. Шуваева в должности военного министра. В Петроградский технологический институт поступило заявление от общества суконных фабрикантов об учреждении стипендии имени военного министра генерала Д. С. Шуваева для одного из нуждающихся студентов технологического института в размере 500 рублей ежегодно [9].

Рассмотрев деятельность Д. С. Шуваева как военного министра, необходимо затронуть вопрос о его отставке. В историографии есть несколько точек зрения. А. Я. Аврех полагает, что причиной отставки являлось невыполнение Шуваевым просьб императрицы и отказ генерала принимать Распутина, при этом Александра Федоровна предлагала на роль военного министра М. А. Беляева [1, с. 151].

О. Р. Айрапетов считает, что Шуваев был слишком аполитичен, его прямолинейность и простота в выражении своей точки зрения сыграли с ним злую шутку. Однажды, узнав о том, что кто-то считает его предателем, Д. С. Шуваев сказал: «Я, может быть, – дурак, но я не изменник!» Помимо того, по мнению исследователя, свою роль сыграл и эпизод с выступлением в Государственной думе 4 ноября. Шуваев был особо выделен кадетской печатью и лишился своей должности [3, с. 182–184].

Ф. А. Гайда отмечает, что выступление Шуваева и Григоровича было воспринято оппозицией как слабость власти и раскол в ее рядах,

в думе решили, что министры действовали самостоятельно [10, с. 235]. К схожему выводу приходит и С. В. Куликов [14, с. 289].

Так что же явилось причиной отставки Д. С. Шуваева? Нам представляется, что здесь несколько причин:

- 1) конфликт с М. А. Беляевым, что обеспечивало неприязнь к нему со стороны Александры Федоровны;
- 2) несмотря на благоволение Николая II, Шуваев имел репутацию сторонника оппозиции, к нему положительно относились в думе и в Военно-промышленных комитетах;
- 3) личные качества (простота, прямолинейность и т. д.), которые в окол властной сфере сказались негативно на образе генерала Шуваева как военного министра.

Обратимся теперь к событиям, предшествовавшим отставке генерала Шуваева. 21 августа в очередном докладе царю в Ставке Б. В. Штюрмер сообщил царю о конфликте Шуваева и Беляева, а также обвинил военного министра в том, что вопреки решению Совета министров о сокращении деятельности Военно-промышленных комитетов Шуваев заявил, что оставляет за ними заказы, так как он не имеет в своем распоряжении тысячи чиновников, которые могли бы заменить общественных деятелей [16, с. 145].

Внутри Военного министерства вместо столь необходимой в условиях войны атмосферы единения царили всевозможные интриги, характерные для последних нескольких лет существования самодержавия. Например, целый ряд сотрудников Военного министерства находились в хороших отношениях с генералом Поливановым: два адъютанта военного министра граф Капнист и Дембовецкий, секретарь военного министра Шильдер и начальник фельдъегерского корпуса полковник Носов [22, с. 35]. Несомненно, что при таком раскладе сил между этими людьми и Шуваевым не могли не возникать трения, что снижало эффективность работы.

Но судьбоносным для генерала Шуваева стало его выступление в думе вместе с морским министром Григоровичем 4 ноября. Ф. А. Гайда отмечает, что «их задача заключалась в приглушении думского протеста» [10, с. 235]. Как тот, так и другой в кратких словах обрисовали помощь, весьма ценную, оказанную делу войны, общественных организаций и совещаний и в связи с этим достигнутые успехи в снабжении армии, чем вызвали оживление и вопросы среди депу-

татов. П. Н. Милюков весьма ловко использовал этот эпизод в газете «Речь», обрисовав рукопожатие военного министра. Там было упомянуто о выступлении Шуваева и Григоровича и добавлено: «Закончив свою речь, Шуваев спускается в депутатские места и жмет Милюкову руку». Как отмечал Я. В. Глинка, «...подвел [Милюков] старика ловко...» [11, с. 156–157].

Интересно, что, так или иначе, будущей отставке Д. С. Шуваева способствовал министр внутренних дел А. Д. Протопопов. Военный министр был одним из тех лиц, кто за некоторое время до этого дал положительную характеристику Протопопову. Теперь же произошла своеобразная «рокировка» – после резонансного выступления в Государственной думе уже Протопопов беседовал с Николаем и Александрой о Шуваеве. При этом, обращаясь к императрице, он рекомендовал скорее заменить Шуваева на генерала Беляева. Императрица не возражала, а министр внутренних дел откровенно заметил, что «хотел скорейшего ухода Шуваева, с которым не ладил» [19, с. 79].

В самом конце 1916 года состоялась еще одна важная беседа. 31 декабря император принял М. А. Беляева [13, с. 617]. С. В. Куликов раскрывает суть беседы: «В разговоре Николай II упомянул, что нынешний Военный министр не говорит по-французски, а Беляев им владел и вел переговоры с союзниками» [14, с. 307].

Необходимо добавить, что на тот момент генерал Беляев являлся чуть ли не единственным представителем высшего командного состава, который владел несколькими иностранными языками, тогда как ни Военный министр, ни его помощник генерал Фролов не знали ни одного. В тех условиях данное обстоятельство сыграло немаловажную роль и сделало отставку генерала Шуваева неизбежной. В газетах сообщения об отставке Д. С. Шуваева появились 5 января 1917 года. На этом посту его сменил М. А. Беляев.

Подводя итоги деятельности Д. С. Шуваева, необходимо отметить следующее. Нам представляется, что причин для его назначения на должность военного министра было несколько: 1) поддержка со стороны императора; 2) аполитичность по сравнению со своим предшественником; 3) профессионализм, знание нужд армии и предвоенный опыт проведения интендантской реформы; 4) хорошее отношение к нему Государственной думы и буржуазии. В должности военного министра Д. С. Шуваев сумел сделать немало полезного. Однако его

пребывание Военным министром оказалось недолгим. Мы полагаем, что причин его отставки было несколько: 1) конфликт с М. А. Беляевым, что обеспечивало неприязнь к нему со стороны Александры Федоровны; 2) несмотря на благоволение Николая II, Шуваев имел репутацию сторонника оппозиции, к нему положительно относились в думе и в Военно-промышленных комитетах; 3) личные качества (простота, прямолинейность и т.д.), которые в окол властной сфере сказались негативно на образе генерала Шуваева как военного министра. Отставка Д. С. Шуваева являлась очередным свидетельством кадрового кризиса в высших военных кругах. При таком положении дел неминуемая катастрофа становилась лишь делом времени.

Список источников и литературы

1. *Аврех А. Я.* Царизм накануне свержения. М., 1989.
2. *Айрапетов О. Р.* Нарочское наступление и отставка А. А. Поливанова // Вестник МГУ. Серия 8. История. 2001. № 6.
3. *Айрапетов О. Р.* Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и революцию. 1907–1917. М., 2003.
4. *Бей Е. В.* Государственная и военная деятельность В. А. Сухомлинова (1865–1916 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 2011.
5. Биржевые ведомости. 1916. 17 мар.
6. Биржевые ведомости. 1916. 29 июня
7. Биржевые ведомости. 1916. 25 авг.
8. Биржевые ведомости. 1916. 23 сент.
9. Биржевые ведомости. 1916. 23 дек.
10. *Гайда Ф. А.* Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 – весна 1917 г.). М., 2003.
11. *Глинка Я. В.* Одиннадцать лет в Государственной думе. 1906–1917: Дневник и воспоминания М., 2001.
12. Дневник генерала Сухомлинова // Дела и дни. Кн. 3. 1922.
13. Дневники императора Николая II. М., 1992.
14. *Куликов С. В.* Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004.
15. *Лемке М. К.* 250 дней в царской Ставке (25 сент. 1915–2 июля 1916). Пг., 1920.

16. Монархия перед крушением. 1914–1917. Бумаги Николая II и другие документы. Статьи В. П. Семеникова. М.–Л., 1927.
17. Новое время. 1916. 25 авг.
18. Особые журналы Совета министров Российской империи, 1916 г. М., 2008.
19. Падение царского режима: стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства [под ред. П. Е. Щеголева]. Т. 4. М.–Л., 1925.
20. Русские ведомости. 1916. 22 марта.
21. Русское слово. 1916. 27 авг.
22. «Успокоения нечего ожидать»: Письма князя М. М. Андроникова Николаю II, Александре Федоровне, А. А. Вырубовой и В. Н. Воейкову / публ. С. В. Куликова // Источник. 1999. № 1.
23. *Шавельский Г. И.* Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота [Электронный ресурс] // Военная литература (Милитера): сайт. URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/shavelsky_gi/23.html (дата обращения 26.01.2014).
24. *Ширшов Г. М.* Красный командарм Д. С. Шуваев // Военно-исторический журнал. 2005. № 10.

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ОБОРОНЧЕСТВО 1917 ГОДА

А. В. Медведев

*Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского
medvedev_46@mail.ru*

После Февральской революции буржуазия и правые социалисты развернули пропаганду революционного оборончества – необходимости защиты демократической России от внешнего врага. Революционное оборончество приняли массы, которые соглашались на оборонительную войну и заключение демократического мира без аннексий и контрибуций. Революционное оборончество было подорвано проповедью необходимости наступления русской армии, а провал июньского наступления способствовал его исчезновению. Осенью 1917 г. жажда мира любой ценой охватила большинство народа.

Ключевые слова: Февральская революция, Первая мировая война, патриотизм, революционное оборончество, демократический мир, дезертирство солдат

О революционном оборончестве, возникшем в России после Февральской революции, упоминается во многих трудах по истории революционных событий 1917 г., о нем содержатся материалы в общероссийских и местных сборниках документов. Но нет труда, специально рассматривающего в комплексе это явление. Лишь в двух монографиях Г. Л. Соболева о революционном сознании рабочих и солдат Петрограда в 1917 г. есть небольшие разделы о революционном оборончестве периода двоевластия, его постепенном исчезновении под влиянием апрельского, июньского, июльского кризисов, но при освещении следующего периода проблема оборончества как бы растворяется в указанных трудах среди других проблем [1; 2]. В постсоветском труде В. П. Булдакова революция характеризуется как «смута», проявление низменных человеческих страстей. Солдаты, по его мнению, формально принимали вначале революционное оборончество, но «думали свое». Затем стремление спасти свои шкуры отвернуло их от оборончества, и к лету 1917 г. «солдатская пьянь и большевизм слились в некий неразделимый развеселый образ» [3, с. 123]. Конечно,

в революции проявлялись и стихия, анархическая струя, уголовщина, но такое освещение поведения масс в революции не соответствует исторической истине и унижает наш народ.

Для выяснения явления революционного оборончества необходимо выяснить предпосылки его появления, вызванных множеством причин – ожиданиями масс благотворных для себя перемен после Февраля, политикой Временного правительства, Советов, политических партий, ходом войны и т. д. Мы попытаемся в настоящей статье в общем плане, схематично изложить эти проблемы.

Отношение масс к войне зависит от ее характера и целей. Первая мировая война имела империалистический характер со всех сторон, правительство и правящие классы России ставили целью захватить черноморские проливы и установить свое господствующее влияние на Балканах и в Малой Азии. Но для народа говорилось о необходимости защиты Отечества от германской агрессии. Рьяные публицисты убеждали, что началась вторая Отечественная война.

Начало войны вызвало мощный всплеск патриотизма. Но, как отмечает нижегородский историк С. Б. Белов, российский патриотизм был многоукладным. В нем было три слоя: европеизированный по формам буржуазный, крестьянский патриархально-мелкобуржуазный и сублимированный революционно-бунтарский [4, с. 50–51, 92]. Этот патриотизм имел и черносотенно-погромную подкладку. Черносотенцы и другие патриоты активно развивали у населения антигерманские настроения [5], после объявления войны в Петербурге спровоцировали разгром немецкого посольства, устроили погромы российских немцев и их имущества в Москве в октябре 1914 г. и в мае 1915 г. [4, с. 22–23, 90].

Буржуазный патриотизм был корыстным. Предприниматели, и крупные, и мелкие, стремились максимально нажиться на поставках армии вооружений, обмундирования, прочих необходимых ей вещей. Например, миллионер, пароходовладелец и городской голова Н. Новгорода Д. В. Сироткин повысил с началом войны цены за перевозку казенного хлеба до 6 коп. за пуд, когда нормальная цена составляла 3,5–4 коп. [4, с. 93]. Возглавив в 1915 г. Нижегородский и Средневолжский Военно-промышленные комитеты, Сироткин прибирал себе наиболее выгодные военные заказы. Только на поставках в армию сапог и подков он нажил несколько миллионов [6, с. 342–343]. 132 предприятия, находившихся в собственности акционерных обществ, увеличили свою

прибыль в среднем с 1913 по 1916 г. на 284,1%, а некоторые урвали еще больше. «Сормово» получило прибыли 6,28 млн руб. вместо 2,17 млн в 1913 г., «Парвилайнен» учетверил свою прибыль [7, с. 406–407]. Не зря тогда появилась поговорка: «Кому война, а кому мать родна».

Деревня войны не хотела, цели ее крестьянам, да и солдатам были непонятны, трактовались абсурдным, мифологическим образом. Вот один из мифов: царь де «продал Россию Вильгельму и войну затеял с целью уничтожить людей, чтобы не наделять их землей [8, с. 138–139]. И призванный в армию крестьянин жил заботами об оставленном хозяйстве, о семье, абстрактные цели войны ему были непонятны [8, с. 139]. Вскоре деревня начала страдать от потери кормильцев (в армию было мобилизовано 15,5 млн человек, в большинстве крестьян), сокращения посевов, нехватки продовольствия, реквизиций скота и лошадей. Однако на первых порах крестьяне не уклонялись в массе своей от мобилизации в армию, подчинялись армейской дисциплине, стойко, без бравады держались в боях. Рабочие вели себя сходным образом, прекратили в первые месяцы войны забастовки. Потом возник их протест против войны в связи с ростом цен на продовольствие, инфляцией денег, резко ухудшившими их уровень жизни.

Однако российский патриотизм оказался пустым и хрупким [4, с. 84, 97]. Русский народ проявлял стойкость и жертвенность, когда защищал себя и страну от внешних врагов, явившихся на русскую землю с целью ее захвата. В 1914 г. боевые действия шли вначале на территории других стран в Пруссии, Галиции, а также в Польше, входившей в состав России, но нерусской по национальному составу жителей. Патриотизм подогревался относительными успехами первых месяцев войны. Но с весны 1915 г. началось «великое отступление» русской армии. Армия несла огромные потери.

Все это подрывало патриотизм масс. Вера в справедливость войны и в возможность победы исчезала. С весны 1915 г. возрождаются рабочее, крестьянское движения, начинаются братания солдат с противником на фронте, в 1915–1916 гг. – бунты на флоте и в армии [9, с. 132–142]. Разворачивается массовое дезертирство из армии, уклонение от службы призывников. К началу 1917 г. насчитывалось, по разным подсчетам, от 1,5 до 2 или от 1 до 1,5 млн дезертиров. Волна дезертирства стала особенно сильной с осени 1916 г. и уже не ослабевала до конца войны [10, с. 45–47]. Антивоенные настроения охватили широкие мас-

сы, но в особенности солдат. Генерал А. А. Брусилов констатировал: «К февралю 1917 года вся армия – на одних фронтах больше, на других меньше – была подготовлена к революции» [11, с. 235].

После свержения самодержавия буржуазия, взявшая власть через Временное правительство и заинтересованная в продолжении войны, должна была убедить в этом массы. Ей помогали по идейным соображениям эсеры и меньшевики, захватившие руководство Петроградским и другими Советами. На вооружение была взята идеология революционного оборончества. Временное правительство в обращении к населению 6 марта выразило уверенность, что «дух высокого патриотизма, проявившийся в борьбе со старой властью, окрылит и доблестных солдат на поле брани» [1, с. 171]. Буржуазная пресса развернула кампанию в пользу продолжения войны для защиты демократической России. В нее включились созданные в марте военно-патриотические организации «Союз солдат-республиканцев» и «Союз увечных воинов». Устраивались патриотические манифестации, когда по улицам столицы шли воинские части с лозунгами «Война до победного конца», «Сохранение свободы – в победе над Вильгельмом» [1, с. 173].

Однако гораздо больший вклад в развитие оборонческих настроений внесли эсеры и меньшевики, связанные с массами, ведущие пропаганду и агитацию на предприятиях, в деревне, в воинских частях. Они в большинстве своем заняли оборонческие позиции еще в 1914 г., обосновывали тогда оборонительный характер войны со стороны России. Теперь стали доказывать, что война во главе с царизмом имела империалистический характер, но после свержения самодержавия обрела оборонительный характер. Россия стала свободной демократической страной, победа Германии приведет к восстановлению власти Романовых. «Враг внешний у наших ворот» [12, 15 марта], – пугали эсеры. 14 марта Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов принял Манифест об отношении к войне, призвавший международный пролетариат «начать решительную борьбу с захватническими стремлениями правительств всех стран; наступила пора народам взять в свои руки решение вопроса о войне и мире» [1, с. 177–178]. Резолюция дублировалась другими Советами. Так, Нижегородский Совет рабочих депутатов 22 марта заявил: «Пока народы всех воюющих стран не сказали своего властного слова и война продолжается, мы будем

бороться с нападающим на нас врагом» [13, с. 300–301].

Большевики не сразу определили свою позицию. В дни Февральской революции Русское бюро ЦК и Петроградский комитет РСДРП(б) выдвинули лозунг «Долой войну». После победы Февральской революции на этот лозунг обрушились оборонцы. Вернувшиеся из ссылки И. В. Сталин, Л. Б. Каменев и М. К. Муранов перехватили руководство ЦК и «Правдой» в свои руки и обосновывали политику давления на Временное правительство для достижения целей социал-демократии. Каменев в «Правде» 15 марта выступил с позиций революционного оборончества, утверждая, что пока власть в Германии и Австро-Венгрии находится у Гогенцоллернов и Габсбургов, стремящихся поживиться за счет России, русская революционная армия даст им решительный отпор. Это позиция вызвала возмущение прежних руководителей ЦК и многих петроградских большевиков [14, с. 444–447].

Вернувшийся в Россию В. И. Ленин заявил, что на революционное оборончество сознательный пролетариат пойдет при условии перехода власти в руки пролетариата и примыкающего к нему беднейшего крестьянства. Рассматривая революционное оборончество масс как плод их бессознательно-доверчивого отношения к буржуазной пропаганде, Ленин призывал соратников разъяснять трудящимся «связи капитала с империалистической войной, доказывать, что кончить войну истинно демократическим, ненасильственным миром нельзя без свержения капитала» [15, с. 113–114].

Однако влияние большевиков было вначале слабым, их вышло из подполья всего 24 тыс., на одну большевистскую газету приходилось весной только 20 эсеро-меньшевистских газет, не считая буржуазных. Но большевистскую критику революционного оборончества дополняли интернационалисты – эсеры и меньшевики. Левые эсеры доходили до призыва заключить сепаратный мир с Германией, если союзники не откажутся от захватнических целей [16, с. 114–115].

Революционное оборончество дало массам понятную и благородную цель – защищать от врага свободную Россию. Солдаты считали на первых порах, что условия для достижения народом своих целей появятся после полной победы. «Мы получили свободу, но земля еще не наша, говорил один из депутатов на заседании солдатской секции Петроградского совета 8 марта. – Только когда мы побьем Вильгельма, тогда мы можем поделить землю» [1, с. 175]. С середины марта

настроение солдат в Петрограде стало меняться. Они стали принимать резолюции о ведении войны сугубо оборонительной с объявлением всему миру, что у русского народа нет завоевательных целей. Многие рабочие столицы заявляли готовность работать сверх 8 часов, но только «под условием войны оборонительной, а не захватной» [1, с. 183].

Революционное оборончество охватило широкие массы. Даже в Петрограде солидарность с большевистскими оценками войны проявляла только часть рабочих Выборгской стороны [1, с. 187]. Оборонческие оценки войны отразились в тысячах резолюций митингов, собраний, сходов рабочих и крестьян. Крестьяне Семетской волости Нижегородского уезда Нижегородской губернии на сходе 6 апреля приняли, например, резолюцию, в которой заявляли об отказе от всех завоеваний и контрибуций, но подчеркнули: «А если немцы голосу нашему не внемлют... пусть знают, что драться мы будем много лучше, много сильнее, чем дрались под старым правительством...» [17, с. 574]. Крестьяне Ракаловской волости Слободского уезда Вятской губернии писали Петроградскому Совету 26 апреля: «Надоела нам она (война. – А. М.). Жалко нам наших братьев, отцов, сыновей, крови их жалко, а немца победить надо, потому как он на нашу свободу посягнуть хочет. Умрем, а не отдадим ему свободы...» [17, с. 643].

Но одно дело оборонческие настроения в тылу, другое отношение к войне было у солдат на фронте. Некий М. Лукомский в письме с фронта в Петроградский Совет 10 марта сообщал: «Я вел тысячи бесед со множеством солдат и хочу сказать... сто процентов – все без единого исключения ждут мира во что бы то ни стало, на каких угодно условиях и трепетно ждут его» [13, с. 626]. На совещании командующих фронтами 1 мая командующий Северным фронтом генерал Драгомиров подтвердил это мнение, указав, что «общее настроение армии – мир во что бы то ни стало» [18, с.24].

Представляется, что такая жажда мира жила в душе не только солдат, но и значительной части населения, но публично высказывалась редко, подавляясь широким проявлением оборончества. Этого не учитывали (или не хотели учитывать) лидеры буржуазии. Послы союзных стран давили на правительство, требуя прекратить пропаганду мира и организовать наступление русской армии, которое позволило бы союзникам добиться реванша из-за очередной неудачи на Западном фронте. Экстремистское крыло Временного правительства

(А. И. Гучков, П. Н. Милюков и др.) решило спровоцировать массы на выступление объявлением о необходимости войны до победы с тем, чтобы подавить это выступление и взять всю полноту власти в свои руки. Вот почему Милюков как министр иностранных дел подписал 18 апреля ноту, в которой говорилось о том, что Россия будет верна своим союзническим обязательствам [20, с. 263–267]. В печати нота была опубликована 19 апреля [19, 19 апреля].

Нота вызвала взрыв возмущения солдат и рабочих Петрограда и других городов. 20 апреля 7 тыс. солдат Финляндского полка на стихийно возникшем митинге потребовали отставки Милюкова. Затем отправились к Мариинскому дворцу, где заседало Временное правительство. К ним присоединились солдаты Кексгольмского, Московского, Павловского полков, матросы 2-го Балтийского флотского экипажа, некоторое количество рабочих. На митинге у Мариинского дворца собралась 25–30 тыс. человек, звучало требование отставки Милюкова.

21 апреля по призыву большевиков на улицы Петрограда вышли рабочие большинства предприятий столицы. Они несли лозунги «Долой Временное правительство» и «Власть Советам», хотя это не означало, что рабочие в полной мере осознали необходимость устранения власти буржуазии. Странники правительства организовали в этот день контрдемонстрацию из офицеров, интеллигентов, гимназистов, студентов, из рядов которой раздалась стрельба по рабочей демонстрации. Генерал Л. Г. Корнилов, в это время командующий Петроградским гарнизоном, хотел по примеру Наполеона расстрелять демонстрантов огнем артиллерии, но солдаты-артиллеристы отказались открывать огонь [1, с. 22–232; 20, с. 271–272]. Временное правительство спасли эсеро-меньшевистские вожди Петроградского Совета, принявшие разъяснение министров, что последние не стремятся к захватническим целям. Совет дал согласие на вхождение в правительство министров-социалистов. Гучков и Милюков ушли в отставку. Митинги протеста против ноты Милюкова, на которых высказывалось недоверие правительству, прошли по многим городам и рабочим поселкам. На них выдвигалось требование войны оборонительной, мира без аннексий и контрибуций [20, с. 278–287]. Апрельский кризис стал первым уроком для масс, начавшим осознавать, что буржуазия и Временное правительство лицемерно принимают революционное обо-

рончество.

22 апреля Петроградский Совет поддержал идею правительства о «займе свободы» [19, 23 апреля]. Были созданы банками с участием представителей от правительственных органов и Советов губернские, уездные, кое-где и волостные комитеты по пропаганде займа. Для привлечения средств трудящихся выпускались облигации на 50, 40, 20 руб. К середине июля по стране вместо планируемых 3 млрд по подписке было собрано только 1202 млн руб. [20, с. 151]. В Нижегородской губернии было собрано к концу апреля в рамках займа 8572 тыс. руб., затем суммы сбора резко сократились. Комитет по пропаганде «займа свободы» Нижегородской городской конторы Государственного банка констатировал: «Успех реализации займа обязан исключительно так называемым буржуазным элементам, но, не встречая поддержки в массах, начал ослабевать» [21, с. 156]. Понятно, что голодающие рабочие и крестьяне не хотели отдавать последние деньги на ведение войны, как это было в годы Великой Отечественной войны.

Коалиционное по составу Временное правительство стремилось преодолеть антивоенные настроения масс. Под давлением союзников оно начало подготовку наступления русской армии, агитацию за него. В агитацию включились и социалистические министры. В. М. Чернов, лидер эсеров, ставший министром земледелия, объяснял, что наступление есть элемент активной обороны [12, 19 мая]. А. Ф. Керенский, ставший военным и морским министром, разъезжал по фронтам и тыловым гарнизонам, агитируя за наступление. Доказывал, в частности, что наступление предотвратит переброску немецких войск на англо-французский фронт. «У нас нет русского фронта, а есть только единый союзный фронт» [22, с. 21]. О необходимости наступления эсеры и меньшевики твердили в своей печати, провели резолюции в поддержку правительства и наступления на Всероссийских съездах крестьянских депутатов (в мае) и рабочих и солдатских депутатов (в июне).

Началось формирование добровольческих частей («ударных») из военнослужащих и штатских добровольцев. За июнь – середину июля на фронт было отправлено 40 тысяч добровольцев [20, с. 408]. По приказу Верховного главнокомандующего на погонах добровольцев появилась эмблема – череп с двумя перекрещивающимися костями как символ бессмертия. На рукавах добровольцы носили черно-красные нашивки. Красный цвет символизировал борьбу за свободу, черный –

«указание на нежелание жить, если погибнет Россия» [23, с. 202–203]. После Февральской революции все большее распространение получило использование красного флага, в том числе в армии. Под красными флагами российская армия пошла в наступление 18 июня. «Красный флаг был символом атакующего “революционного оборончества”» [23, с. 408].

Пропаганда наступления начала подрывать революционно-оборонческие настроения, т. к. большинство населения, солдат если и соглашалось на продолжение войны, то только оборонительной. Начало падать доверие к Временному правительству, поскольку острые проблемы не решались, усиливался голод, началась разруха народного хозяйства, росла безработица, крестьяне не получили помещичью землю. Усиливается революционное брожение, разворачиваются рабочее, крестьянское, национальное движения. Массы начинают воспринимать антивоенную и антиправительственную пропаганду большевиков и других левых социалистов. Оборонческие настроения начинают постепенно выветриваться.

В Петроградском и других тыловых гарнизонах этому способствовала отправка на фронт целых частей и маршевых рот. В Петрограде, например, за май и первую половину июня на фронт было отправлено 20 тыс. солдат. Но складывать свои головы за улучшение положения союзников на Западном фронте солдаты не желали. В столице солдаты 1-го запасного пехотного полка, запасных батальонов Гренадерского, Павловского, Кегсгольмского, Петроградского полков и др. частей приняли накануне демонстрации 18 июня резолюции с осуждением наступления и о переходе власти к Советам [1, с. 276]. На фронте ширились братания с противником. Многие части отказывались готовиться к наступлению, занимать исходные позиции. В их числе – 11 полков 10-й армии, 7-й Сибирский стрелковый корпус, 4 полка Кавказской армии, 3 полка 32-го корпуса, 3 полка 163-й дивизии и др. Такие части расформировывались, отводились в тыл. На Западном фронте в тыл было отправлено 30 тыс. солдат [20, с. 407–414].

В демонстрации 18 июня в Петрограде участвовало около 500 тыс. рабочих и солдат, подавляющее большинство шло с лозунгами «Долой 10 министров-капиталистов», «Власть Советам», «Против политики наступления», «Хлеба, мира, свободы» [20, с. 505]. Демонстрации с подобными лозунгами прошли во многих городах. В Н. Новгороде

в демонстрации участвовало 40 тыс. человек [22, с. 273].

Июньский кризис размежевал борющиеся в России силы, определил перелом в отношении масс к войне, к революционному оборончеству. Во время наступления было немало случаев отказа солдат идти в бой. Так, на Западном фронте отказались наступать 48 батальонов, а солдаты трех полков выступили против командования с оружием [20, с. 510–511]. Плохо подготовленное наступление при негативном отношении к нему солдат провалилось, приведя к новым потерям. В результате наступления на Юго-Западном фронте, где наносился главный удар, и после провала наступления («тарнопольской катастрофы») – потери составили 132,5 тыс. солдат и офицеров, а на других фронтах, где наносились вспомогательные удары, – около 50 тыс. [18, с. 73–90].

Провал наступления стал одной из причин июльского кризиса, когда рабочие, солдаты и матросы вышли на улицы Петрограда, требуя от эсеров-меньшевистских вождей ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов взять власть и создать советское правительство; 4 июля демонстранты были обстреляны из засад, а 5 июля Временное правительство с санкции эсеров-меньшевистских вождей Советов дало распоряжение арестовывать большевиков, других участников антиправительственной демонстрации, закрыть «Правду» и другие большевистские газеты. Назначенный на должность Главнокомандующего армией генерал Л. Г. Корнилов ввел 19 июля смертную казнь на фронте.

В Н. Новгороде были свои июльские дни. В Нижегородском гарнизоне преобладающее влияние было у эсеров. В их партию к концу мая записалось 4 тыс. солдат [25, 28 мая]. Но убедить солдат в необходимости наступления нижегородские эсеры не сумели. 20 июня солдаты 62-го полка заявили, что полк отказывается отправляться на фронт, пока не будут ликвидированы отсрочки тех, кто скрывался под видом работы на оборону в торговых и промышленных предприятиях [26, 22 июня]. 4 июля присланный из Москвы карательный отряд (рота юнкеров и учебная команда) арестовал около 200 солдат 62-го полка. На их защиту выступили солдаты 183-го и 185-го полков. Во время перестрелки погибло 37 человек. Юнкера были арестованы. 6 июля из Москвы прибыл карательный отряд во главе с командующим Московским военным округом полковником А.И. Верховским с артиллерией и броневиками. Каратели разоружили солдат, часть их отправили на

фронт, 15 солдат были арестованы и отправлены в Москву [27, с. 64–65].

После июльского кризиса контрреволюционные силы взяли, казалось, верх, начали травлю большевиков («немецкие шпионы» и т. д.), начали наводить порядок на фронте и в тылу. Правые социалисты продолжали пропаганду о необходимости продолжать войну в духе революционного оборончества. Приведем один пример. «Народная газета “Чернозем”» (Пенза) убеждала 28 августа крестьян сдавать государству хлеб по твердым ценам, т. к. он необходим для армии, и пугала: «Наша свобода первая в мире... Так неужели же мы ее не удержим в своих руках и добровольно наденем вновь цепи царизма, а это будет неизбежно, если кровавый Вильгельм разобьет нашу армию, а вместе с ней и Россию».

Конечно, небольшая часть населения считала необходимым продолжать войну. Но введение смертной казни на фронте, аресты большевиков, революционных солдат и рабочих, членов крестьянских комитетов, возглавивших борьбу крестьян за землю, уже не отвечали представлениям масс о свободе. Резолюции трудящихся о войне в духе оборончества практически исчезли. Корниловский мятеж окончательно подорвал авторитет Временного правительства. В России развивалась анархия. Крестьяне поднялись на восстания по всех губерниях, где было помещичье землевладение. Массы терзали голод. Сокращение посевных площадей за годы войны, засуха в ряде регионов в 1917 г., привели к тому, что урожай 1917 г. составил 64% от 1913 г. Временное правительство не сумело реализовать собственный закон о государственной хлебной монополии и смягчить продовольственный вопрос. Нехватка продовольствия в городах и в деревне потребляющих губернии вызывали голодные бунты. В июле их произошло в стране 43, в августе – 100, в сентябре – 154, в октябре – 125 [20, 669–671]. Разочарование в правительстве, усталость от тягот войны изжили у большинства народа революционное оборончество. Представитель французского военного командования в России капитан Ж. Садуль в письме А. Тома 2 (15) октября верно заметил: «Жажда немедленного мира становится всеобщей» [28, с. 219]. Особенно сильно желание скорейшего мира проявлялось у солдат. Правительство было не в состоянии обеспечивать военнослужащих продовольствием, обмундированием, обувью в необходимых масштабах, что обостряло ситуацию в армии. На фронте и в тыловых гарнизонах проявилось множество случаев не-

повиновения солдат офицерам, отказов выполнять определенные работы, самовольных уходов с позиций, братаний с противником и т. д. Огромного размаха достигло дезертирство. Военный министр последнего состава Временного правительства А. И. Верховский доложил комиссии по обороне и иностранным делам Предпарламента 20 октября, что состояние армии катастрофическое, дезертировало 2 миллиона солдат, и нет никакой возможности изловить их и вернуть на службу. Для спасения государства, настаивал министр, необходимо скорейшее заключение мира [29, с. 220–228].

Так революционное оборончество демократической революции исчерпало себя. Военная политика Временного правительства, буржуазии и социалистов-оборонцев способствовала утрате ими поддержки масс. Народную жажду мира учли большевики, приняв Декрет о мире на II Всероссийском съезде рабочих и солдатских депутатов. После установления Советской власти большевики стали, в свою очередь, оборонцами и революционное оборончество использовали для защиты советского государства и социалистического Отечества.

Список источников и литературы

1. *Соболев Г. Л.* Революционное сознание рабочих и солдат Петрограда в 1917 году. Л., 1973.
2. *Соболев Г. Л.* Петроградский гарнизон в борьбе за победу Октября. Л., 1985.
3. *Булдаков В. П.* Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М., 1997.
4. *Белов С. Б.* Патриотизм 1914 года (К вопросу о природе (социологии) феномена русского (российского) патриотизма. Н. Новгород, 2009.
5. *Соболев Л. Г.* Тайный союзник. Русская революция и Германия. СПб, 2009.
6. *Седов А. В.* В годы мировой войны // Нижегородский край: Факты, события, люди. Н. Новгород, 1997.
7. *Сидоров А. Л.* Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1973.
8. *Аксенов В. Б.* Война и власть в массовом сознании крестьян в 1914–1917 годах: Архетипы, случаи, интерпретации // Российская история. 2012. № 4.
9. Исторический опыт трех российских революций: в 3 кн. – Кн. 2. Свер-

- жение самодержавия. Вторая буржуазно-демократическая революция в России. М., 1986.
10. *Асташов А. Б.* Дезертирство и борьба с ним в царской армии в годы Первой мировой войны // *Российская история.* 2011. № 4.
 11. *Брусилов А. А.* Мои воспоминания. М., 1983.
 12. Дело народа. 1917.
 13. Революционное движение в России после свержения самодержавия. Сборник док. и мат. М., 1957.
 14. *Шляпников А. Г.* Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. Т. 2. М., 1992.
 15. *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. Т. 31.
 16. Протоколы Третьего съезда партии социалистов-революционеров. – Пг., 1917.
 17. Революционное движение в России в апреле 1917 г. Апрельский кризис. Сборник док. и мат. М., 1958.
 18. *Жилин А. П.* Последнее наступление (июнь 1917 г.). М., 1983.
 19. Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917.
 20. *Миц И. И.* История Великого Октября / В 3 т. Т. 2. М., 1978.
 21. ЦАНО. Ф. 1882. Оп. 1. Ед. хр. 10.
 22. Речи Керенского к войскам и народу. Пг., 1917.
 23. *Колоницкий Б. И.* Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры Российской революции 1917 года. СПб., 2001.
 24. История города Горького. Краткий очерк. Горький, 1971.
 25. Народ. 1917.
 26. Известия Нижегородского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917.
 27. *Аннин А. Г.* Коалиционное Временное правительство и его органы на местах – организаторы «малой» гражданской войны в июле 1917 г. // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского.* Серия История. Выпуск 1 (5). Н. Новгород, 2006.
 28. Воспоминания зарубежных участников и очевидцев об Октябрьской революции. М., 1967.
 29. Революционное движение в России накануне Октябрьского вооруженного восстания. Сборник док. и мат. М., 1962.

Часть 2

**МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
НАКАНУНЕ И В ГОДЫ
ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ:
ОТ МИРА К ВОЙНЕ, ОТ ВОЙНЫ К МИРУ**

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА: ОСОБЕННОСТИ ДИПЛОМАТИИ ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ И ПАЛЕСТИНСКИЙ ВОПРОС

О. А. Колобов

*Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского
intrel@fmo.unn.ru*

В статье анализируется соглашение Сайкс – Пико и политико-дипломатическая борьба вокруг статуса Палестины. Особое внимание уделено декларации Бальфура. Прослеживается эволюция в 1917–1918 гг. принятия американским правительством внешне-политических решений, касающихся декларации Бальфура.

Ключевые слова: Первая мировая война, Палестина, Ближний Восток, дипломатия великих держав, соглашение Сайкс – Пико, декларации Бальфура

Вопрос о будущем Палестины являлся одним из узловых международных противоречий начала XX века [1, с. 794–864]. Свои интересы в этой части Османской империи имели все великие державы: Англия, Германия, Россия, США, Франция. Активную заинтересованность в колонизации Палестины продемонстрировали в том числе представители и апологеты радикальных политических идеологий, с которыми взаимодействовали англичане и немцы, стремившиеся в преддверии грядущей войны привлечь их представителей (например, и в том числе сионистских, в противовес территориалистам) в политико-территориальные распри. Неопровержимым доказательством тому служат сведения, содержащиеся в секретном письме российского посла в Константинополе Н. В. Чарыкова временно управляющему Министерством иностранных дел А. А. Нератову от 23 (10) мая 1911 г., с беспокойством было отмечено, что сионисты в Турции «пользуются благоволением с германской стороны». Н. В. Чарыков объяснял этот факт участием значительного числа сторонников указанного

политического течения в действовавших на территории Турции «германских торгово-промышленных предприятиях, отчасти зависящих от германского правительства и германских банков и, в свою очередь, помогающих немецким начинаниям в Турции» [2, с. 32–35; 3, с. 74–79].

Сложную политическую игру на Ближнем Востоке вела Великобритания. Англичане пытались заручиться поддержкой всех этнических представителей и групп, представленных в означенном регионе, что продолжилось и после Первой мировой войны. Известно, что верховный комиссар Великобритании в Каире Генри Мак-Магон вел секретную переписку с шерифом Мекки Хусейном (июль 1915 – март 1916), пытаясь поднять настроения арабов против Турции. В этой переписке Великобритания явно и недвусмысленно обнаружила свои претензии на территории Палестины [4, с. 432–433].

Англичане обсуждали тему будущего Палестины и со своими союзниками по Антанте – Россией и Францией. В результате длительных англо-русско-французских переговоров с февраля по май 1916 г. Великобритания, используя заинтересованность России в Константинополе и черноморских проливах, а Франции – в Сирии и Киликии, сумела выговорить для себя часть территории Палестины. По соглашению Сайкс – Пико (май 1916 г.) ей должны были отойти порты Хайфа и Аккра. Англичане также получили право построить железную дорогу до их сферы влияния на Аравийском полуострове и беспрепятственно перемещать по ней свои войска [5, с. 366–367]. Правительства трех держав специально оговорили, что большая часть Палестины должна находиться под международным контролем и ее статус должен быть определен специальным соглашением [5, с. 393–395, 414, 504, 532–535; 6, р. 18–21].

«Соглашение Сайкс – Пико не привело к разрешению противоречий между великими державами по вопросу о Палестине, – справедливо отмечает исследователь А. А. Сергунин, – Россия, хотя и согласилась на фактическое расчленение территории Палестины и ее освоение, в том числе сионистскими поселенцами, но все же была недовольна предъявленными территориально-политическими претензиями союзников на Святую землю. Франция считала, что в силу аргументов истории и права Палестина принадлежит ей и принадлежит Сирии. В рамках указанного спора, с постоянно растущим числом участников, Великобритания, в свою очередь, выдвигала свои претензии. Пришедший в конце 1916 года к власти Д. Ллойд Джордж осознал, что ему не удастся вы-

торговать Палестину путем секретных дипломатических переговоров, и решил действовать по принципу *fait accompli* – “свершившегося факта”» [3, с. 75]. При этом ключевую роль играло взаимодействие Англии с представителями радикальных политических течений и идеологий, которым будущее Палестины виделось следующим образом:

«1) победа союзных держав; 2) установление британского протектората над Палестиной; 3) взаимное соглашение, которое, как только Британия получит протекторат, облегчит въезд в Палестину одному миллиону или более того иудеев в течение 20–30 лет; 4) соглашение о том, что протекторат поставит Палестину под контроль иудеев, которые будут продолжать служить британским интересам на Суэцком канале, составив оплот по защите этого водного пути» [7, с. 392–393, 396].

Между тем замыслы англичан едва не оказались сорванными в результате политики США. Президент Вильсон одобрил идею государственного секретаря Лансинга о сепаратном мире с Турцией в обмен на переустройство Ближнего Востока в американских интересах. В июле 1917 года Вильсон направил в Турцию своего специального посланника Г. Моргантау с целью предложить ее властям вступить в переговоры с Антантой о выходе из войны. Однако миссия Г. Моргантау была перехвачена в Гибралтаре Х. Вейцманом и по его настоянию вернулась обратно, не доехав до Стамбула [8]. В результате военные действия на Ближнем Востоке продолжились. В конечном итоге они привели к поражению турок от англичан осенью 1917 года в Палестине и размещению здесь экспедиционного корпуса генерала Э. Алленби [9, с. 75, 77, 78, 85, 88; 10, с. 221–222]. Таким образом, Великобритания, при невмешательстве США, смогла создать основу для того, чтобы позже Лига Наций передала ей мандат на управление Палестиной. В перспективе англичане предполагали эффективно использовать для освоения «земли обетованной» значительные банковско-финансовые ресурсы. «Британская империя, – подчеркивал Д. Ллойд Джордж, – имеет слишком много забот, чтобы успешно справиться с этой задачей. Иудаизм с его гением, упорством, изобретательностью, а равно и богатством может один довести до успешного конца важную проблему возрождения Палестины» [см.: 11, 12, с. 87; 13, с. 25–26; 14, с. 17–18].

2 ноября 1917 года министр иностранных дел Великобритании Артур Джеймс Бальфур опубликовал открытое письмо вице-президенту лорду Ротшильду, в котором говорилось, что «правительство Его

Величества с благосклонностью относится к созданию в Палестине «национального очага» и готово принять все меры, чтобы обеспечить достижение этой цели, причем, само собой разумеется, что не будет предпринято ничего, что могло бы причинить вред гражданским и религиозным правам существующих в Палестине других народностей, а также правам или политическому статусу, которыми те обладают в любой другой стране [15]. Это послание вошло в историю под названием декларации Бальфура [3, с. 74–79; 16; 17; 18; 19; 20, с. 21–35]. В литературе неоднократно указывалось на ее сомнительность с точки зрения международного права: во-первых, потому что она касалась территории, находившейся вне компетенции Великобритании [20]; во-вторых, поскольку она не была итогом обсуждения и договоренности правительств различных государств [21; с. 188; 22; 23].

Провозглашение Великобританией права отдельных народов на создание в Палестине «национального очага» явилось результатом длительных переговоров Х. Вейцмана с членами военного кабинета, председателем которого был Д. Ллойд Джордж, ставший премьер-министром в 1916 году [24, с. 15–16].

Убеденный поклонник Ахад Гама, Хаим Вейцман был «практиком», что означало самое деятельное участие в воплощении программы сельскохозяйственной колонизации Палестины (включающей иммиграцию народа, создание широкой сети различных предприятий и благотворительных организаций и учреждений и пр.), которую финансировали банкиры Ротшильды. Прямая связь с Ротшильдами и собственный научный авторитет, вызванный изобретением дешевого способа производства ацетона, необходимого для массового производства взрывчатых веществ, открыли Х. Вейцману широкий доступ в коридоры власти многих столиц мира. «Доктор Вейцман, – писал Д. Ллойд Джордж, – сумел заручиться моим сочувствием еще в то время, когда при помощи своих научных знаний и изобретательности успешно справился с поставленной мной задачей и спас Англию от надвигающейся катастрофы. Я познакомил его с лордом Бальфуром, который был совершенно пленен его личным обаянием, умом и силой убеждения. Доктор Вейцман сумел заручиться решительной поддержкой лорда Мильнера, лорда Сесила и генерала Смита». Правительство Великобритании рассчитывало на то, что поддержка Англией намерений определенных политических кругов превратить арабскую Палестину, находившуюся в составе про-

игрывавшей войну Османской империи, в государство, способное выполнить роль «политического» и «духовного» центра единой нации, и впоследствии окажет в благодарности существенную финансовую помощь и поддержку государствам Антанты, истощившим свои ресурсы во время Первой мировой войны [25, с. 38–44; 26]. Более того, имелись соображения военного и пропагандистского характера. Они были связаны, главным образом, с вероятностью использования Великобританией декларации Бальфура в качестве средства, способного укрепить Антанту и «мобилизовать общественное мнение мира» в пользу союзных держав, содействуя разрушению единства вражеской коалиции в целом [27, с. 285–286]. Мнение английского премьера о причинах выступления Великобритании с Декларацией, содержащей обещание создания «национального очага в Палестине», совпадает с оценкой другого участника событий, известного английского историка Арнольда Тойнби, служившего в 1918 году в отделе политической разведки Форин Офис и бывшего членом британской делегации на Парижской мирной конференции 1919 года. В интервью, данном английскому журналисту Л. Иксу, он подчеркнул, что «...мотивом (опубликования декларации Бальфура) было нанесение окончательного поражения державам оси (то есть Германии, Турции и воевавшим на их стороне государствам)...» [28, с. 289; 29, с. 4]. Кроме того, Палестина должна была стать своего рода «прикрытием» Суэцкого канала, что определяло ее существенную ценность для Великобритании. Официально мандат на управление Палестиной был оформлен в виде договора между Великобританией и Лигой Наций 24 июля 1922 года и вступил в силу 29 сентября 1923 г. [21].

Хотя некоторые историки утверждают, что декларация Бальфура была незамедлительно одобрена всеми ведущими державами [23], тем не менее, позиция США по отношению к декларации Бальфура была не такой однозначной, хотя Великобритания задолго до этого шага попробовала заручиться активной поддержкой своих планов со стороны Соединенных Штатов Америки как естественного союзника [30, с. 25–26]. Так, в 1914 году Л. Брандейс [30, с. 25–26], действуя по прямому указанию Ротшильда, получил от президента Соединенных Штатов В. Вильсона устные заверения о поддержке намерения создать «национальный очаг» на Ближнем Востоке. Влияние Л. Брандейса на В. Вильсона было существенным: он был его ближайшим советником со времен предвыборной кампании 1912 года, способствуя совместно с Г. Моргантау, Я. Шиффом,

Б. Барухом и А. Элкасом активному финансированию американского президента из крупнейших мировых финансовых источников, главным образом семейства Ротшильдов, а с 31 августа 1914 года по 1 октября 1916 года Л. Брандейс был председателем временного исполнительного комитета по общим сионистским делам в США [31, с. 441–445].

Л. Брандейс, а также С. Уайз, Ф. Франкфуртер, Дж. Де Хаас в течение двух последующих лет непрерывно вели переписку с госсекретарем США Р. Лансингом и ответственными сотрудниками госдепартамента с тем, чтобы стимулировать интерес лиц, занятых планированием и осуществлением внешней политики США, к намерениям своих европейских единомышленников относительно Палестины. Особое внимание было обращено на персональную опеку правительственных чиновников, составлявших ближайшее окружение В. Вильсона. К ним, прежде всего, следует причислить полковника Эдварда Хауза, от которого многое зависело в текущих внешнеполитических делах Соединенных Штатов. О результатах подобного рода деятельности можно судить по письму С. Уайза Л. Брандейсу от 7 февраля 1917 года, где говорилось: «Я отправил полковнику Хаузу меморандум, касающийся нашего вопроса, и он написал: «Я надеюсь, что мечта, которую МЫ (выделено мною. — О. К.) лелеем, скоро может стать реальностью». Несколько позже часто присутствовавший на беседах С. Уайза с Эдвардом Хаузом Дж. Де Хаас уже смог доложить Л. Брандейсу: «Он (Хауз) сказал нам, что он заинтересован в нашем успехе более, чем мы сами». С. Уайз был одним из основателей Американского еврейского конгресса и членом Временного исполнительного комитета по общим сионистским делам в США. Ф. Франкфуртер, племянник Л. Брандейса, также входил в ближайшее окружение В. Вильсона. Что касается Дж. де Хааса, то он представлял в США интересы Ротшильдов.

Вышеприведенные отрывки из внешнеполитической переписки американского центра принятия внешнеполитических решений свидетельствуют о том, что «серый кардинал» американского президента занимал вполне определенную позицию в палестинском вопросе. В зарубежной литературе отсутствует единое мнение о полковнике Хаузе. Одни авторы, например Л. Штейн, Ф. Мануэль, предпочитают изображать его «преданным другом», другие (М. Уорфски, С. Адлер, Н. Кохен), напротив, тщательно выискивают факты о диаметрально противоположных политических пристрастиях и взглядах Хауза. Однако, скорее всего, позиция

Эдварда Хауза была подчинена сугубо практическим государственным интересам США, а также собственным стремлением полковника повысить личный авторитет в правящей элите США.

Поскольку сам В. Вильсон считал выработку внешней политики своей исключительной прерогативой и часто игнорировал мнение Государственного департамента по ряду принципиальных вопросов, то воздействие лично на самого президента было самым лучшим способом добиться цели. При этом госсекретарь США Р. Лансинг находился в неведении о целях и тем более итогах многочисленных и ставших особо частыми к ноябрю 1917 года визитов Л. Брандейса, Ф. Франкфуртера, С. Уайза к президенту Соединенных Штатов, а также бесед названных лиц с полковником Хаузом [30]. Обмен мнениями представителей радикальных политических кругов с президентом Вильсоном и полковником Эдвардом Хаузом по палестинскому вопросу привел к тому, что после вступления США в войну и поездки А. Бальфура в Вашингтон в апреле 1917 года глава американского правительства дал устные заверения о содействии реализации программы освоения территорий отдельными этно-конфессиональными группами на Ближнем Востоке.

Список источников и литературы

1. История дипломатии / сост. А. М. Лактионов, 2006.
2. Письмо российского посла в Константинополе Н. Чарыкова временно управляющему Министерством иностранных дел А. А. Нератову от 23 (10) мая 1911 г. // Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов Царского и Временного правительств 1878–1917 гг. Серия вторая, 1900–1913 гг. Т. 18. Ч. 1. М., 1939.
3. *Сергунин А. А.* Политика Великобритании и России по отношению к Палестине в годы Первой мировой войны: сравнительный анализ // Православный палестинский сборник. Вып. 31 (94). М., 1991.
4. The Hussein – McMagon Correspondence. In July 1915–10 April 1916 // *Crescent and Star. Arab – Israeli Perspectives on the Middle East Conflict.* N. Y., 1973.
5. Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов Царского и Временного правительств 1878–1917 гг. Серия третья, 1914–1917 гг. Т. 10. М., 1938.
6. Hurewitz J. C. *Diplomacy in the Near and the Middle East. A Documentary Record.* 1914–1956. N. Y. 1956 Vol. II.

7. *Stein L.* The Balfour Declaration. L., 1961.
8. *Ллойд Джордж Д.* Военные мемуары. М., 1935. Т. IV.
9. *Ллойд Джордж Д.* Мир ли это? Л.–М., 1924.
10. The Parliamentary debates. Official Reports. 5-th series. Vol. XCIX. 7th session of the 13th Parliament of the United Kingdom of Great Britain – Ireland. House of Commons, November 2, 1917. Col. 838.
11. *Ключников Ю. А., Сабанин А.* Международная политика новейшего времени в договорах, нотах, декларациях. М. 1925. Ч. 1–2.
12. *Hurewitz J. C.* Diplomacy in the Near and the Middle East. A Documentary Record. 1914–1956. N. Y. 1956. Vol. II.
13. *Lacquer W. (Ed.)* The Israel-Arab reader. A documentary history of the Middle East conflict. Bantam books. New York – Toronto – London, 1969.
14. *Stein L.* The Balfour Declaration. L., 1961.
15. *Friedman I.* The question of Palestine 1914–1918. L., 1973.
16. *Oder I.* The United States and the Palestinian mandate, 1920–1948. A study of Impact of interest groups on foreign policy. Ph. D. Dissertation Columbia University. N. Y. , 1956.
17. *Lacquer W.* A history of Zionism. L., 1972.
18. *Cohen N.* American Jews and Zionist idea. N. Y., 1979.
19. *Колобов О. А.* США и Декларация Бальфура //Международные отношения на первом этапе общего кризиса капитализма. Межвузовский сборник. Горький, 1981.
20. *Колобов О. А.* Соединенные Штаты Америки и проблема Палестины. Нижний Новгород, 1993.
21. *Abid I.* Questions and Answers on the Arab-Israeli Conflict. Beirut, 1973.
22. *Lacquer W.* A history of Zionism. L., 1972.
23. *Cohen N.* American Jews and Zionist idea. N. Y., 1975.
24. *Parzen H. A.* Short history of Zionism. N. Y., 1962.
25. *Weizmann H.* Trial and Error. N.Y., 1949.
26. *Ллойд Джордж Д.* Правда о мирных переговорах. М., 1967. Т. 2.
27. The journal of the Palestine studies. Beirut, Vol. II, № 3, 1973.
28. *Howard H.* The Balfour Declaration in American Foreign Policy // The Middle East Forum. Beirut. Vol. XXXVIII. № 9. December, 1962.
29. *Mason A.* Brandeis. A Free Man's life. N. Y., 1946.
30. NAUS. RG 59. Files 867n.01/0–191.
31. *Manuel F.* The realities of the American-Palestine relations. Washington, 1949.

УВОЛЬНЕНИЕ ВОЕННОГО МИНИСТРА В. А. СУХОМЛИНОВА И НЕГЛАСНЫЕ КОНТАКТЫ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ГЕРМАНИЕЙ В 1914–1915 гг.¹

А. В. Евдокимов, Ф. А. Селезнев
Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского
Artemius2014@yandex.ru
fseleznev@mail.ru

В статье рассматривается вопрос о причинах отставки военного министра В. А. Сухомлинова. По мнению авторов, руководство Германии, заинтересованное в заключении сепаратного мира с Россией, пыталось донести свои предложения до Николая II через В. А. Сухомлинова. В этой связи противники сепаратного мира в российском руководстве, а также дипломаты и разведчики Антанты добивались увольнения В. А. Сухомлинова.

Ключевые слова: Первая мировая война, сепаратный мир, В. А. Сухомлинов, Николай II, великий князь Николай Николаевич, В. Д. Думбадзе, М. М. Андроников 13 июня 1915 г. был отправлен в отставку Военный министр В. А. Сухомлинов. 20 апреля 1916 г. он был арестован. Следователи обвинили Сухомлинова в двух преступлениях – бездействии власти и измене. По мнению следствия, Сухомлинов «допустил непринятие главным артиллерийским управлением необходимых мер к тому, чтобы приспособить отечественные заводы к такой производительности по изготовлению орудийных снарядов, которая одна сама по себе могла бы удовлетворить всю потребность армии в снарядах во время войны» [1, л. 6]. Он же с 1912 по 1915 гг. сотрудничал с Германией и Австро-Венгрией и снабжал их многочисленными секретными данными о военных приготовлениях и военном потенциале России, передавая все эти сведения через агентов и шпионов вышеперечисленных государств, в частности через Мясоедова, Альтшиллера и Гошкевича [1, л. 8–9].

Однако в 1939 г. в СССР вышли мемуары одного из руководителей австро-венгерской разведки М. Ронге [2], который открыл, что

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Российские контрэлиты и вопрос о сепаратном мире с Германией (1914–1918)». проект № 14-01-00032

наиболее ценную информацию о русской армии немцы и австрийцы узнавали через расшифрованные русские радиogramмы, а отнюдь не через шпионов. Причем Ронге специально подчеркнул, что ни Сухомлинов, ни Мясоедов, ни Альтшиллер не сотрудничали с германской или австрийской разведкой.

В 1960-е гг. было опубликовано несколько работ исторического характера, в которых доводы обвинительного акта по «делу» Сухомлинова были окончательно разбиты. Сначала эмигрант Георгий Катков в своем труде «Февральская революция», посвятив отдельную главу «делу» Мясоедова, обстоятельно обосновал невинность последнего [3, с. 141–155]. К схожим выводам в СССР пришел К. Ф. Шацилло [4]. Эмигрантский историк А. Тарсаидзе дал еще более развернутое доказательство того, что люди из окружения Сухомлинова, называвшиеся германскими шпионами (С. Н. Мясоедов, А. О. Альтшиллер, Н. М. Гошкевич), на самом деле не являлись таковыми и, следовательно, через них Военный министр не мог вольно или невольно передавать секретную информацию противнику. Кроме того, Тарсаидзе показал, что «снарядный голод» не являлся плодом злого умысла Сухомлинова и, вообще, не может быть поставлен ему в вину лично [5].

Причину отставки Сухомлинова Тарсаидзе видел в интриге верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича («Нет никакого сомнения, что великий князь Николай Николаевич, всегда недолюбливавший В. А. Сухомлинова, воспользовался “снарядным голодом”, чтобы уговорить государя уволить министра») [5, с. 230]. Звеном этой интриги стало направленное против Сухомлинова и целиком фальсифицированное «дело» Мясоедова. Значение труда Тарсаидзе состоит также в том, что он обратил внимание на роль в раздувании «дела» Сухомлинова князя М. М. Андроникова [5, с. 249, 306, 340].

Благодаря указанным выше работам с конца 1960-х гг. вопрос об «измене» военного министра в историографии либо не ставится, либо решается отрицательно.

Наиболее подробно вопросы о “снарядном голоде” и взаимоотношениях Ставки и Военного министерства в связи с отставкой Сухомлинова разобрал О. Р. Айрапетов. Он отмечает, что никто, в том числе и будущие ярые критики Сухомлинова, не смогли предвидеть масштабы будущей войны, однако именно ему принято вменить в вину совер-

шенные ошибки в оценках необходимых запасов патронов, снарядов, винтовок и орудий. Айрапетов детально анализирует личные противоречия между главнокомандующим (великим князем Николаем Николаевичем) и Военным министром. Он указывает, что их конфликты начались с 1905 г., когда Сухомлинов подверг критике проект реформ армии, предложенный великим князем. Николай Николаевич видел в Сухомлинове своего личного врага и был заинтересован в его замене более лояльным и управляемым генералом. Кроме того, главнокомандующий стремился переложить ответственность за собственные просчеты на военного министра. Ставка приводила в свое оправдание две причины неудач: нехватку снарядов и немецкий шпионаж. Козлом отпущения в обоих случаях и стал Военный министр: Николай Николаевич сумел добиться отставки Сухомлинова [6–9].

Для Е. В. Бея инициатором травли и обвинителем Сухомлинова также выступает великий князь Николай Николаевич [10, с. 163]. В этом же русле лежат выводы И. Н. Гребенкина [11, с. 33–34].

Таким образом, названные выше историки главной причиной отставки Сухомлинова видели усилия великого князя Николая Николаевича. В отечественной историографии сформировалась и другая концепция, согласно которой определяющей в «деле» Сухомлинова являлись не его личные противоречия с верховным главнокомандующим, а политическая составляющая. Так, по мнению В. С. Дякина, замена Сухомлинова на посту военного министра оказалась необходима для налаживания сотрудничества правительства с либеральной общественностью. Идеолог этого сближения А. В. Кривошеин решил, что Сухомлинова пришло время убрать [12, с. 78–79].

Похожую позицию занял Е. Д. Черменский. Для него отставка Сухомлинова была тесно связана с увольнением группы раздражавших либеральную контрэлиту правых членов кабинета министров. Согласно концепции Черменского, в связи с продолжавшимся отступлением русских войск, в правительстве активизировалась группа министров (Кривошеин, Сазонов, Харитонов, Барк), желавшая работать при поддержке думы и настаивавшая на ее созыве. Однако они полагали, что плодотворная работа с думой будет невозможна, если в составе кабинета останутся министры, которым дума не доверяет [13, с. 86–87]. С. В. Куликов также полагает, что А. В. Кривошеин стремился к замене правительства Горемыкина коалиционным, общественно-

бюрократическим кабинетом. Одной из помех этому был В. А. Сухомлинов. [14, с. 45].

У. Фуллер [15] попытался синтезировать две основные концепции причины отставки Сухомлинова. В качестве злых гениев военного министра он называет и Николая Николаевича, и Кривошеина. Но более значимую роль Фуллер все-таки отвел А. В. Кривошеину. «Зная, что император должен быть в Ставке 10 июня, Кривошеин прибыл туда днем раньше для личных переговоров с верховным главнокомандующим о судьбе военного министра», – пишет Фуллер [15, с. 228]. Затем состоялся разговор Николая Николаевича с царем, после которого Сухомлинов был уволен. Как видим, под пером Фуллера великий князь Николай Николаевич предстает не организатором сложной и длительной Компании по смещению военного министра, а лишь орудием в руках Кривошеина.

Отметим, что сам В. А. Сухомлинов, видимо, так и не узнал о том, какую роль в его отставке сыграл А. В. Кривошеин. Во всяком случае, ни в своем дневнике, ни в воспоминаниях, Сухомлинов ни разу не упомянул Кривошеина в этом контексте. Бывший Военный министр полагал, что за его увольнением стоит Николай Николаевич. «В моем лице вел.[иким] кн.[язем] Николаем Ник.[олаевичем] “козел отпущения” найден», – указал в своем дневнике генерал по горячим следам 13 июня 1915 года [16, с. 235]. Этой же точки зрения Сухомлинов придерживался и в своих воспоминаниях, где написал о событиях, приведших к его уходу с поста военного министра: «Это – интрига, инсценированная великим князем Николаем Николаевичем». При этом он сослался на подтверждение, данное ему министром двора, графом Фредериксом [17, с. 261–262].

Но в воспоминаниях генерал назвал и других недругов, способствовавших его отставке: «Для партий Государственной думы на первом плане стояли вопросы внутренней политики; для большинства октябристов под эгидой Гучкова и вплоть до крайних левых казалось, что наступила минута низвержения царской России. Они должны были напасть на тот пункт, где они думали найти доказательства того, что старый режим прогнил» [17, с. 260–261].

Далее в воспоминаниях Сухомлинова следует абзац, казалось бы, мало связанный с предыдущим: «Союзники – Франция и Англия – должны были препятствовать тому, чтобы царь заключил мир. Англия

видела созревающей свою большую победу: уничтожение русского могущества, которое стояло поперек дороги ее азиатским планам. Но Франция считала для себя гибельным, если русское пушечное мясо будет отнято у немецких пушек. Эти союзники царя шли неуверенно к революционерам и социалистам, убеждая их в общности интересов продолжения войны» [17, с. 262].

Не содержит ли этот текст указание на то, что за кампанией против Сухомлинова вместе с оппозицией стояли также англичане с французами, считавшие военного министра недостаточно верным Антанте?

Для Англии и Франции выход России из войны грозил катастрофой. Поэтому две эти ведущие державы Антанты пытались исключить даже самую малую возможность подобного исхода событий. Тем более что Германия с осени 1914 г. принялась нащупывать возможности установить связь с русским руководством.

Негласные русско-германские контакты во время Первой мировой войны неоднократно анализировались в литературе [18–23]. По общему мнению историков, инициатива в них исходила от Германии. Учеными выявлен основной круг лиц, пытавшихся выступить с посреднической миссией.

В ноябре – декабре 1914 г. германское руководство в лице рейхсканцлера Бетмана-Гольвега и секретаря иностранных дел Готлиба фон Ягова активно пыталось использовать для наведения мостов между Россией и Германией немецких предпринимателей Альберта Баллина (владельца крупной судоходной фирмы «Гамбург – Америка») и банкира Р. Мендельсона. Через Мендельсона Готлиб фон Ягов вышел на С. Ю. Витте и предложил ему выступить с пропагандой мира. [21, с. 83].

Витте имел обширные связи в деловых и политических кругах, но не пользовался доверием Николая II. Немцам был нужен канал связи с высшим российским руководством. Чтобы его получить, Баллин посоветовал воспользоваться услугами директора Восточноазиатской пароходной компании Ганса Нильса Андерсена, личного друга датского короля Христиана X. 24 декабря 1914 г. Христиан X направил письмо Николаю II с предложением послать в Петроград Андерсена, если это будет способствовать делу мира. Царь дал на это свое согласие. [13, с. 178].

Следует сказать, англичане и французы сами поддерживали тайные контакты с противником [22]. Но Лондон и Париж стремились не допустить, чтобы такую возможность имела Россия.

Воюющие страны осуществляли сношения через дипломатов или разведчиков. Однако негласное общение Германии и России по дипломатической линии было исключено, пока российский МИД возглавлял С. Д. Сазонов, который обо всех немецких инициативах сообщал сначала дипломатам Антанты, а потом уже Николаю II. Информация из Берлина могла попасть к царю втайне от англичан и французов только через Военное министерство, поскольку его глава Сухомлинов был лично предан Николаю II. Для западных спецслужб наверняка представлялось важным исключить подобную возможность. Тем более что верность Антанте не являлась для Сухомлинова важной моральной ценностью. Он не пылал любовью к Великобритании и затруднял деятельность в России английских военных представителей: Нокса, Блэра, Нейлсона, Торнхилла. [24, с. 57]. Для англичан пребывание такого человека на посту российского военного министра, конечно, представлялось нежелательным. Но уволить его в отставку мог только Николай II. Чтобы подвигнуть императора на такой шаг, требовалось очень сильно опорочить военного министра в общественном мнении.

Сложная операция по дискредитации военного министра началась в декабре 1914 года. 12 декабря к русскому военному агенту в Стокгольме Д. Л. Кандаурову явился 26-летний подпоручик Я. П. Колаковский, который сообщил, что был в плену, где его завербовали немцы, чтобы он убил великого князя Николая Николаевича. Германцы посоветовали Колаковскому по приезду в Россию войти в сношение с отставным жандармским полковником Мясоедовым, который будто бы на них давно работает [5, с. 121, 122].

Как уже говорилось выше, сейчас можно считать вполне доказанным, что Мясоедов пострадал невинно. Так, немецкий разведчик Александр Бауэрмайстер (по словам Колаковского, наставлявший его в Германии) в своих воспоминаниях прямо отрицал, что Мясоедов действовал в интересах Берлина [15, с. 162]. Следовательно, послать Колаковского к Мясоедову немцы не могли и весь рассказ подпоручика – выдумка. Но кто тогда отправил Колаковского в Стокгольм? Русские недруги Сухомлинова, включая великого князя Николая Николаевича, не могли осуществить такую сложную операцию на территории Швеции, так чтобы она не оставила никаких следов в источниках. А вот для англичан командировать своего агента в Стокгольм не представляло труда.

Русские спецслужбы проглотили наживку и в январе 1915 г. установили наблюдение за Мясоедовым. 18 февраля 1915 г. тот был взят под стражу. А в первой половине марта 1915 г. на Сухомлинова обрушился мощный шквал компромата, связанный с этим арестом. 4 марта 1915 г. В. А. Сухомлинов с тревогой писал своему другу Н. Н. Янушкевичу (начальнику штаба Верховного главнокомандующего): «Злополучный наш Петроград в последнее время переполнен такой массой слухов и сплетен, что уши вянут. В этот столично-провинциальный огонь подлили масла мясоедовским арестом. Какие на этом фоне вышиваются узоры, нет возможности передать» [25, с. 39].

Операция спецслужб Англии против Сухомлинова (если она действительно имела место) началась как нельзя вовремя. Она совпала по времени с попыткой немцев выйти через русского военного министра на Николая II. Канал связи с российским императором через В. А. Сухомлинова должен был установить Георгий Васильевич Мачабели (1885–1935). Вот несколько фактов из его биографии: он с 1906 г. состоял в Грузинской национально-демократической партии. Входил в группу «Свободная Грузия» (Женева). Был одним из лидеров «Комитета независимости Грузии», который после начала Первой мировой войны переехал в Берлин. В течение войны Мачабели трижды совершал экспедиции на немецких подводных лодках и привозил в Грузию из Стамбула оружие.

Мачабели окончил Горную академию в Берлине. Во время учебы в Германии у него завязалось знакомство с Василием Давидовичем Думбадзе, племянником знаменитого градоначальника Ялты И. А. Думбадзе. В. Д. Думбадзе впоследствии был автором биографии В. А. Сухомлинова и имел деловые сношения с двоюродным братом жены военного министра, инженером Н. М. Гошкевичем. [18, с. 106–107]. Вполне возможно, что немцы решили использовать старую студенческую связь Мачабели с Думбадзе для выхода на Сухомлинова и далее на Николая II в обход русского МИДа.

В конце 1914 г. Мачабели получил задание германских властей приехать в Россию. В январе 1915 года он встретился в Петрограде с Думбадзе. Тот сообщил об указанном свидании Сухомлинову. Военный министр, естественно, обязан был доложить о данном факте царю. Но Николай II не торопился использовать этот канал связи и вообще вступать в контакт с немцами. Царь полагал, что коль скоро Россию

втянули в войну, для страны выгоднее остаться в Антанте, чтобы после победы получить проливы Босфор и Дарданеллы.

Разгром турок под Саракамышем в начале января 1915 г. сделал вопрос о поражении Османской империи и судьбе черноморских проливов актуальным, и Николай II поставил его перед союзниками. Во второй половине января 1915 г. желание России получить Константинополь и проливы было озвучено ее дипломатическими представителями. Оно обсуждалось в Государственной думе и прессе и, конечно, стало известно в Берлине.

Оформление этого соглашения в форме официальной договоренности резко уменьшало шансы германской дипломатии добиться сепаратного соглашения с Россией. Поэтому усилия Германии по установлению сепаратных контактов с российским руководством в феврале 1915 г. достигли наибольшей степени интенсивности. Успеху немецкого «миротворческого натиска» могли способствовать победы германских войск на Северо-Западном фронте и начало Антантой 6 февраля 1915 г. Дарданельской операции, в которой Россия увидела стремление союзников самим захватить Константинополь, не допустив его перехода к России.

Для выхода на правящие круги России Берлин в феврале 1915 г. использовал упомянутого выше датчанина Андерсена, фрейлину императрицы Александры Федоровны М. А. Васильчикову (оставшуюся после начала войны в своем имении под Веной) и С. Ю. Витте.

Бывший глава Совета министров Российской империи связывал свое возвращение в большую политику с надеждой, что ему будет поручено вести мирные русско-германские переговоры. По просьбе С. Ю. Витте в Стокгольм выехал российский нефтяной магнат Э. Л. Нобель, имевший прочные связи при шведском дворе. Миссия Нобеля осуществлялась без согласования с МИДом, но не осталась для него тайной. 12 февраля 1915 г. российский посланник в Швеции А. В. Неклюдов доложил С. Д. Сазонову о том, что, «почтеннейший Эммануэль Нобель» всецело вошел в германо-шведскую «миротворческую интригу». [26, с. 275]. В результате 16 февраля 1915 г. шведский король Густав V предложил Николаю II услуги в скорейшем окончании войны. [13, с. 179]. Дело приняло чрезвычайно опасный для англичан и французов оборот, поскольку вскоре в Петроград с аналогичными предложениями прибыл Ганс Нильс Андерсен, встретившийся с Витте, а так-

же принятый 20 февраля 1915 г. царем. Однако Николай II отказался от сепаратных переговоров с Германией, о чем и сообщил союзникам. Причем их послы, Бьюкенен и Палеолог, получили возможность увидеться с Андерсеном

Союзники были оповещены и о следующей немецкой мирной инициативе, связанной с письмом фрейлины М. А. Васильчиковой. Этими шагами Николай II продемонстрировал Лондону и Парижу свою верность договорам с ними. Взамен царь ждал от союзников одобрения меморандума министра иностранных дел Сазонова от 19 февраля 1915 г. о том, чтобы вопрос с Константинополем был разрешен соответственно с вековыми устремлениями России [24, с. 71]. Однако англичане, согласившись с пожеланиями российского императора на словах, не собирались связывать себя ни формальным письменным договором, ни даже публичным оглашением состоявшейся устной договоренности. Французы же вообще не хотели отдавать Константинополь России. При этом англо-французский флот продолжал Дарданелльскую операцию, вступившую в начале марта в активную фазу.

Только тогда канал связи Россия – Германия начал действовать, 6 марта 1915 г. В. Д. Думбадзе получил заграничный паспорт и вместе с Мачабели выехал в Стокгольм. В шведской столице Мачабели свел Думбадзе с секретарем немецкого посольства в Стокгольме бароном фон Фрейсом и германским посланником фон Люциусом. После этой встречи Мачабели поехал в Берлин, в МИД Германии, а Думбадзе вернулся в Петроград и рассказал о своей поездке Сухомлинову [18, с. 109].

Все это происходило в марте 1915 г. на фоне развернувшейся кампании по дискредитации Сухомлинова. Началось все с того, что 1 марта 1915 г. слывший главным сторонником примирения с немцами С. Ю. Витте скоропостижно скончался. В обществе широко распространился слух, о том, что он принял яд из-за обвинения в шпионаже в пользу Германии. Причем имя Витте соединяли с делом Мясоедова. По данным полиции, о «мясоедовской истории» говорили, что это одно явление в огромной крепкой сети германского шпионажа [27, с. 98–99]. В этой связи стал упоминаться и Сухомлинов.

Параллельно начал муссироваться вопрос о плохой работе Военного министерства, 7 марта 1915 г. на совместном заседании членов думы и министров депутат-кадет Шингарев заявил, что снабжение армии поставлено безобразно [28, с. 136].

Не ожидавший ничего подобного Сухомлинов жаловался в письме, отправленном в Ставку Янушкевичу 10 марта: «В Петрограде создавалась атмосфера прямо невозможная: дрязги, сплетни, клевета приняли прямо невозможные размеры». Далее генерал приводил образчики столичных слухов: «У меня на квартире был обыск, и я подал в отставку, не бываю поэтому ни на каких заседаниях и т. п.» [25, с. 45].

Среди распространителей порочащих его слухов Сухомлинов в дневнике называет А. И. Гучкова, своего бывшего помощника генерала А. А. Поливанова и, чаще других, князя М. М. Андроникова [16, с. 229]. Князя Сухомлинов аттестовал как «самый вредный злак в нашем питерском болоте» [25, с. 45].

Андроников представлял собой очень любопытную фигуру [38]. Этот странный персонаж российской истории начала XX в. планомерно и очень профессионально собирал информацию о высших должностных лицах государства, которую потом использовал для дискредитации одних из них и продвижения вверх других. При этом он не являлся ни журналистом, ни политиком. Его подозревали в шпионаже в пользу Германии и установили по поручению Сухомлинова за ним наблюдение [29, с. 416]. Однако результаты слежки за Андрониковым скорее говорят о его сотрудничестве с британской разведкой. По данным на декабрь 1914 г. к Андроникову обращался из Парижа некий Пьер Менье «для содействия о приобретении в России ружей, требующихся будто бы для арабов, живущих в центре Аравии» [30, л. 135]. Как известно, восстание аравийских арабов против Турции готовили англичане. Еще один любопытный факт: у Андроникова в услужении находился бухарский подданный Абдуразак Мухамет Шерифов, подозреваемый «в шпионстве в пользу афганского правительства» [30, л. 135]. Между тем Афганистан находился под протекторатом Великобритании. Да и усилия по дискредитации Сухомлинова были на руку англичанам, а не немцам.

Однако, вопреки надеждам Андроникова, дело Мясоедова не поколебало положение Сухомлинова. Царь по-прежнему к нему благоволил. 24 марта 1915 г. Военный министр записал в дневнике, что сделал доклад Николаю II и «Государь остался очень доволен» [16, с. 229]. Царь ценил Сухомлинова как человека, которому он мог полностью доверять и обсуждать любые темы, включая такую деликатную, как негласные контакты с Германией. Об этом свидетельствует следующая

запись из дневника генерала от 24 марта: «Его Величеству уже закидывает удочки Вильгельм, через лиц, находящихся за границей и близких Государю. Его Величество выразил твердую решимость довести дело до конца и не поддаваться ни на какие уступки» [16, с. 229].

Тогда по Сухомлинову был нанесен удар с другой стороны. 26 марта 1915 г. Военный министр записал в дневнике: «Не понимаю, что делает Ставка: запрещено говорить о военных делах, чтобы не попадали к противникам наши сведения, которые могут быть ему полезны. И вдруг из Штаба самого Верховного главнокомандующего широкою волною покати слух, что у нас нет снарядов, патронов и ружей?! Все об этом кричат, и масса телеграмм получено в разных местах» [16, с. 229–230]. Телеграмма Николая Николаевича поступила и на имя Сухомлинова. Она требовала «энергичной доставки снарядов», хотя главнокомандующий не мог не знать, что этот вопрос курировал не Военный министр, а генерал-инспектор артиллерии великий князь Сергей Михайлович [16, с. 231]. Телеграмма была явно рассчитана на то, чтобы опорочить Сухомлинова в глазах не разбирающейся в этих тонкостях общественности.

Как уже говорилось выше, в литературе распространено мнение, что, муссируя тему нехватки вооружений, Верховный главнокомандующий Николай Николаевич пытался снять себя ответственность за неудачи русской армии. Однако в конце марта русской армии еще сопутствовал успех – 22 марта пал Перемышль. Утечка информации, о которой пишет Сухомлинов, свидетельствует о том, что Николай Николаевич начал подкоп под Сухомлинова до начала отступления русских войск. По нашему мнению, побудило верховного главнокомандующего к этому письмо к нему все того же М. М. Андроникова. [31, с. 377]. В качестве пояснения следует сказать, что, когда Николай Николаевич командовал Петербургским военным округом, Андроников находился в добрых отношениях с его помощником генералом М. А. Глазенкампом.

Только получив письмо Андроникова (а не в связи с делом Мяседова), Николай Николаевич начал кампанию по дискредитации Сухомлинова. Но она не нашла поддержки у Николая II. О. Р. Айрапетов обратил внимание на то место в военном дневнике великого князя Андрея Владимировича, где излагается его разговор с царем, состоявшийся 29 апреля 1915 года. Этот отрывок очень ярко характеризует отношение императора к своему Военному министру. Когда Андрей

Владимирович спросил, знает ли царь о ведущейся против Сухомлинова клеветнической кампании, император ответил: «Кому ты это говоришь? Знаю и слишком хорошо, но в обиду его не дам и скорее сам восстану за него, но его не тронут. Завистников у него очень много. Хотели его вмешать в дело Мясоедова, но это им не удастся» [9, т. II, с. 74].

Царь понимал, кто в действительности ответственен за нехватку снарядов и кто может эту проблему решить. Для обеспечения армии всем необходимым решением Николая II было создано Особое совещание по усилению снабжения действующей армии главнейшими видами довольствия.

Инициатором создания этого органа был М. В. Родзянко, за которым стояли петроградские капитаны тяжелой промышленности – А. И. Путилов и А. И. Вышнеградский. Они вместе с Родзянко приехали в Ставку Верховного главнокомандующего в Барановичах, где находился в это время император. 12 мая Родзянко был принят царем и убедил Николая II в необходимости учреждения такого чрезвычайного органа во главе с Военным министром [32, с. 58–63]. Проявив такт, царь сделал так, чтобы формально создателем этого органа стал Николай Николаевич. Сухомлинов в своем дневнике пишет об это так (13 мая 1915 г.): «Верховный Главнокомандующий уполномочил меня во главе Особого совещания принять “сверхмеры” к снабжению действующей армии артиллерийскими запасами, что одобрено Государем» [16, с. 232].

Следует сказать, что создание этого совещания не ослабило, а укрепило позиции Сухомлинова. Вот что он пишет в дневнике от 14 мая: «Первое заседание Совещания под моим председательством. Председатель Госуд.[арственной] думы громил Главное артиллерийское управление. Предлагал распоряжаться вне всяких законов и вешать кого угодно, не исполняющих моих распоряжений» [16, с. 232]. Особо подчеркнем: 14 мая Родзянко призывал вешать всех, кто не исполняет распоряжений Сухомлинова. Ведь тогда председатель Государственной думы слыл другом старого генерала [33, с. 138]. На заседании Особого совещания, состоявшемся 27 мая 1915 г., Родзянко еще производил «патриотический шум», требуя диктаторской власти для Сухомлинова [16, с. 234], но затем председатель Государственной думы вдруг резко и без понятных причин изменил отношение к Сухомлинову и начал добиваться его отставки.

Такая же метаморфоза произошла и с некоторыми членами кабинета министров. 28 мая 1915 г. Кривошеин, Барк, Харитонов, Рухлов, Сазонов явились к председателю Совета министров Горемыкину, требуя уволить Маклакова, Саблера, Сухомлинова и Щегловитова [34, с. 89]. Инициатором этой акции был Кривошеин. Он же составил список нового кабинета. В качестве кандидатов в военные министры в нем фигурировали А. А. Поливанов или Н. В. Рузский. [35, с. 178]. 30 мая 1915 г. Горемыкин докладывает императору о требованиях группы Сазонова – Кривошеина и согласно воспоминаниям Барка присоединяется к ним [13, с. 87].

Почему в конце мая так резко встал вопрос об отставке Сухомлинова? На наш взгляд, причиной стало то, что либо до английского посольства в Петрограде, либо до кого-то из русских министров-антантофилов дошла информация о тайной поездке в Германию В. Д. Думбадзе, отправленного туда 24 мая [18, с. 110]. Лондон и те члены российского кабинета министров, которые были однозначно ориентированы на союз с Антантой, почувствовали опасность заключения сепаратного мира. Для недопущения этого им нужно было помешать Думбадзе передать предложения германского руководства Николаю II. Прежде всего, требовалось устранить Сухомлинова как передаточное звено между Думбадзе и царем. Кроме того, нужно было добиться увольнения министров, лично преданных Николаю II, которые при соответствующем решении императора поддержали бы его в вопросе мира с Германией. Этими министрами, кроме Сухомлинова, являлись Н. А. Маклаков, И. Г. Щегловитов и В. К. Саблер.

Для смещения Н. А. Маклакова были использованы беспорядки в Москве, произошедшие 28 мая 1915 года. Поначалу царь намеревался ограничиться отставкой одного Н. А. Маклакова, последовавшей 5 июня. Но британский посол Бьюкенен 9 июня во время спуска на воду нового крейсера «Измаил» встретился с Николаем II и настоятельно посоветовал ему продолжить изменения в составе Совета министров. [36, с. 194]. Решающий вклад в отставку Сухомлинова внес великий князь Николай Николаевич. 10 июня в Ставку приехал товарищ министра внутренних дел В. Ф. Джунковский, который обсудил с Верховным главнокомандующим необходимость увольнения Сухомлинова и замены его А. А. Поливановым [37, т. 2, с. 578]. 11 июня, когда император приехал в Ставку, Николай Николаевич поставил

этот вопрос перед царем. За два дня до этого пал Львов. Положение на фронте приняло критический характер. В этой ситуации конфликт между Верховным главнокомандующим и Военным министром представлялся недопустимым. Император был вынужден согласиться на отставку Сухомлинова. 12 июня В. А. Сухомлинов сдал должность военного министра, а 13 июня 1915 г. был уволен от этой должности.

Тем самым был перекрыт канал для тайных контактов между Россией и Германией. Новый руководитель военного ведомства А. А. Поливанов был твердым антантофилом. Приехавший из Германии Думбадзе в июле 1915 г. был арестован и в феврале 1916 г. за передачу военных сведений немцам приговорен к казни. (Смертный приговор царь заменил двадцатью годами каторги) [15, с. 231–232].

Список источников и литературы

1. РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 159.
2. *Ронге М.* Разведка и контрразведка. М., 1939.
3. *Катков Г. М.* Февральская революция. М., 2006.
4. *Шаццлло К. Ф.* «Дело» полковника Мясоедова // Вопросы истории. 1967. № 4.
5. *Тарсаудзе А.* Четыре мифа о Первой мировой: Дело о мобилизации 1914 г.; Дело Мясоедова; Дело Сухомлинова; Дело Протопопова («Стокгольмская история»). М., 2007.
6. *Айранетов О. Р.* Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и революцию. 1907–1917. М., 2003.
7. *Айранетов О. Р.* Дело Мясоедова: предвыборные технологии образца 1912 года // Родина. 2011. № 3.
8. *Айранетов О. Р.* Рец. на: У. Фуллер. Внутренний враг: шпиономания и закат императорской России. М., 2009 // Русский сборник: Исследования по истории России. Том IX. М., 2010.
9. *Айранетов О. Р.* Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917). Т. 1–2. М., 2014.
10. *Бей Е. В.* Государственная и военная деятельность В. А. Сухомлинова (1865–1916 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 2011.
11. *Гребенкин И. Н.* Ставка Верховного главнокомандующего и противостояние политических сил в 1914–1916 гг. // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2009. № 1 (21).

12. *Дякин В. С.* Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны 1914–1917 гг. Л., 1967.
13. *Черменский Е. Д.* IV Государственная дума и свержение царизма в России. – М., 1976.
14. *Куликов С. В.* Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004.
15. *Фуллер У.* Внутренний враг: шпиономания и закат императорской России. М., 2009.
16. Дневник генерала Сухомлинова // Дела и дни. 1920. Кн. 1.
17. [Сухомлинов В. А.] Воспоминания Сухомлинова. М.– Л., 1926.
18. *Шацилло К. Ф.* К попыткам сепаратных переговоров во время Первой мировой войны (март – май 1915 г.) // Вопросы истории. 1970. № 9.
19. *Ганелин Р. Ш.* Сторонники сепаратного мира с Германией в царской России // Проблемы истории международных отношений. Сборник памяти академика Тарле. Л., 1972.
20. *Васюков В. С.* К вопросу о сепаратном мире накануне Февральской революции // Исторические записки. Т. 107. М., 1982.
21. *Дьяконова И. А.* Сепаратные контакты царской России и кайзеровской Германии в Первую мировую войну // Вопросы истории. 1984. № 8.
22. *Евдокимова Н. П.* Между Востоком и Западом. Проблема сепаратного мира и маневры дипломатии австро-германского блока в 1914–1917 гг. Л., 1985.
23. *Соколов Б. В.* К вопросу о сепаратном мире между Россией и Германией // История СССР. 1985. № 5.
24. *Алексеева И. В.* Агония сердечного согласия: Царизм, буржуазия и их союзники по Антанте. 1914–1917. Л., 1990.
25. *Переписка В. А. Сухомлинова с Н. Н. Янушкевичем* // Красный архив. 1923. № 3 (3).
26. *Новикова И. Г.* «Между молотом и наковальней»: Швеция в германороссийском противостоянии на Балтике в годы Первой мировой войны. СПб., 2006.
27. *Сагинадзе Э.* Смерть графа Сергея Юльевича Витте: отклики и суждения в российской прессе // Российская история. 2013. № 4.
28. *Алексеева И. В.* Последнее десятилетие Российской империи: дума, царизм и союзники России по Антанте. 1907–1917 годы. М.; СПб., 2009.
29. *Мельгунов С. П.* Легенда о сепаратном мире. (Канун революции). Париж, 1957.

30. РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 119.
31. Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Т. I. Л., 1924.
32. *Крупина Т. Д.* Политический кризис 1915 г. и создание Особого совещания по обороне // Исторические записки. М., 1969. Т. 83.
33. *Глинка Я. В.* Одиннадцать лет в Государственной думе. 1906–1917: Дневник и воспоминания. М., 2001.
34. *Гайда Ф. А.* Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 – весна 1917 г.). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003.
35. *Флоринский М. Ф.* Кризис государственного управления в России в годы Первой мировой войны (Совет министров в 1914–1917 гг.). Л., 1988.
36. *Бьюкенен Д.* Моя миссия в России. Воспоминания английского дипломата. 1910–1918. М., 2006.
37. *Джунковский В. Ф.* Воспоминания: В 2 т. М., 1997.
38. *Стогов Д. И.* Салон князя М. М. Андроникова и система власти в Российской империи // Клио. 2006. № 3.

РОЛЬ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ И МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ МЕХАНИЗМОВ ПЕРИОДА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

О. О. Хохлышева

*Нижегородский государственный
университет имени Н. И. Лобачевского
(intrel@fmo.unn.ru)*

А. О. Колобов

(intrel@fmo.unn.ru)

В статье рассматриваются миротворческие и политические усилия государственных деятелей и дипломатов накануне и после Первой мировой войны; дается оценка деятельности «великих держав» в указанный период времени и характеризуется система международного права и его механизмов.

Ключевые слова: дипломатия, дипломатический корпус, Лига Наций, международное право, международный арбитраж, третейский суд, Парижская мирная конференция, Версальский мир, Первая мировая война, определение агрессии

«Итак, господин посол, все-таки это победа?» –
«Да, – отвечает Жюль Камбон, – это победа!
Весь мир считает, что все кончилось...
но я – я задаю себе вопрос:
что же начинается?» [1, с. 14]
«Если я правильно понимаю, создатели
мирного договора добились скорее
подписания, чем урегулирования», –
М. Кейнс – Д. Л. Джорджу [1, с. 14]

Первая мировая война часто оценивается как поворотный пункт мировой истории: масштаб театра войны, число жертв, последствия и итоги свидетельствуют об этом. Информация о поводе, истоках и причинах Первой мировой войны, содержащаяся в значительном числе отечественных и зарубежных источников и литературе, довольно тщательно изучена и представлена к дальнейшему исследованию и анализу. Тем не менее события недавнего времени демонстрируют

своевременность и актуальность постоянного изучения и детализации отдельных исторических аспектов указанного явления. К обстоятельному и детальному изучению должны быть отнесены отдельные детали и события, в частности, отдельного внимания могут заслужить собственно дипломатические и международно-правовые механизмы и усилия сторон в довоенный, военный и послевоенный периоды времени, а также оценка последствий войны, изложенная в трудах дипломатов, посвященных ее событиям, на что не всегда обращалось внимание отечественных и зарубежных специалистов.

Известно, что, несмотря на международно-правовые усилия и наличие международных механизмов предотвращения войн и в целом пацифистского настроения представителей великих держав и цивилизованных народов, согласно классификации Ф. Ф. Мартенса [2] указанного периода времени, военные действия были развернуты и велись длительный период времени, приведя к ужасающим последствиям и результатам. Миротворческие усилия глав ведущих держав, о чем свидетельствуют материалы небезызвестной «переписки Вилли – Ники» (популярное название опубликованной после Первой мировой войны серии телеграмм, которыми обменивались два императора и кузена – российский император Николай II и кайзер Германии Вильгельм II) [3], не привели к желаемому результату. В частности, конструктивные предложения императора Николая II о необходимости передать австро-сербский конфликт на рассмотрение международного правосудия [3] с применением механизмов и норм международного права не встретили должного понимания и отклика. 29 июля 1914 года Николай II отправил Вильгельму II телеграмму с предложением «передать австро-сербский вопрос на Гаагскую конференцию в международный третейский суд в Гааге» для международно-правового урегулирования посредством существовавших примирительных механизмов и процедур. Но телеграмма царя осталась без ответа со стороны Вильгельма II.

Текст, отражающий миротворческие усилия Николая II содержится и в документе, означенном как телеграмма № 4, Петергоф, от 29 июля 1914: «Спасибо за твою примирительную и дружественную телеграмму. В то же время официальное сообщение, представленное сегодня твоим послом министру, носило совершенно иной оттенок. Прошу тебя объяснить это различие! Было бы правильным поручить решение австро-сербской проблемы Гаагской конференции. Верю в твою мудрость и дружбу. Твой любящий Ники» [3].

Текст следующей телеграммы и ироничное замечание Николая II с выражением благодарности за «быстрый ответ» свидетельствуют о том, что просьба и предложения российского императора и кузена не были услышаны кайзером Германии Вильгельмом II, что является прямым свидетельством уже принятого решения о начале боевых действий, а также, о нежелании давать разъяснения по этому вопросу [3]. Телеграмма № 5 от 30 июля 1914 года из Петергофа начинается словами Николая II: «Сердечная благодарность тебе за быстрый ответ!» – что может охарактеризоваться оценкой российским императором сложившейся ситуации как *fait accompli*, с выражением реакции на события и сообщении о принимаемых мерах и последующих действиях в тексте телеграммы [3]. Следует обратить внимание на русскоязычное упоминание Гагской конференции в телеграмме № 4 [3]: кроме того, можно предположить что речь также могла пойти именно о будущих мирных конференционных усилиях. Подобное уже было реализовано дважды: в 1899-м и в 1907 годах были проведены международные мирные Гагские конференции, с последующими практическими результатами, нашедшими воплощение в развитии норм международного права. Сложившаяся в указанный период времени система Гагских конвенций, действующих и сегодня с изменениями и дополнениями сообразно требованиям времени, установившая систему международных и международно-правовых механизмов, обеспечивающих возможность разрешения международных политических споров и противоречий правовыми средствами), являлись инициативами со стороны России, а точнее были императорскими мирными инициативами. Кроме того, речи о международном споре в его правовом понимании в указанный период времени не было. Однако, следует принять во внимание и мнения министра иностранных дел Российской империи Сазонова С. Д., дипломатов Ж. М. Палеолога и Д. Бьюкенена о том, что все же в означенной переписке государей понималась Постоянная палата третейского суда в Гааге (международный арбитражный суд), учрежденная после Гагской мирной конференции 1899 года, располагающаяся и в настоящий момент в том же здании, что и Международный суд ООН, который стал одним из главных органов этой универсальной международной межправительственной организации. Постоянная палата третейского суда – это международный арбитражный орган, учрежденный на основе Конвенции о мирном разрешении международных

столкновений, принятой на Первой Гаагской мирной конференции 29 июля 1899 года и пересмотренной на Второй Гаагской мирной конференции 18 октября 1907 года, и образованный для облегчения государствам возможности обращения к третейскому суду (разбирательству) при возникновении споров, которые не могут быть урегулированы дипломатическими средствами и требуют применения механизмов и норм международного права [5]. Для предотвращения войн, соответственно и Первой мировой войны, предполагалось задействовать ее механизм в значительной степени по инициативе России, что не состоялось должным образом.

Относительно иных возможностей предотвращения мировой катастрофы, в ряде трудов означенной как «Страшный суд» [6], то, например, характеризуя дипломатические усилия, направленные на предотвращение широкомасштабной военной кампании, следует привести слова Ш. М. Палеолога, чья миссия в России была направлена на обретение союзника Францией: «Мои выводы полны пессимизма. Какие бы усилия я ни делал, чтобы их опровергнуть, они неизменно возвращают меня к одному: война. Прошло время комбинаций и дипломатического искусства. В сравнении с отдаленными и глубокими причинами, которые вызвали нынешний кризис, происшествия последних дней ничего не значат. Нет более личной инициативы, не существует более человеческой воли, которая могла бы сопротивляться автоматическому действию выпущенных на свободу сил. Мы, дипломаты, утратили всякое влияние на события; мы можем только пытаться их предвидеть и настаивать, чтобы наши правительства сообразовали с ними свое поведение» [7; 8].

События Первой мировой войны существенным образом повлияли на ход мировой истории, изменив не только систему международных отношений, но и внутригосударственную обстановку в государствах, что сказалось на ее итогах и дальнейшем, не менее драматичном ходе истории.

Итоги Первой мировой войны были подведены в ходе Парижской мирной конференции 1919 года, проводящейся без участия Советской России. Известно, что знаменитые 14 пунктов президента США В. Вильсона были представлены в ответ на ленинский Декрет о мире – первый декрет советской власти 1917 г., содержащий пункт о мире без аннексий и контрибуций, отмене тайной дипломатии и опубликовании договоров и ставший декларацией о выходе из войны, которая велась царским режимом, завершившим свое существование именно в годы Первой мировой войны при осложнении внутренней обстановки гер-

манским, азиатским, ближневосточным, дальневосточным и украинским (малороссийским) вопросом и призывом к немедленному заключению перемирия воюющими сторонами.

По итогам Первой мировой войны была образована Лига Наций, штаб-квартира которой располагалась в Женеве. Составлявший I раздел Версальского мирного договора 1919 года, Устав (Статут) Лиги Наций, состоящий из 26 статей, характеризовался как очередная попытка (некоторые считают, что первая, но авторы не разделяют указанного мнения, поскольку проекты о создании подобных современных международных межправительственных организаций были известны в мировой истории) создания организованного сообщества государств – собственно, международной межправительственной организации. Тем не менее это первый международный многосторонний договор, устанавливающий правоотношения государств в рамках международной межправительственной организации. В задачи новообразованной Лиги входили не только создание и обеспечение системы международного мира и безопасности, но и реализация превентивных мер для установления всеобщего (международного на договорной основе) мира (ст. 11 Устава (Статута) Лиги Наций). На Лигу Наций организационно возлагались функции контроля над государствами-мандатариями, организацию посреднических услуг по всем международным спорам, защиты национальных меньшинств и обязательность и обязанность регистрации международных договоров – функции, получившие развитие системой договорных отношений после 1945 года, после принятия Устава ООН 1945 года и установившие ООН правопреемницей Лиги Наций. Структуры и системы органов Лиги Наций и ООН очень схожи, за исключением того, что Палата международного правосудия, базирующаяся на собственном договоре, являлась самостоятельным от Лиги органом, в то время как Международный суд ООН является главным постоянным органом ООН. Решения Лиги могли приниматься единогласно. Стороны, находящиеся в споре, не имели права голоса. Совет Лиги, в отличие от СБ ООН, не обладал принудительными полномочиями и мог только делать рекомендации (п. 2 ст. 16 Устава (Статута) Лиги Наций) в случае войны. Отдельные члены Лиги в случае войны имели права непосредственно принимать меры экономического и финансового принудительного характера (п. 1 ст. 16 Устава (Статута) Лиги Наций) против любого члена Лиги Наций, совершившего

акт войны, и были обязаны пропускать войска, принимающие участие в таких действиях против такого нарушителя. через свою территорию (п. 3 ст. 16 Устава (Статута) Лиги Наций). В состав Лиги Наций входили международные комиссии. Особую роль в настоящее время сохранила Международная Организация труда, изначально предполагавшаяся структурой Лиги Наций. В рамках структур Лиги Наций участники имели право пересмотра устаревших договоров (ст. 19 Устава Лиги Наций), что породило впоследствии значительное число споров.

Осуществление охраны меньшинств и контроль над мандатариями должен был осуществляться с учетом статуса великих держав (ст. 22 Устава (Статута) Лиги Наций). Ввиду отсутствия права издавать обязательные предписания санкционными мерами и механизмами могли быть только предостережения и предложения. Статут Лиги Наций содержал обязанности сторон на всеобщий запрет ведения войн, требующих специального правового регламента, установленного международным гуманитарным правом. Указанное положение было исправлено в 1945 году после введения на универсальной международной договорной основе в Устав ООН оговорки, или обязательства всеобщности о запрете ведения войн при сохранении международно-правового регламента ведения войн на случай их незаконного развязывания. Однако именно отсутствие запрета на ведение войн привело к событиям 1939–1945 гг. и их дальнейшим последствиям. Кроме того, ввиду отсутствия права в рамках Лиги Наций издавать обязательные предписания, санкционными мерами и механизмами могли быть только предостережения и предложения сторонам конфликта. Участники Парижской мирной конференции, по свидетельству известной французской журналистки Ж. Табуи, которой, благодаря тесным родственным связям с известными дипломатами современности (она приходилась племянницей дипломатам П. Камбону и Ж. Камбону, сыгравшим определенную и значительную роль в мировой дипломатии периода Первой мировой войны и в поствоенный период), довелось стать очевидцем и отчасти документалистом свершающихся исторических событий, участники которых, по ее свидетельству, по-разному оценивали новую структуру и ее дальнейшую роль: «Германия сумеет использовать франко-английские разногласия, которые отчетливо проявляются во всех статьях договора. В особенности они постараются использовать противоречия между Версальским договором и Уставом

(Статутом) Лиги Наций. Действительно, добавляет Морис Палеолог... Устав (Статут) предусматривает пересмотр договора. Версальский договор не допускает никакого пересмотра. Устав (Статут) Лиги Наций отвергает систему союзов и навязывает систему «коллективных пактов»; Версальский договор укрепляет военные союзы и исключает из коллективных пактов бывшие вражеские державы. Эти прискорбные противоречия могут привести нас, как с той, так и с другой стороны, лишь к самым страшным безумиям!» [1, с. 14]. Участники Парижской мирной конференции особенно обращали внимание на германский вопрос в общеевропейском контексте, что стало типичным со времен 1648 года: «Проблема европейского равновесия и в самом деле, кажется, ускользнула от участников переговоров», – говорил Шарль Бенау в кулуарах Морису Барресу, который, в свою очередь, заметил: «Подумайте, что если когда-нибудь Австрия присоединится к Веймарской республике, то тем самым с избытком будут компенсированы для Германии территориальные потери, понесенные ею: Эльзас-Лотарингия и польские земли!» [1, с. 13]. Академик-историк Жорж Гуайо, согласно воспоминаниям о Конгрессе Ж. Табуи, в заключение говорил: «Следовало бы послушать Жюля Камбона и обязать входящие в состав имперской Германии государства, каждое в отдельности, подписать мирный договор. Подписание мира одной только Веймарской республикой не возлагает ответственности на все государства» (германские. – О. Х., А. К.) [1, с. 13]. Далее, согласно тексту: «Воцаряется молчание, ибо каждый вспоминает, что Клемансо ответил Ж. Камбону: “Никогда в жизни, никогда нам не оплатят наших потерь. А вы, вы – упорный сторонник страха предрассудков, вы хороши лишь для дипломатии времен Реставрации или даже Людовика XIV. Но в сущности, – добавляет Гуайо, – расчленить надо было именно Германию, а не Австрию!” [1, с. 13]

События Первой мировой войны и процесс ее длительного завершения оказали существенное влияние на важный элемент мировой политики – дипломатию, претерпевшую существенные изменения, и привели к открытому недовольству этим обстоятельством виднейших представителей этой профессии. Ленинский Декрет о мире и последующие ответные 14 пунктов президента США В. Вильсона содержали условие об открытости дипломатии, что не было типичным для указанного периода времени и являлось основной спецификой профессии. Создаваемые Парижской мирной конференцией, форумы коллективного демократичного обсуждения

международных вопросов в рамках структур Лиги Наций предполагали открытое обсуждение всеми участниками международных политических вопросов и проблем (впоследствии уже после оформления структуры ООН и формирования новой системы международных отношений в период после Второй мировой войны Г. Никольсон, после аналогичных критических замечаний своего коллеги Ж. Камбона, в Чичеловских лекциях о дипломатии неоднократно обратит внимание на нежелательность фактора открытости (публичной дипломатии; открытой дипломатии и даже общественной дипломатии) в такой сфере, как собственно профессиональная дипломатия, и даже обратит внимание на возможность ее исчезновения из международной политической практики, которая, в первую очередь, требует тонкости подготовки и длительного периода кадров в указанной сфере практической деятельности, хотя события, напротив, требуют продолжения развития указанной деятельности, что сохраняет актуальность в настоящее время). Такой подход, что позже было отмечено Ж. Камбоном и Г. Никольсоном, практически сводил ведение международных политических дел к общим или формальным, клишированным фразам при обсуждении, не позволяя решить существо проблемы или сущность вопроса, что требует именно дипломатических усилий и определенной подготовки [9–11]. Ж. Камбон, оценивая усилия созданной международной структуры, писал: «Я бы хотел, чтобы в Лиге Наций не было места для дипломатов, но там всегда найдется место для дипломатии, если понимать под ней интригу и резкое столкновение интересов» [9, с. 100]; «У демократии всегда будет послы и посланники; вопрос – будут ли у нее дипломаты?» [9, с. 68], – подчеркивая необходимость сохранения профессиональных навыков, диктуемых, еще более, условиями и требованиями времени в рамках созданных Первой мировой войной международных структур. Кроме того, Ж. Камбон настаивал на неукоснительном соблюдении принципа «договоры должны соблюдаться (*pacta sunt servanda*)» в рамках Лиги Наций, поскольку Версальский договор 1919 года ставил под сомнение большевистский режим в России и соответственно договоры, заключенные в его рамках, критиковались В. И. Лениным, И. В. Сталиным, которые старались всеми силами избавиться от его условий с учетом сложившейся политической обстановки [11].

События Первой мировой войны и ее итоги привели к новой войне [12] – Второй мировой войне и заложили основу для новых форм международно-правового регулирования, в частности, особое внимание было обращено вопросам аннексий и контрибуций, процедурам урегули-

рования, определению агрессии 1933 года, выраженному в Конвенции об определении агрессии 1933 г. и просуществовавшему, будучи конвенционным и договорным международно-правовым механизмом, до 1974 года, получившему с указанного периода времени новое оформление. Было обращено особое внимание, по итогам Первой мировой войны, на преступления против человечности и человечества (так особенно был заострен вопрос о преступлении геноцида, впоследствии разработанный Р. Лемкиным). Появилась новая дипломатия и ее формы, методы, в рамках новых механизмов и структур, в том числе, – в сфере развития и обеспечения новой международной коллективной системы безопасности, получившие трансформацию и развитие после 1945 года.

Список источников и литературы

1. *Табуи Ж.* 20 лет дипломатической борьбы. М., 2005.
2. *Мартенс Ф. Ф.* Современное международное право цивилизованных народов: в 2 т. М., 1996.
3. The Willy – Nicky telegrams. The Kaiser's letters to the Tsar, copied from the government archives in Petrograd, and brought from Russia by Isaac Don Levine, ed., with an introduction by N. F. Grant. London, 1920 <http://ru.wikisource.org/wiki>; http://www.lib.byu.edu/index.php/The_Willy-Nicky_Telegrams
4. История дипломатии. Т. 2 / под ред. В. П. Потемкина. М., 1945.
5. Конвенция о мирном разрешении международных столкновений, 29 июля 1899 // <http://ppt.ru/texts/index.phtml?id=32048&printversion=1>
6. *Kissinger H.* Diplomacy. New York, 1994.
7. *Paleologue M.* An ambassador's memoirs in three volumes, London, 1924 (<http://istmat.info/node/25183>)
8. *Paleologue M.* La Russie des tsars pendant la Grande Guerre, Paris, 1922 (<http://istmat.info/node/25183>)
9. *Камбон Ж.* Дипломат; *Никольсон Г.* Дипломатия /пер. с англ.; примеч. Л. А. Сифуровой; вступит. ст. О. О. Хохлышевой. М., 2006.
10. *Никольсон Г.* Дипломатическое искусство: четыре лекции по истории дипломатии. М., 1962.
11. Системная история международных отношений: в 4 т. 1918–2000. Том 1 / под ред. А. Д. Богатурова. М., 2000.
12. *Nye J. S. Jr.* Understanding international conflicts. An introduction to theory and history. Longman, 2008.

СУДЬБА УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ И ВОПРОС О СЕПАРАТНОМ МИРЕ С ГЕРМАНИЕЙ¹

Ф. А. Селезнев

*Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского
fseleznev@mail.ru*

В статье рассмотрены взаимоотношения стран Антанты и советского руководства в декабре 1917 г. – январе 1918 г. в связи с судьбой Учредительного собрания и вопросом о сепаратном мире России и Германии. Показано, что целью Антанты в этот период было возобновление военных действий на Восточном фронте. Лидеры Антанты связывали восстановление Восточного фронта с большевиками и, дабы не толкнуть Советскую Россию в объятия Германии, готовы были закрыть глаза на разгон Учредительного собрания.

Ключевые слова: Первая мировая война, сепаратный мир,
Учредительное собрание, Антанта,
Ж. Садуль, В. И. Ленин

Выборы в Учредительное собрание состоялись уже после Октябрьской революции, 12–14 ноября 1917 года. Однако захватившие власть большевики не сумели оказать определяющего воздействия на их ход. В результате победили на выборах социалисты-революционеры (52% мест). На втором месте были большевики (25%), на третьем – союзные им левые эсеры (6%), на четвертом – кадеты (2,5%).

Это означало, что большевикам придется расстаться с только что захваченной ими властью, чего, разумеется, они не хотели. Сначала они попытались изменить соотношение сил внутри Учредительного собрания. Для этого находившийся под большевистским контролем ВЦИК 21 ноября 1917 г. издал декрет о порядке отзыва депутатов. В нем говорилось о возможности производить, «в интересах более точного отражения воли народа», перевыборы в городские, земские и, вообще, во все представительные учреждения, включая Учредительное собрание.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Российские контрэлиты и вопрос о сепаратном мире с Германией (1914–1918)». проект № 14–01–00032.

Причем право отзыва депутатов предоставлялось Советам «как наиболее совершенным носителям идеи государственного принуждения» [1, с. 267–268].

Однако депутаты эти решения проигнорировали, и они остались без последствий. Организационная работа по открытию Учредительного собрания лежала на Всероссийской комиссии по выборам. А ее члены (кадеты и эсеры) считали, что Советы не могут диктовать свою волю всенародно избранному Учредительному собранию. Тогда 23 ноября 1917 г. СНК распорядился арестовать кадетов и правых эсеров из Всероссийской комиссии по выборам (Н. Н. Авинова, В. Д. Набокова, Л. М. Брамсона, Б. Э. Нольде, М. В. Вишняка). Комиссаром над ней был назначен большевик Моисей Урицкий [2, с. 324].

Характерно, что иностранные дипломаты оставили этот акт безо всяких последствий. Наоборот, в это время отношения между советским правительством и Антантой заметно потеплели. 24 ноября 1917 г. британский посол Бьюкинен докладывал в Лондон о том, что большевики хотят установить «лучшие» отношения с союзниками [3, с. 370]. А на другой день он, основываясь на телеграмме, полученной от своего шефа Бальфура, передал заявление для представителей печати вполне доброжелательное по отношению к Советской России [3, с. 372–376]. Это нашло одобрение у Ллойд-Джорджа, считавшего, что открыто рвать с советским правительством нет необходимости. Англичан не смутило даже то, что большевики обрушили репрессии на депутатов Учредительного собрания, не позволив им открыть его в назначенный срок.

Учредительное собрание должно было начать работу 28 ноября 1917 года. Вся политически активная русская интеллигенция деятельно готовилась к этому событию. 23 ноября бюро ВЦИК первого созыва (не признавшее решения II съезда советов о провозглашении советской власти) организовало Союз защиты Учредительного собрания во главе с эсером В. Н. Филипповским. Его отделения затем были созданы во многих городах. Задача Союза заключалась в том, чтобы обеспечить 28 ноября открытие Учредительного собрания.

В этот день по всей стране прошли организованные Союзом демонстрации в поддержку Учредительного собрания. В Петрограде к Таврическому дворцу под лозунгом «Вся власть Учредительному собранию!» пришли по разным оценкам от пяти до ста тысяч человек [1, с. 271; 2, с. 334–335].

Однако и большевики не дремали. 26 ноября 1917 г. Ленин подписал декрет «К открытию Учредительного собрания». Согласно этому закону оно могло открыться только, когда зарегистрируются не менее половины депутатов (400 человек). Между тем в столицу на тот момент успели приехать не более 100 народных избранников. Естественно, в таком усеченном составе Учредительное собрание было не правомочно начинать работу, пусть даже и в назначенный заранее срок – такова была железная логика большевиков. И они подкрепили ее сталью штыков. С утра 28 ноября 1917 г. Таврический дворец окружили солдаты-латыши – главная вооруженная опора Ленина.

Латыши отказались пропустить депутатов в здание Таврического дворца. Тогда один из народных избранников, знаменитый в будущем социолог Питирим Сорокин, залез на железную ограду дворца и обратился с зажигательной речью к демонстрантам. Под напором толпы ворота распахнулись, охранники-латыши были отброшены в сторону, и депутаты ворвались в зал заседаний [1, с. 270]. Однако депутатов оказалось всего 43 человека. Поэтому они ограничились тем, что объявили себя «частным совещанием» членов Учредительного собрания и единогласно решили отложить официальное открытие этого органа до прибытия достаточного для кворума числа депутатов, а пока ежедневно собираться в Таврическом дворце [2, с. 335].

Хотя главную роль в «штурме» Таврического дворца сыграли эсеры, большевики решили воспользоваться событиями 28 ноября для нанесения удара по партии кадетов. Вечером этого дня члены Совнаркома приняли по проекту Ленина «Декрет об аресте вождей гражданской войны против революции». Он объявлял партию кадетов вне закона, а ее членов называл «врагами народа». (Против выступил один Сталин [4, с. 62].) Еще с утра красногвардейцы арестовали нескольких видных руководителей кадетской партии: графиню С. В. Панину, А. И. Шингарева, Ф. Ф. Кокошкина и П. Д. Долгорукова.

Шингарев, Кокошкин и Долгоруков до революции неоднократно совершали поездки в Европу и были хорошо знакомы западным парламентариям. Однако ни один европейский парламент не возвысил свой голос в защиту своих российских коллег, брошенных в Петропавловскую крепость.

Запад не смутило и то, что советское правительство быстро преисполнило «частные совещания» депутатов Учредительного собрания, уси-

лив охрану Таврического дворца, а также запретило митинги в Петрограде. Спокойно восприняли в Лондоне, Париже и Стокгольме и то, что 4 декабря 1917 г. Совнарком выдал ордера на арест Церетели, Чернова, Дана, Брамсона, Скобелева, Гоца за выпуск газеты «Революционный набат» [5, с. 292], превратив тем самым депутатскую неприкосновенность в фикцию. Никакой реакции западных демократий не вызвал и расстрел демонстрации сторонников Учредительного собрания в Калуге 10 декабря 1917 г., когда было убито и ранено около 40 человек [1, с. 271].

Наоборот, влиятельный советник президента США, полковник Хауз призвал Вильсона прекратить нападки в печати на Советскую Россию, дабы не толкнуть Советскую Россию в объятия Германии. Тогда же, в начале декабря 1917 года, Петроград посетил шведский банкир Ашберг, близкий к руководству правящей в Швеции социал-демократической партии. Он встретился с лидерами большевиков, а, вернувшись в свою страну, выступил с призывом признать советскую власть и возобновить торговлю с Россией [6, с. 227–228]. В эти же дни руководство Великобритании предложило французскому правительству вступить в контакт с большевиками через неофициальных агентов и приняло решение направить в этом качестве в Петроград Брюса Локкарта [7, с. 183].

Он будет принят в советской столице на самом высоком уровне. Ведь большевикам было очень важно, чтобы их власть получила международное признание. Поэтому правительство Ленина на фоне обличений мирового империализма не считало зазорным втихомолку демонстрировать свою готовность к сотрудничеству с Западом. В этой связи упомянем Бюро международной революционной пропаганды во главе с американцем Борисом Рейнштейном (при пресс-бюро советского Наркомата иностранных дел). Оно огромными тиражами издавало на немецком языке газету «Ди Факел», распространявшуюся среди германских солдат и всячески подрывавшую их боевой дух.

Советское правительство все более выглядело для Запада разумным и удобным партнером. Только большевики смогут «убедить людей согласиться на возобновление войны», – доносил в Париж французский представитель в Петрограде Садуль: «Мы не имеем права рассчитывать на другие партии» [8, с. 136–137]. Правые эсеры и меньшевики, по мнению Садуля, занимают «капитулянтскую позицию» и «куда охотнее,

чем большевики, пойдут на уступки по вопросам о Курляндии, Литве, о Польше и т. д.». Более того, среди них распространено мнение, что «в случае срыва брестских переговоров Учредительное собрание должно немедленно попытаться их возобновить» [8, с. 137].

О подобных настроениях среди депутатов Учредительного собрания знал и британский посол Бьюкинен. 10 декабря 1917 г. к нему пришли В. В. Руднев (председатель фракции правых социалистов-революционеров в Учредительном собрании) и еще один видный правозсеровский депутат А. Р. Гоц. Они констатировали, что Россия не способна более продолжать войну, и спросили у Бьюкинена, как отреагирует Англии на обращение к ней Учредительного собрания с призывом превратить переговоры о сепаратном мире между Россией и Германией (начавшиеся 9 декабря в Бресте) в переговоры о всеобщем мире [3, с. 380].

Бьюкинен ответил своим визитерам, что англичане будут продолжать войну. Ни в каких мирных переговорах Британия участвовать не хотела. Однако многие из ее жителей пострадали от войны и желали ее прекращения. Поэтому английскому правительству было бы очень трудно объяснить своим гражданам, почему оно отвергает призыв к миру, исходящий от демократически избранного органа власти страны-союзницы. В этой связи созыв Учредительного собрания для британских дипломатов был нежелателен. Точно так же, как и для большевиков. Таким образом, и Антанта, и ленинское правительство были равно заинтересованы в разгоне Учредительного собрания.

Подготовку к этой акции большевики открыто начали через три дня после визита Руднева и Гоца к Бьюкинену. 13 декабря 1917 г. «Правда» опубликовала Тезисы ЦК РСДРП (б) об Учредительном собрании. В них говорилось, что интересы революции стоят выше формальных прав Учредительного собрания, а его состав не соответствует воле народа. Поэтому Учредительное собрание должно безоговорочно признать Советскую власть и ее политику, а также согласиться с переизбранием своего состава [9, с. 19]. Левые эсеры эти установки полностью приняли [1, с. 276], а западные дипломаты сделали вид, что ничего не замечают или не хотят вмешиваться во внутренние дела России. По сути, это была косвенная поддержка большевиков. Вернее награда советскому правительству за правильное поведение на переговорах в Брест-Литовске.

Идеальным вариантом их развития для англичан и французов было бы выдвижение Германией возможно более широких территориальных притязаний к России. Это дало бы англо-французской пропаганде прекрасную возможность протрубить на весь мир о ненасытной алчности прусского милитаризма, наглядно доказывая, что справедливый мир с немцами невозможен и они понимают только язык силы. Дальше оставалось дожидаться того момента, когда советские представители отвергнут немецкие требования как неприемлемые, и Россия возобновит войну с Германией.

События в Бресте развивались по похожему сценарию. Немцы на словах согласились с советским предложением мира без аннексий и с учетом права наций на самоопределение. Но выводить свои войска с захваченных территорий, пока идет война на Западе, отказались. Кроме того, германские дипломаты заявили, что Россия должна согласиться с отделением от нее Польши, Литвы и Курляндии, поскольку созданные их народами (под немецким контролем) органы власти заявили о стремлении к полной государственной самостоятельности.

Таким образом, Россия должна была понести существенные территориальные потери. Хотя вряд ли они были так уж тяжелы для руководителей советского правительства, учитывая их собственный лозунг о праве наций на самоопределение. Зато, приняв немецкие условия, большевики могли выполнить свое обещание дать стране мир и значительно упрочить поддержку среди населения. Вместо этого они вдруг начали готовиться к «революционной» войне с Германией.

15 декабря 1917 г. переговоры в Бресте были прерваны для консультаций дипломатов со своими правительствами. Условились, что они возобновятся 23 декабря 1917 года. Однако дело быстро пошло к тому, что вот-вот загрохочут пушки «революционной» войны. К этому советское руководство упорно склонял французский представитель Садуль, который, по собственному признанию, несколько недель вел среди большевистских лидеров активную кампанию в пользу создания добровольческой армии для войны с немцами, суля всестороннюю помощь Франции [8, с. 143]. Поддержку Советской России гарантировали и американцы. Робинс и Джадсон добились от посла Френсиса разрешения пообещать Троцкому, что, в случае разрыва с Германией, Советская Россия получит из за океана амунисию, боеприпасы и кредиты [10, с. 267].

Представители Англии и США даже предлагали советскому главнокомандующему Н. В. Крыленко по 100 рублей в месяц за каждого солдата – в случае продолжения войны с Германией. Разумеется, не эти рубли заставили большевистских вождей поставить на повестку дня вопрос о начале «революционной» войны с немцами. Ценой вопроса была власть над Россией. Ленину было нужно, чтобы Запад не вмешивался во внутренние дела России в случае разгона Учредительного собрания и отказался от поддержки Белого Дона. Ради этого вождь большевиков был готов вновь ввергнуть страну в войну с Германией.

Но выдержит ли ее русская армия? Не покатится ли она назад под ударами немцев до самого Петрограда? Случись такое – и деньги, и боеприпасы, обещанные Антантой, не помогут. А вдруг и столица падет? Немцы, взяв ее, разумеется, не оставят власть в руках Совета народных комиссаров. Тогда революция погибла! Этого Ленин допустить не мог.

Поэтому, начиная с 15 декабря 1917 г., он несколько дней почти все свое внимание уделял состоянию российских Вооруженных сил. Армейские вопросы обсуждались на заседаниях Совнаркома 15 и 16 декабря. 17 декабря 1917 г. по предложению Ленина было созвано совещание представителей Общеармейского съезда по демобилизации армии. Для его участников Ленин составил длинный список вопросов. Главным из них был следующий: «Следует ли с точки зрения состояния армии постараться затянуть мирные переговоры или революционный резкий и немедленный срыв мирных переговоров из-за аннекционизма немцев предпочтителен как решительный твердый переход, подготавливающий почву для возможности революционной войны?» [11, с. 179–180].

Сам Ленин в это время склоняется к революционной войне. В проекте резолюции Совета народных комиссаров, составленной им 18 декабря 1917 г., черным по белому написано: «Пропаганда и агитация за необходимость революционной войны». И хотя в том же тексте несколькими строчками выше было обозначено намерение «продолжать мирные переговоры», однако предложение перенести их в Стокгольм, заведомо неприемлемое для Германии, означало шаг к их срыву. Тем более что параллельно намечались «усиленные меры по реорганизации армии» и «экстренные меры по обороне от прорыва к Питеру» [12, с. 181].

В эти дни большевики не просто готовились к войне, но и чуть ли не провоцировали ее. Именно так можно расценить воззвание к немецким солдатам не подчиняться приказам и сложить оружие, распространенное Петроградским телеграфным агентством [17, с. 432].

Однако когда Ленин глубже ознакомился с реальным состоянием русских войск, то понял, что они полностью разложились и воевать не в состоянии. Вся надежда была только на добровольческие формирования. Но когда они еще будут созданы? Делать нечего – нужно вести переговоры с немцами. И не просто вести, а заключить настоящий прочный мир с Германией. Видимо, к такому выводу пришел вождь большевиков. Но эту мысль Ленину пока было нужно тщательно скрывать от представителей Антанты, особенно французов.

А тут как назло в Петроград приехал Шарль Дюма, секретарь члена французского правительства Жюля Геда. Дюма, видный социалист, депутат парламента, лично знал вождя большевиков по Парижу. 20 декабря 1917 г. он направил «дорогому товарищу» Ленину письмо с «братским социалистическим приветом» и просьбой принять его.

Попробуем предположить, в чем заключалась миссия этого посланца Франции. Французам нужно было любой ценой восстановить Восточный фронт. Кто станет его основой – советская армия, казаки Каледина, войска Центральной Рады – для Парижа было не принципиально. В конце концов это могла быть и какая-то внешняя сила. В этой связи по поручению руководства Франции посол в Вашингтоне Жюссеран направил госсекретарю Лансину ноту, в которой говорилось, что союзники должны послать экспедиционные отряды в Россию и взять под контроль Транссибирскую магистраль [5, с. 170]. Но появление иностранных войск в России нужно было согласовать с советским руководством. Не для этого ли приехал в Петроград Дюма? Другой его целью, конечно, был срыв советско-германских переговоров в Бресте.

Однако Ленин уже решил на мир с Германией. Поэтому (и не только) интервенция Антанты в Сибири была для него крайне нежелательна. Обстановка за Уральским хребтом в это время накалилась до предела. 9 декабря 1917 г. чрезвычайный Общесибирский съезд в Томске принял резолюцию об организации временной Сибирской власти. А когда военно-революционный комитет Иркутска попытался разоружить юнкеров и казаков, то в городе вспыхнуло восстание против большевиков, продолжавшееся больше недели (8–17 декабря).

В этой ситуации появление войск Антанты в Сибири могло создать для ленинского правительства очень большие трудности.

Но, видимо, откровенно обозначить свою позицию в личном разговоре с Дюма Ленин не захотел. Он предпочел совсем избежать разговора со старым парижским знакомым. Кроме того, нужно было не дать французу встретиться с наркомом иностранных дел Троцким. Для этого внезапно был раздут скандал вокруг французской военной миссии. Троцкий 20 декабря 1917 г. вдруг предупредил Садуля, что желает иметь объяснения «по поводу деятельности французских офицеров в контрреволюционных кругах Украины, Дона и т. д.» [8, с. 135]. (Как будто об этой деятельности Троцкий не знал раньше!). Этот демарш, разумеется, не означал разрыва с Парижем. На другой день, 21 декабря, состоялось совещание Ленина с работниками народного комиссариата по военным делам об организации новой армии, и Садуль был подробно информирован о его решениях [8, с. 139]. Зато инцидент вокруг французской миссии позволил отложить встречу Троцкого и Дюма [8, с. 141].

Сам же Ленин 21 декабря 1917 г. послал Дюма записку с приветом и самыми лучшими пожеланиями от себя и Крупской, но с сожалением констатировал, что «личные отношения между нами стали невозможными, после того как нас разделили столь глубокие политические разногласия» [15, с. 20–21] (Дюма был социалистом-оборонцем). Предлог был, конечно, довольно искусственным. Поэтому Ленин, чтобы избежать встречи с Дюма, предпочел на время уехать из Петрограда. Одновременно из столицы был удален Троцкий. (Народный комиссар по иностранным делам был назначен руководителем советской делегации в Брест-Литовске.)

В отсутствие Ленина и Троцкого советское руководство должно было успокаивать представителей Антанты общими фразами о подготовке Советской России к «революционной войне» и добиваться от них невмешательства в процесс подавления большевиками своих политических противников (разгон Учредительного собрания и очищение Дона от белых).

Эта сложная игра была начата Лениным очень искусно. 22 декабря 1917 г. вечером руководитель советского правительства был в народном комиссариате по военным делам. Там на совещании с участием Сталина, Подвойского, Склянского и начальника генштаба Н. М. Потапова он предложил отправить на фронт красногвардейские отряды

Петроградского и Московского военных округов, одновременно начав формирование десяти корпусов новой социалистической армии общей численностью триста тысяч человек [16, с. 152] (что, конечно, было чистой водой хлестаковщиной). И в эти же часы из Петрограда немцам была послана телеграмма о том, что советская делегация выезжает в Брест. Причем во главе ее будет находиться не кто-нибудь, а народный комиссар по иностранным делам Троцкий [18, с. 120].

23 декабря 1917 г. Ленин подписал удостоверения членам советской мирной делегации о том, что они уполномочены СНК вести переговоры в Брест-Литовске о заключении мира между Советской Россией и государствами германской коалиции. Затем Ленин утвердил декрет СНК об отпуске наркому по военным делам Н. И. Подвойскому 10 миллионов рублей на организацию добровольческих отрядов – для войны с той же коалицией. Двойная игра, таким образом, продолжалась. Но на заседании Совнаркома Ленин все-таки показал, чего он хочет на самом деле, а что является искусным блефом.

Народный комиссар по военным делам Подвойский, который все-речь готовился воевать с немцами, предложил выпустить от имени СНК «Манифест о социалистической войне» с призывом создавать новую, социалистическую армию. Ленин тут же указал на несвоевременность такого шага и предложил прежде провести решение о создании новой армии через местные Советы [16, с. 154]. По существу это означало затянуть время и сделать инициативу Подвойского невыполнимой.

Утром 24 декабря 1917 г. вождь большевиков выехал в санаторий «Халила» на Карельском перешейке (тогда часть Финляндии). Считалось, что Ленин находится там на отдыхе. Однако он продолжал держать руку на пульсе событий. Председатель Совнаркома регулярно получал из Петрограда доклады о ходе мирных переговоров в Брест-Литовске, а также беседовал о тактике партии в связи с открытием Учредительного собрания с некоторыми депутатами-большевиками. И еще он много писал. С 24 по 27 декабря Ленин составил набросок «Из дневника публициста (Темы для разработки)», предварительные тезисы и окончательный текст «Проекта декрета о потребительных коммунах», а также статьи «Запуганные крахом старого и борющиеся за новое» и «Как организовать соревнование?».

Интересно, что в этих текстах практически ничего нет о подготовке к революционной войне с Германией. И совсем ничего о тактике

большевиков в Учредительном собрании. Хотя как раз накануне отъезда Ленина из столицы (22 декабря) советские власти наконец-то назначили точную дату начала работы этого органа – 5 января 1918 года.

Неудивительно: открывали его большевики только для того, чтобы тут же ликвидировать. Большевистско-левоэсеровская часть его членов собиралась предложить Учредительному собранию признать, что власть должна принадлежать исключительно «трудящимся» в лице их полномочного представительства – Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Поэтому Учредительному собранию следует ограничить свою задачу одобрением уже изданных советской властью декретов и установлением коренных начал федерации советских республик России. А все подробности, включая конституции отдельных республик, должны определить рабочие и крестьяне каждой нации на своем собственном съезде советов. Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов был намечен на 8 января 1918 года. Ему и должно было передать власть Учредительное собрание. А само распуститься. Если же депутаты не захотят это сделать «по-хорошему», готовился силовой вариант их разгона.

23 декабря 1917 г. в Петрограде ввели военное положение. Был создан Чрезвычайный военный штаб с участием наркома по военным делам Н. И. Подвойского. В боевую готовность привели отряд красной гвардии. В столицу ввели полк латышских стрелков и сводный отряд моряков Балтийского флота [1, с. 276].

Каким бы путем не прекратило свою деятельность Учредительное собрание – мирным или насильственным, в любом случае для Ленина названный орган принадлежал политическому прошлому России. А вождь большевиков уже думал о будущем этой страны. Контурам социалистического грядущего России и посвящены работы, вышедшие из-под ленинского пера в эти четыре декабрьских дня, проведенных в Финляндии.

Сущность социализма – это «учет и контроль» [14, с. 188], – провозглашает вождь. И смелыми штрихами набрасывает несколько «форм и способов практического учета и контроля за богатыми, жуликами и тунеядцами»: в одном месте «посадят в тюрьму десяток богачей, дюжину жуликов, полдюжины рабочих, отлынивающих от работы», в другом «поставят их чистить сортиры», в третьем «снабдят их по отбытии карцера желтыми билетами, чтобы весь народ, до их

исправления, надзирал за ними, как за вредными людьми», в четвертом – «расстреляют на месте одного из десяти, виновных в тунеядстве» [13, с. 204]. Особенно занимает Владимира Ильича мысль о «принудительной организации всего населения в потребительные общества» [13, с. 196], через которые только и могла бы осуществляться купля – продажа любых продуктов. Он даже пишет проект соответствующего декрета, в полной уверенности, что ничто не сможет помешать его проведению в жизнь: ни противодействие Учредительного собрания, ни война с немцами.

Учредительное собрание в его мыслях уже разогнано. С Германией же Ленин решил заключить сепаратный мир. Все равно ведь в ближайшем будущем победит общеевропейская революция! Однако сам эту революцию нести в Германию на штыках Ленин не собирается. Отныне никакой революционной войны! Вернее так: «Революционная война держащего власть пролетариата может быть лишь война за упрочившийся социализм». Упрочившийся! А значит: «Сначала победить буржуазию в России, потом воевать с буржуазией внешней, заграничной, чужестранной» [14, с. 188–189].

Но говорить об этом во всеуслышанье не стоит. Поэтому ни один из текстов, написанных в финском санатории, не увидит свет при жизни большевистского вождя. В конце декабря 1917 г. он по-прежнему ведет двойную игру, а советское руководство демонстрирует свою готовность к сотрудничеству с Антантой против Германии (хотя само возобновляет переговоры с немцами в Брест-Литовске).

И все же слегка свои карты Ленин приоткрыл. Он сделал это 29 декабря 1917 г., сразу после возвращения в Петроград, в беседе с французом Садулем (Дюма Ильич так и не принял). Вождь большевиков признал, что Россия может уступить грубой немецкой силе и подписать мир, «каким бы страшным он ни был». Конечно, этот мир будет всего лишь перемирием. Россия использует его, чтобы создать революционную армию, которая поможет «пролетариату Центральной и Западной Европы» (т. е. австрийскому и германскому) «избавиться от старого режима» [8, с. 152].

Однако для Парижа эти успокоительные заверения мало чего стоили. Французов, несших главную тяжесть сухопутной войны, никакое длительное перемирие на Восточном фронте, а тем более мир, заключенный Россией и Германией, не устраивали.

Хуже всего было то, что Центральная Рада, на которую в Париже как на антигерманскую силу возлагали большие надежды, откликнулась на приглашение немцев и тоже отправила свою делегацию в Брест. И, в довершение всех неудач французской дипломатии, государственный секретарь США Лансинг отклонил ноту Франции о союзнической интервенции в Сибири.

Теперь французы могли связывать возрождение Восточного фронта только с Доном и Румынией, а также с остававшимся на Румынском фронте русскими войсками генерала Щербачева.

Щербачев еще в ноябре под давлением французов принял предложение Центральной Рады сформировать из войск Румынского и Юго-Западного фронтов особую Украинскую армию для борьбы с немцами. После начала украинско-германских переговоров от этой затеи приходилось отказываться.

Но создание в Румынии армии под русским флагом и во главе с царским генералом неминуемо должно было натолкнуться на сопротивление Советской России. 22 декабря 1917 г. советский главкомех Крыленко приказал русским войскам с оружием отходить из Румынии в Бессарабию. Там они должны были бы стать опорой контролируемого большевиками и левыми эсерами Румчерода – Центрального исполнительного комитета съезда советов Румынского фронта, Черноморского флота и Одессы. Но это могло сорвать план румын по захвату Бессарабии. Поэтому румынские власти стали препятствовать передислокации русских войск, находившихся под большевистским влиянием.

31 декабря 1917 г. Ленин узнал о том, что 194-й Троицко-Сергиевский полк был окружен румынами, разрушен и отведен в тыл. В ответ по распоряжению Ленина был арестован весь состав румынского посольства и румынской военной миссии, включая посла Диаманди, а Совет народных комиссаров предъявил румынскому правительству ультиматум с требованием немедленного освобождения арестованных русских солдат и гарантий, что подобное впредь не повторится.

Эти действия Ленина являлись грубейшим нарушением международного права и вполне могли бы стать поводом для очень жестких действий Антанты. Но западные державы ограничились коллективным визитом своих дипломатов к Ленину 1 января 1918 г. с требованием освободить румынского посла. Примечательно, что председатель Со-

вета народных комиссаров предписал выпустить румын только 2 января. После того как накануне вечером его автомобиль был обстрелян неизвестными.

Это было первое покушение на жизнь Ленина. По наемку видного деятеля партии эсеров Б. Ф. Соколова оно стало делом рук группы Федота Оникко, эсеровского депутата Учредительного собрания от Ставропольской губернии. Как активный участник революции Оникко в 1906 г. был сослан в Сибирь, откуда бежал во Францию. Там он учился в Сорбонне, а с 1914 г. служил добровольцем во французской армии. В конце 1917 г. Оникко входил в состав Военной комиссии ЦК партии социалистов-революционеров. Его план убийства Ленина был утвержден Военной комиссией, но категорически отвергнут ЦК. После того как о покушении стало известно, Центральный комитет эсеров официально отмежевался от этого акта [1, с. 279, 305]. Возможно, эсеровское руководство действительно не имело отношения к покушению и ставропольский депутат, стреляя в Ленина, действовал по указке французских спецслужб. Другой вопрос, что было целью данного акта: убийство Ленина или просто предупреждение? В любом случае председатель Совета народных комиссаров адекватно оценил ситуацию. Сразу после покушения он принял французского представителя Садуля и пообещал освободить Диаманди [8, с. 157]. А потом нанес удар по правым эсерам.

Большевики арестовали деятельных эсеровских депутатов Учредительного собрания П. А. Сорокина и А. А. Аргунова. Арест народных избранников никакой реакции западных дипломатов не вызвал. Тем не менее среди депутатов Учредительного собрания теплилась надежда на то, что представители стран-союзниц как-то защитят их от большевистского произвола. 3 января 1918 г. депутаты эсеры и меньшевики пригласили на свое совместное заседание капитана Садуля. Но слов поддержки они от него не услышали. Наоборот, француз заклеил их «позорную и неискреннюю позицию» и завязал бурную дискуссию с руководителем эсеровской фракции Рудневым. Гнев Садуля вызвало признание Руднева о том, что «его партия ни за что не будет помогать большевикам в возобновлении войны» [8, с. 158].

По сути, этим заявлением Руднев подписал приговор Учредительному собранию. Франция (похоже, последней из стран-союзниц) дала тайное согласие на разгон Учредительного собрания. И большевики

(при поддержке левых эсеров) тут же приступили к подготовке этого мероприятия.

3 января 1918 г. Ленин написал проект постановления ВЦИК о том, что всякая попытка присвоить себе функции государственной власти в Российской Советской Республике признается контрреволюционной и будет подавляться всеми средствами [16, с. 174]. Таврический дворец взял под охрану полк латышских стрелков [10, с. 251].

Поздно вечером того же дня Ленин передал по прямому проводу в Брест-Литовск Троцкому предложение вернуться в Петроград [16, с. 176]. Вероятно, прекращение переговоров в Бресте было частью платы за согласие Антанты на разгон Учредительного собрания. Кроме того, западным союзникам требовалось любой ценой сорвать заключение мира между Центральной Радой и немцами. Реализация названной цели достигалась только путем свержения украинского правительства. И сделать это могли лишь большевики. Поэтому ценность сотрудничества с ними для Запада многократно возрастала. Настолько, что на судьбу Учредительного собрания можно было просто закрыть глаза. Тем более что его депутаты 4 января решили во что бы то ни стало провести постановление о мире, приняв соответствующее обращение ко всем воюющим державам. Кроме того, они планировали объявить о продолжении Россией переговоров с Германией [19, с. 148]. Причем это пункт был поставлен первым в повестке дня.

Это окончательно отбило охоту западных дипломатов хоть как-то выразить свою симпатию детищу русской демократии. Ни один из послов Антанты не явился 5 января в Таврический дворец на открытие Учредительного собрания. Туда, однако, пришли представители западных спецслужб и журналисты. Но они находились отнюдь не среди депутатов от демократической оппозиции. Американцы Альберт Рис Вильямс и Джон Рид беседовали с большевистскими руководителями – Бонч-Бруевичем, Коллонтай, Луначарским, Володарским, Лениным. Эдгар Сиссон, сопредседатель комитета общественной информации США занял место рядом с Ольгой Каменевой, женой видного соратника Ленина, Л. Б. Каменева [10, с. 252–253, 258].

Ни американцев, ни француза Садуля ничуть не смутило то, что днем большевиками была расстреляна демонстрация сторонников Учредительного собрания. Погибло 12 человек. Среди них – внучка

декабриста И. И. Горбачевского Елена [1, с. 306]. В донесении капитана Садуля в Париж об этом нет ни слова осуждения [8, с. 158]. Его симпатии целиком на стороне большевиков. Еще бы, ведь 5 января 1918 г. они действовали так, как было нужно Антанте.

В этот день красные из Харькова начали наступление на Полтаву и дальше на Киев [2, с. 390], чтобы свергнуть предавшую Антанту Центральную Раду. Тогда же Троцкий, прервав переговоры в Брест-Литовске, выехал в Петроград. Ну а ночью Учредительное собрание, чья деятельность не могла принести Антанте ничего, кроме проблем, было закрыто. ВЦИК принял декрет о его роспуске.

6 января 1918 г. председатель Американской федерации труда Гомперс предложил Вильсону направить приветствие Учредительному собранию. Однако президент США счел это «нецелесообразным» [20, с. 215]. Принцип целесообразности заставил его и других лидеров Антанты поддержать не законный, избранный всем народом представительный орган, а узурпировавших власть большевиков.

Список источников литературы

1. *Протасов Л. Г.* Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. М., 1997.
2. *Поликарпов В. Д.* Пролог Гражданской войны в России. М., 1976.
3. *Бьюкенен Д.* Моя миссия в России. Воспоминания английского дипломата. 1910–1918. М., 2006.
4. Протоколы заседаний Совета Народных Комиссаров РСФСР. Ноябрь 1917 – март 1918 гг. М., 2006.
5. *Соловьев О. Ф.* Великий Октябрь и его противники. О роли союза Антанты с внутренней контрреволюцией в развязывании интервенции и гражданской войны (октябрь 1917 – июль 1918). М., 1968.
6. *Новикова И. Г.* «Между молотом и наковальней»: Швеция в германороссийском противостоянии на Балтике в годы Первой мировой войны. СПб., 2006.
7. *Локкарт Р. Б.* История изнутри. Мемуары британского агента. М., 1991.
8. *Садуль Ж.* Записки о большевистской революции. 1917–1919. М., 1990.
9. Тезисы ЦК РСДРП(б) об Учредительном собрании // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1983. Т. 2.

10. Вильямс А. Р. Путешествие в революцию. Россия в огне Гражданской войны. 1917–1918. М., 2006.
11. Ленин В. И. Вопросы делегатам общеармейского съезда по демобилизации армии // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. М., 1962.
12. Ленин В. И. Проект резолюции Совета народных комиссаров // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. М., 1962.
13. Ленин В. И. Как организовать соревнование? // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. М., 1962.
14. Ленин В. И. Из дневника публициста (темы для разработки) // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. М., 1962.
15. Ленин В. И. Шарлю Дюма // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. М., 1965.
16. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. 1870–1924. Т. 5. М., 1974.
17. Соболев Г. Л. Тайный союзник. Русская революция и Германия. 1914–1918. СПб., 2009.
18. Брест-Литовск (Из мемуаров Оттокара Чернина) // Архив русской революции. Т. 1–2. М., 1991.
19. Огановский Н. Дневник члена Учредительного собрания // Голос минувшего. 1918. № 4–6.
20. Дэвис Д. Э., Трани Ю. П. Первая холодная война. Наследие Вудро Вильсона в советско-американских отношениях. М., 2002.

Часть 3

**НИЖЕГОРОДСКАЯ ГУБЕРНИЯ
В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

ОТЧЕСТВЕННОЕ СУДОСТРОЕНИЕ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ОБЩЕРОССИЙСКИЙ И НИЖЕГОРОДСКИЙ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Е. И. Подрепный
Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского
podrepuu @ yandex. ru

В статье рассматриваются основные направления современной историографии развития судостроительной промышленности в Российской империи накануне Первой мировой войны.

Ключевые слова: российская промышленность, историография кораблестроения, корабль, судостроение, военно-морской флот России

Накануне Первой мировой войны российское кораблестроение переживало период бурного развития, вызванного в первую очередь гонкой военно-морских вооружений в мире, известной как «дредноутная лихорадка» [1–3].

Проблемы развития кораблестроения всегда привлекали внимание отечественных историков. Истоки современной ее историографии восходят к началу 1980-х годов, когда в СССР резко повысился интерес к истории отечественного кораблестроения. Большой вклад в исследование проблемы внес Р. М. Мельников, опубликовавший ряд трудов по истории отдельных кораблей Российского императорского флота, в которых рассматривались вопросы развития отечественных судостроительных заводов ([4] и др.). Однако ведущая роль в освещении истории российского кораблестроения накануне Первой мировой войны принадлежит И. Ф. Цветкову [5–7]. В своих работах автор попытался раскрыть целый комплекс вопросов, неразрывно связанных со строительством любого судна и особенно военного корабля: это

военно-морские доктрины и программы, экономика и состояние судостроительной базы, уровень развития корабельной науки и техники. Такой подход позволяет вскрыть исторические закономерности в области развития судостроения. В книгах И. Ф. Цветкова имеется ряд исторических находок и фактов, ранее неизвестных широкому кругу читателей.

Для книг этого автора по истории создания эскадренных миноносцев, легких крейсеров и линейных кораблей отечественного флота характерен оригинальный подход к проблемам периодизации истории судостроения. Он рассматривает развитие судостроения как ряд дискретных скачков, выражающих реализацию отдельных судостроительных программ в связи с ходом научно-технической революции и общественного развития [8, с. 6].

Работы Цветкова описывают историю российского судостроения в целом. В то же время появился ряд трудов, которые освещают развитие отечественного кораблестроения накануне Первой мировой войны и на региональном уровне [9; 10].

Новым стимулом к изучению проблемы стало празднование 300-летия Российского флота. К середине 1990-х годов вышел ряд работ, в которых, в той или иной степени, освещалось развитие отечественного судостроения между Русско-японской и Первой мировыми войнами [11–13]. Важнейшим достижением этого периода стал выход пятитомной «Истории отечественного судостроения». Издание книги осуществлено к 300-летию Российского флота при содействии и финансовой поддержке Российского государственного морского историко-культурного центра при Правительстве Российской Федерации и Санкт-Петербургского филиала Института истории, естествознания и техники им. С. И. Вавилова Российской академии наук. Изучаемому нами периоду посвящен третий том «Истории отечественного судостроения» [14], автором которого является И. Ф. Цветков. В томе изложена история разработки судостроительных программ, создания всех классов надводных кораблей и подводных лодок в 1906–1925 гг., а также судов коммерческого флота. Отражено развитие отечественной судостроительной промышленности.

И. Ф. Цветковым подробно раскрыта история развития подводного кораблестроения в России накануне Первой мировой войны (глава 6). 10-я глава освещает проблемы модернизации и развития судострои-

тельной базы России в начале 1910-х годов. Автором дана характеристика всех крупных казенных и частных судостроительных заводов страны, при этом им делается вывод, что «к строительству флота в той или иной степени были привлечены все главные отрасли промышленного производства России» [14, с. 215]. Возрождение военного флота России после Русско-японской войны показано на примере боевых кораблей основных классов (глава 11). Труд снабжен научным аппаратом, что делает его неоценимым пособием для всех, кто интересуется историей отечественного военного кораблестроения и флота. В то же время отметим, что развитие коммерческого флота России в работе освещается значительно менее подробно. Этой проблеме отведена глава 13. Автор констатирует, что «по своему техническому уровню коммерческий флот России значительно отставал от мирового транспортно-флота» [14, с. 346].

В отличие от морского коммерческого судостроения России, которому так и не удалось составить успешную конкуренцию зарубежным судостроительным фирмам, речное судостроение к концу 1910 г. начало постепенно выходить из кризиса, вызванного Русско-японской войной и революцией 1905–1907 годов. Судоходные компании и частные судовладельцы речных бассейнов европейской части России и Каспийского моря стали ориентироваться на заказ судов отечественной судостроительной промышленности, хотя еще 10–15 лет назад речные пароходы, как и морские торговые суда, приобретались главным образом за границей [14, с. 352–353].

Среди предприятий судостроительной отрасли, которые снабжали отечественный флот речными судами, в 3-м томе «Истории отечественного судостроения» выделены Сормовский и Коломенский заводы [14, с. 353–356].

Кроме того, И. Ф. Цветков особо отмечает участие Сормовского завода в строительстве Военно-морского флота России [14, с. 356]. Об этом автор писал и в более ранних работах [5; 7].

Среди других предприятий, строивших в это время речные суда, И. Ф. Цветков упоминает Камско-Воткинский и Мотовилихинский заводы в Перми, а также Николо-Абакумовский завод близ Рыбинска. О судостроительной верфи в Рыбинске имеется краткое упоминание и в монографии В. Т. Анискова и А. Р. Хаирова [16, с. 26]. И. Ф. Цветков называет также расположенные в Нижнем Новгороде

и его окрестностях (на Оке) сравнительно небольшие заводы и верфи речного судостроения: заводы Яковлевых (имевшие до 300 рабочих) и товарищества «Добровы и Набгольц» (500–600 рабочих), заводы Лятяева (200–400 рабочих) и Курбатова в городской черте Нижнего Новгорода.

В том же регионе находился судостроительный завод Шорина, основанный в 1902 г. в Гороховце, а в 1907 г. «Общество Кулебакских горных заводов» открыло на Оке в селе Мордовшиково свою верфь металлического речного судостроения (Мордовшиковская верфь).

В 1913 г. около Нижнего Новгорода был основан судостроительный и механический завод, который получил название «Нижегородский теплоход». В период Первой мировой войны он принимал активное участие в постройке тральщиков для Балтийского флота [14, с. 358].

Локальный аспект рассматриваемой темы представлен как работами об отдельных предприятиях (примером служат статьи об истории Адмиралтейского завода в Петербурге) [18; 19], так и трудами по развитию судостроения в отдельных регионах. Пример – монография А. Н. Щербы, посвященная военной индустрии Северной столицы России [20].

Важным достижением в этом направлении стал выход «Нижегородской энциклопедии промышленности и предпринимательства» [21], в которой имеются сведения обо всех судостроительных предприятиях Нижегородской области (губернии) в рассматриваемый период. В изучении истории отдельных предприятий судостроительной отрасли существенного прогресса не отмечено. Примером является труд по истории завода «Красное Сормово», вышедший в 2006 году [22]. Материал по истории судостроения на заводе в 1900-е годы мало чем отличается от опубликованного в 1969 г. фундаментального научно-популярного издания «История “Красного Сормова”» [23].

В 2000-е годы продолжался выпуск работ, посвященных знаменитым кораблям отечественного флота. В них, как правило, содержатся сведения о предприятиях, на которых строились эти боевые единицы. Примером могут служить книги Б. А. Айзенберга и В. В. Костриченко о линейных кораблях типа «Императрица Мария» [24] и А. А. Чернышева об эскадренных миноносцах типа «Новик» [25].

В первой из них кратко изложена история постройки линкоров данного типа на судостроительных заводах юга России [24, с. 19–34], од-

нако дается развернутая критическая оценка проекта [24, с. 105–112], чем труд отличается от других, вышедших ранее.

Работа А. А. Чернышева интересна тем, что автор подробно раскрыл процесс проектирования, постройки знаменитых эсминцев русского флота [25, с. 5–38], а также различные факторы, которые оказали влияние на него [25, с. 10–28]. Примерно такие же материалы применительно к эсминцам типа «Дерзкий» Черноморского флота содержатся в работе В. П. Заблоцкого и В. А. Левицкого [26].

Подводя итоги, необходимо отметить два обстоятельства:

во-первых, по сравнению с трудами И. Ф. Цветкова 1980–1990-х годов в современной литературе прогресс в освещении развития отечественного судостроения накануне Первой мировой войны незначителен;

во-вторых, освещение истории судостроительных заводов и верфей Нижегородского края на сегодняшний день оставляет желать много лучшего. Поэтому изучение истории нижегородского судостроения является перспективной темой, особенно для молодых исследователей.

Список источников и литературы

1. *Шаццлло К. Ф.* Россия перед Первой мировой войной (Вооруженные силы царизма в 1905–1914 гг.). М., 1974.
2. *Ховарт Д.* Дредноуты. М., 1997.
3. *Больных А. Г.* Линкоры. Иллюстрированная энциклопедия. М., 2013.
4. *Мельников Р. М.* Крейсер «Очаков». Л., 1986.
5. *Степанов Ю. Г., Цветков И. Ф.* Эскадренный миноносец «Новик». Л., 1981.
6. *Цветков И. Ф.* Линкор «Октябрьская революция». Л., 1983.
7. *Цветков И. Ф.* Гвардейский крейсер «Красный Кавказ». Л., 1990.
8. *Соломенко Н. С.* К читателям // Цветков И. Ф. Гвардейский крейсер «Красный Кавказ». Л., 1989.
9. *Зубов Б. Н.* Развитие кораблестроения на юге России. Калининград, 1990.
10. *Ильин В. А., Корчин В. Г., Корчин Г. Д.* Корабелы былинного края. Очерки о Навашином судостроительном заводе «Ока». Л., 1982.
11. *Бузов В. Н.* Отечественное военное кораблестроение в третьем столетии

- своей истории. СПб., 1995.
12. *Золотарев В. А., Козлов И. А., Шломин В. С.* История флота государства Российского. В 2 т. Т. 1. М., 1996.
 13. *Доценко В. Д.* История военно-морского искусства. Т. 1. Вооружение и теория. М., 2005.
 14. История отечественного судостроения. В 5 т. / Т. 3: Судостроение в первой четверти XX в. (1906–1925). СПб., 1995.
 15. *Лосик А. В., Мезенцев А. Ф., Минаев П. П., Щерба А. Н.* Отечественный военно-промышленный комплекс в XX – начале XXI века (историография проблемы) / под общ. ред. А. В. Лосика. В 3 книгах. Кн. 1. 1990 год – первая половина 40-х годов XX века. Тамбов, 2008.
 16. *Анисков В. Т., Хаиров А. Р.* История ВПК России в региональном аспекте: от начала Первой до окончания Второй мировой войны. На примере Верхневолжья. Ярославль, 1996.
 17. Воткинский завод – вчера, сегодня, завтра. Историко-представительское издание. Ижевск, 1998.
 18. *Кузнецов Л. А.* Адмиралтейский судостроительный завод (1908 –1926) // Гангут. Научно-популярный сборник статей по истории флота и судостроения. СПб., 1995. Выпуск 8.
 19. *Андрюченко В. Г.* Три начальника Адмиралтейского завода // Гангут. Научно-популярный сборник статей по истории флота и судостроения. СПб., 1995. Выпуск 8.
 20. *Щерба А. Н.* Военная индустрия Санкт-Петербурга – Ленинграда в 1900–1940– годы. М. – СПб., 2012.
 21. Нижегородская энциклопедия промышленности и предпринимательства / сост. и науч. ред. Ф. А. Селезнев. Нижний Новгород, 2011.
 22. «Красное Сормово»: Завод и люди. Нижний Новгород, 2006.
 23. История Красного Сормова / науч. ред. В. П. Фадеев. М., 1969.
 24. *Айзенберг Б. А., Костриченко В. В.* Линкор «Императрица Мария». Главная тайна Российского флота. М., 2010.
 25. *Чернышев А. А.* Русские суперэсминцы. Легендарные «Новики». М., 2011.
 26. *Заблоцкий В. П., Левицкий В. А.* Первые «Новики» Черноморского флота. Эсминцы типа «Дерзкий» // Морская кампания от Балакина и Дашьяна. 2008. № 8 (21).

МОБИЛИЗАЦИЯ РУССКОЙ АРМИИ ЛЕТОМ 1914 года (на примере Нижегородской губернии)

Ф. Б. Дроздов, Е. А. Тюлюкова
Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского
fedo_rus@mail.ru

Работа посвящена организации процесса мобилизации в России летом 1914 г. и его особенностям, вызванным наличием двух вариантов мобилизации – полного и частичного. В качестве примера процесса организации приводится территория Нижегородской губернии, в первую очередь – Арзамасского уезда.

Ключевые слова: Первая мировая война, 1914 г.,
предмобилизационный период, полная
мобилизация, частичная мобилизация,
Нижегородская губерния, Арзамасский уезд

Предъявление Австро-Венгрией ультиматума сербскому правительству в связи с убийством эрцгерцога Франца-Фердинанда обострило отношения между Веной и Петербургом. В Генштабе русской армии заговорили о мобилизации войск на случай войны с австрийцами. В этом случае мобилизации подлежали 4 военных округа – Московский, Казанский, Киевский и Одесский (см. [1]).

Следует сказать, что к весне 1914 г. Генеральный штаб русской армии разработал план стратегического развертывания № 20. «Основные соображения» по этому плану были утверждены 25 сентября 1913 года. В большинстве исследований как время начала его разработки указывается конец 1913 г., не точнее. Новый план должен был содержать подробные инструкции для стратегического развертывания российской армии в случае борьбы только с одним противником (Австро-Венгрией) и рекомендации для быстрой перестройки мобилизационных работ при необходимости вести бой против двух противников (Австро-Венгрии и Германии). В середине апреля 1914 г. нижегородскому губернатору В. М. Борзенко было сообщено, что новое мобилизационное расписание № 20 «будет введено к 1 декабря 1914 г.» [18, л. 16].

Таким образом, в середине лета 1914 г. новый план еще не был введен в действие, а рабочим являлось расписание 1910 года. Оно не предполагало варианта частичной мобилизации, направленной только против Австро-Венгрии или предусматривавшей призыв только чинов запаса, без ратников ополчения. Коротко напомним разницу между ними. По закону 26 апреля 1906 г. в сухопутных войсках нижние чины служили три года. Затем следовало пребывание в запасе I разряда (7 лет) и II разряда (8 лет). Выслужив этот срок, мужчина переводился в состав ополчения, собираемого только в случае войны. В ополчение входили и те, кто по жребию не попал на действительную службу. По состоянию здоровья и семейному положению ратники ополчения делились на два разряда. Ратники ополчения первого разряда в случае мобилизации должны были пополнять либо действующие части, либо определяться во вновь созданные части государственного ополчения.

Интересно, что 11¹ июля 1914 г. в ответ на просьбу начальника Генерального штаба Н. Н. Янушкевича представить документы о возможной частичной мобилизации (без ратников) мобилизационный отдел (начальник – генерал С. К. Добророльский) оказался не в состоянии удовлетворить его просьбу, ответив, что «такой план даже не был разработан в России» [1, с. 13]. Добавим, что в литературе существует мнение о том, что частичной мобилизации нельзя было производить, «не разрушив общей мобилизации» [2, с. 6]. Имелись и другие проблемы, способные осложнить ход мобилизации [3, с. 21; 4, с. 60].

Поскольку было ясно, что русская армия в любом случае не имеет возможности быстро развернуть свои силы после внезапного начала войны, Николай II еще в 1913 г. утвердил особое «Положение о предмобилизационном периоде» [5, с. 2]. Данное положение преследовало цель подготовить российскую армию к максимальному использованию имеющихся сил в случае быстрого пересечения границ противником.

В литературе отмечается, что объявление этого периода не предвещало мобилизации, но в случае ее объявления могло облегчить ее проведение [5, с. 2], с учетом недостатка железных дорог [6, с. 24].

11 июля 1914 г. (т. е. в тот день, когда Н. Н. Янушкевич еще только просил представить документы о возможной частичной мобилизации) начальник мобилизационного отдела генерал С. К. Добророльский сообщил «командующим военными округами о необходимости быть

¹ Здесь и далее: даты по старому стилю.

готовыми к возможной мобилизации» [7, с. 40]. По сути, тем самым он известил начальников гарнизонов о введении предмобилизационного периода. Отметим, что это было сделано до заседания Совета министров 12 июля, где было принято решение «пока не объявлять частичную мобилизацию, но принять все подготовительные меры для скорейшего ее осуществления в случае надобности» [1, с. 17]. Таким образом, официально предмобилизационный период начал действовать с полуночи 13 июля 1914 года, но фактически командующие военными округами были предупреждены о нем двумя днями раньше.

Нижегородский губернатор В. М. Борзенко получил телеграмму о введении предмобилизационного периода к утру 14 июля. Он незамедлительно распорядился, «чтобы все причастные к мобилизации гражданские учреждения и должностные лица были вполне готовы на случай объявления мобилизации» [8, л. 1]. Губернатор отправил соответствующие распоряжения уездным по воинской повинности присутствиям, нижегородскому полицмейстеру и уездным исправникам, городским управам, уездным земским управам и земским начальникам. Более подробные инструкции чинам полиции поступили непосредственно из нижегородской губернской канцелярии [9, л. 23].

Заключительной деталью в ходе подготовительных мер к проведению мобилизации стала телеграмма министра внутренних дел Маклакова, полученная нижегородским губернатором 16 июля и содержащая просьбу ограничить продажу спиртных напитков. Торговлю этим товаром приостанавливали «во всех районах, где будет объявлена мобилизация... до закрытия сборных пунктов, а также на всех путях следования запасных в войска и частей войск в районы сосредоточения» [8, л. 7]. Исполняя полученные указания, нижегородский губернатор Борзенко просил полицмейстера и уездных исправников «принять все меры и не допустить тайной торговли спиртными напитками» [8, л. 8].

Для примера рассмотрим мероприятия предмобилизационного периода на материалах Арзамасского уезда Нижегородской губернии. Здесь насчитывалось три призывных пункта – один в с. Смирново и два в самом Арзамасе [10, л. 47]. Арзамас был важным транспортным транзитным центром и постоянно находился в поле зрения губернских властей (см. [11]).

Подготовка к возможной мобилизации велась здесь еще задолго до начала мирового конфликта. Проверочные работы шли повсеместно,

по крайней мере, по Московскому военному округу, – они должны были поддерживать боеспособность армии, отслеживать готовность к быстрой мобилизации, а также выявлять особенности каждого гарнизона для безболезненного введения нового мобилизационного плана № 20.

Наиболее заметно участие высших инстанций в военной подготовке уездов проявилось в мае – июне 1914 года. Оно было связано как раз с введением нового мобилизационного плана № 20. Его использование предполагалось начать с 1 декабря 1914 года [12, л. 24]. В это время возросло число проверок качества личного состава гарнизонов, стал чаще производиться сбор информации о нижних чинах запаса и ратниках ополчения. Местным властям предлагалось составить прогнозы относительно численности маршевых команд, которые могли бы отправиться на фронт в первые же дни после объявления мобилизации.

Одним из качественных показателей военной подготовки чинов запаса всегда являлись учебные сборы. Они находились в поле постоянного внимания губернатора [13, л. 95]. Сборы продолжались четыре недели, не считая выходных. Почасовое расписание являлось практически идентичным для каждого дня обучения. Отличались субботние дни, вторая половина которых отводилась для уборки помещений и посещения бани, а также дни приезда и отъезда ратников. Первый и последний день обучения в большей степени были заняты организационными моментами, а не практическими занятиями: шло разделение на взводы, десятки, назначение десятских, велась выдача ополченских знаков и снаряжения, выдача винтовок и т. д. [14, л. 100 об.] Дальнейшие занятия проходили в нескольких направлениях, восстанавливая и повышая опыт военных приемов у ратников. Ежедневно обучающиеся занимались гимнастикой, «приготовительными упражнениями к стрельбе», строевой, построжкой окопов, постигали суть гарнизонной и внутренней службы, усваивали правила воинской дисциплины и т. д. Учебный день был достаточно насыщенным. Утро для ратников начиналось в 5:30 утра питьем чая, молитвой, утренним осмотром и прогулкой. Далее следовали занятия по стрельбе и одиночные, а позже повзводные упражнения строевой подготовки, длящиеся до обеда (обед предполагался с 11:30 до 15:30). Вторая половина дня уделялась несению внутренней службы и теоретическим занятиям с ратниками. Ужин назначался к 18:30, потом нередко оставалось время для песен и игр, а в 21:30 ратники ложились спать.

Наряду с подготовительными военными мероприятиями было решено провести работы по благоустройству системы оповещения, игравшей значимую роль при отправлении по волостям сообщений о начале мобилизации. В конце мая 1914 г. губернское по воинской повинности присутствие предлагало арзамасскому уездному присутствию сообщить, «какие телеграфные линии было бы желательно устроить заново или навести провода к существующим линиям в пределах... уезда в мобилизационных целях, т.е. ускоряя извещение о мобилизации» [15, л. 38]. В ответном письме из Арзамаса указывалось, что необходимо устроить заново телеграфные линии в Смирнове и Большой Арати, отстоящих от Арзамаса первое в 38 верстах, а второе в 62 верстах, поскольку «в этих селениях находятся волостные правления и базары» [16, л. 127]. Установка новых телеграфных линий помогла бы сократить время извещения нескольких отдаленных уездов.

К середине июня 1914 г. местные власти города Арзамаса от общих штатных работ перешли к более конкретным приготовлениям на случай войны. В первую очередь был налажен план действий по приспособлению и оборудованию сборного пункта для принятия нижних чинов запаса и ратников ополчения. Обустроить предполагалось три помещения: непосредственно сборный пункт, столовую и места для ночлега. Обстановка помещений предполагала все необходимое: столы, стулья, лампы, стенные фонари, часы и даже комнатные термометры и металлические плевательницы. Меблировка зданий, предназначенных для расквартирования воинских чинов и ратников, состояла из бочек для воды, кружек к ним на цепочках и нескольких пудов соломы [12, л. 15].

В подготовленных зданиях предполагалось разместить 3009 запасных нижних чинов и 1200 ратников ополчения, которых ожидали в первые дни после объявления мобилизации.

Расквартирование запасных воинских чинов и ратников ополчения осложнялось отсутствием в Арзамасе постоянных помещений для их приема. Поэтому в роли казарм должны были выступить дома состоятельных обывателей. В связи с этим арзамасский уездный воинский начальник передавал в городскую управу сообщение о необходимости «ознакомить еще в мирное время обывателей города Арзамаса (внесенных в ведомость расквартирования) с предупреждениями и обязанностями при расквартировании у них мобилизованных на военную

службу». В соответствии с данным распоряжением городская управа подготовила внушительный реестр на раздачу «извещений домовладельцам города Арзамаса, у которых назначено при мобилизации размещение нижних чинов запаса и казенных лошадей» [17, л. 1].

Таким образом, в Арзамасском уезде подготовительные мероприятия к предстоящей возможной мобилизации были начаты в связи с подготовкой к введению мобилизационного плана № 20 задолго до объявления предмобилизационного периода и проходили довольно активно. Поэтому извещение о начале «подготовительного к войне этапа», достигшее города к 15 июля, не вызвало ажиотажа.

Зато в верхах царя крайне нервная обстановка. Резко против неполной мобилизации выступал С. К. Добророльский, ссылаясь на то обстоятельство, что в России «план стратегического развертывания, а, следовательно, и мобилизации был рассчитан на войну с двумя противниками» [7, с. 39]. Однако на заседании Совета министров в Красном селе было принято решение стремиться к поиску мирного урегулирования австро-сербского конфликта, при этом готовить мобилизацию четырех военных округов: Киевского, Одесского, Московского и Казанского (лишь против Австро-Венгрии) [7, с. 40]. Двумя днями позже решено было подготовить два проекта указа – один о частной, другой – об общей мобилизации, «но снабдить их специальным докладом царю, разъясняющим опасность первой» [7, с. 40].

16 июля, в очередной раз, обрисовав всю сложность наступающей ситуации, Н. Н. Янушкевич сумел убедить императора принять решение о начале всеобщей мобилизации. Однако Николай «приказал не приводить этот указ в исполнение ранее вечера 16/29-го июля» [5, с. 7], все еще надеясь на мирный исход дела.

Следует сказать, что в России практиковалась непростая система объявления всеобщей мобилизации по военным округам. Для начала составленную телеграмму с текстом Высочайшего повеления должны были подписать министры – военный, морской и внутренних дел. Лишь после этой процедуры подписанные телеграммы рассылались по округам с обозначением первого дня и часа начала мобилизации [1, с. 31].

Между тем начальник мобилизационного отдела Генерального штаба генерал-майор Добророльский начал собирать подписи министров не дожидаясь вечера [5, с. 7]. Однако известие о мобилизации вызвало среди них неоднозначную реакцию. Морской министр адми-

рал И. К. Григорович просто не поверил Добrorольскому. По мнению министра, война в настоящее время была невозможна, хотя бы на том основании, что «флот наш не в состоянии состязаться с немецким, Кронштадт не предохранит столицу от бомбардировок» [7, с. 41]. Не менее озабочен был известием о мобилизации и министр внутренних дел Н. А. Маклаков, будучи полностью уверен, что в народе война не будет иметь популярности. В результате «нажатие кнопки» [1, с. 32], как говорил генерал Сухомлинов, не произошло. Общая мобилизация была заменена на частичную.

В судьбоносный вечер 16 июля генерал-майор Добrorольский, находясь в зале центрального телеграфа, собирался отправить телеграммы с извещением о всеобщей мобилизации по военным округам. Однако он был остановлен телефонным звонком Янушкевича с просьбой задержать телеграммы и дождаться на телеграфе капитана Генерального штаба Л. Н. Туган-Барановского. Последний принес письменное известие об отмене всеобщей мобилизации и проведении частичной по заготовленному ранее плану. В итоге телеграммы всё же были отправлены, однако число адресатов сократилось до четырех (Киевский, Одесский, Московский и Казанский военные округа).

Утром 17 июля уездные исправники губерний Московского военного округа начали получать телеграммы с призывом к общей мобилизации. Такое было и в Нижегородской губернии, в том числе и в Арзамасе.

В то же утро нижегородский губернатор В.М. Борзенко получил телеграммы от всех уездных исправников [11, л. 4–14, 16–18]. Каждый из них рапортовал о начале выполнения надлежащих распоряжений. Сам губернатор был извещен о начале мобилизации ночью нижегородским полицмейстером, который передал Высочайшее повеление «о производстве общей мобилизации нижних чинов запаса; первый день считается 17 июля 1914 года» [11, л. 1]. Сразу же полным ходом в Нижнем Новгороде начались работы по военной мобилизации. Об этом в своем рапорте губернатору написал нижегородский полицмейстер: «...по получении мной телеграммы о последовавшей по Высочайшему повелению мобилизации армии и флота и военно-конской повинности в 2 ч. 10 мин. ночи 17 июля, мною тотчас же были собраны в Полицейское управление мои помощники и приставы частей и кадра Ярмарочной полиции. По прибытии в управление им были розданы

красные конверты, выданы для расклейки по городу объявления о мобилизации и расценки за приносимые запасными нижними чинами вещи, а также цены на лошадей верховых и упряжных, немедленно с конными стражниками были посланы красные конверты на имя Вашего Превосходительства, председателей Губернской и Уездной земских управ, Уездного воинского присутствия, городской голове, управляющему аукционными сборами, председателям приемных комиссий по поставке лошадей, их помощникам и заведующим военно-конскими участками и их помощникам. Кроме того, приставам розданы приказы и даны указания о немедленном закрытии всех трактирных заведений и пивных за исключением ресторанов I разряда и клубов. Сделаны распоряжения приставам и их помощникам и околоточным надзирателям обойти немедленно свои районы, установить немедленно посты у казенных винных лавок, трактиров и на людных местах города. Все распоряжения были окончены в 4 ч. утра 17 сего июля, после чего лично объехав город, я увидел, что объявления о мобилизации уже расклеены и читаются проходящей публикой» [11, л. 3–3 об.].

На следующий день началось формирование ополчения. Нижегородский уездный исправник рапортовал «о производстве общей мобилизации всех наших сил с призывом ратников и формированием ополченских частей, согласно мобилизационному расписанию 1910 года» [11, л. 33].

Но 18 июля мобилизация ополченцев во многих уездах была приостановлена, поскольку в этот день начались противоречия в поступающих сверху требованиях. Они касались необходимости призыва ратников ополчения. Если военное начальство настаивало на призыве не только нижних чинов запаса, но и ратников ополчения, то губернатор объявил обратное. Как следствие, 19 июля находящиеся в замешательстве провинциальные власти начали засыпать губернатора телеграммами. Исправник из Ардатова Бернфельд интересовался, какой из двух полученных уездом телеграмм следует руководствоваться: той, что содержит распоряжения губернатора об отмене призыва ратников ополчения, или все же той, которую получил местный уездный воинский начальник от командующего войсками [11, л. 34]. Председательствующий Лысковского воинского присутствия Самосудов просил разъяснить, «подлежат ли призыву ратники» [11, л. 41]. При этом сам

Самосудов завершил свое послание согласием с телеграммой губернатора – «при мобилизации ополчения не формировать» [11, л. 41]. Из Лыскова пришла еще одна телеграмма от исправника Самосудова с рапортом, что «о призыве ополчения объявлений не расклеивалось, о непризыве их широко оповещено» [11, л. 43]. В нерешительности находились власти из Семенова. Исправник Гейбович в ответ на распоряжение не призывать ратников известил губернатора, что 19 июля местный воинский начальник «сообщил, что призыв ратников и ополченских частей последует позже» [11, л. 47].

Неразбериха была вызвана тем, что мобилизация 17 июля проходила по мобилизационному расписанию 1910 г., которое частичной мобилизации не предусматривало [19, л. 1].

В арзамасском архиве сохранилась переписка городских властей с губернским начальством и волостными старшинами, из которой видно, что военная мобилизация населения была начата 17 июля по общему плану, затем приостановлена и возобновлена к 20-м числам июля. Фрагментарность телеграфной переписки с нижегородским губернатором и письменных сообщений с волостями компенсируется материалами подобного же содержания из фондов Центрального архива Нижегородской области.

Арзамасские власти начали получать извещения о начале мобилизации в Нижегородской губернии еще ночью. Ранее всех Высочайшее повеление о призыве войск узнали служащие уездной управы. Приняв телеграмму от нижегородского губернатора в 3 ч. 20 мин. пополудни [11, л. 19], к 8 ч. утра председатель управы И. А. Бронский был готов рапортовать губернатору В. М. Борзенко о немедленном исполнении повеления и успешном завершении работ. Арзамасский уездный исправник Богородский телеграмму о мобилизации получил на 20 минут позже. Однако со своими обязанностями разобрался быстрее, чем остальные учреждения города, и в 7 ч. 31 мин. [11, л. 17] рапортовал об этом губернатору. Нужно сказать, что быстрота исполнения Высочайшего повеления не в меньшей степени зависела и от расторопности дежурного полицейского управления, который, по всей видимости, и принял оповещение по телеграфу в столь ранний час. При объявлении мобилизации дежурный в первую очередь оповестил исправника, а потом приступил к исполнению работ, возложенных на управление. Он должен был «отправить наличных рассыльных

за всеми чиновниками для приготовления к рассылке бумаг, за полицейскими чинами, которые будут расклевать мобилизационные объявления по городу, и за нарочными, назначенными для рассылки по уезду пакетов с извещением о мобилизации, а также должен отправить в Уездную земскую управу требование на доставку подвод нарочным» [20, л. 39 об.]. В 7 ч. 30 мин. [11, л. 17], как и следовало из инструкций мобилизационного плана, дежурным были отправлены нарочные по девяти волостным направлениям [20, л. 144] для оповещения населения о мобилизации. Еще ранее за подписью исправника были отправлены телеграммы в арзамасское уездное по воинской повинности присутствие и к арзамасскому воинскому начальнику, которые передавали Высочайшее повеление «мобилизовать армию и флот по расписанию 1910 года» [19, л. 1]. Причем в тексте послания было указано, что первым днем мобилизации следует считать 17 июля. Обратим внимание на следующий важный факт: в каждой из телеграмм были зачеркнуты напечатанные в бланке слова «и сформировать ополченские части» [19, л. 1].

Выполняя предписания мобилизационного расписания 1910 г., председатель присутствия должен был безотлагательно «разослать заготовленные еще в мирное время приглашения членам и врачам присутствия о явке в заседание присутствия на 3-й день мобилизации в 9 ч. утра» [20, л. 31].

Воинский начальник подполковник Геймовский получил указания непосредственно от управляющего Московского округа. В книге приказов, ссылаясь на Высочайшее повеление «привести армию и флот на военное положение», Геймовский записал, что «с 17 числа Управление переходит в штат военного положения», «первым днем мобилизации считать 17 июля сего года», «с 18 числа открываются сборные пункты» [21, л. 9].

18 июля на сборный пункт начали прибывать запасные нижние чины. Воинский начальник в книге приказов отметил, что до 6 часов вечера явились 1327 человек [21, л. 10 об.]. Тогда же от командующего войсками Московского военного округа арзамасскому воинскому начальнику пришло сообщение «произвести общую мобилизацию всех наших сил» [21, л. 10 об.]. В дополнительной телеграмме уточнялось, что «под словами мобилизации всех сил следует понимать и призыв ратников, и формирование ополченских частей» [22, л. 3]. Геймовский,

исполняя приказ, оповестил исправника и уездную управу, которые начали работы по призыву ратников «на формирование ополченских частей по расписанию 1910 года» [11, л. 25–27].

Исправник известил уездное воинское присутствие о Высочайшем повелении «призвать ратников проходивших и не проходивших ряды войск на формирование ополченских частей» [23, л. 2]. Но 19 июля из Нижнего Новгорода начали поступать распоряжения о прекращении мобилизационных работ по формированию ополченских частей.

Исправник Богородский в 8 ч. утра 19 июля получил телеграмму от губернатора Борзенко о том, что «ратники ополчения не призываются, призываются только офицеры ополчения» [23, л. 4], после чего распорядился «об отмене призыва ратников» [11, л. 45], а также приказал снять синие объявления о мобилизации. К 10 ч. 15 мин. извещение подобного содержания за подписью исправника получила управа. Немедленно была произведена «отмена всех распоряжений, сделанных по призыву ратников» [11, л. 30, 44].

Но 20 июля, после того как Германия объявила войну России, председатель арзамасского по воинской повинности присутствия отправил в земскую управу письмо, где просил приступить к восстановлению мобилизационных работ по мобилизационному плану 1910 года и призыву ратников [19, л. 51]. При том, что только 22 июля Арзамасская уездная земская управа получила официальное извещение из Петербурга, подписанное министром внутренних дел Маклаковым, Военным министром Сухомлиновым и морским министром Григоровичем, о призыве ратников. Первым днем мобилизации ратников ополчения было назначено 25 июля 1914 г. [19, л. 56–58]. Уездный исправник вторично отправил нарочных для объявления о мобилизации и призыве ратников ополчения первого разряда [11, л. 56].

Со второго дня мобилизации сборный пункт арзамасского воинского начальника стал принимать призывников, а на четвертый день первые команды были готовы отправиться для пополнения воинских частей. Сформированные маршевые команды отправлялись из Арзамаса сразу в нескольких направлениях, т. к. город располагал одним из крупнейших железнодорожных узлов в губернии. Ежедневно со станции уходили поезда на Нижний Новгород, Тимирязево, на Самару и на Москву [24, л. 69], забирая с собой группы призванных на действительную военную службу общим числом до 300 человек. 21 июля

первые 303 человека получили назначения в следующие части: 38-й пехотный Тобольский полк (Н. Новгород), 10-ю артиллерийскую бригаду, 10-ю парковую артиллерийскую бригаду, в запасной батальон лейб-гвардии Финляндского полка (С.-Петербург), запасной Кавалерийский полк, (г. Кирсанов)» [21, л. 17 об.]. В ходе дальнейшей мобилизации призванные на сборный пункт направлялись, к примеру, в Измайловский полк (С.-Петербург), в Заамурский железнодорожный полк (Харбин), в Малоярославский полк (Рига), на Балтийский флот, в Сибирские стрелковые полки и др. [25, л. 2, 12, 14, 24, 54, 64, 130, 173].

Подводя некоторые итоги, можно сказать, что особенность мобилизации 1914 г. в России заключалась в отсутствии четко проработанного плана стратегического развертывания. Последний обновленный мобилизационный план был составлен в 1910 г. и предполагал всеобщую мобилизацию. Позже была развернута огромная работа по его модернизации и разработке варианта частичной мобилизации войск. Однако начавшаяся через несколько месяцев война нарушила ход работ по введению нового плана. В верхах не было единого мнения, какой быть мобилизации – общей или частичной. В Нижегородской губернии всеобщая мобилизация армии с призывом и запасных чинов и ратников ополчения была начата 17 июля. 18 июля, ориентируясь на предписания Московского военного округа и общий ход мобилизационных работ, местные власти начинают формировать ополченские части, для чего отправляют ряд распоряжений волостным старшинам. 19 июля от губернатора приходит распоряжение об отмене формирования ополченских частей. Мобилизационные работы во многих уездах были приостановлены и возобновлены лишь после начала войны (20–21 июля), когда поступили установки о времени начала формирования ополченских частей.

Список источников и литературы

1. *Тарсаидзе А.* Четыре мифа о Первой мировой: Дело о мобилизации 1914 г.; Дело Мясоедова; Дело Сухомлинова; Дело Протопопова («Стокгольмская история»). М., 2007.
2. Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч. 1. Период от объявления войны до начала сентября 1914 г. Первое вторжение русских армий в Вост. Пруссию и Галицийская битва / сост. Я. К. Цихович. М., 1922.

- [Электронный ресурс]: сайт. – URL: http://www.grwar.ru/library/Strategy_Essay_1/SE_01_00.html (дата обращения 30.03.2010).
3. *Головин Н. Н.* Россия в Первой мировой войне. М., 2006.
 4. *Керсновский А. А.* История русской армии. М., 2006. Т. 3.
 5. *Головин Н. Н.* Из истории кампании 1914 г. на русском фронте. Начало войны и операции в Вост. Пруссии. Прага, 1926. [Электронный ресурс]: сайт. – URL: <http://www.grwar.ru/library/GolovinEP/index.html> (дата обращения 30.03.2010).
 6. *Зайончковский А. М.* Первая мировая война. СПб., 2002.
 7. *Авдеев В. А.* Пролог исторической трагедии // Военно-исторический журнал. 1994. № 7.
 8. ЦАНО. Ф. 1611. Оп. 23. Д. 940.
 9. ЦАНО. Ф. 342. Оп. 1. Д. 4296.
 10. ГКУ ГАНО, г. Арзамас. Ф.9. Оп. 1. Д. 95.
 11. ЦАНО. Ф. 1611. Оп. 23. Д. 938.
 12. ГКУ ГАНО, г. Арзамас. Ф. 23. Оп. 1. Д. 908.
 13. ЦАНО. Ф.1611. Оп.23. Д. 909.
 14. ГКУ ГАНО, г. Арзамас. Ф. 21. Оп. 1. Д. 506.
 15. ГКУ ГАНО, г. Арзамас. Ф. 9. Оп. 1. Д. 83.
 16. ЦАНО. Ф. 1611. Оп. 23. Д. 714.
 17. ГКУ ГАНО, г. Арзамас. Ф. 23. Оп. 1. Д. 931.
 18. ЦАНО. Ф. 1611. Оп.23. Д. 761.
 19. ГКУ ГАНО, г. Арзамас. Ф. 9. Оп. 1. Д. 106.
 20. ЦАНО. Ф. 1611. Оп. 23. Д. 693.
 21. ГКУ ГАНО, г. Арзамас. Ф.21. Оп.1. Д. 514.
 22. ГКУ ГАНО, г. Арзамас. Ф. 2. Оп.1. Д. 892.
 23. ГКУ ГАНО, г. Арзамас. Ф. 9. Оп.1. Д. 103.
 24. ГКУ ГАНО, г. Арзамас. Ф. 21. Оп. 1. Д. 534.
 25. ГКУ ГАНО, г. Арзамас. Ф. 21. Оп. 1. Д. 507.

МЕРОПРИЯТИЯ НИЖЕГОРОДСКОГО ЗЕМСТВА ПО «ВОСПОСОБЛЕНИЮ АРМИИ» В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Д. А. Николаев, И. А. Хвостова
Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского
dmnikolaeff@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению специфики практической деятельности нижегородского земства в начальный период Первой мировой войны в рамках помощи армии и государству.

Ключевые слова: Нижегородское земство, Первая мировая война, Всероссийский Земский союз

Первая мировая война поставила перед всеми воюющими странами ряд совершенно новых задач, главнейшей из которых стала тотальная мобилизация экономики и максимально возможное подчинение нуждам фронта всей хозяйственно-экономической жизни государства. Не являлась исключением и Россия, в которой экономико-мобилизационные процессы инициировались не только сверху, но и на региональном уровне, в ходе выстраивания системы комплексного мобилизационного и военно-экономического обеспечения действующей армии. И если деятельность централизованных объединений и структур, координировавших соответствующую работу в пользу армии (Всероссийский союз городов, Всероссийский земский союз, Военно-промышленные комитеты и пр.), отражена в многочисленных публикациях – А. Б. Асташова [1], Ф. А. Гущина [2], П. А. Кюнга [3], А. А. Майорова [4], А. П. Погребинского [5], М. Ф. Юрия [6] и др., – то подобные аспекты в рамках Нижегородского региона редко привлекали внимание исследователей.

Изначально, с 1914 г., деятельность по мобилизации общественных сил в Нижегородской губернии стала прерогативой местных «филиалов» центральных организаций: городского общественного самоуправления, Нижегородского городского комитета Всероссийского союза городов (НГКВСГ), Нижегородского отделения Всероссийского земского союза (НОВЗС), Нижегородского биржевого комитета (НБК).

Первоначальными вопросами, которыми занимались упомянутые структуры, были: борьба с распространением «заразных заболеваний»; оказание помощи беженцам западных губерний Российской империи, на территории которых шли боевые действия; снабжение армии военным имуществом и, несколько позднее, – предметами непосредственного боевого обеспечения. В первые же месяцы войны нижегородской торгово-промышленной элитой, руководством общественных организаций было заявлено о «полном понимании» как характера войны, так и тех мер, которые необходимо принимать для успешного ее ведения.

Активную деятельность развернуло и нижегородское земство. Уже в начале войны в 1914 г. земские лидеры занялись разработкой конкретных планов по организации помощи армии и государству. На заседании губернского земского собрания 28 июля 1914 г. земские деятели, выслушав патриотическую речь губернатора и отправив императору телеграмму соответствующего содержания [7, с. 18], начали реализацию конкретных практических шагов в этом направлении. «Губернское земство, – как отмечалось в докладе губернской земской управы, – несомненно должно принять на себя заботу о размещении и лечении раненых и больных воинов... и участвовать в общеземской организации, которая проектируется московским губернским земством...» [8, с. 3]. Исходя из первоначально поставленных задач, нижегородское земство безоговорочно присоединилось ко «Всероссийскому земскому союзу помощи больным и раненым воинам», а также приняло решение о создании нижегородского губернского земского комитета как отделения «Всероссийского земского союза», а также уездных комитетов [8, с. 3].

Губернский земский комитет начал свою работу 31 июля 1914 года. Согласно постановлению губернского земского собрания в его состав вошли члены губернской управы, 10 гласных губернского земского собрания и приглашено по одному представителю от каждого из 11 уездных земств. Кроме того, в состав комитета вошли представители

нижегородского городского управления, санитарного бюро губернского земства и других организаций [7, с. 21].

Главной задачей губернского комитета являлось лечение раненых и больных. Первоначальные ассигнования на эти цели составили 25 тысяч рублей. При организации сети лазаретов губернский комитет руководствовался прежде всего соображениями о наиболее удобных транспортных маршрутах для перевозки раненых. Уездные земские комитеты, в свою очередь, изыскивали необходимые средства и предложили губернскому комитету открыть лазареты в Нижнем Новгороде «от имени уездов» [9, с. 47].

Деятельность комитетов, губернского и уездных, сразу же получила широкую поддержку различных слоев населения. От многих частных лиц, проживавших в уездных городах, были получены предложения по обустройству лазаретов в их частных домовладениях, но большинство предложений, ввиду удаленности многих населенных пунктов и неудобства, в связи с этим, транспортного сообщения, было отклонено [9, с. 48]. Значительные денежные суммы от нижегородского земства поступили на счета Всероссийского земского союза и губернского земского комитета (как местного отделения союза) – соответственно, 100 и 300 тысяч рублей. Деньги эти были изъяты из пенсионного земского капитала в виде займа на 25 лет [7, с. 21].

Деятельность губернского и уездных комитетов выразилась также в привлечении «местных сил и средств» и в организации иных видов помощи. Обращения комитетов к населению Нижегородской губернии вызвали целый поток добровольных пожертвований для нужд действующей армии; эти пожертвования носили, в основном, натуральный характер – одежда, продукты и пр., денежные пожертвования составили незначительную (на конец 1914 г.) сумму в 3604 рубля. Сбор пожертвований на местах осуществлялся специально созданными для этих целей организациями (волостные попечительства и пр.) [8, с. 4].

На денежные пожертвования от населения для раненых приобретались запасы белья и теплой одежды. Вещевые и продуктовые поступления немедленно, по получении их, направлялись в действующую армию. Необходимо также отметить факт тесного сотрудничества земских комитетов с так называемыми «дамскими комитетами», занимавшимися, в основном, изготовлением и поставками белья и перевязочных средств. Одной из важнейших задач губернского комитета

стала также помощь семьям военнослужащих, которая заключалась в выдаче денежных сумм и продовольственного пайка, компенсации расходов на содержание жилищ и т. п. Уездные комитеты, в свою очередь, подробнейшим образом выясняли количество нуждающихся и определяли виды помощи.

В первый год войны по губернии было мобилизовано 80 человек из числа земского «третьего элемента» (служащих по найму. – *Д. Н., И. Х.*). «В интересах земского дела, – как отмечалось в докладе губернской управы, – и в интересах справедливости необходимо за всеми призванными по мобилизации служащими сохранить места, которые они занимали до призыва, с полным окладом содержания для семейных и с половинным – для несемейных» [9, с. 25]. Обязанности земских служащих, призванных в армию, должны были выполняться лицами, остающимися на земской службе, чтобы тем самым «обойтись без приглашения временного персонала и тем самым избежать особых расходов» [9, с. 25].

По инициативе губернского дворянского собрания земство взялось за проектирование, постройку и содержание «школы-колонии» для солдатских детей с целью «обеспечить надежное воспитание потомков доблестных воинов» [9, с. 25], а также по инициативе так называемого «Александровского комитета попечения о раненых» занялось вопросами увековечения памяти жертв войны: «Александровский комитет полагал бы крайне желательным, чтобы умершие воины были хоронены в городах лишь на определенном кладбище и в определенном месте с сооружением на них часовен, крестов, памятников и пр., дабы такие особые братские кладбища... служили напоминанием последующим поколениям о жертвах великой европейской войны» [9, с. 44].

Беженцы, раненые и, особенно, инвалиды подлежали основной заботе земства. Беженцев размещали, как правило по уездам, стремясь найти им занятия по специальности. Для инвалидов войны в 1915 г. был открыт «Приют для увечных воинов имени генерал-майора Григорьева», где искалеченные в боях защитники Родины получали не только медицинскую и психолого-реабилитационную помощь, но и, в зависимости от тяжести увечий, приобретали новые трудовые навыки [10, с. 174]. По инициативе земского гласного А. А. Остафьева, нижегородским земством, одним из первых в стране, был организован так называемый «врачебно-питательный пункт», отправившийся непосредственно на поля сражений [7, с. 64].

Беспрецедентные по размаху боевые действия потребовали от России все более нарастающих усилий по снаряжению армии, и нижегородское земство начало активно содействовать военному ведомству – значительно ранее начавшейся мобилизации промышленности. Уже 17 июля 1915 г. чрезвычайное губернское земское собрание – в ответ на призыв Г. Е. Львова (председателя Главного комитета «Всероссийского земского союза») увеличить производство военного снаряжения – приняло решение об организации «Губернского земского комитета по снабжению армии» и привлечении к его работе «учреждений и лиц, кои по своим специальным знаниям могут быть полезными для дела комитета» [11, с. 469]. В состав комитета вошли: председатели всех уездных земских управ, городской голова, председатель правления «Нижегородского союза учреждений мелкого кредита», восемь человек гласных губернского земского собрания, директор механико-технического училища, председатель павловской кустарной артели, несколько земских инженеров, представители Русского технического общества и Нижегородского отделения Военно-промышленного комитета [11, с. 470].

12 июля 1915 г. председатель губернской земской управы П. А. Демидов разослал приглашения всем членам комитета с просьбой собраться для решения неотложных вопросов по оказанию помощи фронту. Первое общее собрание комитета состоялось 27 июля 1915 года. К этому времени уже была проведена большая подготовительная работа, а именно собраны сведения о наличии и состоянии производственных мощностей, которые могли быть использованы для военных нужд. Губернским комитетом было принято решение об организации на местах уездных и районных комитетов и предоставлении им широких полномочий для исполнения заказов [12, с. 242]. Кроме того, на заседании был заслушан доклад инспектора кустарного отдела губернской земской управы А. В. Вавулина о выполненных и планируемых военных заказах [12, с. 242]. В ходе последующего обмена мнениями представителей ведомств выяснилось, что Нижегородская губерния имеет достаточный промышленно-экономический потенциал и может снабжать армию большим ассортиментом продукции [10, с. 175].

Еще до создания вышеназванного комитета в период осени 1914 – зимы 1915 гг. нижегородское земство начало прямые поставки в армию полушубков (35 тысяч штук) и рогож (130 тысяч) [12, с. 242].

Общее руководство новой структурой осуществляла губернская земская управа. Непосредственные организационно-технические вопросы решали специалисты ряда отделов, на которые подразделялся комитет: металлопродукции, химических веществ и др. [11, с. 178]. Инженеры-специалисты несли персональную ответственность за выполняемые поручения.

Для выполнения военных заказов были задействованы как земские, так и частные предприятия: в Арзамасском и Балахнинском уездах Нижегородской губернии – механические мастерские, в Княгининском уезде – кузницы и т. п. Заказы выполнялись и разного рода «товариществами», артелями, торговыми домами, прочими объединениями. Например, Княгининское «картузно-шапочное товарищество» в кооперации с фабрикой Кондратова, «Торговым домом Г. А. Равкинда» трудились над выполнением почти 100 крупных заказов Главного интендантского управления [12, с. 243]. Кожевенные производства села Богородского изготавливали седла, хомуты, солдатские поясные ремни и прочие предметы военной амуниции. Огромное количество военных заказов (металлопродукции) получили заводы и мастерские села Павлово и десятков других населенных пунктов губернии.

Пакеты заказов формировали и рассылали на места такие ведомства, как Главный комитет Всероссийского земского союза, Всероссийский земский и Городской союзы, управление Верховного начальника санитарной и эвакуационной части, Главное артиллерийское управление, Московское окружное интендантское управление, Главное управление землеустройства и земледелия и другие структуры. В денежном выражении еженедельные военные заказы по губернии исчислялись в среднем в 300–400 тысяч рублей [12, с. 243].

При выполнении военных заказов действовала договорная система между заказчиком и исполнителем. Контроль за качеством изготовленной продукции и сроками ее поставок осуществляли особые комиссии из представителей заинтересованных ведомств, а впоследствии – и Военно-промышленных комитетов.

Нижегородское земство проделало огромную работу по вовлечению экономического потенциала губернии в дело помощи армии как в начальный период Великой войны, так и на всем ее протяжении. «В 1916 г. по количеству и объему выполненных заказов Нижегородский губернский земский комитет занимал первое место среди

87 губернских комитетов России, а в 1917 г. – второе, выпуская более 200 наименований продукции» [13, с.123].

Подводя итог рассмотрению деятельности земства Нижегородской губернии в начальный период Первой мировой войны, следует отметить, что масштабы и неутешительные промежуточные итоги военной кампании 1914–1915 гг. изменили характер отношений власти и общества. Из-за ошибок правительства в военном планировании армия через довольно короткое время столкнулась с дефицитом не только боевого, но и вещевого интендантского обеспечения. Видя неспособность власти быстро решить данную проблему, руководители общественных организаций, торгово-промышленных структур и органов местного самоуправления, во многом по собственной инициативе, приступили к работе, направленной на помощь воюющей армии. Нижегородская губерния оказалась в авангарде этого движения не только по времени начала «воспособленческой» деятельности, но и по размаху, с которым общественность губернии приступила к практической работе. Огромная заслуга в этом принадлежала земству, практически сразу создавшему на своей базе специальные органы, занимавшиеся работой по обеспечению нужд армии. Новые структуры, аккумулировавшие в себе, без преувеличения, лучший человеческий и экономический потенциал губернии, достигли в своей деятельности хороших результатов, заложив основу для грядущей работы последующих организационно-управленческих структур – Военно-промышленных комитетов.

Список источников и литературы

1. *Асташов А. Б.* Всероссийский союз городов. 1914–1918 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1994.
2. *Гущин Ф. А.* Военно-промышленные комитеты в годы Первой мировой войны: на материалах Нижнего и Среднего Поволжья: дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2004.
3. *Кюнг П. А.* Военно-промышленные комитеты как представительские организации российской буржуазии в 1914–1918 гг. // История предпринимательства в России XIX – начала XX вв. СПб., 2007.
4. *Майоров А. А.* Деятельность Земгора по оказанию помощи русской армии в годы Первой мировой войны (организация инженерно-строительных

- дружин и автомобильных колонн): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Орел, 1997.
5. *Погребинский А. П.* Военно-промышленные комитеты // Исторические записки. М., 1941. № 12.
 6. *Юрий М. Ф.* Буржуазные общественные организации в период Первой мировой войны 1914–1918 г. (Всероссийский земский союз, Земгор, Центральный военно-промышленный комитет): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Черновцы, 1990.
 7. Нижегородское губернское земское собрание 50-й очередной сессии 29 ноября – 8 декабря 1914 г., юбилейного заседания 28 июля 1914 г. и чрезвычайных сессий 27 мая и 28 июля 1914 г. Часть I. Журналы собраний и доклады комиссий. Н. Новгород, 1915.
 8. Доклад губернской земской управы «Об оказании помощи больным и раненым воинам и семьям призванных». Н. Новгород, 1915.
 9. Нижегородское губернское земское собрание 50-й очередной сессии 29 ноября – 8 декабря 1914 г., юбилейного заседания 28 июля 1914 г. и чрезвычайных сессий 27 мая и 28 июля 1914 г. Часть II. Доклады губернской земской управы. Н. Новгород, 1915.
 10. *Николаев Д. А.* Нижегородское земство в 1864–1918 гг.: обзор хозяйственной деятельности и анализ социально-политических инициатив: дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 1999.
 11. Нижегородское губернское земское собрание 51 очередной сессии 4 декабря и 15 декабря 1915 г. и чрезвычайных сессий 17 июня и 30 августа 1915 г. Часть II. Доклады губернской управы. Н. Новгород, 1916.
 12. *Николаев Д. А., Голубин Р. В.* Процесс мобилизации общественных сил Нижегородской губернии в начальный период Первой мировой войны // Доклады Академии военных наук. Военная история. 2006. № 5 (23).
 13. *Перчиков Ю. А.* Губернский земский комитет по снабжению армии в годы Первой мировой войны // Город славы и верности России. Материалы историко-краеведческой конференции, посвященной 775-летию Нижегородского Новгорода 26–27 апреля 1996 г. Н. Новгород, 1997.

ВЛИЯНИЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ НА РАЗВИТИЕ КОЖЕВЕННО-МЕХОВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ

С. М. Ледров

*Филиал НОУ ВПО «Институт государственного управления,
права и инновационных технологий» (Нижний Новгород)
sledrov@yandex.ru*

В статье рассматривается состояние кожевенного, овчинно-мехового и скоряжного производства в Нижегородской губернии в военный период. Определены особенности развития местных центров этой отрасли в условиях складывания системы государственного регулирования экономики. Особое внимание обращено на быстрый рост производительности кожевенных предприятий, участвовавших в выполнении заказов по снабжению армии. Определено место Нижегородской губернии в кожевенной промышленности России.

Ключевые слова: Первая мировая война, кожевенно-меховая промышленность Нижегородской губернии, кожевенное производство, овчинно-меховое производство, скоряжное производство, государственное регулирование экономики, государственная кожевенная монополия

Первая мировая война оказала колоссальное воздействие на экономическое развитие Российской империи. Масштаб военных действий, их длительность, огромная численность противоборствующих армий привели к необходимости создания системы государственного регулирования экономики, в первую очередь отраслей, поставлявших продукцию оборонного значения. Помимо производства вооружений и боеприпасов, химической промышленности к таковым относилась и кожевенно-меховая промышленность – особенно кожевенно-обувное и овчинно-шубное производства: выделанные кожи крупных сортов и овчина в большом количестве требовались для изготовления армейского обмундирования и кавалерийских принадлежностей. Все это не могло не сказаться на развитии центров кожевенно-меховой отрасли отечественной промышленности. В настоящей статье влияние Первой мировой войны на производственный потенциал кожевенно-

меховой промышленности рассмотрено на примере Нижегородской губернии.

Особое значение этого региона в данном случае определялось, во-первых, вековыми традициями выделки всех основных сортов кож и мехов (здесь было широко развито собственно кожевенное, а также овчинно-меховое и скорняжное производство); во-вторых, существованием Нижегородской ярмарки, на которой определялись цены на сырье, выделанные кожи и меха и изделия из них, привозимые на этот торг со всей России и из-за границы, и, в-третьих, наличием профессиональных учебных заведений по подготовке специалистов по кожевенному делу (Богородского ремесленного училища) и окраске мехов (Большемурашкинской школы инструкторов скорняжного производства).

В начале XX в. в Нижегородской губернии имелось девять центров обработки кож и мехов. Первым среди них следует назвать *село Богородское* Горбатовского уезда. По числу кожевенных предприятий оно не знало себе равных в России. К 1913 г. в селе было зарегистрировано 390 промышленных единиц кожевенного, посадного (изготовление выкроек для обуви), шорно-хомутиного (изготовление конской упряжи), рукавичного, подборного (изготовление подошв из обрезков кож для легкой обуви) и кошмоваленного производств. Кроме того, здесь проживало около двухсот кустарей-сапожников. Всего обработкой кожевенного сырья и изготовлением кожаных изделий в Богородском занималось 4620 рабочих и кустарей. Объем всей продукции определялся в 2,3 млн пудов на 21,2 млн руб. Доминирующим тут было собственно кожевенное производство, которое велось на 210 заводах с 1804 рабочими, выделавшими в 1913 г. 3 млн штук крупных и мелких кож общим весом 1,6 млн пудов и оценивавшихся (вместе со снятыми с них шерстью и мездрой) на 17,8 млн руб. Объем же сшитых богородскими мастерами готовых кожаных изделий равнялся 5,5 млн штук [1, с. 50].

Вторым по значимости местным центром выделки крупных кож (лошадей и коров) являлось *село Тубанаевка* Васильсурского уезда. Накануне Первой мировой войны в нем вместе с окрестными селениями значилось около 60 кожевенных предприятий, вместе поставлявших 250–300 тыс. штук кож в год. Правда, готовые изделия из них здесь не делали. В этом же уезде находилось село Юрино – крупнейший в России центр изготовления кожаных рукавиц (голиц) – около 50 кожевенно-рукавичных заведений. В период предвоенного

экономического подъема отсюда только на Нижегородскую ярмарку ежегодно доставлялось до 2 млн пар рукавиц на 800 тыс. руб.

Еще два центра кожеобработки располагались в Балахнинском уезде. Одним из них было село *Катунки*. Однако в начале XX в. производство выделанных опоек (телячьих кож) здесь, ввиду распространения в России импортного хрома, оказалось под угрозой полной ликвидации. Мастера из соседнего села *Городца* специализировались на выделке преимущественно бычьих кож на подошву. На 11 местных предприятиях в год их обрабатывалось до 50 тыс. штук.

Лидерами в выделке овечьих мехов в Нижегородской губернии являлись предприниматели из села *Большое Мурашкино* Княгининского уезда. В этом виде промышленного производства оно также имело всероссийскую известность. Здесь насчитывалось около 400 промышленных единиц, в которых за год обрабатывалось до 3,5 млн штук овчин для изготовления шуб, тулупов, шапок и воротников. Еще примерно 80 овчинных заведений имелось в селе *Монастырский Ватрас* Васильсурского уезда, по соседству с выше упомянутой Тубанаевкой.

В начале XX в. единственным городом Нижегородской губернии, имевшим кожевенно-меховую промышленность, являлся *Арзамас*. В нем значилось 5 заводов по выделке яловичных кож и 6 скорняжных фабрик, на которых обрабатывались заячьи, кошачьи и хорьковые меха. Многочисленные мелкие скорняжные заведения существовали и в ряде окрестных селений. В 1913 г. в Арзамасе и его округе только крашенных заячьих шкурок было поставлено на рынок в количестве 1 млн штук.

Как видим, производство кожевенно-меховых товаров в Нижегородской губернии было сосредоточено преимущественно в сельской местности, численно в нем преобладали мелкие промышленные заведения. Например, в Богородском к предприятиям фабрично-заводского типа официально относилось лишь 56 кожевенных заводов, в Большом Мурашкине – 28, но и они в большинстве своем имели незначительные объемы производства. Слабой оставалась механизация технологического процесса кожеобработки. В 1913 г. паровые, нефтяные или электрические двигатели общей мощностью 432 л.с. были установлены только на 30, или 14,2% богородских кожевенных заводах. Однако лишь на 9 таких заводах энергия пара использовалась непосредственно при выделке кож, на остальных двигатели применялись только для получения дубильного корья. Механические двигатели по-

явились и на самых крупных заводах Тубанаевки. В остальных местных центрах животное сырье обрабатывалось только вручную.

Война повлияла прежде всего на развитие собственно кожевенного производства, которое в кожевенно-меховой промышленности губернии играло решающую роль. Выделанные кожи крупных сортов для изготовления сапог и в мирное время закупали здесь, главным образом, представители московских фирм, выполнявшие казенные подряды по обеспечению армии. С началом же боевых действий заказы на дубленые кожи от военного интендантства еще более увеличились. Заводчики получали крупные авансы под выполнение таких заданий.

В дальнейшем военное ведомство и работавшие на него организации стали единственными легальными заказчиками выделанных кож крупных сортов. Осенью 1915 г. правительство установило фиксированные цены на кожевенные полуфабрикаты, используемые для изготовления солдатской обуви, и сырье для их производства (коровьи, конские, бычьи, буйволовые и верблюжьи шкуры) [2, л. 127]. По таким ценам государство должно было рассчитываться за военные заказы. Сбыт товара на сторону по завышенным ценам пресекался, нарушителю грозило тюремное заключение до полутора лет. А согласно обязательному постановлению военного министра и министра торговли и промышленности от 7 июля 1916 г. всем без исключения кожевенным заводчикам Российской империи вменялось в обязанность «производить выделку исключительно тех сортов кожевенного товара, которые потребны для нужд армии в количестве, отвечающем максимальной производительности завода» [3, с. 105].

Введение порядка обязательной сдачи наиболее ценных кожтоваров государству по фиксированным ценам и создание специальных контролирующих органов по сути означало установление государственной кожевенной монополии, которая де-юре была введена лишь законом Временного правительства от 21 апреля 1917 г. «О передаче кож в распоряжение государства» [4, с. 331].

Для соблюдения соответствующих правительственных решений в 1916 г. был создан государственный контролирующий орган – Комитет по делам кожевенной промышленности. А в регионах – районные кожевенные комиссии, в том числе и Нижегородская районная кожевенная комиссия при Заводском совещании Нижегородского района. В целях более четкой организации контроля над производством вся кожевенная

промышленность губернии была разделена на 4 района: Богородский, Тубанаевский, Катунско-Городецкий и Арзамасский. В первый район направлялось два представителя Кожкомиссии, в остальные – по одному [5, л. 15]. После объявления кожевенной монополии вместо Комитета по делам кожевенной промышленности появился Главный комитет по кожевенным делам (Главкож) из представителей министерств, общественных и профессиональных организаций. В Нижегородской губернии функции районной Кожкомиссии были переданы Нижегородскому районному комитету по кожевенным делам. Его первые отделения были созданы в Богородском и Тубанаевке.

Особое внимание к этим двум селам неслучайно. Ведь именно в них в губернии было сосредоточено основное производство яловичного мостовья (сорт кожи для верха солдатских сапог).

Естественно, что основная доля госзаказов на мостовье шла в Богородское. На их производстве специализировалось большинство местных промышленников. Кроме этого, к выделке крупного сырья стали привлекаться предприниматели, ранее занимавшиеся шорно-сыромятным и рукавичным производством. Крестьянский шорный товар (конская упряжь), который выпускался в Богородском, для обеспечения кавалерии не годился, поэтому госзаказ на него тут был небольшой. Кроме того, сократился и рыночный спрос на упряжь – лошадей в деревне забирали на нужды армии. Рукавичное же производство, из-за малой доходности считавшееся здесь невыгодным еще в довоенный период, во время войны при переориентации богородской промышленности исключительно на выпуск крупных кож, вообще утратило стимул к дальнейшему развитию.

В итоге в начале 1916 г. в Богородском действовало 240 кожевенных предприятий. Рабочих-кожевников насчитывалось 1600 человек. Кроме них имелись артели мастеров-подходчиков (занимались отделкой дубленых кож) – около 500 человек, которые работали по очереди на всех заводах [6, с. 1, 3].

Ежегодный объем выделки яловичного мостовья в Богородском в 1916 г. определялся в 2 млн штук. Достигнуто это было, прежде всего, за счет продуктивной работы заводов с паровыми и электрическими двигателями. Число таких заведений увеличилось до 45. Однако на них было сосредоточено почти 60% наемных рабочих-кожевников. В среднем же на одном таком заводе числился 21 рабочий [подсчитано по: 6, с. 5–26].

Крупное производство быстро расширялось. Так, если перед войной на шести ведущих богородских заводах, на которых дубление кож велось не только вручную в чанах, но и в более производительных вращающихся дубильных барабанах, числилось 188, то в 1915 г. – уже 345 рабочих [7, л. 46–48]. Вдвое – до 100 человек, увеличилось число постоянных рабочих на заводе Алексея Васильевича Александрова. На этом предприятии стояло 110 чанов и 4 дубильных барабана. Мощность силовых установок за счет приобретения трех электромоторов увеличилась с 35 до 67 лошадиных сил. Ежегодная производительность завода достигла 90 тыс. штук кож [8, л. 56 об. – 58]. Стоимость выпущенной в 1915 г. на заводе А. В. Александрова продукции официально оценивалась в 455,5 тыс. руб. Это был самый большой доход среди кожевенных промышленников губернии.

Производительность заводов М. В. Русинова (60 рабочих, 85 чанов и 2 барабана), И. Я. Равкинда (60 рабочих, 77 дубильных чанов и 3 барабана) и И. В. Хохлова (50 рабочих, 36 чанов и 3 барабана) оценивалась в 150–200 тыс. рублей.

Необходимость достижения максимальной производительности способствовала расширению использованию более совершенного экстрактного способа дубления крупных кож. Вместе с тем некоторые предприниматели, выполняя военные заказы по поставке мостовья, активно и успешно занимались внедрением технологии выделки хромовых кож из шкур телят, овец и коз. Так, в мае 1915 г. богородский промышленник И. В. Хохлов принял решение о строительстве специального предприятия по выпуску хрома. Исполненный патриотических чувств, он писал, что этот завод должен был стать «первым в России по производству хромовых кож и наискорейшая постройка его необходима в целях борьбы с германским засильем в кожевенном деле» [9, л. 1].

Раньше мелкое кожевенное сырье в основном отправлялось в Германию. Однако с прекращением экспорта склады Нижегородской ярмарки оказались затоваренными им. Между тем монополия на мелкие кожи не распространялась. Заводчики могли выделывать их для свободной продажи и получать дополнительную прибыль. К концу 1917 г. выделкой хрома занимались 14 богородских промышленников. Однако, имея возможность ежегодно поставлять 1 млн штук хромовых кож, они выпускали их чуть больше половины этого количества [10, л. 1– 2].

На первом плане оставались выделка крупного кожевенного товара и изготовление из него вещей для армии. Например, И. Я. Равкинд, помимо производства дубленых кож, стал выполнять заказы на поставку кавалерийских седел, над изготовлением которых трудилось 250 мастеров (частично в мастерских при заводе, частично на дому) [11, л. 15 об.].

Большую работу по организации изготовления патронных сумок и солдатских ремней проводил Богородский военно-промышленный комитет. В конце 1915 г. при нем была организована амуничная мастерская с тремя электромоторами. Первоначально в мастерской было занято до 50 человек, а в 1916 г. постоянных работников стало 282. Но в это число были включены только мастера по отделке, раскрою и штамповке кож, приему и выдаче материалов, машинному шитью готовых изделий. Кроме них ручным шитьем занималось еще 1000 швей-надомниц. По первому оборонному заказу в ноябре 1915 – июле 1916 г. мастерская должна была приготовить 525 тыс. сумок и 782,8 тыс. ремней [12, л. 28].

В период Первой мировой войны круг участников кожевенного производства в Богородском был расширен за счет появления здесь беженцев из Польши, Белоруссии и Прибалтики – районов с развитой кожевенной промышленностью. Среди них оказались как предприниматели (они арендовали в Богородском бездействовавшие заводы), так и десятки квалифицированных рабочих. К лету 1916 г. выходцы из западных губерний Российской империи арендовали здесь 12 предприятий, на которых кроме местных было занято 244 рабочих из числа беженцев [подсчитано по: 13]. Во многом благодаря им и происходило внедрение технологических новшеств, о которых сказано выше.

Усиленный спрос на яловичное мостовье для нужд армии оживил кожевенное производство в Тубанаевском районе. Представитель Нижегородского военно-промышленного комитета, посетивший этот район в марте 1916 г., писал: «1–1,5 года тому назад производство на заводах Тубанаевки и Ватраса падало, заводы разваливались; теперь выстроены новые заводские корпуса, производительность увеличилась примерно в два раза» [14, л. 6]. В 1915 г. здесь имелось 59 предприятий (в том числе 49 – в Тубанаевке), оснащенных 900 дубильными чанами и 3 барабанами. Годовая выработка кож на них действительно удвоилась, достигнув 500 тыс. штук, а общее число рабочих составило 520 человек [6, с. 1]. Из них 184 работника (35,4%) трудилось на четырех ведущих местных заводах с паровыми двигателями.

Лидером тубанаевских промышленников являлся Александр Иванович Копашин. Если в 1913 г. на него работало 29 человек, то два года спустя – 70, а в 1916 г. – уже 118 наемных рабочих [12, л. 5 об.]. Кожи дубились в 101-м чане и в трех барабанах. Мощность заводской паровой машины составляла 32 л. с. Все это позволило промышленнику довести производительность своего предприятия до 80 тыс. штук кож в год, что составляло 20% мостовья, выпускаемого в период войны в Тубанаевском районе [15, л. 25 об. – 29].

Завод А. И. Копашина, как и завод А. В. Александрова в Богородском, резко выделялся своими размерами среди остальных тубанаевских предприятий. За ним по степени значимости следовали заводы И. М. Ильичева, И. И. Токарева и И. И. Баданова, на которых трудилось соответственно 45, 40 и 29 наемных рабочих и было установлено 67, 65 и 38 чанов [6, с. 33–38].

Вклад в выполнение военных заказов кожевенных промышленников Балахнинского уезда был менее значителен. Как сказано выше, крупные кожи там выделявали только в Городце, в котором в 1915–1916 гг. действовало 12 кожевенных предприятий с 98 наемными рабочими и 164 чанами [16, л. 22]. Всего выделялось 30 тыс. штук полуважных кож на подошву. Самый богатый местный предприниматель Иван Иванович Галактионов в конце 1915 г. первым из городецких кожевенных промышленников установил на своем заводе паровой котел и газогенераторный двигатель в 32 л. с. Число рабочих на заводе Галактионова через год увеличилось с 16 до 22 человек.

В Катунках к концу 1915 г. действовало семь кожевенных предприятий, оснащенных 50 чанами. Рабочих насчитывалось 65 человек. Предполагалось, что вместо опойков здесь ежегодно будет вырабатываться 30 тыс. штук юфти-мостовья [16, л. 10 об., 20, 21]. Однако полного перепрофилирования местного производства под выпуск «военных» сортов кож не произошло. Вода из местных источников, подходившая для выделки тонких телячьих кож, оказалась слишком мягкой для получения качественных полуфабрикатов из шкур взрослого скота. Поэтому катунцы на протяжении всего военного времени продолжали выделять в основном опойки для частного потребителя. Летом 1917 г. на одном местном заводе с 12 рабочими, выкупленном Нижегородским ВПК, в различных стадиях выделки находилось 3300 штук яловичных и конских кож. На четырех же частных

кожевенных предприятиях села по-прежнему обрабатывались почти одни опойки – в количестве 23,8 тыс. штук [17, л. 9–13].

Кожевенные заводы города Арзамаса в Первую мировую войну были ориентированы на выполнение заказов по изготовлению вытяжек – кроеных деталей для солдатских сапог. Общий объем выделываемых для этих целей кож неизвестен. Самым крупным являлся завод купчихи Марии Петровны Бебешинной. В 1916 г. под ее руководством трудилось 163 человека, среди которых было 25 пленных солдат-австрийцев [8, л. 36 об.]. На три других местных кожевенных завода нанималось от 5 до 15 человек [18, л. 7–8].

Усиленный спрос на выделанные кожи крупных сортов способствовал появлению в Нижегородской губернии нового центра кожевенной промышленности. В 1917 г. вступил в строй действующих завод Шалыгина и Вяхирева в с. Карповка Балахнинского уезда (в наст. вр. в черте Нижнего Новгорода). Предприятие было оснащено 42 дубильными чанами, нефтяным двигателем и паровым котлом. Среднее число рабочих – 30 человек. Проектная мощность завода составляла 25 тыс. штук кож в год.

Единственным центром кожевенного производства Нижегородской губернии, даже частично не привлеченным к изготовлению яловичного мостовья, являлось село Юрино Васильсурского уезда. Местных заводчиков «спасла» их ориентация исключительно на выделку голых (без сохранения шерсти) овчин. Осуществить быстрый переход на другой вид сырья здесь было трудно (отсутствовали и опыт, и необходимые средства производства), так что и в войну юринцы продолжали шить только голицы.

В 1915 г. на 47 местных кожевенно-рукавичных предприятиях с 441 дубильным чаном было выделано 400 тыс. овчин на 1,2 млн пар голиц [6, с. 38–39]. Государственная монополия на такую продукцию не распространялась, поэтому рукавицами можно было свободно торговать. В то же время в Юрино поступали и госзаказы, но по ним распределялась лишь треть производства, а основная часть рукавиц предназначалась для рыночной продажи. Государственные контракты выполняли только три промышленника, в том числе и один из крупнейших в России поставщиков кожаных рукавиц Михаил Гаврилович Кислов. В 1915 г. под его началом трудилось 125 заводских рабочих и 800 швей-надомниц. Производительность завода составляла 117 тыс.

овчин на 350 тыс. пар рукавиц (почти треть их местного производства). 75% выпускаемой продукции промышленник поставлял в счет госзаказа [6, с. 38]. Эти рукавицы предназначались для рабочих 13 оборонных предприятий и железных дорог, в том числе Русско-белгородского металлургического общества, Общества русских трубопрокатных заводов, Сормовского и Путиловского заводов и др. [19, л. 1об. – 2]

По сравнению с довоенным периодом изготовление рукавиц в Юрине постепенно сокращалось. Например, уже в 1915 г. местные предприятия работали в 1,3 раза ниже своей мощности. Однако темпы такого сокращения были не столь высоки, как в Богородском, где большинство рукавичных предприятий переходило на выделку крупных кож. Резкое снижение выпуска рукавиц в Юрине (примерно вдвое) произошло только в 1917 г. К этому привела нехватка сырья (овчины в основном стали использовать для изготовления солдатских полушубков, поэтому юринцы должны были получать разрешения на покупку овечьих шкур и наряды на их вывозку с мест заготовок, что давалось не всегда легко) и рабочих рук (местные рабочие, в отличие от рабочих других центров кожевенной промышленности, не имели отсрочки от призыва на фронт). Вследствие чего с января по май 1917 г. местные предприятия вообще бездействовали [20, с. 98].

В целом же высокая востребованность со стороны военного ведомства продукции, поставляемой кожевенной промышленностью губернии, отдаленность ее от линии фронта, удобное географическое положение с точки зрения обеспечения сырьем (к концу лета 1917 г. запасы кожевенного сырья в Европейской России оценивались в 14,7 млн штук кож, в том числе 3,6 млн штук (25%) оказалось сосредоточено в Нижегородской губернии [1, с. 53]), наличие квалифицированных трудовых ресурсов, пополняемых профессиональными кадрами из западных регионов, способствовали росту значения Нижегородчины в кожевенном производстве России, что подтверждается статистическими данными из различных источников. Так, в 1916 г. из 936 членов Всероссийского общества кожевенных заводчиков, на чьих предприятиях трудилось 31 417 рабочих и было выделано 13 млн штук кож, главным образом обувных сортов, 204 промышленника проживали в Нижегородской губернии. На долю последних приходилось 2566 рабочих и 1,7 млн штук кож, соответственно 22 и 13% [21]. А по результатам Всероссийской кожевенной переписи 1 сентября 1917 г. в стране

было учтено 4647 кожевенных предприятий с месячной выработкой в 2,7 млн штук кож. В Нижегородской губернии оказалось 435 (9,4%) предприятий, на которых в месяц выделялось 0,4 млн (15%) штук кож [1, с. 53]. Примечательно, что на долю лучше оборудованных кожевенных заводов Московской и Петроградской губерний, которые в довоенное время являлись отраслевыми лидерами, в 1917 г. вместе приходилось 17% общей производительности всех кожевенных заводов Европейской России.

Специфика военного времени сказалась и на деятельности овчинно-мехового производства в Большом Мурашкине, хотя в первый военный год эта отрасль по-прежнему работала на частный рынок. Ведущее положение здесь занимали семьи Панышевых, Моневых, Балиных и Оленичевых, каждой из которых принадлежало по несколько предприятий. Самыми большими являлись овчинно-мерлушечные заводы Д. И. Панышева (12 рабочих, сумма производства 37 тыс. руб.), наследников И. Д. Монева (30 рабочих, 27 тыс. руб.), торгового дома «М. И. Балин с Сыновьями» (22 рабочих, 25 тыс. руб.), И. В. Оленичева (17 рабочих, 22,2 тыс. руб.) [22, л. 8].

Положение изменилось в сентябре 1915 г., когда большемурашкинские предприниматели обязаны были приступить к выполнению заказа на изготовление солдатских полушубков. Для этого в село, через комитет великой княгини Марии Павловны, поступило 400 тыс. штук овчин, закупленных в Болгарии. Выработка товаров для свободной продажи резко сократилась [23, с. 148–149]. С января 1916 г. местные мастера, выполнявшие государственный заказ, получили право на отсрочку от военной службы. Более того, в Мурашкино были присланы овчинники, призванные на военную службу из других мест губернии. Весной 1916 г. в селе возникло отделение Нижегородского губернского ВПК, которое организовало закупку сырья в Сибири. Выполнение госзаказа на полушубки планировалось закончить к 1 августа 1916 г. Однако осенью этого года мурашкинские мастера получили новый заказ.

К изготовлению солдатских полушубков были привлечены и промышленники из села Монастырский Ватрас Васильсурского уезда.

Что касается скорняжного производства в Арзамасе и его округе, то в годы Первой мировой войны оно оказалось вне числа приоритетных отраслей. Многие сборщики мелкого мехового сырья, а также сами мастера по выделке заячьих и кошачьих шкурки были мобилизованы

на фронт. Так что уже с осени 1914 г. и особенно в 1915 г. объемы производства на арзамасских скорняжных фабриках и в кустарных мастерских стали уменьшаться [24, с. 188, 190]. В 1916 г. к этому добавился дефицит красителей, поэтому крупные арзамасские промышленники вовсе отказались от выделки крашеной зайчины [23, с. 121]. Ее продолжали вырабатывать только кустари. Однако качество продукции снизилось, так как мелкие предприниматели использовали залежалые краски, да и красили шкурки слишком поспешно, рассчитывая поскорее сбыть меха скупщикам. В 1917 г. выработка заячьих мехов в Арзамасе составила лишь 30% от довоенного уровня [20, с. 70].

Таким образом, в период Первой мировой войны кожевенно-меховая промышленность Нижегородской губернии, оставаясь частной по существу, развивалась под сильным воздействием складывающейся системы государственного регулирования экономики. Военные заказы стали главным регулятором спроса на ее продукцию. Исключительное развитие получило прежде всего собственно кожевенное производство, ориентированное на выделку кожевенных полуфабрикатов, из которых шилась солдатская обувь. Это способствовало возникновению нового центра кожеобработки (в Карповке), а также промышленному подъему в ее главных старых центрах (Богородском и Тубанаевке) и одновременно вело к дальнейшей концентрации производства в руках ведущих предпринимателей. В период Первой мировой войны Нижегородская губерния стала самым крупным поставщиком выделанных кож обувных сортов в России. С другой стороны, переход преимущественно на выделку стратегического кожевенного сырья привел к сокращению объемов производства остальных сортов кожевенных полуфабрикатов. В частности не в полной мере стал использоваться потенциал овчинно-рукавичного и хромового производства. В меховой отрасли в военное время, благодаря армейским заказам, приоритет получило овчинно-шубное производство в Большом Мурашкине, а выделка арзамасского скорняжного товара резко сократилась.

Список источников и литературы

1. Шеломаев В. П. Кожевенная промышленность Нижегородской губернии: исторический очерк и перспективы. Н. Новгород, 1928.

2. Центральный архив Нижегородской области (далее – ЦАНО). Ф. 441. Оп. 1. Д. 6.
3. ЦАНО. Ф. 431. Оп. 296. Д. 344.
4. Архив новейшей истории России: Журналы заседаний Временного правительства: Март-октябрь 1917 года. В 4-х т. Том 1. Март – апрель 1917 года / отв. ред. тома Б. Ф. Додонов; сост. Е. Д. Гринько и О. В. Лавинская. М., 2001.
5. ЦАНО. Ф. 441. Оп. 1. Д. 158.
6. Кожевенные заводы Нижегородской губернии (Доклад Нижегородского биржевого военно-промышленного комитета Заводскому совещанию Нижегородского района). Н. Новгород, 1916.
7. ЦАНО. Ф. 457. Оп. 324-а. Д. 21.
8. ЦАНО. Ф. 441. Оп.1. Д. 131.
9. ЦАНО. Ф. 5. Оп. 51. Д. 24393.
10. ЦАНО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 61.
11. ЦАНО. Ф. 441. Оп.1. Д. 53.
12. ЦАНО. Ф. 457. Оп. 324-а. Д. 21. Л. 28.
13. ЦАНО. Ф. 5. Оп. 51. Д. 25557.
14. ЦАНО. Ф. 431. Оп. 296. Д. 84.
15. ЦАНО. Ф. 432. Оп. 297 Д. 210.
16. ЦАНО. Ф. 441. Оп. 1. Д. 6.
17. ЦАНО. Ф. 432. Оп. 297. Д. 113.
18. ЦАНО. Ф. 42. Оп. 3. Д. 898.
19. ЦАНО. Ф. 441. Оп. 1. Д. 44.
20. Отчет о ходе торговли на Нижегородской ярмарке за 1917 год. М., 1918.
21. Статистический очерк кожевенной промышленности и торговли / сост. В. И. Шарый. Пг., 1917. Приложение.
22. ЦАНО. Ф. 42. Оп. 3. Д. 900.
23. Отчет о ходе торговли на Нижегородской ярмарке за 1916 год. М., 1917.
24. Отчет о ходе торговли на Нижегородской ярмарке за 1915 год. М., 1916.

НИЖЕГОРОДСКИЕ «ЧЕРНОСОТЕНЦЫ» В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В. П. Сапон

*Нижегородский государственный педагогический
университет им. Козьмы Минина
ikraeved@yandex.ru*

В статье описывается деятельность нижегородских правомонархических организаций в годы Первой мировой войны, дается оценка идейно-пропагандистской работе ведущего печатного органа местных «черносотенцев», газеты «Козьма Минин», анализируются причины стремительного упадка некогда влиятельной общественно-политической силы.

Ключевые слова: Первая мировая война, Союз русского народа, газета «Козьма Минин», Нижегородская губерния

По всем формальным признакам идейное монархистское движение в Нижегородской губернии предвоенного периода было довольно многочисленным и влиятельным [см., напр.: 1, с. 69–72], однако на деле так называемые *черносотенцы*¹ переживали такой же болезненный период организационного разброда и шатаний, как и их соперники на крайнем левом фланге. Так, в самом Нижнем Новгороде за право именоваться губернским отделом Союза русского народа (далее – СРН) боролись несколько организаций: «Нижегородский губернский Георгиевско-Мининский Союз русского народа»² и Союз «Белое

¹ Кстати, сами монархисты не видели никакой негативной коннотации в придуманном для них политическом ярлыке. «Черные сотни – это простой бедный, мирный народ: крестьяне, мещане, мелкие торговцы, мелкие чиновники (последних немного) и несколько высших по рангу лиц, преданных и верных до последней капли крови своему Царю. Помазаннику Божиему, своей Вере, Родине и русскому народу...» – отмечалось, например, в газете «Козьма Минин» 25 апреля 1915 года.

² Создан 1 декабря 1913 г. путем объединения Нижегородского губернского Георгиевского отдела СРН и Нижегородского Мининского союза русского народа. В правление вошли почетный председатель священник о. Петр Ласточкин и действительный председатель Михаил Владиславович Стебик [2, с. 251]. О Мининском Союзе русского народа см.: 3, с. 216–222.

Знамя», созданный еще в годы Первой русской революции, но к 1911 г. насчитывавший не более 10–15 активистов [2, с. 245–247]³. Кроме того, в январе 1914 г. начал свою деятельность Нижегородский губернский отдел Всероссийского дубровинского СРН во главе с нота-риусом Иосифом Васильевичем Одинцовым [2, с. 261–262].

Не блестяще обстояли дела в уездных и поселенческих организациях монархистов. Например, в с. Просека Макарьевского уезда списочный состав местного отдела СРН включал 42 человека. Однако за период с 1908 по 1911 г. здесь прошло всего два общих собрания «союзников», причем, как сообщал уездный исправник в 1911 г., «ни печати, ни наличных сумм отдел не имеет, а имеет лишь знамя с надписью “За веру, царя и отечество”» [2, с. 247–248].

Сами «черносотенцы» признавались, что их движение в предвоенные годы переживало не самые лучшие времена: после преодоления последствий Первой русской революции на «гибких в убеждениях и в совести карьеристов», их газеты и партии полился поток наград, поощрений и денежных субсидий, в то время как на активистов Союза русского народа и правые периодические издания начались неприкрытые гонения. «Мог ли при таких условиях процветать и греметь Союз русского народа в настоящее время? Но Союз, все же, делает по всей России свое патриотическое дело, собирая массы жертв, разогревая в народе патриотизм, жертвуя на полях сражений жизнью миллионов своих членов, отцов, братьев и детей этих членов, посылая своим родным в армию часто последние свои достатки деньгами и посылками, жертвуя союзниками (т. е. членами Союза русского народа. – В. С.) на каждом шагу: в кружки, в комитеты, в лазареты и пр., но все это замалчивается левыми газетами» [4], – отмечалось в нижегородской газете правого толка в апреле 1915 года.

Общественно-массовая работа «союзников» представляла собой преимущественно участие в разного рода религиозных и верноподданнических акциях. Монархисты регулярно организовывали многолюдные мероприятия по случаю дней рождения и тезоименитств членов царской семьи, разного рода религиозных праздников, памятных дней, связанных с именем Козьмы Минина. Настоящий смотр «черносотенных» сил прошел во время посещения Николаем II Саровской пустыни

³ Председателем Совета отдела белознаменцев был избран мещанский староста Константин Павлович Одинцов, который стоял у истоков этой организации в 1905–1906 гг.

в июне 1913 г.: около Саровского монастыря императора встретили около 150 тысяч человек, значительная часть которых состояла в соответствующих общественно-политических организациях [1, с. 69–70]. Впрочем, для самостоятельного (т. е. без государственного финансирования) проведения активной массовой работы у «союзников» было не так уж много организационных возможностей. Например, Нижегородский губернский отдел Всероссийского дубровинского СРН «резких проявлений в виде манифестаций, обременяющих понапрасну полицию, [...] не допускал»; действия активистов этой организации, «как настоящих монархистов, были мирны, тихи, бесшумны, только письменные, о которых сообщалось немедленно полиции» [2, с. 262]. «В летнее время мы не собирались по случаю сельских работ и Нижегородской ярмарки. Теперь же не собираемся по случаю войны и по бедности союзников» [2, с. 262], – писал лидер нижегородских дубровинцев И. В. Одинцов в ноябре 1914 года.

Одним из главных направлений деятельности российских консервативных сил в предвоенный и военный периоды по-прежнему оставалась идеологическая война с политическими противниками – либералами и социалистами. Ведущим периодическим изданием правомонархистского направления в Нижнем Новгороде стала газета «Козьма Минин», популярность которой среди нижегородцев стабильно росла. В частности, тираж этой газеты составил: в конце 1914 г. – 750, осень 1915 г. – 1200, осень 1916 г. – 1400 экземпляров [5, с. 128].

Накануне Первой мировой войны нижегородских «союзников» обеспокоил подъем забастовочного движения на предприятиях страны. Так, 12 июля 1914 г. газета «Козьма Минин» с сарказмом отметила, что рабочие Санкт-Петербурга, Москвы и других промышленных центров, предводительствуемые социал-демократами, «снова [...] взялись за свои утопические планы» [6]. При этом вожди социал-демократического движения вовсе не стремятся проводить в жизнь положения своей партийной программы, поскольку разрушительные последствия забастовочного протеста подрывают основы капиталистического строя и таким образом «отодвигают момент наступления будущего социалистического царства». Главные цели «шайки демократов» носили, по убеждению автора черносотенной газеты, откровенно криминальный характер: «Их задача будировать рабочую массу, подстрекать ее на убийство, грабежи, разбои, на хулиганские

демонстрации, а в конце концов добиваться того, чтобы эта масса оказывалась за бортом рабочей жизни; из кадра забастовщиков пополняется армия бродяг, воров, золоторотцев и прочих подонков общества. В массе забастовщиков уже и теперь появляются эти типы; они бьют физиономии, ломают головы, опрокидывают и поджигают их, кидаются голышами. И такое хулиганство называется прогрессивными газетами – эксцессами» [6].

Позднее та же газета выдвинула дополнительные обвинения в адрес экономических забастовок, «под ширмою которых скрывался политический смысл» [7]. «Оказывается, – писал некий *Сормовец* 2 августа 1914 г., – забастовки созданы были и поддерживались немцами с целью воспользоваться ими для завладения русскими землями. На чердаке германского посольства обнаружены сундуки возмутительных прокламаций, призывающих рабочих к забастовкам и революции; тут нашли склад с оружием». «Надеясь на эти забастовки, немцы объявили нам войну, но, как оказывается, глубоко ошиблись. Рабочие сплоченными рядами встали на защиту родины и, вероятно, из этого примера будут знать раз и навсегда, что они часто являются игрушкой иностранной политики» [7], – с удовлетворением отметил сормовский «союзник».

Действительно, в первые недели и месяцы войны страна была охвачена патриотическим подъемом, который на время нейтрализовал все прежние протестные и оппозиционные настроения. Например, либералы-кадеты устами товарища председателя КДП-ПНС В. Д. Набокова заявили о своей политической лояльности, подчеркнув, что «выше отдельных политических идеалов, выше субъективных оценок режима и лиц стоит одно: жизнь и величие Родины» [8].

Резко упал политический рейтинг тех левых сил, которые не поддержали военного курса российского правительства [5, с. 42–46]. Именно по этой причине в начале военных действий «черносотенцы» поначалу списали социалистов с политических счетов, уверовав, что «теперь все бросили социалистические бредни» [9]. «Русские социалисты, – отмечал в первые месяцы войны нижегородский правый литератор М. А. Ярочкин, – как уже известно, были проповедниками не только наступления своего утопического рая, но и пропагандистами так называемого интернационализма, т.е. полного разоружения армии и флота, отрицания патриотизма и ненависти к родине, ко всему русскому и самобытному.

Такая пропаганда проникла и в армию, последствием которой были нежелательные явления». В публицистическом запале он заявил: «Развращающая русский народ, наши социалисты готовили его к немецкому рабству под командою варвара Вильгельма» [9].

В этих условиях только монархизм представлялся консервативным силам залогом победы Российского государства. «Настоящая война, угрожающая всей нашей жизни и собственности, раскрыла глаза русскому обществу, пробудила в сердцах всех любовь к родине и Царю. И это вполне естественно. Только Самодержавие русского Царя спасет народ от гибели» [9], – оптимистично заявил автор нижегородской монархистской газеты в октябре 1914 года.

Объединение самых разных сословий и классов Российской империи перед лицом общего врага стимулировало своего рода эйфорию в стане идейных монархистов. Так, газета «Козьма Минин» 26 июля 1914 г. поместила статью, которая представляла собой, по сути, настоящее стихотворение в прозе. «...Мы – русские, – провозглашалось в этой публикации. – И сердце наше бьется в унисон с сердцем и державной волей Боговенчанного Белого Царя. И мы не кидаемся выбирать из банков своих сбережений, а, объединяясь в одном патриотическом настроении, гордые и спокойные, торжественно и радостно поем святую молитву: Спаси Господи, люди твоя!

Это стихия, но русская стихия. В великий момент власть, опирающаяся на редкое единение с народом, напоминает о необходимости сдержанности и спокойствия. И мы все понимаем, как необходима сдержанность в эти дни. Но океан святых патриотических настроений захлестывает, уносит, убаюкивает. Вид военного мундира электризует и действует на толпу. Такой святой, живой связи штатского мира с доблестными защитниками отечества не проявлялось в этом веке. Все объединились в одном помысле: и генерал, и рабочий, и студент, и украшенный русским значком “союзник”, и женщины, и дети, и безывестный гражданин, и богатый купец, и священник, и важный чиновник.

Волшебная картина. Братский мир и согласие внутри России, ну конечно, этого надо было ожидать. Надо было, чтоб солнце озарило сумерки, чтобы сгнуло подавленное, нудное настроение, чтобы вспорхнул, расправляя крылья, русский орел, ожила святая Русь» [10].

На этом вдохновляющем психологическом фоне общественная активность нижегородских отделов Союза русского народа заметно повышается.

Так, 22 июля 1914 г. в помещении Георгиевского-Мининского СРН перед открытием собрания совета организации состоялся молебен о ниспослании победы русскому воинству. После окончания молебна участники мероприятия многократно исполнили народный гимн «Боже, царя храни» и постановили послать на Высочайшее имя телеграмму «с выражением верноподданнических чувств и пожеланием победы над коварным врагом» [11].

27 июля 1914 г. из Кафедрального собора прошел крестный ход к памятнику Александра II на Благовещенской площади, где, по инициативе Нижегородского общества хоругвеносцев, был совершен молебен о даровании победы российскому воинству. Во время молебна провели сбор в пользу семей нижегородцев, принятых на действительную воинскую службу. По окончании молебна видный монархист Г. М. Стрелков произнес патриотическую речь, поддержанную дружным «ура» и криками: «Да здравствует Россия, Франция, Англия и Сербия! Долой Германию и Австрию!» Закончилась массовая акция многократным исполнением «народного гимна» [11].

30 июля 1914 г. по случаю дня рождения цесаревича Алексея в помещении Нижегородского губернского Георгиевско-Мининского СРН в присутствии членов союза и большого количества сочувствующих был отслужен молебен «о здравии Государя Императора и всего Царствующего Дома». По окончании молебна нижегородские «союзники» огласили текст верноподданнической телеграммы на имя императора и несколько раз исполнили «народной гимн». После чего народная масса под руководством председателя Георгиевско-Мининского отдела СРН М. И. Стебика прошла по улицам Сергиевской, Ильинской, Малой и Большой Покровской, Осыпной к дому владыки Иоакима, где были произнесены патриотические речи и исполнены соответствующие песни. Затем манифестанты прошли на Благовещенскую площадь к памятнику Александра II, где также прозвучала «краткая, но горячая речь». Отсюда шествие из нескольких тысяч нижегородцев проследовало к резиденции губернатора В. М. Борзенко. Губернатора приветствовал почетный председатель Георгиевско-Мининской организации СРН священник П. И. Ласточкин. «В своей речи, обращенной к г. губернатору, он охарактеризовал те великие события, которые в настоящее время происходят в Европе и, указывая на громадную, покрывавшую всю Дворцовую площадь, толпу манифестантов произнес, что перед

Его Превосходительством находятся потомки великого гражданина земли русской Козьмы Минина Сухорука, дух которого живет в них и по сей день, и что они во всякое время готовы последовать примеру их великого предка – заложить жен и детей на защиту обожаемого Монарха и дорогой родины.

В своей ответной речи г. губернатор благодарил нижегородцев за их преданность и то горячее единодушное участие, с каким отнеслись они к наступившим событиям, после чего, по предложению г. губернатора, был несколько раз исполнен народный гимн и провозглашено “ура” в честь Государя императора, Наследника Цесаревича, славного русского войска, нижегородцев и г. губернатора» [11]. После этого кульминационного момента патриоты направились по Большой Покровке и Лыковой Дамбе в союзное помещение, где М. И. Стебик объявил о закрытии манифестации.

(Подобного характера массовые акции регулярно проводились нижегородскими монархистами и в годы войны. Так, 10 марта 1915 г. состоялась патриотическая манифестация по случаю взятия крепости Перемышль. 14 мая 1915 г. «при образцовом порядке и многотысячном стечении народа» прошла манифестация по случаю очередной годовщины коронавания российского императора и императрицы [12]. В начале декабря 1915 г. в газете «Козьма Минин» было помещено объявление: «Нижегородский губернский отдел союза русского народа «Белое знамя» извещает гг. членов и лиц сочувствующих, что 6 сего декабря в 5 часов вечера Его Преосвященством Преосвященнейшим владыкой епископом Макарием Балахнинским будет отслужен молебен в зале Нижегородской мещанской управы, Большая Покровка, о здравии Государя императора и даровании победы, после которого состоится патриотическая манифестация (если позволит погода)» [13].)

Примечательно, что в такой сверхблагоприятной для монархистского ренессанса обстановке нижегородские «черносотенцы» не ставили перед собой каких-либо амбициозных общественно-политических задач. Уже 2 августа 1914 г. со страниц газеты «Козьма Минин» прозвучало заявление: «Обуревающие всех патриотические чувства ярко и сильно доказаны в текущие дни. Но теперь пора перейти от пламенных манифестаций к скромному делу забот об участии семейств наших воинов и запасных – об участии будущих раненых защитников отечества. Это – общее дело. Государство посильно обязано заботиться о своих

защитниках, но не менее обязано заботиться о них все общество, не идущее на войну» [14]. «Союзники» от слов сразу перешли к делу. В частности, к концу сентября 1914 г. члены Нижегородского губернского Георгиевско-Мининского СРН собрали 100 руб. 25 коп. для «дела призрения раненых воинов»; на одном из собраний организации было решено оборудовать и взять на содержание в течение полугода две кровати для раненых в епархиальном лазарете Братства Св. Георгия [15].

Довольно быстро иллюзии правых о единстве воюющего российско-го общества рассеялись. Уже весной 1915 г. в газете «Козьма Минин» звучат набатные интонации по поводу внутренних врагов, «тихою сапою подтачивающих материальные силы государства»: «Враги эти – спекулянты, забывшие стыд и совесть и в тяжелые для родины минуты занимающиеся преступными манипуляциями по части обьегоривания населения, вздувая цены на жизненные продукты и на предметы первой необходимости» [16]. При этом к разряду внутренних врагов «союзники» причислили не только евреев и немцев, но и своих доморожденных «новоевропейских Кит Китьчей» и их либеральную обслугу [17].

По мере усиления кризисных явлений в милитаризованном российском обществе и активизации на этом фоне оппозиционных сил все более резкими становятся пропагандистские выпады «союзников» против алчной буржуазии и ее либеральных попутчиков. В 1916 г. М. А. Ярочкин, ведущий публицист в лагере нижегородских монархистов, на страницах «Козьмы Минина» в серии статей подверг резкой критике «корыстную душу нашей буржуазии», особенно неприглядно проявившую себя в годы *германской войны*. В то время как дворянство и народ все свои силы и средства отдают делу защиты страны, торгово-промышленный класс ведет себя недостойно, писал этот автор. «Лощеная буржуазия» из всего извлекает собственный классовый интерес. «Детей своих она устраивает на тепленьких местечках то в заводах паяльщиками, то в Военно-промышленных комитетах, то матросом на собственной барже и т. д. и т. д. Но этого мало. Она не стыдится доставлять для бойцов за родину гнилые куртки, сапоги с картонными подметками и тухлое мясо. Но и этого ей мало. Она раздувает всякого рода спекуляцию, чрез взяточничество расстраивает транспорт, укрывает посредством банков запасы необходимых предметов, вздувает цены до чудовищных размеров. Она, одним словом, грабит беспощадно, дерет последнюю шкуру» [18].

Не меньшее возмущение нижегородских монархистов вызывала неблагоприятная деятельность их идейно-политических конкурентов – либералов, организовавшихся в Прогрессивный блок и препятствующих правительству в обуздании буржуазного «разбоя». Этот блок, по словам нижегородского публициста-консерватора, «систематически подрывает престиж власти газетной агитацией, то сваливанием преступлений буржуазного класса на правительственную власть, то прямым требованием парламентаризма, т.е. передачи власти в руки хищнического торгово-промышленного плана» [18].

М. А. Ярочкин призвал применить самые крутые меры по отношению к буржуазным хищникам во имя защиты государственных интересов. По его убеждению, чтобы снять с шеи народа и дворянства «торгово-промышленную пиявку», необходимы были следующие шаги: «Все земские и городские союзы, Военно-промышленные комитеты подвергнуть тщательной ревизии, обязать работающих там всякого рода паяльчиков, шоферов и т.п. числиться на солдатском пайке, а не по 200–300 р. зарабатывать в месяц, будучи гарантированными от ужасов войны. Некоторые комитеты, как не соответствующие своему назначению, совершенно закрыть, а деятелей его предать немедленно военному суду за введение начальства в заблуждение и умышленное укрывательство всякого рода извозчиков от воинской повинности. Частные банки, чрез которые проходят всякого рода ссуды под предметы первой необходимости и укрывающие запасы кож, муки, сахара, – закрыть, вожakov их повесить и капиталы конфисковать в пользу казны». «Мы создаем, – вполне по-большевистски резюмировал автор-монархист, – что эта мера крутая, но, господа, после того, как миллионы крестьян и дворян льют свою кровь, жертвуя и последними своими достатками, а тысячи буржуазных типов только отъедаются и жируют за счет всенародного бедствия, эта мера в высшей степени будет справедлива и удовлетворит народную совесть, которая слишком смущена хищническими аппетитами буржуазии» [18].

Кстати, в своей критике алчной отечественной буржуазии М. А. Ярочкин использовал в буквальном смысле марксистскую аргументацию. Так, в мае 1916 г. этот публицист откликнулся желчной статьей на открытие новой нижегородской газеты «Голос Волги», учредителем которой стал городской голова Д. В. Сироткин. Гнев «черносотенного» автора вызвала, помимо прочего, попытка сироткинского

издания «отстоять паразитское положение буржуазии» с помощью авторитета Маркса. «Но раз “Голос Волги” взялся за Маркса, – с иронией отметил Ярочкин, – то мы позволим себе пощекотать его, эдак около хвоста, концом той же палки, т. е. Марксом. Слушайте, дьячки, что он пишет и что вы умышленно скрыли, умышленно, потому что вы обладаете эрудицией, по-видимому, не меньшей, чем эрудиция профессоров ста университетов. “Накопление богатства – пишет сей апологет капитализма в I т. своего Капитала (стр. 556, 1872 г.) – на одном полюсе производит в то же время на другом, – т. е. на стороне класса, производящего свой собственный продукт в виде капитала, – накопление нищеты, тягостей труда, невежества, огрубения и нравственного уважения”. Вот к какому материальному и духовному росту зовет “Голос” Митрия Васильевича и всей промышленной “России”...» [19] (Примечательно, что свою антибуржуазную пропаганду с опорой на Маркса консерватор Ярочкин-Гонохин продолжил и после свержения самодержавия, за что в мае 1917 г. был на несколько дней арестован нижегородскими демократическими властями [20, л. 23–23 об.].)

Консолидации подрывных оппозиционных сил (в частности, в рамках Прогрессивного блока, сформированного в августе 1915 г. в Государственной думе) российские «черносотенцы» попытались противопоставить сплочение своих собственных, довольно расстроенных рядов. Частью этого плана стал съезд монархических организаций в Нижнем Новгороде (26–29 ноября 1915 г.), на который пригласили известных лидеров «черносотенного» движения А. И. Дубровина, Н. Е. Маркова, В. М. Пуришкевича. Цели нижегородского совещания обозначил один из его инициаторов, председатель астраханской Народной монархической партии Н. Т. Тиханович-Савицкий: «1) прекратить между главарями союзов раздоры, парализовавшие деятельность значительного числа союзов; 2) призвать все правые организации и всех правых деятелей Государственного совета, Государственной думы, объединенного дворянства, печати, и всех правых деятелей на местах к полному объединению и к самой энергичной деятельности для противодействия замыслам левых, осуществление которых даст немцам верную победу; 3) организовать народные низы и объединить на местах правых общественных деятелей дворянства, купечества и духовенства» [21].

Как сообщалось в нижегородской прессе, Всероссийский съезд представителей правых организаций открылся 26 ноября 1915 г. в по-

мещении Городской думы Нижнего Новгорода. Среди наиболее видных участников этого мероприятия можно назвать А.И. Дубровина, Н. Е. Маркова 2-го, нижегородского губернатора А. Ф. Гирса, владыку Иоакима. Всего же собралось до 200 человек – из Петрограда, Москвы, Волыни, Тавриды, Саратова, Баку, Перми, других городов. В первый же день съезда были определены главные внутренние враги самодержавной России. По словам Н. Е. Маркова 2-го, это, во-первых, социал-демократы, которые «в большинстве случаев рабочие, люди невежественные, совращенные с истинного пути учителем, евреем-немцем Карлом Марксом» [22]. Однако намного большую опасность представляет «новый враг» – члены Прогрессивного блока в Государственной думе и Госсовете, которые «под видом скромного, на первый взгляд, требования ответственного министерства намерены ограничить власть Государя Императора и перенести ее на себя». Съезд пророчески признал этот политический блок либералов «не только не полезным для России, но губительным» [22].

В своем выступлении А. И. Дубровин сформулировал основные задачи и тактические приемы массового монархистского движения: «нам предстоит бороться с улицей и на улице. Вот когда враги наши выйдут на улицу, тогда и настанет наше время» [22].

Решающий час наступит ровно через пятнадцать месяцев, однако лидерами «улицы» окажутся как раз противники Дубровина и Маркова 2-го. Достичь заявленных амбициозных политических целей ноябрьское Всероссийское монархическое совещание, состоявшееся на родине Козьмы Минина, не сумело: сплочение и централизация патриотических сил, их мобилизация на защиту престола и Отечества остались лишь благозвучными декларациями.

Показательно, что уже в ходе подготовки к нижегородскому съезду (совещанию) правых сил «союзники» были вынуждены занять оборону против информационных нападков слева. Так, в статье «Подлые приемы» опубликованной в газете «Козьма Минин» 21 ноября 1915 г., прозвучала жалоба на «борцов за свободу», которые с помощью клеветы настраивают правительство против патриотов: «Раньше утверждали, будто правые организации готовят еврейские погромы, теперь монархистов обвиняют в сеянии внутренних смут и раздоров, и это только потому, что они осмеливаются не соглашаться с наглыми домогательствами желтого блока» [23].

В этом же номере вышла статья, полемический пафос которой был направлен против «прогрессивной» нижегородской газеты «Волгарь» и ее издателя С. И. Жукова. Нижегородские «союзники» фактически были вынуждены на страницах своего издания доказывать, что проведение некоторых мероприятий предстоявшего монархического съезда в зале Городской думы отнюдь не будет оскорблением памяти Н. А. Бугрова, поскольку тот был «коренным русским человеком», «убежденнейшим монархистом» и «первым жертвователем на нужды союза» (в том числе и на газету «Козьма Минин») [24]. Более того, автор данной публикации – причем на языке своих заклятых оппонентов – отстаивал само право правых сил на массовую общественно-политическую деятельность! «Мы имели революционные московские съезды Земского союза и союза городов, слышали одну сторону, сторону прогрессивную, так позвольте же в монархическом государстве сказать слово и монархистам. Свобода, так свобода должна быть для всех. Пусть не только революционеры и прогрессисты имеют возможность собираться и объявлять свои наглые требования, разрешите собраться и нам» [24], – отмечалось в указанной статье. Лидеры общественного мнения и доминирующие политические силы ведут себя совсем иначе!

Закат монархистского движения в последние месяцы жизни императорской России проявился и на организационном уровне. Так, в официальном «Обзоре общественно-политической жизни Сормовской местности за время войны» (1916 г.) констатировался стабильный рост подпольных организаций социалистов-революционеров и социал-демократов и одновременное угасание местной организации Союза русского народа, которая «хотя и существует, но она очень малочисленна, насчитывающая всего не более 60–70 членов, людей более пожилого возраста, образующегося из тех же рабочих и служащих завода», причем «ряды ее свежим элементом не пополняются, а заметно уменьшаются, и деятельность таковой сводится к нулю» [25, с. 151].

Более высокие показатели общественной активности были у «союзников» в губернском центре, но и здесь они явно не процветали. Так, 24–25 апреля 1916 г. состоялось совещание монархистских организаций, на котором обсуждалось их участие в предстоявших 9 мая 1916 г. торжествах по случаю 300-летия кончины Козьмы Минина. В решениях этого совещания, доведенных до сведения губернатора,

значился и такой пункт: «...так как издание газеты “Козьма Минин” в течение 10 лет ведется исключительно средствами Нижегородского Георгиевско-Мининского союзарусского народа и в настоящее время, вследствие невероятно высоких цен на бумагу и рабочие руки, издание является почти непосильным для союза, просить усерднейше Ваше превосходительство ходатайствовать перед председателем Совета министров о возможной субсидии на продолжение издания патриотической газеты, учащей народ защите православия, Самодержавия неограниченного и [отстаивающей] неприкосновенность родины» [26, л. 256–256 об.].

5 февраля 1917 г. после традиционного религиозно-патриотического «чтения» состоялось последнее – *довольно многолюдное* – общее собрание Георгиевско-Мининского отдела СРН. Участники встречи утвердили отчет о деятельности организации за предыдущий год, выбрали уполномоченных на предстоявший монархистский съезд в столице, приняли «важные решения о противодействии все усиливающейся смуте, распространяемой левой печатью и известными смутьянами, друзьями Вильгельма и немцев» [27].

Пройдет несколько недель, и политический ландшафт России после «мартовского переворота» 1917 года изменится до неузнаваемости. Вот как описал ситуацию в революционном Нижнем Новгороде М. А. Ярочкин, в марте 1917 г. вернувшийся домой после прохождения воинской службы в одном из запасных полков г. Твери: «Черносотенных организаций уже не было, – они исчезли как дым. Только единичные личности сгруппировались около организованной Г. Н. Васильевым (в прежнее время редактор газеты «Козьма Минин» – В. С.) газеты “Голос нижегородца”. Среди них мысли о реставрации монархии во главе с Николаем II не было. Они думали о монархии Михаила, и о монархии не абсолютной, а конституционной» [20, л. 22].

Каковы были причины скоропостижной политической кончины столь многолюдного в недавнем прошлом «черносотенного» движения? В этой связи можно назвать несколько причин, которые тесно взаимосвязаны и перетекают одна в другую. Во-первых, стоит сказать, что на этапе трансформации российского самодержавия в буржуазную парламентскую монархию правительство делало ставку отнюдь не на консерваторов-черносотенцев, которые сами себя вполне объективно описывали как «идеалистов и простой народ» [4]. Во-вторых,

«капиталов в Союзе русского народа не было, да и быть не могло, потому что крупных богачей в нем почти не было, или были только два три человека», в то время как «крупные и влиятельные воротилы из прогрессистов» контролировали многомиллионные суммы Земгора, Военно-промышленных комитетов, земских и городских самоуправлений и т. д. Именно поэтому, в-третьих, как отмечала газета «Козьма Минин» еще в 1915 г., «по всей России гремят общеземский и общегородской союзы, благодаря усиленной рекламе левых газет, благодаря миллионным капиталам, находящимся в их распоряжении» [4], а патриотичные «черносотенцы» «несут жертвы на алтарь Отечества» скромно, без крикливости и шумной саморекламы.

Мы не согласимся с теми исследователями, которые одну из ключевых причин исторического поражения монархистов увидели в низком уровне их пропагандистской продукции. Например, яркий нижегородский публицист-консерватор М. А. Ярочкин (Гонохин) дал бы фору любому автору из местных либералов. Однако нельзя не признать, что, в целом, российские апологеты монархистских идейных ценностей проиграли информационную войну своим более предприимчивым и искушенным в искусстве агитации и пропаганды либеральным оппонентам. Сам факт, что *монархисты* в *самодержавной* России, подавляющее большинство населения которой вроде бы придерживалось царистских настроений и традиций, были вынуждены на финальном этапе Первой мировой войны уйти в глухую идейно-политическую оборону, предвещал неминуемое сокрушительное поражение императорской России, что и произошло в бурно-революционном 1917 году.

Список источников и литературы

1. Общественно-политические процессы, партии и движения в Нижегородской губернии в конце XIX – начале XX вв. В 2 т. Т. 1 / Автор-составитель Г. В. Набатов. Н. Новгород, 2001.
2. Общественно-политические процессы, партии и движения в Нижегородской губернии в конце XIX – начале XX вв. В 2 т. Т. 2 / Автор-составитель Г. В. Набатов. Н. Новгород, 2001.
3. *Галай Ю.* Минин в памяти нижегородцев. Н. Новгород, 2012.
4. Нечто о клевете // Козьма Минин (далее – КМ). 1915. № 13 (25 апреля).

5. Сапон В. П. Опыт развития многопартийности в Нижегородской губернии в годы Первой мировой войны (дофевральский период): Монография. Н. Новгород, 2014.
6. Нижний Новгород, 12 июля 1914 г. // КМ. 1914. № 28 (12 июля).
7. Сормовец. О войне // КМ. 1914. № 31 (2 августа).
8. Среди газет и журналов // Нижегородский Листок. 1914. № 200 (25 июля).
9. Яр[очкин] М. Война и революция // КМ. 1914. № 41 (11 октября).
10. Заметки о начале войны // КМ. 1914. № 30 (26 июля).
11. М. К. Среди монархистов // КМ. 1914. № 31 (2 августа).
12. Очевидец. День 14 мая в Нижнем Новгороде // КМ. 1915. № 17 (23 мая).
13. От Союза «Белое Знамя» // КМ. 1915. № 46 (5 декабря).
14. Сормовец. Очередная задача // КМ. 1914. № 31 (2 августа).
15. Приезжий союзник. Из союза // КМ. 1914. № 39 (27 сентября).
16. Внутренний враг // КМ. 1915. № 7 (14 марта).
17. М. В. Г. Побежали дни... // КМ. 1915. № 17 (23 мая).
18. Яр[очкин] Мих. Дворянство, буржуазия и народ // КМ. 1916. № 19 (30 апреля).
19. Яр[очкин] Мих. Злоба дня. VIII // КМ. 1916. № 19 (14 мая). С. 2.
20. ГОПАНО. Ф. 1866. Оп. 2. Д. 909.
21. Письмо в редакцию // КМ. 1915. № 43 (21 ноября).
22. Съезд монархистов // КМ. 1915. № 45 (29 ноября). С. 2.
23. Подлые приемы // КМ. 1915. № 43 (21 ноября).
24. В № 310 газеты «Волгарь»... // КМ. 1915. № 43 (21 ноября). С. 2.
25. Материалы по истории революционного движения. Под ред. В. Т. Илларионова. Т. II. Н. Новгород, 1921.
26. ЦАНО. Ф. 894. Оп. 212 а. Д. 3.
27. Среди монархистов // Козьма Минин. 1917. № 5 (11 февраля). С. 4.

ОРГАНЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО СЫСКА НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ В БОРЬБЕ С СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ОППОЗИЦИЕЙ НАКАНУНЕ И ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Д. Г. Рыжаков

*Нижегородский государственный
технический университет им. П. Е. Алексеева
ryzhakovd@mail.ru*

Статья посвящена противостоянию спецслужб Российской империи с социал-демократическим движением в Нижегородской губернии в 1913–1916 гг., рассмотрены основные мероприятия органов политического сыска, анализируются причины их неудач.

Ключевые слова: Первая мировая война, РСДРП, жандармы, охранные отделения, политический сыск, революционное движение, политические партии, политическая оппозиция

В отечественной историографии не ослабевает интерес к деятельности органов политического сыска дореволюционной России. Выходят в свет не только новые исследования, но и переиздаются труды «классиков» истории политического сыска [1, с. 83–90; 2]. Это неудивительно. Анализ работы спецслужб Российской империи позволяет раскрыть важные механизмы внутренней политики государства.

Особое значение, для понимания закономерностей работы государственного аппарата, имеет рассмотрение деятельности спецслужб в критических для государства условиях (война, политическая нестабильность, экономический кризис). Оказались ли готовы российские органы политического сыска к этим испытаниям? Скорее нет, чем да.

К началу 1913 г. в стране стал набирать силу процесс упразднения охранных отделений, в том числе и Нижегородского. В течение 1913 г. шло постепенное свертывание деятельности Нижегородского охранного отделения. Полномочия политической полиции полностью перешли в руки местного жандармского управления. В научной литературе широко распространено мнение, что за ликвидацией охранных отделений стоял товарищ министра внутренних дел В. Ф. Джун-

ковский. Историк А. В. Островский, однако, высказал альтернативную точку зрения. Исследователь полагает, что В. Ф. Джунковский не был инициатором упразднения охранных отделений, а только завершил начатую до него реорганизацию. Существует доклад директора Департамента полиции С. П. Белецкого от 2 апреля 1913 г., из которого ясно, что к началу 1913 г. (т. е. к моменту назначения Джунковского товарищем министра внутренних дел и командиром Отдельного корпуса жандармов уже было ликвидировано 17 охранных отделений [3, с. 34].

Между тем в процессе передачи полномочий от одной спецслужбы к другой была частично потеряна агентурная сеть и, следовательно, стало сложнее «ликвидировать» революционные организации. Произошло ослабление контроля над социал-демократическим движением, следствием чего стали забастовки на промышленных предприятиях. Соответствующую статистику забастовочного движения см. [4, р. 237]. Например, 16 мая 1913 г. началась забастовка в снарядном цехе Сормовского завода. Из материалов дознания по делу о забастовке очевидно: стачка в снарядном цехе прошла при участии Сормовской организации РСДРП, члены которой воспользовались недовольством рабочих законом 23 июня 1912 г. [5, л. 45]. (Согласно этому закону у рабочих удерживалось 3% заработной платы на образование больничной кассы). Как свидетельствуют документы: «На почве закона 23 июня 1912 г. социал-демократы повели агитацию заведомо обреченную на успех» [5, л. 59 об.].

Необходимо отдать должное сотрудникам политической полиции, которые, несмотря на сокращение штатов, пытались противостоять растущему революционному движению. Так, в ночь на 17 декабря 1913 г., было арестовано 10 активных участников Сормовской парторганизации [6, с. 305].

Кривая революции тем временем продолжала идти вверх, росло и стачечное движение, особенно перед самым началом Первой мировой войны. По многолетней традиции, больше всего беспокойства жандармам доставляло Сормово. Один из участников социал-демократического движения тех лет вспоминал: «Уже перед войной Сормовская организация вела усиленную работу. Там были даже демонстрации» [7, с. 151].

Во второй половине августа 1914 г. в Сормове был создан партийный комитет большевиков, что не прошло мимо внимания жандармов. По всей вероятности, жандармскому управлению удалось наладить агентурную сеть, поскольку спецслужбы располагали достаточно точной информацией. В короткий срок были выявлены члены указанного сообщества

и установлена цель организации: «Объединение партийной работы» [8, л. 1]. Сотрудникам управления была известна и предыстория возникновения (вернее сказать, возобновления работы) большевистского комитета в Сормове: «Первоначально они собирались на разных квартирах в количестве 4–5 человек, где обсуждали современное положение, свою дальнейшую деятельность и вербовали новых членов [8, л. 1]. Вскоре спецслужбы получают информацию о том, что социал-демократы намерены предпринять «серьезные шаги», а именно – установить нелегальную типографию и «... начать, таким образом, печатную пропаганду среди рабочих» [8, л. 1 об.]. Социал-демократы, кроме всего прочего, активно внедряли своих людей в правление больничной кассы сормовских промышленных предприятий, что «усилило влияние комитета на рабочую среду» [8, л. 1 об.].

Сормовские партийцы активно укрепляли связи со своими нижегородскими коллегами и вообще «всяким неблагонадежным элементом», в частности, административно высланными в Нижний Новгород за «преступления политического характера» [8, л. 1 об.]. Можно предположить, что жандармскому управлению в очередной раз удалось завербовать кого-то из членов Сормовской социал-демократической организации. Жандармы не спешили с арестами, стремясь, согласно инструкциям Департамента полиции, провести «ликвидацию», когда работа организации достигнет апогея. Такой момент, по мысли руководства жандармского управления, наступил во второй половине апреля 1915 г., когда шла подготовка массового распространения первомайских прокламаций антиправительственного содержания. Именно подготовка к первомайским праздникам в Сормове послужила причиной для полицейских репрессий против Сормовской и Нижегородской организаций РСДРП. В 20-х числах апреля 1915 г. было арестовано 13 человек [8, л. 3–3 об.].

К сожалению, наши источники не позволяют с достаточной степенью достоверности судить о завершающем этапе противостояния спецслужб с местными социал-демократами. Особенно данное утверждение касается последних месяцев существования монархии [9, с. 81]. Но на основании мемуарных источников можно сделать вывод о том, что социал-демократическое движение неуклонно набирало силу [10, с. 160–164]. Сыграло свою роль недовольство войной. Вдобавок, по совершенно непонятным причинам, Нижний Новгород, несмотря на политическую напряженность, продолжал оставаться местом ссылки политически неблагонадежных лиц до самых последних дней

самодержавия. Причем ссылались в Нижний достаточно серьезные деятели РСДРП, родившиеся или долго жившие здесь. Так, весной и летом 1915 г. в Нижний Новгород в очередной раз были высланы А. И. Савельева, Б. Позерн, Б. Моисеев и др. [6, с. 323]. Помимо этого, в РСДРП пришло молодое и энергичное поколение революционеров. С. Кузнецов вспоминал: «По периоду Февральской революции хочется сказать о большой революционности лишь только вступивших в члены партии» [10, с. 164]. С подобной волной революционного движения не могли справиться даже систематические аресты активных членов местных организаций РСДРП. Тем более что социал-демократы действовали в тесном содружестве с представителями других политических партий. Губернские же власти были лишены поддержки населения, а их правоохранительный аппарат был ослаблен упразднением Нижегородского охранного отделения. Жандармское управление производило аресты, но «выбывшие» партийцы под влиянием пропаганды заменялись вновь вступившими в ряды РСДРП. Весть же о Февральской революции окончательно парализовала волю губернских властей к сопротивлению оппозиции.

Список источников и литературы

1. *Гомонова С. А.* Политическая полиция России конца XIX – начала XX вв. в отечественной историографии // Известия Самарского научного центра РАН. 2009. Т. 11. № 6.
2. *Перегудова З. И.* Политический сыск России (1880–1917). М., 2013.
3. *Островский А. В.* Кто стоял за спиной Сталина? М., 2004.
4. Zuckerman F. *The Tsarist Secret Police in Russian Society (1880–1917)*. New York, 1996.
5. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 916. Оп. 1. Д. 121.
6. Очерки истории Горьковской организации КПСС. Ч. 1. Горький, 1961.
7. Премудров. Сормово в период Империалистической войны // Материалы по истории революционного движения. Н. Новгород, 1922. Т. 4.
8. ЦАНО. Ф. 918. Оп. 2. Д. 47.
9. *Илларионов В. Т.* Исторические этюды. Революционная хроника сормовских рабочих // Материалы по истории революционного движения. Н. Новгород, 1920. Т. 1.
10. *Кузнецов С.* Красное Сормово в 1915–1917 гг. // Материалы по истории революционного движения. Н. Новгород, 1922. Т. 4.

ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССА ЛИКВИДАЦИИ ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННЫХ КОМИТЕТОВ НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1918 ГОДУ

Р. В. Голубин, Д. А. Николаев

*Нижегородский госуниверситет им. Н. И. Лобачевского
dmnikolaeff@mail.ru*

Статья посвящена особенностям процесса ликвидации Военно-промышленных комитетов Нижегородской губернии, структурным и организационным преобразованиям в них в контексте политических мероприятий советской власти

Ключевые слова: Военно-промышленные комитеты, губернский совет народного хозяйства, Первая мировая война

Организация буржуазией Российской империи в годы Первой мировой войны Военно-промышленных комитетов (ВПК) стала важным событием как в экономической, так и в политической жизни страны. Созданные как инструмент помощи государству в деле снабжения армии, они довольно быстро разрослись в мощную общероссийскую организацию, претендующую в своей деятельности на исполнение ряда государственных функций (мобилизация частной промышленности, контроль за снабжением предприятий топливом и материалами и т. д.) и руководившую работой «по восполнению армии» многих тысяч предприятий России. Для координации действий местных ВПК в 1915 г. был создан Центральный ВПК, возглавляемый А. И. Гучковым (1915–1917). К 1916 г. было создано 220 местных ВПК, объединенных в 33 областных. Нижегородские ВПК (под общим руководством в 1915–1917 гг. Д. В. Сироткина), по номенклатуре и объемам выпускаемой военной продукции, занимали одно из ведущих мест в комплексе ВПК России и оказали весьма заметное влияние на экономическую и политическую жизнь страны в годы Первой мировой войны.

Деятельность ВПК России освещалась многими исследователями как в контексте общих проблем функционирования экономики страны в годы Первой мировой войны (Г. И. Шигалин [1], К. Н. Тарновский [2], А. Л. Сидоров [3], В. С. Дякин [4], С. В. Воронкова [5], В. Я. Лаврычев [6] и др.), так и в целом ряде специальных исследований по данной теме (Н. И. Разумовская [7], М. Ф. Юрий [8], С. В. Тымчик [9] и др.). Необходимо отметить и работы нижегородских историков В. Ю. Альбова, А. В. Седова [10], С. Б. Белова [11] и Р. В. Голубина [12], осветивших некоторые вопросы функционирования местных ВПК.

После Октябрьской революции по всей стране шел процесс установления советской власти. В Нижнем Новгороде местный Совет рабочих и солдатских депутатов 2 ноября 1917 года провозгласил советскую власть в качестве единственной власти в губернии. С данного момента Совет приступил к реализации целого ряда мероприятий, направленных на упрочение советской власти в городе и губернии.

Среди первоочередных шагов новой власти нельзя не отметить усилия, направленные на установление контроля над экономической жизнью губернии, такие, как введение рабочего контроля над производством и распределением, национализация промышленности и транспорта и т. д. Первым органом диктатуры пролетариата в экономической области стало бюро по реорганизации т. н. Заводского совещания. Данное бюро постепенно расширяло свои функции, и с 18 марта 1918 года было переформировано в Нижегородский губернский совет народного хозяйства (НГСНХ).

Руководство Военно-промышленных комитетов России понимало, что политические изменения, произошедшие в стране после Октябрьской революции, отразятся и на их судьбе. Проведенная ранее, на основании III съезда ВПК, «демократизация» комитетов по буржуазно-демократическому образцу была фактически бесполезной, так как не гарантировала гегемонии в них представителям от рабочих, а, как известно, Советы рабочих и солдатских депутатов уже после Февральской революции обладали большей властью, чем Временное правительство и его комиссары на местах. Рабочая группа из 15 человек в Центральном ВПК после III съезда ВПК, не удовлетворившись новыми принципами формирования комитетов, фактически парализовала деятельность ЦВПК, добиваясь созыва нового съезда ВПК, чтобы достичь на нем лидирующего положения в организации.

22 декабря 1917 года Центральным военно-промышленным комитетом (ЦВПК) был разослан циркуляр, в котором говорилось, что бюро реорганизованного ЦВПК решило созвать 29 января 1918 г. IV съезд ВПК для разрешения вопроса о задачах и будущей деятельности Военно-промышленных комитетов в связи с предстоящим сокращением и аннулированием военных заказов и переходом мобилизованных предприятий на работу мирного времени [13, л. 1]. Также в циркуляре указывалось, что на этом съезде, помимо хозяйственно-экономических вопросов, предполагалось обсудить острые политические проблемы и, в связи с этим, вопрос о дальнейшем изменении «Положения о ВПК» [13, л. 1]. Съезд предполагалось провести в Москве. Каждый губернский комитет мог прислать на него трех своих представителей, но при этом ЦВПК жестко настаивал на включении в состав делегаций представителей от рабочих. Нужно заметить, что руководство Центрального военно-промышленного комитета, решив подстраховаться от серьезных организационных изменений, которые могли последовать после IV съезда, оговаривало, что рабочие представители должны были быть либо с собственных предприятий ВПК, либо со стороны, но избранные по согласованию с местными профессиональными объединениями рабочих [13, л. 1].

Подобные действия ЦВПК объяснялись тем, что перечисленные категории рабочих представителей были прежде зависимы от работодателей (то есть, фактически, от руководства ВПК) и их голосами можно было манипулировать в ходе принятия решений.

Из-за тяжелейшего экономического положения в стране, транспортной разрухи, разгоревшейся гражданской войны и т. д. съезд несколько раз откладывался и был проведен только в марте 1918 года [13, л. 512].

Нужно отметить, что региональные Военно-промышленные комитеты в 1918 году испытывали на себе сильнейшее давление со стороны местных советских властей. Например, в конце января того же года была насильственным путем захвачена канцелярия Симбирского ВПК и проведена проверка и опись его имущества. В дальнейшем у Симбирского комитета было изъято не только разного рода имущество (движимое и недвижимое), но и все денежные средства (наличные и безналичные) [14, л. 85]. Действия, произведенные в отношении Симбирского ВПК, председатель местного Совета рабочих и солдатских депутатов объяснял тем, что ликвидация комитета производится

на основании требования комиссара из Петрограда, который, осматривая заводы комитета, выслушал от рабочих критические оценки деятельности ВПК [14, л. 89]. Также он заявил, что «...саботажа вообще они не потерпят: мы не хотим переводить вас в свою веру, хотите работать, работайте при своих учреждениях, не хотите – как угодно. Вообще мы признаем только те союзы, которые работают с нами...» [14, л. 89]. Такое положение дел было характерно для всей страны. Этот вопрос обсуждался на IV съезде ВПК с представителями ВСНХ.

На данном съезде была сделана попытка по выработке решения о реорганизации дальнейшей деятельности комитетов в соответствии с программой ВСНХ [13, л. 8]. Пока шли консультации по данному вопросу, Президиум съезда разослал в региональные комитеты телеграммы с призывом к местным совдепам приостановить дальнейшую ликвидацию или реорганизацию ВПК до окончательного решения съезда [13, л. 8].

Нижегородские военно-промышленные комитеты испытывали те же трудности, что и ВПК по всей России. Нижегородский губернский ВПК перестает функционировать как самостоятельная структурная единица. Как и в начале 1915 года, в Нижнем Новгороде остается один комитет, проходящий в разного рода документации либо как Нижегородский военно-промышленный комитет (НВПК), либо как Нижегородский биржевой военно-промышленный комитет (НБВПК).

На первое января 1918 года у НВПК значилось заказов от различных организаций (ЦВПК, Главного комитета Всероссийского земского союза, Терского казачьего войска, Хозяйственного комитета Киевского арсенала и др.) на сумму 1 308 333 руб. Комитет успел выдать контрагентам заказов на 1 291 120 руб., а также отправить в склады «исполненных предметов» на 220 170 руб., также было сдано контрагентам, но не отправлено в склады предметов на сумму 248 303 руб., «осталось изготовить» – на 822 646 руб. [15, л. 1–5]. Эти заказы были распределены между 18 предприятиями, из которых 2 на тот момент были закрыты [15, л. 1–5]. Оставшиеся 16 заводов должны были произвести 30 наименований продукции, но контролировать исполнение этих заказов НВПК в данный момент времени уже не мог. Многие предприятия Нижнего Новгорода, в том числе и работавшие на комитет, в 1918 году были национализированы (судостроительный и механический заводы братьев Латыевых, «Фельзер», «Теплоход» и др.). НВПК сделал все возможное для участия в IV съезде ВПК и, несмотря на сложное

финансовое положение и трудности с транспортом, командировал в Москву служащего комитета А. А. Платонова [13, л. 12]. После прибытия последнего в Нижний Новгород 4 апреля 1918 г. было организовано общее собрание союза служащих Нижегородского биржевого военно-промышленного комитета, где во исполнение решения съезда о реорганизации ВПК в народно-промышленные комитеты (НПК) было принято постановление о выборе организационной комиссии в количестве 5 человек, которая должна была заниматься этим вопросом. В комиссию от служащих вошли следующие лица: А. А. Платонов, С. Н. Тумановский, Л. Д. Маркелов, С. А. Карпов, Г. М. Парамонов [16, л. 2]. Через несколько дней (9 апреля) было созвано заседание НБВПК, где заслушали доклад А. А. Платонова о IV Всероссийском съезде ВПК в Москве. На этом заседании был принято решение о включении в избранный союзом служащих комиссию В. К. Задорновского, М. И. Будилова и В. М. Башкирова [16, л. 3].

В том же месяце НБВПК был подготовлен доклад, в котором говорилось, что одной из важнейших задач, стоявших перед ВПК, была демобилизация промышленности. Та же задача, по мнению комитета, была не менее актуальная и для народно-промышленного комитета [13, л. 12]. В то же самое время Биржевой комитет констатировал, что «масштаб вопроса» о демобилизации сильно изменился, с одной стороны, из-за того, что был упущен благоприятный момент для ее начала и она шла хаотично, а с другой – из-за огромных потерь военного имущества в результате утраты его на фронте в период заключения Брестского мира [13, л. 12].

Помимо признания важности вопроса о демобилизации для НПК, Нижегородский комитет считал не менее важным вопрос о «ремобилизации» мелкой и кустарной промышленности, мобилизованной, по мнению многих, за время войны очень слабо. Аргументировал НБВПК свою инициативу тем, что объединение мелкой и кустарной промышленности в более крупные и организованные единицы, а также структурирование ее производства специалистами создаст более благоприятные условия для ее развития [13, л. 12].

Также в докладе говорилось о том, что Нижегородский народно-промышленный комитет смог бы сыграть значительную роль в деле осуществления государственного контроля за промышленными предприятиями [13, л. 12]. Еще одной из важнейших задач, решением которой смог бы заняться ННПК, Биржевой комитет считал организацию

и участие в общественных работах [13, л. 12]. В качестве доказательств собственной состоятельности при решении обозначенных Биржевым ВПК задач в докладе говорилось, что оснований для всех этих работ у ВПК имеется достаточно: были дважды обследованы заводы и фабрики Нижегородской губернии по специально составленной анкете, собраны сведения о количестве военного имущества, которое могло бы быть реализовано на территории губернии, выяснена возможность распределения ряда заказов на предприятиях губернии. Распределен и частью выполнен заказ на плуги [13, л. 12].

Очевидно, что Нижегородский биржевой военно-промышленный комитет надеялся путем собственной реорганизации и перераспределения своей деятельности с учетом новых экономических условий сохраниться как самостоятельная организация. При этом нельзя не отметить готовность НБВПК (после реорганизации в ННПК) к сотрудничеству с советскими народно-хозяйственными органами, а также желание комитета взять на себя функции государственного учреждения в хозяйственной сфере.

Тем не менее надежды НВПК не только на сохранение в качестве самостоятельной организации, но и даже на реорганизацию в народно-промышленный комитет не оправдались. Согласно Постановлению Совета народного хозяйства от 8 мая 1918 года была образована специальная комиссия в составе 5 человек для ликвидации дел НВПК [16, л. 4]. В состав вышеназванной комиссии входили двое представителей Совета народного хозяйства и трое – Биржевого ВПК [16, л. 4]. Нельзя не отметить, что формирование комиссии не обошлось без эксцессов.

На заседании НБВПК 14 мая 1918 года под председательством З. М. Таланцева было заслушано письмо Нижегородского совета народного хозяйства о выборе от Биржевого комитета ликвидационной комиссии в числе 3 лиц [17, л. 1]. На предложенный председателем вопрос о выборе означенной комиссии, член комитета С. С. Векслерчик от участия в выборах отказался, объяснив это тем, что, согласно постановлению IV съезда, ликвидация ВПК без реорганизации его в народно-промышленный комитет состояться не может и что произведенный захват ВПК Советом народного хозяйства исключает возможность какого-либо участия членов комитета в его ликвидации [17, л. 1]. Несмотря на демарш одного из членов комитета, комиссия была сформирована. В ее состав вошли следующие члены комитета: М. И. Постников, Л. Д. Маркелов и А. А. Платонов [17, л. 1].

Очевидно, что НВПК на момент создания ликвидационной комиссии полностью находился под контролем Нижегородского совета народного хозяйства, а ликвидация нужна была НГСНХ для того, чтобы официально прекратить деятельность НВПК в качестве самостоятельной организации и использовать имеющиеся у него ресурсы в собственной работе. Комиссию возглавил председатель НГСНХ Г. Я. Юдинцев, и она немедленно приступила к исполнению возложенных на нее обязанностей. Первым делом был составлен из служащих НВПК необходимый штат. Сначала работа продвигалась медленно, так как необходимо было привести в порядок делопроизводственную отчетность.

Тем не менее уже через неделю комиссия могла приступить к сдаче кассы комитета в НГСНХ. Всего к середине мая 1918 г. совету народного хозяйства из кассы НВПК было сдано 29 249 руб. наличными, а также текущие счета комитета в банках на общую сумму 245 603 руб. были переписаны на СНХ [17, л. 2]. После этого комиссия перешла к подсчету наличных денежных сумм и подготовке к сдаче вещевых и материальных складов, принадлежавших НВПК и находящихся в Нижнем Новгороде и уездных городах Арзамасе и Мухтолове. Они также были определены в соответствующие отделы НГСНХ, но без учета стоимости хранящихся в них материалов [17, л. 3].

После проведения вышеуказанных мероприятий НВПК как самостоятельная организация прекратил свое существование. Тем не менее после фактической ликвидации НВПК комиссия не завершила свою работу. Она занималась выяснением всех расчетов с контрагентами ВПК и приведением в порядок всех дел комитета, в том числе и дел бухгалтерии для того, чтобы затем составить отчет о деятельности комитета.

Кроме всего прочего, ликвидационная комиссия занималась выяснением состояния дел по заготовке рукавиц для комитета в селе Юрине из кож, закупленных и распределенных НВПК между юринскими заводчиками. В Юрино по этому вопросу была отправлена Совнархозом специальная комиссия. Такая же комиссия была направлена и на кожевенный завод в селе Катунки. Также надо отметить, что еще до изъятия НГСНХ складов у комитета все его текущие дела были переданы в технический отдел Совнархоза [17, л. 3]. Немного позднее в «отдел волокнистых веществ» Совнархоза были переданы дела из вещевого отдела НВПК. Нижегородский совет народного хозяйства активно привлекал для работы в своих отделах специалистов и служащих из ликвидированного НВПК [17, л. 4].

Последним мероприятием, проведенным ликвидационной комиссией, было окончательное приведение в порядок бухгалтерии комитета и составление отчета как за «операционное» время с 1 августа 1917 года по день ликвидации комитета, так и за все время его деятельности, на что комиссия потратила несколько месяцев. Необходимость столь длительного времени для этой работы комиссия обосновала тем, что, хотя отчетным временем в Нижегородских комитетах являлось 1 августа, эти сроки не были окончательными, так как заказы переходили из года в год. Комиссия же для своих расчетов приняла критерий завершенности любого заказа. В результате оставался неучтенным целый ряд заказов, которые были приняты к исполнению еще в 1915 году, но к моменту ликвидации НВПК так и не были выполнены (кавалерийские шипы, различные автомобильные принадлежности, гранаты системы Гочкиса и др.) [17, л. 4].

Необходимо отметить и тот факт, что после завершения деятельности ликвидационной комиссии НГСНХ не стал сразу же разрушать организационную структуру НВПК, а, реорганизовав его в народно-промышленный комитет, сделал этот орган одним из инструментов собственной производственно-экономической политики. Данное подразделение НГСНХ было достаточно внушительных размеров, насчитывая в своем штате в 1918–1919 гг. 2214 служащих [18, л. 71].

Предпринятая Нижегородским губернским советом народного хозяйства ликвидация Нижегородского военно-промышленного комитета была направлена на устранение из состава руководства этой организации чуждых новой власти «буржуазных элементов» и подчинение материальных, финансовых, интеллектуальных и управленческих ресурсов НВПК интересам находившегося в тяжелом положении молодого советского государства. В 1918 году новая власть параллельно с уничтожением старого государственного аппарата и общественных институтов приступила к строительству собственных государственных структур.

Нижегородские комитеты в данный период времени, как и многие ВПК по всей стране, пытались, путем реорганизации, сохранить свою самостоятельность и, в то же самое время, адаптироваться к новым экономическим и политическим реалиям. НВПК, понимая угрозу своему существованию, предлагал сотрудничество новым советским хозяйственным органам, надеясь продолжить свою деятельность. Комитетом был составлен план работы на ближайшее будущее, в котором прописывались не только хозяйственно-экономические мероприятия, предполагаемые

к реализации в 1918 году, но и содержалось осторожное предложение принять на себя некоторые государственные функции по контролю за промышленностью. Несмотря на эти инициативы со стороны НВПК, Нижегородский губернский совет народного хозяйства в мае 1918 года приступил к его ликвидации. Объяснялось это не только переходом на новую, «идеологически выдержанную» форму организации хозяйственной жизни, но и трудным положением, в котором оказалось молодое советское государство в условиях разгоревшейся гражданской войны. Нижегородские комитеты обладали солидной производственной базой, материальными ресурсами, научно-техническими и управленческими кадрами. Нижегородский совет народного хозяйства после ликвидации НВПК как самостоятельной организации стал использовать его ресурсы в собственной работе, сохранив даже на некоторое время его организационную структуру. Это говорит о том, что созданный НВПК аппарат был достаточно работоспособен и эффективен.

Нижегородские ВПК с воодушевлением встретили Февральскую революцию 1917 года, и на волне демократизации всего русского общества они также приступили к реорганизации своих составов, которая привела к значительному расширению представительства в них общественных и государственных организаций и объединений. Помимо адаптации к новым политическим условиям, Нижегородские комитеты в тяжелейших экономических условиях (нехватка сырья, материалов, рабочих рук, разруха в транспорте, инфляция, резкое сокращение государственных заказов на оборону, отсутствие оборонных средств и т. д.) продолжали работать над исполнением взятых оборонных заказов, а также одними из первых в стране приступили к выработке четкого, поэтапного плана по демобилизации промышленности в своем регионе. Необходимо отметить и тот факт, что, несмотря на реорганизацию «на демократических началах» своих рядов, в составе комитетов было очень незначительное представительство от рабочего класса, что, вкупе с их изначально «буржуазным» происхождением, только ускорило их ликвидацию в 1918 году с реквизицией всех фондов в пользу советского государства.

Список источников и литературы

1. Шигалин Г. И. Военная экономика в Первую мировую войну. М., 1956.
2. Тарновский К. Н. Формирование государственно-монополистического

- капитализма в России в годы Первой мировой войны. М., 1958.
3. *Сидоров А. Л.* Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1973.
 4. *Дякин В. С.* Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914–1917). М., 1978.
 5. *Воронкова С. В.* Материалы Особого совещания по обороне государства. М., 1975.
 6. *Лаверычев В. Я.* Военный государственно-монополистический капитализм в России. М., 1988.
 7. *Разумовская Н. И.* Центральный военно-промышленный комитет: Дисс. ... к.и.н. М., 1947.
 8. Юрий М. Ф. Буржуазные общественные организации в период Первой мировой войны 1914–1918 гг. (Всероссийский земский союз, Земгор, Центральный военно-промышленный комитет): дис. ... канд. ист. наук. Черновцы, 1990.
 9. *Тымчик С. В.* «Рабочая группа» Московского областного военно-промышленного комитета (1915–1917): дис. ... канд. ист. наук. М., 1999.
 10. *Альбов В. Ю., Седов А. В.* Нижегородские рабочие и буржуазные Военно-промышленные комитеты // Буржуазия и рабочие России во второй половине XIX – начале XX вв. Материалы XIX зональной межвузовской конференции Центрального промышленного региона России. Иваново, 1994.
 11. *Белов С. Б.* Забытая война: Первая мировая и Нижегородский регион. Материалы по краеведению. Н. Новгород, 2000.
 12. *Голубин Р. В.* Военно-промышленные комитеты Нижегородской губернии: социальный состав, организация и хозяйственно-экономическая деятельность в годы Первой мировой войны (1915–1918 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 2003.
 13. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 432. Оп. 297. Д. 571.
 14. ЦАНО. Ф. 432. Оп. 297. Д. 475.
 15. ЦАНО. Ф. 432. Оп. 297. Д. 385.
 16. ЦАНО. Ф. 431. Оп. 296. Д. 368.
 17. ЦАНО. Ф. 432. Оп. 297. Д. 580.
 18. ЦАНО. Ф. 431. Оп. 296. Д. 422.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В БИБЛИОГРАФИЧЕСКОМ ОТРАЖЕНИИ

Л. П. Селезнева

*Нижегородская государственная
областная универсальная научная библиотека
ikraeved@yandex.ru*

В список вошли публикации о России в годы Первой мировой войны, начиная с 2000 года. Список книг и авторефератов диссертаций по теме выстроен в алфавите авторов и заглавий, список статей в журналах и сборниках научных трудов – в обратной хронологии, а внутри каждого года – в алфавите авторов.

КНИГИ

1. АВДЕЕВ, В. А. Секретная миссия в Париже : граф Игнатъев против немецкой разведки в 1915–1917 гг. / В. Авдеев, В. Карпов. – Москва : Вече, 2009. – 395 с.
2. АЙРАПЕТОВ, О. Р. Генералы, либералы и предприниматели : работа на фронт и революцию [1907–1917] / О. Р. Айрапетов. – Москва : Модест Колеров: Три квадрата, 2003. – 254 с.
3. АЙРАПЕТОВ, О. Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917) / О. Р. Айрапетов. – Москва : ИД КДУ, 2014.
Т. 1 : 1914 год. Начало. – 336 с.
Т. 2 : 1915 год. Апогей. – 316 с.
4. АЛЕКСЕЕВ, М. Военная разведка России от Рюрика до Николая II : кн. 3, ч. 2 : Первая мировая война / М. Алексеев. – Москва : Рус. разведка, 2001. — 511 с.
5. АЛЕКСЕЕВА, И. В. Последнее десятилетие Российской империи : дума, царизм и союзники России по Антанте, 1907–1917 г. / И. В. Алексеева. – Санкт-Петербург : Альянс-Архео, 2009. – 529 с.
6. АРАНОВИЧ, А. В. Интендантское снабжение русской армии накануне и в годы Первой мировой войны : монография / А. В. Аранович. – Санкт-Петербург : ИПЦ СПГУТД, 2004. – 143 с.

7. АРДАШЕВ, А. Н. Великая окопная война : позиционная бойня Первой мировой / А. Н. Ардашев. – Москва : Эксмо : Яуза, 2009. – 476 с.
8. АСТАШОВ, А. Б. Пропаганда на Русском фронте в годы Первой мировой войны / А. Б. Асташов. – Москва : Спецкнига, 2012. – 440 с.
9. АФОНАСЕНКО, И. М. Порт-Артур на Висле : крепость Новогеоргиевск в годы Первой мировой войны / И. М. Афонасенко, Ю. А. Бахурин. – Москва : Век, 2009. – 165 с.
10. БАЗАНОВ, С. Н. Антивоенные выступления на русском фронте в 1917 году глазами современников : (воспоминания, документы, комментарии) / С. Н. Базанов ; отв. ред. Г. А. Куманев. – Москва : Изд-во ИРИ РАН, 2010. – 363 с.
11. БАТЮШИН, Н. С. У истоков русской контрразведки : сборник документов и материалов / Н. С. Батюшин. – Москва : Икс-Хистори : Кучково поле, 2007. – 493 с.
12. БАХТУРИНА, А. Ю. Окраины Российской империи : государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.) / А. Ю. Бахтурина. – Москва : РОССПЭН, 2004. – 388 с. : портр.
13. БАХТУРИНА, А. Ю. Политика Российской империи в Восточной Галиции в годы Первой мировой войны : [монография] / А. Ю. Бахтурина ; предисл. В. В. Шелохаева. – Москва : [АИРО-XX], 2000. – 264 с.
14. БЕЛОВ, С. Б. Патриотизм в годы Первой мировой войны (1914–1916). Взгляд из Нижнего / С. Б. Белов. – Нижний Новгород : Лаборатория множительной техники ННГУ, 2008. – 180 с.
15. БЕЛОВА, И. Б. Первая мировая война и российская провинция, 1914 – февраль 1917 г. / И. Б. Белова. – Москва : АИРО-XXI, 2011. – 283 с.
16. БЕЛОГУРОВА, Т. А. Русская периодическая печать и проблемы внутренней жизни страны в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.) / Т. А. Белогурова ; под ред. Ю. В. Журова. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Смоленск : Смоленский ЦНТИ, 2006. – 129 с.
17. БОЛЬНЫХ, А. На океанских просторах / А. Больных. – Москва : АСТ, 2001. – 558 с.
18. БОНДАРЕНКО, В. В. Герои Первой мировой : [сборник очерков] / В. В. Бондаренко. – Москва : Молодая гвардия, 2013. – 509 с. – (Жизнь замечательных людей; вып. 1642(1442)).
19. БОНДАРЕНКО, В. В. Утерянные победы Российской империи : [события Первой мировой войны на белорусской земле, изменившие ход мировой истории] / В. Бондаренко. – Минск : Харвест, 2010. – 445 с.

20. БОРЩУКОВА, Е. Д. Общественное мнение населения Российской империи о Первой мировой войне и защите Отечества (1914–1917) : монография / Е. Д. Борщукова. – Санкт-Петербург : Изд-во РГПУ, 2012. – 159 с.
21. ВАГАНОВА, Л. В. Военно-промышленные комитеты на Урале в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) / Л. В. Ваганова, Е. Ю. Рукосуев. – Екатеринбург : Банк культурной информации, 2005. – 105 с.
22. ВАРТУМЯН, А. А. Политическая культура населения Юга России в период Первой мировой войны : монография / А. А. Вартумян, Т. А. Корниенко – Москва : ЦИУМинЛ, 2009. – 299 с.
23. ВЕЛИКАЯ война 1914–1918 : альманах : в 3 вып. / Рос. ассоциация историков Первой мировой войны ; отв. за вып. И. А. Тихонюк. – Москва : МБА : Квадрига, 2013.
Вып. 1. – 156 с.
Вып. 2. – 144 с.
Вып. 3. – 160 с.
24. ВИЛЛМОТ, Г. П. Первая мировая война / Г. П. Виллмотт ; [пер. с англ. А. Дорошевич, Д. Карельский]. – [Москва] : Ломоносовъ, 2010. – 335 с.
25. ВОЙНА и общество в XX веке. В 3 кн. Кн. 1: Война и общество накануне и в период Первой мировой войны / отв. ред. С. В. Листиков ; науч. рук. В. А. Золотарев. – Москва : Наука, 2008. – 610 с. : ил.
26. ВОЙНА и общество : (к 90-летию начала Первой мировой войны) : материалы межвуз. науч. конф., Самара, 10-11 дек. 2004 г. / Окунь А. Б. [и др.]. – Самара : Универс-групп, 2004. – 305 с.
27. ВОЙНА на Северном морском театре 1914–1918 гг. : [сборник] / П. Д. Быков ; ред. М. А. Леонов. – Санкт-Петербург : Леко, 2003. – 96 с.
28. ВРАНГЕЛЬ, Н. Н. Дни скорби: дневник 1914–1915 гг. / барон Н. Н. Врангель ; [сост. и коммент. А. А. Мурашева]. – Санкт-Петербург : Нева, 2001. – 319 с.
29. ГАЛАКТИОНОВ, М. Париж, 1914 : темпы операций / М. Галактионов. – Москва ; Санкт-Петербург : АСТ : Terrafantastica, 2001. – 701 с.
30. ГЕРГИЛЕВА, А. И. Военнопленные Первой мировой войны на территории Сибири : февраль 1917–1920 гг. / А. И. Гергилева. – Красноярск : Сибирский гос. технол. ун-т, 2007. – 123 с.
31. ГЛАДКИХ, П. Ф. Очерки истории отечественной военной медицины / П. Ф. Гладких, И. Г. Корнюшко, А. Е. Локтев. – Уфа : ДизайнПолиграф-Сервис, 2006. – Кн. 3 : Медицинская служба русской армии накануне и в ходе Первой мировой войны, 1906–1917 гг. – 319 с. : ил.

32. ГОЛОВИН, Н. Н. Военные усилия России в мировой войне / Н. Н. Головин. – Москва : Кучково поле, 2001. – 434 с.
33. ГОЛОВИН, Н. Н. Россия в Первой мировой войне / Н. Н. Головин. – Москва : Вече, 2006. – 524 с.
34. ГОНЧАРЕНКО, О. Г. Последние битвы императорского флота / О. Г. Гончаренко. – Москва : Вече, 2008. – 313 с.
35. ГОРОДСКОЕ самоуправление Уфимской губернии в годы Первой мировой войны : документы и материалы / [сост. О. А. Полянина]. – Уфа : РИЦ БашГУ, 2008. – 154 с.
36. ГРАФ, Г. К. Флот и война. Балтийский флот в Первую мировую / Г. К. Граф. – Москва : Вече, 2011. – 318 с.
37. ГУЖВА, Д. Г. Военная периодическая печать русской армии в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг. : монография / Д. Г. Гужва. – Новосибирск : НВВКУ (ВИ), 2009. – 168 с.
38. ГУРКО, В. И. Война и революция в России 1914–1917 : мемуары командующего Западным фронтом, 1914–1917 / В. И. Гурко ; [пер. с англ. М. Г. Барышникова]. – Москва : Центрполиграф, 2007. – 399 с.
39. ГУЩИН, Ф. А. Пленные генералы Российской императорской армии, 1914–1917 / Ф. А. Гушин, С. С. Жебровский. – Москва : Русский путь, 2010. – 381 с.
40. ДАНИЛОВ, О. Ю. Пролог «великой войны», 1904–1914 : кто и как втягивал Россию в мировой конфликт / О. Ю. Данилов. – Москва : Поколение, 2010. – 409 с.
41. ДВИНГЕР, Э. Э. Армия за колючей проволокой : дневник немецкого военнопленного в России, 1915–1918 гг. / Э. Э. Двингер. – Москва : Центрполиграф, 2004. – 350 с.
42. ДЕРЯБИН, А. И. Первая мировая война, 1914–1918. Кавалерия Российской Императорской Гвардии / А. И. Дерябин ; худож. И. Дзысь. – Москва : АСТ, 2000. – 46 с. : ил.
43. ДНЕВНИК подпоручика лейб-гвардии Егерского полка М. М. Печковского. Воспоминания войны за 1915 г. (Ломжиллистская операция, Колмсая и Виленская) / М. М. Печковский ; сост. Ю. И. Сафронов. – Санкт-Петербург : Нестор, 2009. – 120 с. : ил.
44. ЕВДОКИМОВ, Р. Н. Казачьи войска в условиях Кавказского фронта Первой мировой войны (1914–1918) / Р. Н. Евдокимов. – Москва : Компания «Спутник+», 2009. – 360 с.

45. ЕЛИСЕЕВ, Ф. И. Казаки на Кавказском фронте, 1914–1917 : записки полковника Кубанского казачьего войска в 13 брошюрах-тетрадах / Ф. И. Елисеев; [предисл. П. Стрелянова (Калабухова)]. – Москва : Воен. изд-во, 2001. – 291 с.
46. ЕМЕЛЬЯНОВ, А. Г. Казаки на персидском фронте (1915–1918) / А. Г. Емельянов. – Москва : Вече, 2007. – 444 с.
47. ЕРЕМИН, И. А. Томская губерния как тыловой район России в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) / И. А. Еремин. – Барнаул : Изд-во БГПУ, 2005. – 276 с. : ил.
48. ЗА БАЛКАНСКИМИ фронтами Первой мировой войны / отв. ред. В. Н. Виноградов [и др.]. – Москва : Индрик, 2002. – 502 с.
49. ЗАБЫТАЯ война и преданные герои / [авт.-сост. Е. Н. Рудая ; редкол. Е. А. Бондарева и др.]. – Москва : Вече, 2011. – 318 с.
50. ЗАЙОНЧКОВСКИЙ, А. М. Первая мировая война / А. М. Зайончковский. – Санкт-Петербург : Полигон, 2000. – 878 с.
51. ЗАЛЕССКИЙ, К. А. Кто был кто в Первой мировой войне : биографический энциклопедический словарь / К. А. Залесский. – Москва : Астрель : АСТ, 2003. – 891 с.
52. ЗВЕРЕВ, В. О. Противодействие германскому военно-промышленному шпионажу в Санкт-Петербурге накануне Первой мировой войны : монография / В. О. Зверев. – Омск : Омская академия МВД России, 2008. – 167 с. : ил.
53. ИКОННИКОВА, Т. Я. Военнопленные Первой мировой войны на Дальнем Востоке России (1914–1918 гг.) / Т. Я. Иконникова. – Хабаровск : Изд-во ГОУ ВПО «Хабар. гос. пед. ун-т», 2004. – 177 с.
54. КАЛЬСИНА, А. А. Развитие образования и здравоохранения в Пермской губернии в период Первой мировой и Гражданской войн (1914–1919 годы) : монография / А. А. Кальсина, Т. Ю. Шестова. – Пермь : ЗУИЭП, 2011. – 332 с.
55. КИГАН, Д. Первая мировая война / Джон Киган ; пер. с англ. Т. Горошковой, А. Николаева. – Москва : АСТ, 2002. – 572 с.
56. КИРЕЕВ, Ф. С. Герои и подвиги : уроженцы Осетии в Первой мировой войне / Ф. С. Киреев. – Владикавказ : Ир, 2010. – 141 с.
57. КИРЬЯНОВ, Ю. И. Социально-политический протест рабочих России в годы Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917 гг.) / Ю. И. Кирьянов. – Москва : Ин-т российской истории, 2005. – 215 с.
58. КИТАНИНА, Т. М. Россия в Первой мировой войне 1914–1917 гг. : учеб. пособие. В 2 ч. Ч. 1: Экономическая политика царского прави-

- тельства в первые годы войны. 1914 – середина 1916 г. / Т. М. Китанина. – Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. – 144 с.
59. КИТАЙСКИЕ рабочие на Урале в годы Первой мировой войны : документы и материалы. Российско-китайский научный проект / сост. Е. Ю. Рукосуев [и др.]. – Екатеринбург : НИСО УрО РАН, 2010. – 324 с.
60. КЛОЧКОВ, Д. А. Гвардейская пехота : нижние чины / Д. А. Клочков. – Москва : Рус. витязи, 2011. – 333 с. : ил.
61. КОЗЛОВ, Д. Ю. Нарушение морских коммуникаций по опыту действий Российского флота в Первой мировой войне (1914–1917) / Д. Ю. Козлов. – Москва : Ун-т Дмитрия Пожарского, 2013. – 533 с. : ил.
62. КОЗЛОВ, Д. Ю. Сражение за Рижский залив. Лето 1915 г. / Д. Ю. Козлов. – Москва : Цейхгауз, 2007. – 63 с. : ил.
63. КОЗЛОВ, Д. Ю. «Странная война» в Черном море (август – октябрь 1914 г.) / Д. Ю. Козлов. – Москва : Квадрига, 2009. – 220 с. – Имен. указ. : с. 213–216. – Указ. кораблей : с. 217–221.
64. КОЗЛОВ, Д. Ю. Цель – шведская руда: действия надводных сил флота Балтийского моря на неприятельских коммуникациях в кампанию 1916 года / Д. Ю. Козлов. – Москва : Цейхгауз, 2008. – 48 с. : ил., карты.
65. КОЛОМИЕЦ, М. В. Русские броневики в бою : бронечасты Первой мировой / М. В. Коломиец. – Москва : Яуза, 2013. – 174 с.
66. КОЛОНИЦКИЙ, Б. И. Трагическая эротика : образы императорской семьи в годы Первой мировой войны / Б. И. Колоницкий. – Москва : Новое лит. обозрение, 2010. – 657 с.
67. КОМАРОВА, Т. С. Тем, кто в забвенье брошен был судьбой...: Енисейская губерния в годы Первой мировой войны / Т. С. Комарова. – Красноярск : Сибирский печатный двор, 2007. – 138 с. : ил.
68. КОРГАНОВ, Г. Г. Участие армян в мировой войне на Кавказском фронте (1914–1918) : с 19-ю схемами / Г. Г. Корганов ; пер. с фр. Ю. Л. Пирумяна, Э. Е. Долбакяна. – Москва : МАКС Пресс, 2011. – 183 с.
69. КОРНИШ, Н. Русская армия, 1914–1918 : пер. с англ. / Н. Корниш; худож. А. Карашук. – Москва : АСТ, 2005. – 71 с. : ил.
70. КОРСАК, В. В. Плен : [неизвестные страницы российской истории] / В. Корсак. – Москва : Изд-во «В. А. Стрелецкий», 2009. – 253 с.
71. КОРСУН, Н. Г. Кавказский фронт Первой мировой войны / Н. Г. Корсун. – Москва : Транзиткнига : АСТ, 2004. – 685 с.
72. КОСТЯЕВ, Э. В. Отношение Г. В. Плеханова и его единомышленников к проблемам войны и мира в 1914–1918 годах / Э. В. Костяев ;

- под ред. А. И. Авруса. – Саратов : Саратов. гос. техн. ун-т, 2002. – 107 с.
73. КРЮЧКОВ, И. В. Военнопленные Австро-Венгрии, Германии и Османской империи на территории Ставропольской губернии в годы Первой мировой войны / И. В. Крючков. – Ставрополь : Пятигорск. гос. лингв. ун-т, 2006. – 143 с.
 74. КРЯЖЕВ, Ю. Н. Военно-политическая деятельность царя Николая II в период 1904–1914 гг. / Ю. Н. Кряжев. – Курган : Б. и., 2000. – 263 с.
 75. КТО развязал Первую мировую : тайна сараевского убийства : [сборник] / ред.-сост. В. Л. Гончаров. – Москва : Вече, 2010. – 330 с.
 76. КУЛИКОВ, С. В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917) / С. В. Куликов. – Рязань : Изд-во «П. А. Трибунский», 2004. – 472 с.
 77. КУПЦОВА, И. В. Художественная жизнь Москвы и Петрограда в годы Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917 г.) / И. В. Купцова. – Санкт-Петербург : Нестор, 2004. – 211 с.
 78. КУРОПАТКИН, А. Н. Дневник генерала А. Н. Куропаткина / вступ. ст. О. Р. Айрапетова. – Москва : ГПИБ, 2010. – 452 с.
 79. КЮНГ, П. А. Мобилизация экономики и частный бизнес в России в годы Первой мировой войны / П. А. Кюнг. – Москва : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2012. – 237 с.
 80. ЛАВРЕНЕЦ, В. И. На заре русской авиации : документальные рассказы / В. И. Лавренец. – Москва : МБОФ «Победа -1945 год», 2000. – 543 с.
 81. ЛАЗАРЕВ, С. А. Герои Великой войны : известные и неизвестные / С. А. Лазарев. – Санкт-Петербург : Атлант, 2007. – 382 с. : ил.
 82. ЛАРИОНОВ, Я. М. Записки участника мировой войны : 26-я пехотная дивизия в операциях 1-й и 2-й русских армий на Восточно-Прусском и Польском театрах в начале войны (составлены по дневнику и полевым документам) / Я. М. Ларионов. – Москва : ГПИБ, 2009. – 174 с.
 83. ЛАХАРЕВА, Н. В. Ревэвакуация беженцев Первой мировой войны с территории Курской губернии (1918–1925 гг.) / Н. В. Лахарева. – Курск : Б.и., 2001. – 204 с.
 84. ЛЕМИШЕВСКИЙ, П. В. Боевые действия на Балтике в годы Первой мировой войны / П. В. Лемишевский. – Санкт-Петербург : Петербург. ин-т печати, 2005. – 216 с.
 85. ЛИДДЕЛ ХАРТ, Б. Г. Правда о Первой мировой войне / Генри Басил Лиддел Гарт ; пер. с англ. О. Триэля. – Москва : Яуза: ЭКСМО, 2009. – 477 с.

86. ЛИПИНА, С. А. Модернизационные процессы в промышленности Удмуртии накануне и в годы Первой мировой войны (1910–1917 гг.) : монография / С. А. Липина. – Ижевск : Изд-во ИжГТУ, 2010. – 191 с.
87. ЛОР, Э. Русский национализм и Российская империя : кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны / Эрик Лор ; [пер. с англ. В. Макарова]. – Москва : Новое лит. обозрение, 2012. – 301 с. : карты.
88. ЛОРЕЙ, Г. Операции германо-турецких сил в 1914–1918 гг. / Г. Лорей. – Санкт-Петербург : Полигон, 2004. – 527 с. : ил.
89. ЛЫКОВ, И. П. 92-й пехотный Печорский полк и его участие в Первой мировой войне / И. П. Лыков. – Москва : Спецкнига, 2011. – 297 с. : ил.
90. ЛЮДЕНДОРФ, Э. Мои воспоминания о войне : Первая мировая в записках германского полководца 1914–1918 / Э. Людендорф. – Москва : Центрполиграф, 2007. – 349 с.
91. МАГОМЕДОВ, Р. Р. Война и хлеб : история продовольственной политики государства на Южном Урале в годы Первой мировой войны / Р. Р. Магомедов, Л. В. Гришакова. – Оренбург : ОГПУ, 2012. – 171 с.
92. МАЕВСКИЙ, И. В. Экономика русской промышленности в условиях Первой мировой войны / И. В. Маевский. – Москва : Дело, 2003. – 284 с.
93. МАЙСИГОВ, Д. С. Чеченский полк «Дикой дивизии» / Д. С. Майсигов, Г. А. Мурзабеков. – Назрань : Пилигрим, 2009. – 234 с.
94. МАНОЦКОВ, Г. И. Донцы Первой мировой. Ч. 1. Герои с Хопра и Бузулука: историко-документальное повествование / Г. И. Маноцков. – 2-е изд., доп. и перераб. – Михайловка : Михайлов. тип., 2013. – 304 с.
95. МАРКЕВИЧ, А. Первая мировая война, Гражданская война и восстановление : национальный доход России в 1913–1928 гг. / А. Маркевич, М. Харрисон ; пер. с англ. Е. Артемова. – Москва : Мысль, 2013. – 109 с.
96. МАРКОВ, О. Д. Армия и флот России 1914–1917 гг. : (состав, организация, довольствие) / О. Д. Марков. – Санкт-Петербург : Моринтех, 2011. – 327 с.
97. МАТВЕЕВА, Н. Л. Благотворительность и императорская семья в годы Первой мировой войны / Н. Л. Матвеева. – Москва : Изд-во МГОУ, 2004. – 189 с.
98. МЕЛЬГУНОВ, С. П. Легенда о сепаратном мире : канун революции / С. П. Мельгунов. – Москва : Вече, 2006. – 615 с.

99. МЕРКУШОВ, В. А. Записки подводника, 1905–1915 / В. А. Меркушов ; сост. и науч. ред. В. В. Лобицын. – Москва : Согласие, 2004. – 622 с.
100. МИНАКОВА, В. П. Общественно-педагогическое движение в России в годы Первой мировой войны / В. П. Минакова, И. В. Фомичев. – Воронеж : ИММиФ, 2003. – 182 с.
101. МИР накануне Первой мировой войны / [К. К. Берндль [и др.] ; пер с англ. В. Г. Тарасова]. – Москва : Мир книги, 2008. – 95 с. : ил.
102. МИРОВЫЕ войны XX века. В 4 кн. / РАН. Ин-т всеобщ. истории и др. – Москва : Наука, 2002.
Кн. 1 : Первая мировая война: исторический очерк / науч. ред. В. Л. Мальков ; отв. ред. Г. Д. Шкундин. – 686 с.
Кн. 2 : Первая мировая война: документы и материалы / науч. рук. Б. М. Туполев; отв. ред. В. К. Шаццлло ; сост. А. П. Жилин. – 581 с.
103. МИРОНОВ, Б. Н. Благополучие населения и революции в имперской России : XVIII–начало XX века / Б. Н. Мионов. – Москва : Весь мир, 2012. – 848 с.
104. МИРОНОВ, В. В. Австро-Венгерская армия в Первой мировой войне : разрушение оплота Габсбургской монархии : монография / В. В. Мионов. – Тамбов : Изд-во ТГУ, 2011. – 408 с.
105. МИРОНОВ-ТВЕРСКОЙ, Д. Судьба солдата забытой войны : документальная повесть по материалам фронтового дневника 1914–1917 годов / Д. Мионов-Тверской. – Вышний Волочек : [Б. и.], 2006. – 118 с.
106. МИТЮРИН, Д. Летящие тузы : российские асы Первой мировой войны / Д. Митюрин, Ю. Медведько. – Санкт-Петербург : Новое культурное пространство, 2006. – 431 с.
107. МИЧУРИН, А. Н. Политическая борьба в Государственном совете в годы Первой мировой войны / А. Н. Мичурин. – Санкт-Петербург : Изд-во Политех. ун-та, 2010. – 323 с.
108. МУЛЬТАТУЛИ, П. В. Господь да благословит решение мое... : император Николай II во главе действующей армии и заговор генералов / П. В. Мультатули. – Санкт-Петербург : Держава Сатись, 2002. – 348 с.
109. МЮНЦЕНБЕРГ, В. Социалистические организации молодежи до и во время Первой мировой войны / В. Мюнценберг. – Изд. 2-е. – Москва : URSS ЛИБРОКОМ, 2012. – 278 с.
110. НАГОРНАЯ, О. С. Другой военный опыт : российские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914–1922) / О. С. Нагорная. – Москва : Новый хронограф, 2010. – 439 с.

111. НАПАЛКОВ, А. В. Офицерский корпус Императорского флота Балтийского моря в годы Первой мировой войны : (август 1914 – февраль 1917 г.) / А. В. Напалков. – Санкт-Петербург : Полторацк, 2010. – 138 с.
112. НЕЛИПОВИЧ, С. Г. «Брусиловский прорыв» : наступление Юго-Западного фронта в кампанию 1916 года / С. Г. Нелипович. – Москва : Цейхгауз, 2006. – 47 с. : ил.
113. НЕЛИПОВИЧ, С. Г. Варшавское сражение. Октябрь 1914 / С. Г. Нелипович. – Москва : Цейхгауз, 2006. – 64 с. : ил.
114. НЕЧАК, Д. Перелом: 1914–1918 : мир и словенцы в Первой мировой войне / Д. Нечак, Б. Репе ; [пер. со словен. Т. Чепелевская, Н. Пилько ; авт. послесл. А. Ленарчич]. – Любляна : UMco, 2012. – 439 с.
115. НИКОЛЬСКОЙ, С. Н. «Муромцы» в бою : подвиги русских авиаторов / С. Н. Никольской, М. Н. Никольской. – [Науч.-попул. изд.]. – Москва : Эксмо : Яуза, 2010. – 380 с.
116. НИКОЛЬСКОЙ, С. Н. На воздушном корабле : из дневника войны 1914–1917 гг. / С. Н. Никольской. – Москва : ОМП-Пресс, 2001. – 222 с. : ил.
117. НОВИКОВ, П. А. Восточно-Сибирские стрелки в Первой мировой войне : 2-й, 3-й и 7-й Сибирские армейские корпуса в 1914–1918 гг. : монография / П. А. Новиков. – Иркутск : Изд-во Иркут. гос. техн. ун-та, 2008. – 275 с.
118. НОВИКОВА, И. Н. «Между молотом и наковальней» : Швеция в германо-русском противостоянии на Балтике в годы Первой мировой войны / И. Н. Новикова. – Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. – 448 с.
119. ОБУХОВИЧ, В. А. Самолеты Первой мировой войны : [все типы и модификации самолетов Австро-Венгрии, Великобритании, Германии, Франции, России, Италии] / В. Обухович, А. Никифоров. – Минск : Харвест, 2003. – 367 с. : ил.
120. ОЛЕЙНИКОВ, А. В. Дарданелльская операция 19 февраля 1915 г. – 9 января 1916 г / А. В. Олейников. – Астрахань : Астрах. ун-т, 2009. – 184 с.
121. ОЛЕЙНИКОВ, А. В. Россия и союзники в Первой мировой войне 1914–1918 гг. : монография / А. В. Олейников – Астрахань : Астрахан. ун-т, 2009. – 230 с.
122. ОСЬКИН, М. В. Брусиловский прорыв / М. В. Оськин. – Москва : Яуза : Эксмо, 2010. – 412 с. : ил.

123. ОСЬКИН, М. В. История Первой мировой войны / М. В. Оськин. – Москва : Вече, 2014. – 492 с.
124. ОСЬКИН, М. В. Крах конного блицкрига : кавалерия в Первой мировой войне / М. В. Оськин. – Москва : Яуза : Эксмо, 2009. – 444 с.
125. ОСЬКИН, М. В. Крушение германского блицкрига в 1914 году / М. В. Оськин. – Москва : Цейхгауз, 2006. – 47 с. : ил.
126. ОСЬКИН, М. В. Неизвестные трагедии Первой мировой : пленные, дезертиры, беженцы / М. В. Оськин. – Москва : Вече, 2011. – 427 с.
127. ОСЬКИН, М. В. Первая мировая война / М. В. Оськин. – Москва : Вече, 2010. – 367 с.
128. ОТРОКОВА, О. Ю. США и английская морская блокада / О. Ю. Отрокова – Самара : Самар. ун-т, 2000. – 32 с.
129. ПАВЛОВ, А. Ю. «Русская одиссея» эпохи Первой мировой : русские экспедиционные силы во Франции и на Балканах / А. Ю. Павлов. – Москва : Вече; Санкт-Петербург : Изд-во рус. гос. христиан. акад, 2011. – 215 с.
130. ПАВЛОВ, А. Ю. Скованные одной целью : стратегическое взаимодействие России и ее союзников в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.) : монография / А. Ю. Павлов. – Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008. – 186 с.
131. ПАВЛОВА, И. П. Социальное попечение в России в годы Первой мировой войны / И. П. Павлова. – Красноярск : Краснояр. гос. аграр. ун-т, 2003. – 150 с.
132. ПЕРВАЯ мировая война: взгляд спустя столетие : материалы междунар. конф. «Первая мировая война и современный мир», (26-27 мая 2010, Москва) / [под общ. ред. С. С. Степанова, Е. Ю. Сергеева]. – Москва : Изд-во МНЭПУ, 2011. – 559 с.
133. ПЕРВАЯ мировая война в истории Беларуси, России и мира : материалы междунар. конф., Могилев, 28-29 апреля 2011 г. / [сост. А. О. Наумов]. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 2011. – 215 с.
134. ПЕРВАЯ мировая война, Версальская система и современность : сборник статей [материалы второй междунар. науч. конф., 7-8 октября 2011 г. / отв. ред. И. Н. Новикова, А. Ю. Павлов]. – Санкт-Петербург : С.-Петерб. гос. ун-т, 2012. – 352 с.
135. ПЕСТУШКО, Ю. С. Российско-японские отношения в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.) / Ю. С. Пестушко. – Хабаровск : Изд-во ДВГГУ, 2008. – 236 с.

136. ПИСЬМА с Первой мировой / [под ред. В. А. Григорян]. – Москва : Юго-Восток-Сервис, 2006. – 100 с.
137. ПОКРОВСКИЙ, М. Н. Империалистская война. 1915–1930 гг. / М. Н. Покровский. – Изд. 3-е. – Москва : URSS ЛИБРОКОМ, 2009. – 340 с.
138. ПОЛИКАРПОВ, В. В. От Цусимы к Февралю : царизм и военная промышленность в начале XX века / В. В. Поликарпов. – [Науч. изд.]. – Москва : Индрик, 2008. – 550 с.
139. ПОРОШИН, А. А. Полководческое становление главнокомандующих армиями фронтов Первой мировой войны / А. А. Порошин. – Саратов : Саратов. гос.техн. ун-т, 2011. – 318 с.
140. ПОРШНЕВА, О. С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны / О. С. Поршнева. – Москва: РОС-СПЭН, 2004. – 365 с.
141. ПОРШНЕВА, О. С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны : (1914 – март 1918 г.) / О. С. Поршнева. – Екатеринбург : УрО РАН, 2000. – 415 с.
142. ПОСАДСКИЙ, А. В. Крестьянство во всеобщей мобилизации армии и флота 1914 года : (на материалах Саратовской губернии) / А. В. Посадский. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2002. – 159 с.
143. ПОСЛЕДНЯЯ война императорской России : сб. ст. / под ред. О. Р. Айрапетова ; пер. с англ. О. Р. Айрапетова, с серб. Л. В. Кузьмичевой. – Москва : Три квадрата, 2002. – 267 с.
144. ПОСЛЕДНЯЯ война Российской империи : Россия, мир накануне, в ходе и после Первой мировой войны по документам российских и зарубежных архивов: материалы междунар. науч. конф., Москва, 7-8 сентября 2004 года / [сост. И. А. Анфертьев и др.; отв. ред. В. П. Козлов]. – Москва : Наука, 2006. – 386 с.
145. ПУЗЫРЕВ, В. П. Торговый флот России в Первой мировой войне 1914–1917гг. : ист. очерк / В. П. Пузырев. – Москва : Союзморниипроект, 2001. – 162 с.
146. ПУЗЫРЕВСКИЙ, К. П. Повреждения кораблей от артиллерии и борьба за живучесть : по историческим архивным и литературным материалам Первой мировой войны 1914–1918 годов / К. П. Пузыревский. – Санкт-Петербург : издатель М. А. Леонов, 2002. – 256 с.
147. РИХТГОФЕН, М. Красный истребитель : воспоминания немецкого аса Первой мировой войны / М. фон Рихтгофен. – Москва : Центрполиграф, 2004. – 157 с.

148. РОМАНОВ, А. В. Военный дневник великого князя Андрея Владимировича Романова (1914–1917) / сост., предисл., коммент. В. М. Осин, В. М. Хрусталева. – Москва : Изд-во им. Сабашниковых, 2008. – 447 с., ил.
149. РОММЕЛЬ, Э. Пехота наступает : события и опыт : [воспоминания] / Эрвин Роммель ; [пер., вступ. ст. В. Л. Телицын]. – Москва : PRINCIPIUM, 2013. – 478 с.
150. РОНГЕ, М. Война и индустрия шпионажа / М. Ронге. – Москва : Изд. дом «Правовое просвещение», 2000. – 287 с.
151. РОНГЕ, М. Разведка и контрразведка : мемуары полковника австрийского генерального штаба / Макс Ронге ; [вступ. ст. В. Гончарова]. – Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. – 325 с.
152. РОССИЯ и Великая война : опыт и перспективы осмысления роли Первой мировой войны в России и за рубежом: материалы международной конференции, Москва, 8 декабря 2010 г. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 2011. – 205 с.
153. РОССИЯ и мир после Первой мировой войны (к 90-летию окончания войны и подписания послевоенных соглашений) : материалы междунар. науч. конф., 11-12 ноября 2008 г. / [редкол. А. Г. Айрапетов и др.]. – Тамбов : Изд. дом ТГУ, 2009. – 354 с.
154. РОССИЯ и Первая мировая война : (материалы междунар. науч. коллоквиума), 1-5 июня 1998 г. / ред. кол. З. Галили, Р. Зелник ; отв. ред. Н. Н. Смирнов. – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 1999. – 562 с.
Содерж.: *Развитие политического и социального кризиса в России в период от кануна Первой мировой войны до Февральской революции / Л. Хаймсон. – С. 17–34; От И. Л. Горемыкина к Б. В. Штюрмеру: верховная власть и Совет министров (сентябрь 1915 – январь 1916 г.) / Ганелин, Р. Ш., Флоринский, М. Ф. – С. 34–48; Великая война и российская память / Д. Орловски. – С. 49–57; Великая война и общественное сознание: превратности индоктринации и восприятие / Дьячков, В. Л., Протасов, Л. Г. – С. 58–67; Тотальная мобилизация и политика населения: российская катастрофа (1914–1921) в европейском контексте / П. Холквист. – С. 83–101; Беженство / А. Курцев. – С. 129–146; Сухой закон в годы Первой мировой войны: причины, концепция и последствия введения сухого закона в России. 1914–1917 гг. / А. Макки – С. 147–159; Первая мировая война и перспективы демократического преобразования Российской империи / В. Ю. Черняев. – С. 189–201; Беспорядки среди призывни-*

- ков в 1914 г. и вопрос о русской нации: новый взгляд на проблему / Д. Санборн. – С. 202–215; Численность и состав правых партий в России в 1914–1917 гг. / Ю. И. Кирьянов. – С. 216–229; Камарилья / И. В. Лукоянов. – С. 230–239; Война и российская интеллигенция / Н. Н. Смирнов. – С. 257–270; Политические функции англофобии в годы Первой мировой войны / Б. И. Колоницкий. – С. 271–287; Между патриотизмом и радикализмом: петроградские студенты в годы Первой мировой войны / С. Морисси. – С. 288–302; Первая мировая война в лубочной литературе / Б. Хеллман. – С. 303–314; «Война, в которую мы верим»: начало Первой мировой войны в восприятии духовной элиты России / В. В. Носков. – С. 326–339; Великая война и искусственное усиление этнического самосознания в Российской империи / М. Хаген фон. – С. 385–405; Война империй и кризис имперства: к социокультурному переосмыслению / В. П. Булдаков. – С. 406–418; Первая мировая война глазами российских мусульман / С. М. Исхаков. – С. 419–431; Конструирование русско-германских экономических отношений после Первой мировой войны по материалам российской повременной печати / Т. М. Китанина. – С. 457–466; Подданный и гражданин: налогообложение в Российской империи и Советской России и его подтекст / Я. Коцонис. – С. 467–481; Государственно-капиталистические и кооперативные тенденции в экономике России: 1914–1917 гг. / А. В. Островский. – С. 482–496; Переговоры министра финансов П. Л. Барка в Париже и Лондоне в 1915–1916 гг. (по материалам французских архивов) / С. Г. Беляев. – С. 497–509.*
155. РУГА, В. Э. Повседневная жизнь Москвы : очерки городского быта в период Первой мировой войны / В. Руга, А. Кокорев. – Москва ; Владимир : АСТ : Астрель, 2011. – 677 с.
156. РУКОСУЕВ, Е. Ю. Китайские рабочие на Урале в годы Первой мировой войны : документы и комментарии : российско-китайский научный проект : монография / Е. Ю. Рукосуев, Г. Н. Шумкин, Мин Шен. – Екатеринбург : УрО РАН, 2010. – 326 с.
157. РУССКАЯ публицистика и периодика эпохи Первой мировой войны : политика и поэтика : исследования и материалы [сб. ст. по материалам круглого стола; Москва, 1–2 ноября 2012 г. / отв. ред. В. В. Полонский] – Москва : ИМЛИ, 2013. – 598 с.
158. РУССКИЕ военные фотографии конца XIX – начала XX вв. Первая мировая война в фотографиях и рисунках 1914–1918 гг. / Российская

- государственная библиотека; орг. кол.: Волков С. В. [и др.], Первая мировая война в фотографиях и рисунках 1914–1918 гг. – Москва : РГБ, 2009. – Систем. требования: IBM, Pentium 3 500 Mhz ; RAM 128 Mb ; HDD 20 Mb ; Windows 2000. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
159. РУССКИЙ сборник : исследования по истории России XIX–XX вв. / ред.-сост. М. А. Колеров [и др.]. – Москва : Модест Колеров, 2006. – Т. 3. – 366 с.
160. РЯБИЧЕНКО, С. А. Погромы 1915 года : три дня из жизни неизвестной Москвы / С. А. Рябиченко. – [2-е изд., перераб. и доп.]. – Москва : Глобус, 2002. – 157 с.
161. РЯЗАНСКАЯ книга памяти Великой войны 1914–1918 годов. Т. 1. Призванные преимущественно из Рязани и Рязанского уезда. Потери кадровых и ополченских частей, ушедших на фронты Великой войны из Рязани. Умершие в рязанских лазаретах и госпиталях / сост. А. И. Григоров. – Москва : Типография РосАрхива, 2010. – 940 с.
162. САЛОВА, С. В. Буржуазия России в годы Первой мировой войны, 1914–1917 гг. : ист.-регион. аспект / С. В. Салова ; под общ. ред. М. В. Астахова. – Самара : Сам. центр аналит. ист. и ист. информ., 2005. – 243 с.
163. САМОХИН, К. В. Тамбовское крестьянство в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.) / К. В. Самохин. – Санкт-Петербург : Нестор, 2004. – 120 с.
164. САПОН, В. П. Опыт развития многопартийности в Нижегородской губернии в годы Первой мировой войны (дофевральский период) : монография / В. П. Сапон. – Нижний Новгород : НФ УРАО, 2014. – 136 с.
165. СЕМЕНОВА, Е. Ю. Культура Поволжья в годы Первой мировой войны (1914 – начало 1918 гг.) : по материалам Самарской, Симбирской, Пензенской и Саратовской губерний / Е. Ю. Семенова. – Самара : Самар. гос. техн. ун-т, 2007. – 290 с.
166. СЕМЕНОВА, Е. Ю. Мировоззрение городского населения Поволжья в годы Первой мировой войны (1914 – начало 1918 гг.) : социальный, экономический, политический аспекты / Е. Ю. Семенова. – Самара : СПЦ РАН, 2012. – 887 с.
167. СЕМЕНОВА, Е. Ю. Социально-экономические и общественно-политические условия жизни горожан Поволжья в Первую мировую войну (1914 – начало 1918 гг.) : сб. док. и материалов / Е. Ю. Семенова. – Самара : СНЦ РАН, 2011. – 605 с.

168. СЕРГЕЕВСКИЙ, Б. Н. Пережитое 1914 : [воспоминания о войне] / Б. Н. Сергеевский. – Москва : Изд-во ГПИБ, 2009. – 208 с.
169. СЕРЕБРЕННИКОВ, И. И. Претерпев судеб удары. Дневник 1914–1918 гг. / И. И. Серебрянников ; ред.-сост. Г. С. Андреев и др. – Иркутск : Сапронов, 2008. – 591 с.
170. СМАРЖЕВСКАЯ, И. И. Гренадеры: сб. док. 6-го гренадерского Таврического генерал-фельдмаршала Великого Князя Михаила Николаевича полка / подгот. И. И. Смержевская. – Москва : МАКС Пресс, 2002. – 144 с.
171. СНЕСАРЕВ, А. Е. Письма с фронта : 1914–1917 / А. Е. Снесарев. – Москва : Кучково поле : Беркут, 2012. – 800 с.
172. СОБОЛЕВ, И. Г. Борьба с «немецким засильем» в России в годы Первой мировой войны / И. Г. Соболев. – Санкт-Петербург: РНБ, 2004. – 176 с.
173. СОБОЛЕВ, Г. Л. Тайный союзник : русская революция и Германия, 1914–1918 / Г. Л. Соболев. – Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2009. – 475 с.
174. СПИРИДОВИЧ, А. И. Великая война и февральская революция (1914–1917) : воспоминания, мемуары / А. И. Спиридович. – Минск : Харвест, 2004. – 719 с.
175. СТЕПАНОВ, А. И. Россия в Первой мировой войне : геополитический статус и революционная смена власти / А. И. Степанов. – Москва : Пробел, 2000. – 219 с.
176. СТЕПУН, Ф. А. Из писем прапорщика-артиллериста / Ф. Степун (Н. Лугин). – Томск : Водолей, 2000. – 192 с.
177. СТОУН, Н. Первая мировая война : краткая история / Норман Стоун; [пер. с англ. И. В. Лобанова]. – Москва : АСТ, 2010. – 219 с. : карт.
178. СУДАВЦОВ, Н. Д. Земское и городское самоуправление России в годы Первой мировой войны / Н. Д. Судавцов. – Москва ; Ставрополь : Изд-во СГУ, 2001. – 718 с.
179. ТАКМАН, Б. Первый блицкриг, август 1914 / Барбара Такман; [предисл. и пер. с англ. О. Касимова]. – Москва ; Санкт-Петербург : АСТ : TerraFantastica, 2002. – 635 с.
180. ТАРСАИДЗЕ, А. Ф. Четыре мифа о Первой мировой / А. Г. Тарсаидзе. – Москва : Кучково поле : Гиперборея, 2007. – 480 с.
181. ТЕРЕШИНА, Е. П. Отношение населения Поволжья к Первой мировой войне (по материалам периодической печати 1914–1917 гг.) / Е. П. Терешина. – Набережные Челны : Казан. гос. ун-т, 2009. – 189 с.

182. ТЕРРЕЙН, Д. Великая война: Первая мировая – предпосылки и развитие / Д. Террейн ; [пер. с англ. Е. Б. Поспеловой]. – Москва : Центрполиграф, 2004. – 252с.
183. УДМУРТИЯ в период Первой мировой войны, 1914–1918 : сборник документов / [сост. М. А. Микрюкова и др.; редкол. Н. К. Коробейникова и др.]. – Ижевск : Удмурт. ин-т истории, языка и лит., 2006. – 297 с.
184. УТКИН, А. И. Забытая трагедия : Россия в Первой мировой войне / А. И. Уткин. – Смоленск : Русич, 2000. – 636 с.
185. УТКИН, А. И. Первая мировая война / А. И. Уткин. – Москва : Культурная революция, 2013. – 556 с.
186. ФЕДОСЕЕВ, С. Пулеметы в Первой мировой войне / С. Федосеев. – Москва : Техинформ, 2003. – 40 с.
187. ФЕДОСЕЕВ, С. Л. «Пушечное мясо» Первой мировой : пехота в бою / С. Л. Федосеев. – Москва : Яуза : Эксмо, 2009. – 572 с.
188. ФЕДОСЕЕВ, С. Л. Самые первые танки. «Дьявол идет!» : «самцы» и «самки» Первой мировой / С. Л. Федосеев. – Москва : Яуза, 2011. – 126 с.
189. ФЛИСОВСКИЙ, З. Ютландия : 1916 : [пер. с пол.] / З. Флисовский. – Москва : АСТ, 2003. – 254 с.
190. ФОСТЕН, Д. Германская армия, 1914–1918 / Д. Фостен, Р. Мэррион ; пер. с англ. Мальцевой. – Москва : АСТ, 2003. – 62 с.
191. ФОШ, Ф. Воспоминания : война 1914–1918 гг. / Ф. Фош. – Санкт-Петербург : С.-Петербург. гос. ун-т, 2005. – 535 с.
192. ФУНКЕН, Ф. Первая мировая война, 1914–1918 : кавалерия – артиллерия – инженеры – военно-морской флот / Ф. Функен, Л. Функен ; [пер. с фр. М. Б. Ивановой]. – Москва : Астрель : АСТ, 2002. – 147 с.
193. ХЕСКЕТ-ПРИТЧАРД, Х. Снайперы Первой мировой / Х. Хескет-Притчард ; [пер. с англ. под ред. и с предисл. Е. Н. Сергеева]. – Москва : Эксмо, 2010. – 285 с.
194. ЦЫКАЛОВ, Д. Е. Кто мы в этой старой Европе? : «Россия и Запад» в отечественной публицистике Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917 г.) : монография / Д. Е. Цыкалов. – Волгоград : Волгоград. науч. изд-во, 2011. – 114 с.
195. ЧАПКЕВИЧ, Е. И. Русская гвардия в Первой мировой войне / Е. И. Чапкевич. – Орел : ОГУ «Труд», 2003. – 190 с. : портр.
196. ЧЕРЕПИЦА, В. Н. Город-крепость Гродно в годы Первой мировой войны: мероприятия гражданских и военных властей по обеспечению

- обороноспособности и жизнедеятельности : монография / В. Н. Черепица. – Гродно : ГрГУ, 2006. – 535 с. : ил.
197. ЧЕРНИЛОВСКИЙ, А. А. Образ Первой мировой войны в сознании военной элиты Российской империи / А. А. Черниловский. – Орел : Гос. ун-т., 2011. – 204 с. : схем.
198. ЧЕРНИН, О. В дни мировой войны : мемуары министра иностранных дел Австро-Венгрии [перевод] / Оттокар Чернин. – Санкт-Петербург : С.-Петербург. гос. ун-т, 2005. – 517 с.
199. ЧЕРТИЩЕВ, А. В. Политические партии России и массовое политическое сознание действующей русской армии в годы Первой мировой войны (июль 1914 – март 1918 гг.) / А. В. Чертищев. – Москва : ВВИА им. проф. Н. Е. Жуковского, 2006. – 848 с. : табл.
200. ШАМБАРОВ, В. Е. За веру, царя и Отечество! / В. Е. Шамбаров. – Москва : Алгоритм, 2003. – 655 с. : карт.
201. ШАМБАРОВ, В. Е. Последняя битва императоров : параллельная история Первой мировой / В. Е. Шамбаров. – Москва : Алгоритм, 2013. – 622 с.
202. ШАЦИЛЛО, К. Ф. От Портсмутского мира к Первой мировой войне. Генералы и политика / К. Ф. Шацилло. – Москва : РОССПЭН, 2000. – 399 с.
203. ШАЦИЛЛО, В. К. Первая мировая война. 1914–1918 : факты, документы / В. К. Шацилло. – Москва : ОЛМА-пресс, 2003. – 477 с.
204. ШАЦИЛЛО, В. К. Последняя война царской России / В. К. Шацилло. – Москва : Яуза : Эксмо, 2010. – 348 с.
205. ШЕВЦОВА, Г. И. Россия и Сербия : из истории российско-сербских отношений в годы Первой мировой войны (гуманитарный аспект) : [монография] / Г. И. Шевцова. – Москва : Тип. «Новости», 2010. – 199 с.
206. ШЕВЫРИН, В. М. Власть и общественные организации в России (1914–1917) : аналитический обзор / В. М. Шевырин. – Москва : ИНИОН РАН, 2003. – 152 с.
207. ШЕВЫРИН, В. М. Земский и Городской союзы (1914–1917) / В. М. Шевырин. – Москва : ИНИОН РАН, 2000. – 63 с.
208. ШЕЕР, Р. Германский флот в мировую войну, [1914–1918] / Рейнгард Шеер ; [пер. с нем. И. А. Киреева]. – Москва ; Санкт-Петербург : Эксмо, 2002. – 670 с.
209. ШИГИН, В. В. Последние герои империи : [о героях русского флота, участниках Русско-японской и Первой мировой войн] / В. В. Шигин. – Москва : Вече, 2012 – 286 с.

210. ШИРОКОРАД, А. Б. Тайны русской артиллерии : последний довод царей и комиссаров / А. Б. Широкорад. – Москва : Эксмо, 2003. – 479 с. : ил.
211. ШИШКИНА, С. Ю. Провинция и война : Тобольская губерния в годы Первой мировой войны (август 1914 – февраль 1917 г.) / С. Ю. Шишкина. – Тюмень : Тюмен. обл. гос. ин-т образования, 2006. – 208 с. : ил.
212. ШИШОВ, А. В. Персидский фронт (1909–1918) : незаслуженно забытые победы / А. В. Шишов. – Москва : Вече, 2010. – 349 с.
213. ШКУНДИН, Г. Д. Разделяй и властвуй! Вопрос о сепаратном мире с Болгарией в политике держав Антанты (октябрь 1915 – март 1916 г.) / Г. Д. Шкундин. – София : АИ “Проф. Марин Дринов”, 2007. – 182 с.
214. ШПИОНАЖ во время войны : [сборник]. – Москва : Кучково поле Гиперборея, 2007. – 380 с.
Содерж.: *Шпионаж во время войны / Б. Томсон; В недрах секретных архивов / Р. Букар; Центр германской секретной службы в Мадриде в 1914–1918 гг. / Л. Ривьер.*
215. ЩЕРОВ, И. П. Смоленский пленбеж : создание и деятельность / И. П. Щеров. – Смоленск : Б.и., 2000. – 78 с.
216. ЩЕРОВ, И. П. Центропленбеж в России : история создания и деятельности в 1918–1922 гг. / И. П. Щеров. – Смоленск : Б. и., 2000. – 95 с.
217. ЯКОВЛЕВ, Н. Н. 1 августа 1914 / Н. Н. Яковлев. – Москва : Эксмо : Алгоритм, 2002. – 350 с.

АВТОРЕФЕРАТЫ

218. АЛЕХИН, Д. В. Городское население Тамбовской губернии и Первая мировая война : июль 1914 – февраль 1917 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Д. В. Алехин. – Тамбов, 2003. – 26 с.
219. АРАНОВИЧ, А. В. Интендантство русской армии накануне и в годы Первой мировой войны : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / А. В. Аранович. – Санкт-Петербург, 2000. – 21 с.
220. БАЗАНОВ, С. Н. Борьба за власть в российской армии на фронтах Первой мировой войны (октябрь 1917 г. – февраль 1918 г.) : автореф. дис. ... доктора ист. наук : 07.00.02 / С. Н. Базанов – Москва, 2004. – 53 с.
221. БЕЛОВА, И. В. Первая мировая война и российская провинция: 1914 – февраль 1917 г. : по материалам Калужской и Орловской губерний : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / И. В. Борисова. – Брянск, 2007. – 25 с.

222. БОЛТАЕВСКИЙ, А. А. Русские войска на Салоникском фронте в 1916–1918 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / А. И. Болтаевский. – Москва, 2009. – 22 с.
223. БОРИСЕВИЧ, С. П. Военно-политическое руководство Великобритании и борьба за Черноморские проливы в годы Первой мировой войны : 1914–1916 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / С. П. Борисевич. – Владивосток, 2003. – 26 с.
224. БОРЩУКОВА, Е. Д. Патриотические настроения россиян в годы Первой мировой войны : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Е. Д. Борщукова – Санкт-Петербург, 2002. – 24 с.
225. ВИНОГРАДОВ, П. В. Русско-английское военно-экономическое сотрудничество в годы Первой мировой войны : август 1914 – февраль 1917 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / П. В. Виноградов. – Владивосток, 2009. – 27 с.
226. ГЕРГИЛЕВА, А. И. Военнопленные Первой мировой войны на территории Сибири : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / А. И. Гергилева. – Красноярск, 2006. – 22 с.
227. ГОЛУБИНОВ, Я. А. Продовольственный вопрос в Среднем Поволжье в годы Первой мировой войны : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Я. А. Голубинов. – Самара, 2009. – 20 с.
228. ГРИЦАЕВА, А. Н. Благотворительность в России в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.) : опыт помощи пострадавшим от военных действий : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / А. Н. Грицаева. – Москва, 2008. – 17 с.
229. ГУЛИДОВ, А. Ю. Общественно-политическая жизнь российской провинции в годы Первой мировой войны : (на материалах Владимирской губернии) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / А. Ю. Гулидов. – Иваново, 2010. – 22 с.
230. ЖУК, А. В. Военная промышленность Урала в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / А. В. Жук. – Екатеринбург, 2000. – 24 с.
231. ЗВЕРЕВ, В. О. Противодействие германскому военно-промышленному шпионажу в Санкт-Петербурге накануне Первой мировой войны (1910–1914 гг.) : автореф. дис. канд. ... ист. наук : 07.00.02 / В. О. Зверев. – Санкт-Петербург, 2004. – 22 с.
232. ЗЛАТИНА, М. А. Проблема еврейского беженства в России в период Первой мировой войны : (июль 1914 – зима 1915/1916 гг.) : автореф.

- дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / М. А. Златина. – Санкт-Петербург, 2010. – 25 с.
233. ЗЫРЯНОВА, А. В. Американско-английские отношения в годы Первой мировой войны : проблемы истории и дипломатии : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / А. В. Зырянова. – Ярославль, 2004. – 22 с.
234. ИДРИСОВА, Э.С. Иностранцы военнопленные Первой мировой войны на Южном Урале в 1914–1921 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Э. С. Идрисова. – Оренбург, 2008. – 24 с.
235. КАЗАКОВЦЕВ, С. В. Мобилизация людских и материальных ресурсов в Вятской губернии в годы Первой мировой войны : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / С. В. Казаковцев – Киров, 2007. – 21 с.
236. КАШИРИН, В. Б. Русская военная разведка на Балканах накануне и в годы Первой мировой войны : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / В. Б. Каширин. – Москва, 2006. – 26 с.
237. КРАЙКИН, В. В. Первая мировая война в восприятии крестьян: по материалам Орловской губернии : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / В. В. Крайкин. – Брянск, 2009. – 23 с.
238. КУЛТЫШЕВ, П. Г. Русская армия в Первой мировой войне. Историко-антропологический аспект : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / П. Г. Култышев. – Ростов-на-Дону, 2010. – 30 с.
239. КЮНГ, П. А. Военно-промышленные комитеты в России в годы Первой мировой войны: историко-архивоведческое исследование : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 05.25.02 / П. А. Кюнг. – Москва, 2007. – 24 с.
240. ЛЫКОСОВ, М. В. Проблема развития России в русской консервативной печати в годы Первой мировой войны июль 1914 – февраль 1917 г. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / М. В. Лыкосов. – Новосибирск, 2006. – 22 с.
241. МАРТИРОСЯН, Д. Г. Российско-турецкий фронт Первой мировой войны : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Д. Г. Мартиросян. – Саратов, 2006. – 31 с.
242. МИЛОВАНОВ, А. В. Первая мировая война в восприятии российских религиозных мыслителей : 1914 – февраль 1917 г. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / А. В. Милованов. – Саратов, 1999. – 22 с.
243. МИХАЙЛОВ, В. В. Восточный вопрос и позиции Великобритании и России в Первой мировой войне : автореф. дис. ... доктора ист. наук : 07.00.03 / В. В. Михайлов. – Санкт-Петербург, 2010. – 47 с.

244. НАПАЛКОВ, А. В. Офицерский корпус императорского флота Балтийского моря в годы Первой мировой войны (август 1914 – февраль 1917 г.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / А. В. Напалков. – Санкт-Петербург, 2007. – 22 с.
245. НОВИКОВА, И. Н. Швеция в германо-русском противостоянии в период Первой мировой войны : автореф. дис. ... доктора ист. наук : 07.00.15 / И. Н. Новикова. – Санкт-Петербург, 2006. – 40 с.
246. ОЛЕЙНИКОВ, А. В. Вклад России в победу над германским блоком в Первую мировую войну : автореф. дис. ... доктора ист. наук : 07.00.02 / А. В. Олейников. – Москва, 2012. – 45 с.
247. ОТРОКОВА, О. Ю. Американско-английские отношения накануне и в период Первой Мировой войны : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / О. Ю. Отрокова. – Самара, 2000. – 23 с.
248. ПЕСТУШКО, Ю. С. Японо-русские отношения в годы Первой мировой войны, 1914–1917 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / Ю. С. Пестушко. – Владивосток, 2003. – 26 с.
249. РЕШЕТОВ, Д. Г. Влияние Первой мировой войны на социально-экономическое развитие немецких колоний Нижнего Поволжья : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Д. Г. Решетов. – Саратов, 2006. – 22 с.
250. РЯЗАНСКИЙ, И. В. Тыловая российская провинция в условиях Первой мировой войны : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / И. В. Рязанский. – Челябинск, 2006. – 24 с.
251. САВИНОВА, Н. В. Российский национализм и немецкие погромы в России в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Н. В. Савинова. – Санкт-Петербург, 2008. – 25 с.
252. САМОХИН, К. В. Тамбовское крестьянство в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / К. В. Самохин. – Тамбов, 2002. – 23 с.
253. СЕМЕНОВА, Е. Ю. Влияние Первой мировой войны на мировоззрение, общественные настроения и поведенческие практики городского населения поволжских губерний Российской империи (июль 1914 г. – февраль 1917 г.) : автореф. дис. ... доктора ист. наук : 07.00.02 / Е. Ю. Семенова. – Саратов, 2013. – 50 с.
254. СТЕПАНОВ, А. И. Россия в Первой мировой войне: проблемы статуса и власти : автореф. дис. ... доктора ист. наук : 07.00.02 / А. И. Степанов. – Москва, 2002. – 35 с.

255. ТЕРЕШИНА, Е. П. Отношение населения Поволжья к Первой мировой войне : (по материалам периодической печати 1914–1917 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Е. П. Терешина. – Казань, 2005. – 38 с.
256. ФИЛЬКИНА, О. Ю. Проблемы финансов в англо-российских отношениях в годы Первой мировой войны (июнь 1914 г. – октябрь 1917 г.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / О. Ю. Филькина – Рязань, 2007. – 22 с.
257. ЧЕРНИКОВ, А. В. Дипломатическое и военное сотрудничество Италии с Россией в годы Первой мировой войны (1914–1917) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / А. В. Черников. – Курск, 2002. – 15 с.
258. ЧЕРНИЛОВСКИЙ, А. А. Первая мировая война в сознании военной элиты России : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / А. А. Черниковский. – Брянск, 2005. – 23 с.
259. ЧЕРТИЩЕВ, А. В. Политические партии России и массовое политическое сознание действующей Русской армии в годы Первой мировой войны (июль 1914 – март 1918 гг.) : автореф. дис. ... доктора ист. наук : 07.00.02 / А. В. Чертищев. – Москва, 2007. – 50 с.
260. ШЕВЕЛЕВА, О. В. Сельскохозяйственное развитие великорусской провинции и столыпинская аграрная реформа в годы Первой мировой войны : (по материалам Тульской губернии) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / О. В. Шевелева. – Тула, 2008. – 25 с.
261. ШИЛОВ, С. П. Военно-морская политика кайзеровской Германии и Россия: 1897–1914 гг. : автореф. дис. ... доктора ист. наук : 07.00.03 / С. П. Шилов. – Тюмень, 2004. – 49 с.
262. ШУБИН, Н. А. Россия в Первой мировой войне: историография проблемы, 1914–2000 гг. : автореф. дис. ... доктора ист. наук : 07.00.09 / Н. А. Шубин. – Москва, 2001. – 47 с.
263. ЩЕРОВ, И. П. Военная миграция в России 1914–1922 гг. : автореф. дис. ... доктора ист. наук : 07.00.02 / И. П. Щеров – Москва, 2001. – 32 с.

СТАТЬИ

2014

264. АВРУС, А. И. Деятельность меньшевиков по созыву международной социалистической конференции в Стокгольме в мае 1917 г. – проявление интернационализма // Клио. – 2014. – № 1. – С. 53–58.

265. АСТАШОВ, А. Б. Нарушение законов и обычаев войны на русском фронте Первой мировой (по материалам российской Чрезвычайной следственной комиссии) // Новая и новейшая история. – 2014. – № 2. – С. 35–46.
266. БАРАНОВ, Н. Н. Первая мировая война в современной германской историографии // Уральский исторический вестник. – 2014. – № 1. – С. 23–32.
267. ВИНОГРАДОВ, В. Н. Расчеты и просчеты румынских правителей в годы Первой мировой войны // Славяноведение. – 2014. – № 1. – С. 76–92.
268. СЕРГЕЕВ, Е. Ю. Актуальные проблемы изучения Первой мировой войны // Новая и новейшая история. – 2014. – № 2. – С. 3–16.
269. ХАВКИН, Б. Л. Русский фронт Первой мировой войны (1914–1918 годы) // Новая и новейшая история. – 2014. – № 1. – С. 3–16; № 2. – С. 16–34.
270. ШАЦИЛЛО, В. К. Сепаратные переговоры России и Германии в годы Первой мировой войны // Уральский исторический вестник. – 2014. – № 1. – С. 13–22.

2013

271. АЛЕКСАНДРОВ, К. М. Русская императорская гвардия : август 1914-го // Звезда. – 2013. – № 11. – С. 153–165.
272. БЕЛОГУРОВА, Т. А. Первая мировая война 1914–1918 годов – актуальное направление краеведения // Проблемы безопасности российского общества. – 2013. – № 1. – С. 159–163.
273. ВАСИЛЬЕВ, М. «Странно одетые люди... что-то смотрели на большой бумаге» : авиаразведка в начале Первой мировой // Родина. – 2013. – № 8. – С. 146–147.
274. ВИШНЯКОВ, Я. В. Сербия в начале Первой мировой войны : 1914–1915 годы // Новая и новейшая история. – 2013. – № 2. – С. 53–65.
275. ГЕРГИЛЕВА, А. И. «Многие миллионы людей были вырваны войной из привычной для них обстановки» : Чехословацкий корпус и военнопленные Первой мировой войны на территории России // Военно-исторический журнал. – 2013. – № 2. – С. 54–60.
276. ДОЛГОВА, Е. А. «Свое право писать... я обосновал на нашем товариществе по науке» : деятельность Н. И. Кареева в Комитете по оказанию помощи русским в Германии. 1914 г. // Исторический архив. – 2013. – № 3. – С. 126–136.

277. ЖВАНКО, Л. Н. Судьба женщины-беженки. По документам Первой мировой войны // Россия XXI. – 2013. – № 5. – С. 110–131.
278. КАРТАШЕВ, А. В. Подготовка русских летчиков в Англии (1917 г.) / А. В. Карташев, Р. А. Фирсов // Военно-исторический журнал. – 2013. – № 6. – С. 55–60.
279. КУЛЕШОВА, Н. Ю. Большевики в годы Первой мировой войны : схватка за вечный мир // European Social Science Journal. – 2013. – № 5. – С. 303–310.
280. НЕНАРОКОВ, А. П. Первая мировая война в оценках современников. Цели публикации и принципы отбора источников // Исторический архив. – 2013. – № 6. – С. 191–195.
281. НОВИКОВА, И. Н. Швеция во внешней политике Германии в годы Первой мировой войны // Вопросы истории. – 2013. – № 9. – С. 102–116.
282. ОЛЕЙНИКОВ, А. В. «Кажется, никогда еще не было такой войны, чтобы планы противника так быстро становились известными...» : радиоразведка и подслушивание телефонных переговоров на русском фронте в Первую мировую войну // Военно-исторический журнал. – 2013. – № 3. – С. 3–8; № 4. – С. 3–8.
283. ОСЬКИН, М. В. Государственное ополчение в период Первой мировой войны // Вопросы истории. – 2013. – № 6. – С. 142–152.
284. ПАНИН, С. Б. Германо-турецкая миссия в Афганистане в годы Первой мировой войны // Вопросы истории. – 2013. – № 10. – С. 99–114.
285. ПАРХОМЕНКО, В. «Прощайте, дорогие родители, я еду оборонять Россию» : юные добровольцы на фронтах Первой мировой // Родина. – 2013. – № 8. – С. 142–145.
286. ПОДПРЯТОВ, Н. В. Этнические строительные отряды русской армии на фронтах Первой мировой войны // Власть. – 2013. – № 10. – С. 160–164.
287. ПОЗНАХИРЕВ, В. В. Взгляд с Востока : Россия и русские глазами турецких военнопленных в начале XX в. / В. В. Познахирев, Г. Н. Цыганова // История в подробностях. – 2013. – № 11. – С. 80–87.
288. ПОЗНАХИРЕВ, В. В. Документы федеральных и региональных архивов об использовании труда турецких военнопленных периода Первой мировой войны (1914–1918 гг.) // Отечественные архивы. – 2013. – № 2. – С. 54–62.
289. ПОЛИКАРПОВ, В. В. Артиллерийские контракты 1914–1917 гг. как исторический источник // Вопросы истории. – 2013. – № 2. – С. 102–109.

290. РАЙКОВА, С. В. Сыпной тиф среди военнослужащих и мирного населения Поволжья в годы Первой мировой войны // Военно-медицинский журнал. – 2013. – № 7. – С. 56–61.
291. РЕННЕНКАМПФ, В. Из воспоминаний о Первой мировой войне / В. Ф. Ренненкампф ; подгот. текста и коммент. Н. Андреева // Звезда. – 2013. – № 8. – С. 125–141.
292. РЕШЕТНИКОВ, Л. П. Вступление России в великую войну : морально-нравственный аспект // Москва. – 2013. – № 7. – С. 124–129.
293. САНЕЕВ, С. А. Невозможно было остаться великой державой, находясь в стороне от конфликта 1914 года // Военно-исторический журнал. – 2013. – № 10. – С. 24–26.
294. САПОН, В. П. Создание Нижегородского областного военно-промышленного комитета в 1915 году : общественно-политические аспекты // Нижегородская старина. – 2013. – №37/38. – С. 101–107.
295. СЕНИН, А. С. Генерал С. А. Ронжин и его очерк о российских железных дорогах в Первую мировую войну // Новый исторический вестник. – 2013. – № 38. – С. 88–125.
296. СМЕРНОВ, А. Смоленские полки : возвращение под Грюнвальд : 1-я пехотная дивизия в сражении при Танненберге в августе 1914-го // Родина. – 2013. – № 9. – С. 109–114.
297. СТЕПАНОВ, К. А. Ростовская уездная комиссия Елизаветинского Комитета в годы Первой мировой войны // Вопросы истории. – 2013. – № 5. – С. 144–153.
298. ТИХОНОВ, А. В. «Все... поименованные есть турецкоподданные, а потому и были задержаны» : содержание военнопленных и интернированных турецких граждан в период Первой мировой войны (1914–1918 гг.) // Военно-исторический журнал. – 2013. – № 5. – С. 68–70.
299. ХИСАМУТДИНОВ, А. А. Многие ушли в изгнание, имея шинель и нехитрые пожитки : бывшие фронтовики Первой мировой войны в Китае // Военно-исторический журнал. – 2013. – № 10. – С. 69–74.
300. ЧАГАДАЕВА, О. Вперед к победе без шнапса и абсента : мировая война и алкогольный вопрос // Родина. – 2013. – № 8. – С. 148–149.
301. ЮДИН, Н. В. Общественные настроения во Франции в начале Первой мировой войны : (по донесениям префектов) // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. – 2013. – № 3. – С. 80–91.
302. ЯРХО, В. Балканы и Россия : в преддверии Первой мировой войны // История (1 сентября). – 2013. – № 2. – С. 10–21.

2012

303. АЛИШИНА, Г. Н. Российская империя в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.) : в поисках «внутреннего врага» // Вестник Томского гос. ун-та. История. – 2012. – № 4. – С. 86–90.
304. БЕЛОВ, С. И. Первая мировая война в трудах российских экономистов // Интеллигенция и мир. – 2012. – № 2. – С. 119–126.
305. БОЛТАЕВСКИЙ, А. А. Русские войска на Салоникском фронте в 1917 году // Исторический журнал: научные исследования. – 2012. – № 6. – С. 50–57.
306. БОЛТАЕВСКИЙ, А. А. Салоникский фронт в планах Антанты и германского блока в годы Первой мировой войны // Исторический журнал : научные исследования. – 2012. – № 4. – С. 62–68.
307. ГЛУШКОВ, А. В. Враг внешний – враг внутренний : Первая мировая война и русский национализм // Вестник Пермского ун-та. Сер. История. – 2012. – № 3. – С. 180–183.
308. ГУСАРОВ, Ю. В. Русские хроники : оборона крепости Осовец в Первую мировую войну // Экономические стратегии. – 2012. – № 3. – С. 52–61.
309. ЕРШОВА, Т. В. Золотой запас России накануне и во время Первой мировой войны // Вестник Московского городского педагогического ун-та. Сер. Исторические науки. – 2012. – № 2. – С. 38–49.
310. ЗЫКИН, Д. Враг сломлен и надломлен. Он не оправится : историю Первой мировой войны писали не ради истины, а ради обличения царизма // Однако. – 2012. – № 25. – С. 63–67.
311. КАРПАЧЕВ, М. Д. О кризисе продовольственного снабжения в годы Первой мировой войны // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. – 2012. – № 2. – С. 255–268.
312. КОТКОВ, В. М. Духовно-санитарные отряды в Первой мировой войне // Военно-исторический журнал. – 2012. – № 11. – С. 60–62.
313. КОТОВ, Б. С. Русско-германские торговые отношения накануне Первой мировой войны в оценке русской прессы // Вопросы истории. – 2012. – № 2. – С. 104–118.
314. КУСТОВ, В. А. Кадетская партия о внешней политике России в ноябре 1917 – апреле 1918 гг. // Общественные науки. – 2012. – № 5. – С. 196–204.
315. ЛЕОНОВ, С. В. Влияние Первой мировой войны на Россию и на Германию // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та. Сер. 2. История. История Русской Православной Церкви. – 2012. – № 47. – С. 127–141.

316. НОСОВ, М. Г. США и Япония в контексте Первой мировой войны // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2012. – № 4. – С. 75–94.
317. ОЛЕЙНИКОВ, А. В. Плененные стяги : трофейные знамена армий стран германского блока в первый период Первой мировой войны на русском фронте (август 1914 – март 1915 гг.) // Военно-исторический журнал. – 2012. – № 6. – С. 72–74.
318. ОЛЕЙНИКОВ, А. В. Противостояние военно-морских сил России и Германии в 1914–1917 гг. // Военно-исторический журнал. – 2012. – № 7. – С. 6–11.
319. ОСЬКИН, М. В. Николай Владимирович Рузский // Вопросы истории. – 2012. – № 4. – С. 53–72.
320. ПАВЛОВ, Д. Б. Япония и Россия в 1914–1918 гг. : сотрудничество на фоне «большой» политики // Вопросы истории. – 2012. – № 11. – С. 3–27.
321. ПАТРУШЕВ, А. В. Вятское земство и Всероссийский земский союз в годы Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. – 2012. – № 7. – С. 56–59.
322. ПАХАЛЮК, К. Русский оккупационный режим в Восточной Пруссии в 1914–1915 гг. // Военно-исторический архив. – 2012. – № 6. – С. 160–178; № 9. – С. 107–130.
323. ПИРОГОВ, Д. Либерализовать императорскую армию : как аттестовали офицеров накануне Первой мировой // Родина. – 2012. – № 8. – С. 86–88.
324. РЯБАЯ, С. А. Письма из действующей армии в Вятскую губернию как источник изучения истории Первой мировой войны // Вестник архивиста. – 2012. – № 3. – С. 65–73.
325. САПОН, В. П. «Летопись бодрого стояния на страже Родины»: Нижегородский учительский институт накануне и в годы Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. – 2012. – № 5. – С. 63–65.
326. САПОН, В. П. Меньшевики и бундовцы в Нижнем Новгороде в годы Первой мировой войны (1914–1916 гг.) // Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе. – Арзамас, 2012. – Вып. 9. – С. 145–158.
327. СЕРГЕЕВ, Е. Ю. Военная разведка России в годы Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. – 2012. – № 2. – С. 52–61.
328. СТОГОВ, Д. И. Динамика и численность правомонархических организаций России в Первую мировую войну // Ученые записки Петрозаводского гос. ун-та. Сер. Общественные и гуманитарные науки. – 2012. – Т. 7. – С. 39–42.

329. СТИУАРТ, В. «Военные мемуары павших» : роль письма и памяти в Первой мировой войне // Новое литературное обозрение. – 2012. – № 4. – С. 294–307.
330. СУРЖИК, Д. В. Пропагандистский фронт Первой мировой войны в США // Военно-исторический журнал. – 2012. – № 12. – С. 38–43.
331. СУРЖИКОВА, Н. В. Производительность труда пленных иностранцев на Урале. 1914–1917 гг. // Вопросы истории. – 2012. – № 2. – С. 149–155.
332. ТЮЛЮКОВА, Е. А. К вопросу о проблеме военной мобилизации русской армии в 1914 г. (по материалам ЦАНО и ГКУ ГАНО, г. Арзамас) // Карповские чтения: сб. ст. – Арзамас, 2012. – Вып. 4. – С. 311–316.
333. ФЕДЕЧКИН, А.. «На курсах, наиболее употребительных...» : минно-заградительные операции русских крейсеров в Балтийском море в 1914–1915 гг. // Морской сборник. – 2012. – № 2. – С. 54–65.
334. ФОМИН, А. А. Военно-политические цели Великобритании на завершающем этапе Первой мировой войны // Новая и новейшая история. – 2012. – № 3. – С. 72–91.
335. ХУТАРЕВ-ГАРНИШЕВСКИЙ, В. В. Российская жандармерия на занятых территориях Галиции и Буковины в годы Первой мировой войны // Вестник Московского ун-та. Сер. 8. История. – 2012. – № 2. – С. 47–58.
336. ШАЙПАК, Л. А. Печатная пропаганда и агитация кадетов, эсеров, меньшевиков и большевиков в армейских структурах в годы Первой мировой войны (на материалах Среднего Поволжья) // Поволжский педагогический поиск. – 2012. – № 2. С. 64–72.
337. ШЕНК, Ф. Б. «Августовское переживание» : начало Первой мировой войны как поворотный пункт немецкой истории // Новое литературное обозрение. – 2012. – № 4. – С. 441–454.

2011

338. АВЕРЧЕНКО, С. В. Брусиловский прорыв, борьба в воздухе : часть 1. Подготовка // Военно-исторический журнал. – 2011. – № 10. – С. 11–15.
339. АВЕРЧЕНКО, С. В. Брусиловский прорыв. Борьба в воздухе : часть 2. Наступление // Военно-исторический журнал. – 2011. – № 12. – С. 11–20.
340. АКСЕНОВ, В.Б. «Сухой закон» 1914 года : от придворной интриги до революции // Российская история. – 2011. – № 4. – С. 126–139.
341. АСТАШОВ, А. Б. Братания на русском фронте Первой мировой войны // Новый исторический вестник. – 2011. – № 28. – С. 29–41.

342. АСТАШОВ, А. Б. Дезертирство и борьба с ним в царской армии в годы Первой мировой войны // Российская история. – 2011. – № 4. – С. 44–52.
343. ГАЙДА, Ф. А. Политическая обстановка в России накануне Первой мировой войны в оценке государственных деятелей и лидеров партий // Российская история. – 2011. – № 6. – С. 123–135.
344. БЕЛОВА, И. Б. Беженцы Первой мировой войны в российской провинции: советы беженцев 1918 г. // Вестник Брянского государственного университета. – 2011. – № 2. – С. 27–31.
345. БЕЛОУС, П. В. Депортация еврейского населения на территории Российской империи во время Первой мировой войны // Украинский исторический журнал. – 2011. – № 2. – С. 65–79.
346. БОКОВА, Е. А. Деятельность женщин в годы Первой мировой войны // Частное и общественное : гендерный аспект. – Москва, 2011. – С. 468–471.
347. БУГРОВ, А. «Чем больше денег... – тем ближе к победе» : государственный банк, искусство плаката и Первая мировая / А. Бугров, С. Татарinov // Родина. – 2011. – № 4. – С. 84–86.
348. БУРМИСТРОВ, В. Б. Система обучения и воспитания солдат русской армии в годы Первой мировой войны // Симбирский научный вестник. – 2011. – № 1. – С. 22–26.
349. ВАРФОЛОМЕЕВ, Ю. В. В духе «священного единения» : официальный визит российских парламентариев в страны Антанты (апрель–июнь 1916 г.) // История в подробностях. – 2011. – № 12. – С. 82–89.
350. ВАСИЛЬЕВ, А. Индийский гамбит османской разведки // Родина. – 2011. – № 5. – С. 99–100.
351. ГАЙДА, Ф. А. Политическая обстановка в России накануне Первой мировой войны в оценке государственных деятелей и лидеров партий // Российская история. – 2011. – № 6. – С. 123–135.
352. ГРЕБЕНКИН, И. Н. Офицерский корпус русской армии в годы Первой мировой войны: сущность и последствия трансформационных процессов // Первая мировая война в истории Беларуси, России и мира. – Москва, 2011. – С. 45–55.
353. ГУЖВА, Д. Г. Место и роль военной периодической печати русской армии в борьбе за солдатские массы в межреволюционный период (февраль – октябрь 1917 г.) в годы Первой мировой войны // Первая мировая война : взгляд спустя столетие. – Москва, 2011. – С. 349–354.

354. ГУРЬЯНОВА, С. И. «Вятский плен» германских и австро-венгерских подданных : (1914–1916 г.) // Военно-исторический журнал. – 2011. – № 4. – С. 17–23.
355. ГУЭРРИНИ, И. Создать итальянцев : проблема национального консенсуса во время Первой мировой войны // Родина. – 2011. – № 4. – С. 134–135.
356. ЖДАНОВА, И. А. Организация возвращения российских пленных в 1918–1919 годах // Российская история. – 2011. – № 4. – С. 63–72.
357. ЗАБЕЛИНА, Н. Ю. Первая мировая война : немцы глазами британцев // Новая и новейшая история. – 2011. – № 1. – С. 210–218.
358. ЗАБЕЛИНА, Н. Ю. Сербы глазами британцев в годы Первой мировой войны // Славяноведение. – 2011. – № 1. – С. 53–63.
359. ЗЫРЯНОВА, А. В. Трансформация американо-российских отношений в годы Первой мировой войны // Международные отношения в XX веке. – Киров, 2011. – Вып. 3. – С. 14–41.
360. ИМИНОВ, В.Т. Военное искусство русской армии в Первой мировой войне // Первая мировая война : взгляд спустя столетие. – Москва, 2011. – С. 201–207.
361. КАНАЕВ, И.Н. Тамбовская контрразведка : контроль за беженцами и выселенцами в период Первой мировой войны 1914–1917 г. // Вестник Тамбов. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. – 2011. – Вып. 10. – С. 254–257.
362. КАРПАЧЕВ, М. Д. Кризис продовольственного снабжения в годы Первой мировой войны (по материалам Воронежской губернии) // Российская история. – 2011. – № 3. – С. 66–81.
363. КОЗЛОВ, Д. Ю. Органы стратегического управления российским флотом в Первой мировой войне : опыт организационного строительства и функционирования // Первая мировая война : взгляд спустя столетие. – Москва, 2011. – С. 208–223.
364. КОЗЛОВ, Д. Ю. «Широкая минная обструкция» Босфора : к 95-летию минно-заградительной операции флота Черного моря в предпроливной зоне (1916 г.) // Военно-исторический журнал. – 2011. – № 12. – С. 3–10.
365. КОЛЧИНСКИЙ, А. М. Открытки российских военнопленных Первой мировой войны из семейного архива благотворителей Я. Ю. и Е. С. Кац // Отечественные архивы – 2011. – № 5. – С. 47–53.
366. КОНДРАТЬЕВ, А. В. Крестьяне и военнопленные в период Первой мировой войны 1914–1918 гг. / А. В. Кондратьев, П. П. Шербинин // Крестьянство и власть в России (IX – начало XX вв.) : к 150-летию отмены крепостного права. – Липецк, 2011. – С. 245–250.

367. КОТОВ, Б. С. «Что можно германскому Зевсу...»: образ Германии в русской прессе в период «газетной войны» весны 1914 года // Вестник Моск. гос. обл. ун-та. Сер. История и политические науки. – 2011. – № 3. – С. 87–97.
368. КУЛАЧКОВ, В. В. Массовое сознание крестьянства Западного региона России в годы Первой мировой войны, революции и гражданской войны // Труды Нижегородского государственного технического университета им. Р. Е. Алексеева. – 2011. – № 2. – С. 277–282.
369. КУСТОВ, В. А. Вопросы войны и мира в деятельности Временного правительства Петроградского совета (в марте – апреле 1917 г.) // Общественные науки. – 2011. – № 6. – С. 209–217.
370. ЛАННИК, Л. История русского фронта Первой мировой войны как проблема современной германской историографии // Россия и Великая война : опыт и перспективы роли Первой мировой войны в России и за рубежом. – Москва, 2011. – С. 103–109.
371. ЛАННИК, Л. В. Осознавая войну : германская военная элита осенью 1914 г. // Первая мировая война : взгляд спустя столетие. – Москва, 2011. – С. 160–168.
372. МЕДЯКОВ, А. «Ру ку», или образ русских на немецких открытках Первой мировой // Родина. – 2011. – № 3. – С. 82–87.
373. МИРОНОВ, В. В. Представление о воинском долге в Австро-Венгрии в 1914–1918 гг. // Вопросы истории. – 2011. – № 7. – С. 159–162.
374. МИРОНОВ, В. В. Формы солдатского протеста в австро-венгерской армии во время Первой мировой войны // Новая и новейшая история. – 2011. – № 1. – С. 196–202.
375. НОВИКОВА, И. Н. Российско-шведские отношения периода Первой мировой войны в отечественной историографии // Вопросы истории. – 2011. – № 9. – С. 165–175.
376. НОВИКОВА, С. Другая война на Западном фронте : союзники России в Первой мировой глазами военного корреспондента // Родина. – 2011. – № 12. – С. 103–105.
377. ОЛЕЙНИКОВ, А. В. В. Бекман: «Летнее преследование 1915 года было для германских частей временем наиболее тяжелых потерь за всю войну» : боевые потери русской, германской и австро-венгерской армий в кампании 1915 года на Русском фронте Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. – 2011. – № 11. – С. 3–7.

378. ОСЬКИН, М. В. Проблемы резерва для генерального наступления русской армии в 1917 г. // Вопросы истории. – 2011. – № 8. – С. 144–150.
379. ОСЬКИН, М. В. Продовольственная политика России накануне февраля 1917 года : поиск выхода из кризиса // Российская история. – 2011. – № 3. – С. 53–66.
380. ПАХАЛЮК, К. А. Взаимоотношения с местным населением как фактор неудачи боевых действий в Восточной Пруссии в годы Первой мировой войны // Военно-исторический архив. – 2011. – № 8. – С. 147–167.
381. ПАХАЛЮК, К. А. Восточно-прусская катастрофа 1914 года // Военно-исторический журнал. – 2011. – № 2. – С. 9–15.
382. ПОЛИКАРПОВ, В. В. Оптическое стекло для русской артиллерии. 1914–1917 гг. // Вопросы истории. – 2011. – № 6. – С. 98–110.
383. СЕМЕНОВА, Е. Ю. Историография проблемы мировоззрения российского общества в Первую мировую войну // Известия Самарского научного центра РАН. – 2011. – № 3. – С. 213–221.
384. СЕМЕНОВА, Е. Ю. Обыватель Поволжского города в условиях действия «сухого закона» периода Первой мировой войны : настроения и социальная практика // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 2. – С. 170–176.
385. СОБОЛЕВ, Д. А. К 100-летию отечественной авиапромышленности: российское самолетостроение в 1910–1917 гг. // Вопросы истории естествознания и техники. – 2011. – № 1. – С. 105–153.
386. СТОГОВ, Д. И. Русская правая периодическая печать в годы Первой мировой войны // Вестник Ленинградского гос. ун-та им. А. С. Пушкина. – 2011. – Т. 4. – № 1. – С. 101–112.
387. СУРЖИКОВА, Н. В. Этничность и вера в практиках российского плена 1914–1919 годов : по материалам уральского региона // Россия XXI. – 2011. – № 5. – С. 116–139.
388. ХОДНЕВ, А. С. Первая мировая война, новый мировой порядок и проблема гарантий его соблюдения // Первая мировая война : взгляд спустя столетие. – Москва, 2011. – С. 234–244.
389. ХОРОШЕВА, А. О. Сотрудничество России и Бельгии в годы Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. – 2011. – № 10. – С. 39–42.
390. ХРАМЦОВ, А. Б. Антиалкогольная политика местных органов власти Западной Сибири в годы Первой мировой войны // Лоббист. – 2011. – № 6. – С. 84–90.

391. ЧАГАДАЕВА, О. Конец винополии : государственная инициатива по борьбе с пьянством накануне Первой мировой войны // Родина. – 2011. – № 8. – С. 141–143.
392. ШУБИНА, А. Н. Формирование «образа врага» и отношение к российским немцам в годы Первой мировой войны // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. – 2011. – № 4. – С. 119–131.

2010

393. АГАСИЕВ, И. К. Кавказские немцы в годы Первой мировой войны : социально-экономическое и общественно-политическое положение (1914–1917 гг.) // Вестник Майкоп. гос. технолог. ун-та. – 2010. – № 2. – С. 29–38.
394. АРХИПОВА, Л. М. Концепция глобализации и оценка экономического состояния России в годы Первой мировой войны // Война и мир в новейшей истории России. – Ярославль, 2010. – С. 50–63.
395. АТОНОВ-ОВСЕНКО, А. А. Первая мировая война в публикациях печатных органов политических партий России в 1917 г. // Армия и общество. – 2010. – № 3. – С. 106–111.
396. БАХУРИН, Ю. А. О первых братаниях с противником в годы Первой мировой войны // Вопросы истории. – 2010. – № 12. – С. 167–168.
397. БРАЖНИКОВ, А. А. Казаки-нагайбаки на фронтах Первой мировой войны // Вестник Томского государственного ун-та. История. – 2010. – № 3. – С. 39–45.
398. ГРЕБЕНКИН, И. Н. Высшее военное командование и политическая жизнь России в годы Первой мировой войны // Вестник Новосибирского ун-та. Сер. История, филология. – 2010. – Т. 9, № 1. – С. 134–140.
399. ГРЕБЕНКИН, И. Н. Офицерство российской армии в годы Первой мировой войны // Вопросы истории. – 2010. – № 2. – С. 52–66.
400. ГРИГОРЕНКО, В. На Дунае в 1914 году : [по рассказам участника войны] // Родина. – 2010. – № 11. – С. 134–138.
401. ДУНАЕВА, Н. А. Особенности протестного движения поволжского крестьянства в период Первой мировой войны // V Сытинские чтения. – Ульяновск, 2010. – С. 178–188.
402. ЕРОШЕНКО, А. П. Россия в Первой мировой войне (1914–1918 гг.) : военно-санитарная деятельность российского общества Красного Креста / А. П. Ерошенко, А. А. Черкасов // История и историки в контексте времени. – Сочи, 2010. – № 7. – С. 60–72.

403. ЙОВАНОВИЧ, М. Ленинским курсом : как русские защищали Белград от австрийских мониторов на Дунае (1914–1915) // Родина. – 2010. – № 11. – С. 130–131.
404. КАРЕЛИН, В. А. Проблема интернирования русских военнопленных Первой мировой войны // Новая и новейшая история. – 2010. – № 1. – С. 93–105.
405. КАШИРИН, В. Дунайская одиссея лейтенанта Григоренко : воспоминания командира русского отряда моряков-минеров в Сербии // Родина. – 2010. – № 11. – С. 132–133.
406. КИЩЕНКОВ, М. С. Беженцы Первой мировой войны в Ярославской губернии // Ярославский педагогический вестник. – 2010. – №1/2. – С. 61–65.
407. КЛОПОВА, М. Защита на Днестре и Сане. «Русское движение» и его судьба накануне Первой мировой войны // Родина. – 2010. – № 3. – С. 88–93.
408. КОЗЛОВ, Д. Ю. История российского флота периода Первой мировой войны : источниковедческий аспект // Вестник архивиста. – 2010. – № 4. – С. 3–22.
409. КОЗЛОВ, Д. Ю. Роль российского Балтийского флота в экономической блокаде Германии. 1914–1917 гг. // Вопросы истории. – 2010. – № 9. – С. 70–84.
410. КРАПИВИН, Н. Обострение англо-германских противоречий накануне Первой мировой войны // Истоки. – Липецк, 2010. – Вып. 5. – С. 183–186.
411. КУРЫЛЕВ, К. П. Русские либералы во главе внешней политики в феврале–октябре 1917 года // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Международные отношения. – 2010. – № 1. – С. 38–44.
412. КУЯЛА, А. Коллизии российско-финляндских отношений 1904–1917 // Исторический архив. – 2010. – № 4. – С. 108–112.
413. ЛУКЪЯНОВ, М. Н. Враг как друг или друг как враг : российские правые, Германия и Великобритания в 1914–1917 гг. // Вопросы культурологии. – 2010. – № 9. – С. 46–51.
414. ЛУКЪЯНОВ, М. Н. «Образ врага» или «образ друга» : Германия и Великобритания глазами русских правых накануне Первой мировой войны // Вопросы культурологии. – 2010. – № 8. – С. 44–49.
415. МИРОНОВ, Б. Н. Уровень жизни населения в годы Первой мировой и Гражданской войны : к вопросу о причинах революции 1917 г. //

- История и культура страны-победительницы : к 65-летию Победы в Великой Отечественной войне. – Самара, 2010. – С. 20–40.
416. МИРОНОВ, В. В. Информационная политика в Австро-Венгрии в годы Первой мировой войны // Вопросы истории. – 2010. – № 4. – С. 62–77.
417. МИРОНОВ, В. В. Формы солдатского протеста в австро-венгерской армии во время Первой мировой войны // Новая и новейшая история. – 2011. – № 1. – С. 196–202.
418. МОИСЕЕВА, О. В. Развитие потребительской кооперации на Юге России в годы Первой мировой войны : (по материалам Дона, Кубани, Ставрополья) // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2010. – № 4. – С. 110–113.
419. МОЛОКОВ, А. В. Нижегородцы – георгиевские кавалеры Первой мировой войны: памяти героев Первой мировой войны посвящается // Нижегородская старина. – 2010. – Вып. 25/26. – С. 69–77.
420. НАЗАРЕНКО, К. Б. Материальное обеспечение офицеров и матросов русского флота накануне и во время Первой мировой войны // Вестник Тамбовского ун-та. Сер. Гуманитарные науки. – 2010. – Т. 85, № 5. – С. 109–120.
421. НОСКОВ, В. В., Старцев В. И. Россия и Лондонский пакт 26 (13) апреля 1915 г. // Вопросы истории. – 2010. – № 4. – С. 116–137; № 5. – С. 127–138; № 8. – С. 102–128.
422. ОКОПНАЯ, О.П. Благотворительная деятельность предпринимателей Парамоновых на Дону. 1914–1915 гг. // Вопросы истории. – 2010. – № 2. – С. 138–141.
423. ОЛЕЙНИКОВ, А. В. П. С. Балувев – один из успешных генералов Первой мировой // Военно-исторический журнал. – 2010. – № 12. – С. 50–54.
424. ОЛЕЙНИКОВ, А. В. Ударные батальоны русской армии : организация, тактика и подготовка штурмовых частей в Первую мировую войну (1915–1917 гг.) // Военно-исторический журнал. – 2010. – № 8. – С. 3–6.
425. ОСЬКИН, М. В. Русская армия и продовольственный кризис в 1914–1917 гг. // Вопросы истории. – 2010. – № 3. – С. 144–152.
426. ПАВЛОВ, А. Ю. Россия на межсоюзнических конференциях в годы Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. – 2010. – № 2. – С. 25–31.
427. ПАШКОВ, Е. В. Антиалкогольная кампания в России в годы Первой мировой войны // Вопросы истории. – 2010. – № 10. – С. 80–93.

428. ПОРШНЕВА, О. С. «Настроение 1914 года» в России как феномен истории и историографии // Российская история. – 2010. – № 2. – С. 185–200.
429. СЕМЕНОВА, Е. Ю. Влияние рассказов и писем фронтовиков на мировоззрение городского населения Поволжья в годы Первой мировой войны // Армия и общество. – 2010. – № 1. – С. 103–108.
430. СТАРЦЕВ, В. И. Италия во внешней политике России в канун и в начале Первой мировой войны : (июль–август 1914 г.) // Клио. – 2010. – № 2. – С. 40–47; № 3. – С. 58–63.
431. СУРЖИКОВА, Н. В. Плен, лень и бухгалтерия : (к вопросу об эффективности трудового использования военнопленных Первой мировой войны в экономике Урала) // Трудовые отношения в условиях мобилизационной модели развития : [сборник научных статей]. – Челябинск, 2010. – С. 40–59.
432. ТАМБОВСКОЕ земство и продовольственные поставки для снабжения русской армии в 1914–1917 гг. / Алехина Е. В. [и др.] // Традиции русской словесности и современность. – Тамбов, 2010. – С. 101–120.
433. ХОЛОДОВ, В. А. Первая мировая война в восприятии населения Орловской губернии (по данным Орловской прессы) // Ученые записки Орловского гос. ун-та. Сер. Гуманитарные и социальные науки. – 2010. – № 3/1. – С. 123–131.
434. ХОРОШИЛОВА, О. Всадники, несущие смерть Германии : штрихи к истории отряда Особой важности атамана Пунина (1915–1918) // Родина. – 2010. – № 4. – С. 63–67.
435. ХУТАРЕВ-ГАРНИШЕВСКИЙ, В. В. «Осиное гнездо провокации» : политический сыск в армии в преддверии Первой мировой // Родина. – 2010. – № 10. – С. 85–87.
436. ЧАГАДАЕВА, О. «Смесь красного вина с раствором динамита ...» : «Сухой закон» и черный рынок в годы Первой мировой войны // Родина. – 2010. – № 8. – С. 77–79.
437. ЧАГИН, Г. Н. Беженцы Первой мировой войны в Чердынском крае : история переселения, обустройство на новом месте, дальнейшие судьбы // Вестник Пермского ун-та. Сер. История. – 2010. – № 1. – С. 54–64.
438. ЧЕРКАСОВ, А. А. Первая мировая война и общество : 1916 год в региональной периодической печати // Исторические науки. – 2010. – № 1. – С. 34–36.

439. ШИМОВ, Я. В. Планы эрцгерцога Франца Фердинанда по преобразованию Австро-Венгрии : утопия или нереализованная возможность? // Славяноведение. – 2010. – № 4. – С. 11–20.
440. ЭНГЛ, Б. Не хлебом единым : женщины и продовольственные беспорядки в Первую мировую войну // Вестник Ленинградского гос. ун-та. Сер. История. – 2010. – № 1, т. 4. – С. 148–178.

2009

441. АГЕЕВ, Н. В. Противовоздушная оборона войск по опыту Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. – 2009. – № 11. – С. 3–9.
442. АНТОХИНА, Е. А. Кадеты о Первой мировой войне и целях участия в ней России / Е. А. Антохина, И. Е. Воронкова // Вестник ОрелГИЭТ. – 2009. – № 3. – С. 131–137.
443. АСТАШОВ, А. Б. Свобода совести и мобилизация российского общества в годы Первой мировой войны и Октябрьской революции // Проблемы социальной и политической истории России. – Москва, 2009. – С. 279–289.
444. БОРШУКОВА, Е. Д. Брестский мир и формирование нового мировоззрения в российском обществе в 1918 году // Известия рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. – 2009. – № 115. – С. 16–22.
445. ВОРОНКОВА, И. Е. Доктрина внешней политики партии конституционных демократов (историографический аспект) // Вестник ОрелГИЭТ. – 2009. – № 3. – С. 113–130.
446. ГОРБАТЕНКОВА, М. В. Акционерные страховые общества и власть в России в годы Первой мировой войны // Известия Российского государственного педагогического ун-та им. А. И. Герцена. – 2009. – № 118. – С. 25–30.
447. ГРЕБЕНКИН, И. Н. От войны к революции : политические настроения российского офицерства в 1914–1917 гг. // Диалог со временем. – Москва, 2009. – Вып. 29. – С. 77–90.
448. ГРЕБЕНКИН, И. Н. Ставка верховного главнокомандующего и противостояние политических сил в 1914–1916 годах // Вестник Рязанского пед. ун-та. – 2009. – № 1. – С. 31–47.
449. ДУБРОВСКАЯ, Е. Ю. Материалы финляндских архивов по истории российской армии и флота периода Первой мировой войны // Власть, общество и реформы в России в XIX – начале XX века : исследования,

- историография, источниковедение. – Санкт-Петербург, 2009. – С. 383–393.
450. ЕГОРОВ, А. Н. Российские либералы в годы Первой мировой войны : подходы советской историографии // Вестник Череповецкого гос. ун-та. – 2009. – № 3. – С. 65–71.
451. ЗУБАЧЕВСКИЙ, В. А. Политика России в отношении восточных территорий Центральной Европы. 1912–1921 гг. // Вопросы истории. – 2009. – № 9. – С. 100–109.
452. КОНДРАТЬЕВ, А. В. Военнопленные и провинциальное общество Российской империи в период Первой мировой войны 1914–1918 гг. / А. В. Кондратьев, П. П. Щербинин // Вестник Тамбовского ун-та. Сер. Гуманитарные науки. – 2009. – № 12. – С. 354–357.
453. КРЮЧКОВ, И. В. Начало Первой мировой войны в Германии и в Австро-Венгрии глазами интернированных россиян // Образ войн и революций в исторической памяти. – Москва, 2009. – С. 169–177.
454. КУРЦЕВ, А. Н. Военные беженцы в городах России (1914–1917 гг.) // Культуры городов Российской империи на рубеже XIX–XX веков. – Санкт-Петербург, 2009. – С. 323–335.
455. ЛАННИК, Л. В. Будущее Германии и России глазами германской военной элиты в годы Первой мировой войны : эволюция геополитических взглядов // Диалог со временем. – Москва, 2009. – Вып. 27. – С. 263–278.
456. МАЛИНОВА, О. Ю. Первая мировая война и переопределение «Запада» // Труды по русистике. – 2009. – № 1. – С. 205–233.
457. МУХАМЕДОВ, Р. А. Кооперативно-государственная система хлебозаготовок в Поволжье в 1915–1916 гг. // Вопросы истории. – 2009. – № 2. – С. 143–146.
458. НАГОРНАЯ, О. С. Образ врага и политика содержания российских военнопленных в немецких лагерях Первой мировой войны // Россия и мир глазами друг друга : из истории взаимовосприятия. – Москва, 2009. – Вып. 5. – С. 153–169.
459. НИМАНОВ, Б. И. Проблема продовольственного обеспечения иностранных военнопленных в России в годы Первой мировой войны // Ежегодник историко-антропологических исследований. 2009. – Москва, 2009. – С. 188–195.
460. ОЛЕЙНИКОВ, А. В. Германские штурмовые части в Первой мировой войне 1914–1918 гг. // Военно-исторический журнал. – 2009. – № 1. – С. 45–51.

461. СЕМЕНОВА, Е. Ю. Культурное пространство поволжского города в годы Первой мировой войны // Известия Самарского научного центра РАН. – 2009. – Т. 11, № 6. С. 110–119.
462. СЕНИН, А. С. Железнодорожное хозяйство России в годы Первой мировой войны : к вопросу о «расстройстве транспорта» // Труды по русистике. – 2009. – № 1. – С. 237–269.
463. СЕНЯВСКАЯ, Е. С. Историческая память о Первой мировой войне : особенности формирования в России и на Западе // Вестник МГИМО-Университета. – 2009. – № 2. – С. 31–37.
464. СЕНЯВСКАЯ, Е. С. Образ Турции как противника России в Первой мировой войне в сознании армии и общества // Россия и мир глазами друг друга : из истории взаимовосприятия. – Москва, 2009. – Вып. 5. – С. 142–152.
465. ЦЕЛИЩЕВ, А. О. «Натиск на Восток» : германские планы завоеваний в Первой мировой войне // Конфликты в международных отношениях : историческая ретроспектива и перспектива. – Кемерово, 2009. – С. 129–135.
466. ЧИНЯКОВ, М. К. Русские волонтеры на французском фронте в Первую мировую войну // Россия и Франция XVIII – XX века. – Москва, 2009. – Вып. 9. – С. 205–235.
467. ЧИСТЯКОВ, О. В. Российское общество Красного Креста во время Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. – 2009. – № 12. – С. 67–69.
468. ШУБИНА, А. Н. Политика российского правительства по отношению к немецким колонистам во время Первой мировой войны // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. – 2009. – № 6. – С. 74–84.

2008

469. БАРАНОВ, А. Г. Денежное обращение России в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг. // Российский научный журнал. – 2008. – № 2. – С. 122–132.
470. БЕЗУГОЛЬНЫЙ, А. Ю. Военно-окружная система в России в период Первой мировой войны и революционных событий 1917 года // Военно-исторический журнал. – 2008. – № 10. – С. 22–26; № 11. – С. 9–12.
471. БОЛТАЕВСКИЙ, А. Русские бригады во Франции и на Балканах // Исторический журнал (History illustrated). – 2008. – № 2. – С. 28–39.

472. БРЫКОВ, Д. С. Русско-шведские отношения в период Первой мировой войны: военно-политический аспект (1914 – февраль 1917) // Русский сборник : исследования по истории России. – Москва, 2008. – Т. 5. – С. 125–151.
473. ВОРОТНИКОВ, О. С. Применение зенитных ракет в Первой мировой войне // Вопросы истории естествознания и техники. – 2008. – № 2. – С. 112–118.
474. ГАТАУЛЛИНА, Л. Татарская пресса 1914–1915 годов об отношении российских мусульман к Первой мировой войне // Ученые записки Казанского гос. ун-та. Гуманитарные науки. 2008. – Т. 150, кн. 1. – С. 133–140.
475. ЕЛИСЕЕВ, С. П. Развитие авиации русской армии в Первой мировой войне // Военно-исторический журнал. – 2008. – № 2. – С. 21–28.
476. ЖДАНОВА, И. А. «Век пропаганды» : управление информацией в условиях войны и революции в России в марте–октябре 1917 г. // Российская история. – 2008. – № 3. – С. 126–142.
477. КАЗАКОВЦЕВ, С. В. Благотворительность в Вятской губернии в годы Первой мировой войны // Вопросы истории. – 2008. – № 7. – С. 136–142.
478. КАНАЕВ, И. Н. Дети-шпионы и русская контрразведка в период Первой мировой войны 1914–1917 гг. / И. Н. Канаев, П. П. Шербинин // Вестник Тамбовского ун-та. Сер. Гуманитарные науки. – 2008. – № 8. – С. 207–212.
479. КАРЕЛИН, В. А. «Шведский транзит» и российско-шведский товарооборот во время Первой мировой войны // Международные отношения на Севере Европы и Баренц-регион : история и историография. – Мурманск, 2008. – С. 129–140.
480. КАРТАГУЗОВ, С. В. «Сформировать на время военных действий... Уральскую казачью батарею» : участие Уральской казачьей артиллерии в Первой мировой войне // Военно-исторический журнал. – 2008. – № 11. – С. 45–51.
481. КОНДАКОВА, Л. М. Воины русского экспедиционного корпуса периода Первой мировой войны по документам госархива Орловской области // Отечественные архивы. – 2008. – № 3. – С. 49–55.
482. КРЫЛОВ, С. Ю. К вопросу об эффективности и деятельности партии кадетов в действующей армии в 1917 году // Вестник Московского гос. обл. ун-та. Сер. История и политические науки. – 2008. – № 3. – С. 41–47.

483. ЛИХАЧЕВА, Т. Н. Участие российских общественных организаций в оказании помощи польским беженцам в России (август 1914 – октябрь 1917 г.) // Российско-польский исторический альманах. – Ставрополь, 2008. – Вып. 3. – С. 174–185.
484. МАКАРЕНКО, П. В. Германский фактор в Октябрьской революции 1917 г. // Вопросы истории. – 2008. – № 5. – С. 30–45.
485. МАЛОВ-ГРА, А. Г. 124-й пехотный Воронежский полк. 1914–1918 г. // Военно-исторический журнал. – 2008. – № 2. – С. 49–54.
486. НАГОРНАЯ, О. С. Религиозная жизнь российских военнопленных в немецких лагерях в годы Первой мировой войны // Отечественная история. – 2008. – № 5. – С. 156–165.
487. НАГОРНАЯ, О. С. Русские генералы в германском плену в годы Первой мировой войны // Новая и новейшая история. – 2008. – № 6. – С. 94–108.
488. ПОПОВА, М. А. Парламентская деятельность левых и либеральных партий в России в начале XX века // Вестник Воронежского государственного технического университета. – 2008. – Т. 4, № 9. – С. 38–41.
489. СЕМЕНОВА, Е. Ю. Периодическая печать и цензура в годы Первой мировой войны как фактор формирования менталитета российского общества (по материалам Поволжских губерний) // Известия Самарского научного центра РАН. – 2008. – Т. 10, № 1. – С. 71–85.
490. СТЕПАНЯНЦ, С. М. Помощь России армянам, подвергшимся геноциду в годы Первой мировой войны // Новая и новейшая история. – 2008. – № 3. – С. 218–220.
491. ТАТАРОВ, Б. «Мы чехи! Убейте нас, если можете» : чехословаки в русской армии в годы Первой мировой // Родина. – 2008. – № 9. – С. 67–71.
492. ТУПОЛЕВ, Б. М.. Курт Рицлер о «срединной Европе» в начале Первой мировой войны // Славяноведение. – 2008. – № 1. – С. 23–28.

2007

493. БУЛДАКОВ, В. П. Первая мировая война : рождение массовой культуры в России? // Опыт мировых войн в истории России : сборник статей. – Челябинск, 2007. – С. 373–387.
494. ГРЕБЕНКИН, И. Н. «Была бы справедливость, о большем и не мечтали» : воспоминания солдата Первой мировой войны // Исторический архив. – 2007. – № 4. – С. 45–69.

495. ГРУШИНА, В. Ю. Образ России в общественном мнении Великобритании в период Первой мировой войны // Современная Россия и мир : альтернативы развития : (международный имидж России в XXI веке). – Барнаул, 2007. – С. 15–19.
496. ГУЖВА, Д. Г. Русская военная печать в годы Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. – 2007. – № 12. – С. 37–41.
497. ДЕДУМИЕТИС, Д. Реконструкция полевых фортификационных сооружений времен Первой мировой войны на территории Латвии // Оборонительные сооружения Европы и Восточной Пруссии. – Калининград, 2007. – С. 56–66.
498. ЕМЕЛИН, А. Ю. Научно-технические аспекты взаимодействия русско-го и британского флотов. 1914–1917 гг. // Военно-исторический журнал. – 2007. – № 7. – С. 44–46.
499. ЕРЕМИН, И. А. Из истории формирования положительного имиджа России среди размещенных в Западной Сибири австро-венгерских военнопленных славянского происхождения в период Первой мировой войны // Современная Россия и мир: альтернативы развития (международный имидж России в XXI веке). – Барнаул, 2007. – С. 20–23.
500. КАРАВАЕВА, И. В. Российская промышленная политика накануне и в годы Первой мировой войны // Вестник Института экономики РАН. – 2007. – № 3. – С. 154–179.
501. КОЗЛОВ, Д. Ю. Флот Балтийского моря в кампании 1915 года : новые проблемы и новые достижения // Военно-исторический журнал. – 2007. – № 10. – С. 25–31.
502. КОКОРЕВ, А. О. Война и москвичи : очерки городского быта 1914–1917 гг. // Наш современник. – 2007. – № 9. – С. 202–222.
503. МАСАЛИМОВ, А. С. Беженцы и военнопленные Первой мировой войны в Уфимской губернии / А. С. Масалимов, Т. С. Масалимов // Вестник ВЭГУ. – 2007. – № 2. – С. 145–151.
504. НОВИКОВА, И. Н. Германия стремилась к сепаратному миру с Россией. 1914–1916 гг. // Военно-исторический журнал. – 2007. – № 1. – С. 16–20.
505. ПЕТРОВ, Ю. А. Государственный банк в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.) // Финансовый бизнес. – 2007. – № 6. – С. 60–62.
506. ПОРШНЕВА, О. С. Проблемы участия России в Первой мировой войне : ментальное измерение // Опыт мировых войн в истории России. – Челябинск, 2007. – С. 358–372.

507. СОЛНЦЕВА, С. А. Ударные формирования русской армии в 1917 году // Отечественная история. – 2007. – № 2. – С. 47–59.
508. ТЕРЕШИНА, Е. П. Отношение населения Поволжья к Первой мировой войне // Вопросы истории. – 2007. – № 11. – С. 143–145.
509. ШАЙПАК, Л. А. Рост антивоенных настроений солдат как отражение кризиса русской армии в годы Первой мировой войны // Армия и общество. – 2007. – № 1. – С. 92–99.
510. ЯН, Х. Патриотический Петроград : культурная жизнь и массовые различия в годы Первой мировой войны // Опыт мировых войн в истории России : [сборник статей]. – Челябинск, 2007. – С. 387–395.

2006

511. БАЗАНОВ, С. Н. Патриотический подъем в российском обществе в начале Первой мировой войны // Патриотизм – духовный стержень народов России. – Москва, 2006. – С. 154–165.
512. СЕЛЕЗНЕВ, Ф. А. В. В. Жуковский, кадеты и образование Центрального военно-промышленного комитета // Доклады Академии военных наук. – 2006. – № 5. – С. 232–235.

2005

513. АРАНОВИЧ, А. В. Система продовольственного довольствия войск накануне и в годы Первой мировой войны // Вестник молодых ученых. Ист. науки. – 2005. – № 1. – С. 18–26.
514. ЕРЕМИН, И. А. Алтай в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) // И. А. Еремин, Т. А. Кижаяева // История Алтайского края XVIII–XX вв. – Барнаул, 2005. – С. 225–237.
515. НАРСКИЙ, И. В. Фронтовой опыт русских солдат. 1914–1916 годы // Новая и новейшая история. – 2005. – № 1. – С. 194–204.

2004

516. КУШНИРОВ, М. «Тут война пошла буржуазная» : о Первой мировой войне // Родина. – 2004. – № 9. – С. 7–11.
517. НОВИКОВ, В. Влияние придворного окружения Николая II на политическую ориентацию власти в период Первой мировой войны // Россия XXI. – 2004. – № 3. – С. 158–186.
518. ПОРШНЕВА, О. С. Социальное поведение солдат русской армии в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.) //

Социальная история: ежегодник 2001/2002. – Москва, 2004. – С. 355–398.

519. СЕЛЕЗНЕВ, Ф. А. Михаил Васильевич Челноков // Вопросы истории. – 2004. – № 6. – С. 82–97.

2003

520. КОТВИЦКАЯ, Г. А. Отношение к Первой мировой войне в массах. 1914–1916 гг. : (по материалам омского жандармского управления) // Страницы методологии и истории : сборник. – Омск, 2003. – С. 74–82.
521. МИРОНОВ, В. В. Механизм адаптации фронтовиков к экстремальной обстановке в годы Первой мировой войны (на материалах Австро-Венгерской армии) // Запад – Россия – Кавказ. – Москва; Ставрополь, 2003. – Вып. 2. – С. 67–81.
522. НОВЫЕ документы о российской армии и евреях во времена Первой мировой войны / вступ. ст., публ. и коммент. Э. Лора // Вестник Еврейского ун-та. – 2003. – № 8. – С. 245–268.
523. СЕЛЕЗНЕВ, Ф. А. Партия кадетов в борьбе за контроль над Союзом городов (август 1914 г. – сентябрь 1915 г.) // Вестник Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. Сер. История. – 2003. – Вып. 1. – С. 148–153.
524. ШЕВЫРИН, В. М. Власть и общественные организации в России (1914–1917). Аналитический обзор // История России. Серия аналитических обзоров и сборников. – 2003. – № 1. – С. 1–152.

2002

525. БЕЛЯЕВ, С. Г. Косвенные налоги, пошлины и казенные монополии в финансовой политике России периода Первой мировой войны (1914 г. – февраль 1917 г.) // Экономическая история : ежегодник 2001. – Москва, 2002. – С. 269–290.
526. БОБЫЛЕВА, С. Материалы Особого Комитета как источник по истории судеб немецкого населения периода Первой мировой войны // Немцы России : социально-экономическое и духовное развитие (1871–1941). – Москва, 2002. – С. 495–505.
527. ВОРОЖЕНЦЕВ, А. В. Немецкие колонисты в Поволжье в годы первой мировой войны (на материалах Саратовской и Самарской губерний) // Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие (1871–1941). – Москва, 2002. – С. 71–94.

528. ГОЛУБИН, Р. В. Трансформация общественных настроений в России в годы Первой мировой войны // Вестник Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. Сер. История. – 2002. – № 1. – С. 92–96.
529. ГОРДЕЕВ, О. Ф. Военнопленные Первой мировой войны в Сибири (август 1914 – февраль 1917 гг.) : историко-правовые аспекты проблемы // Актуальные проблемы теории и истории государства и права : сб. науч. ст. – Красноярск, 2002. – С. 30–62.
530. ЙОВАНОВИЧ, М. «Умереть за Родину» : Первая мировая война, или Столкновение «обычного человека» с тотальной войной // Последняя война императорской России. – Москва, 2002. – С. 136–157.
531. МИШАНИН, И. А. Кыштымский горный округ в годы Первой мировой войны // Промышленность Урала в XIX–XX веках : сб. науч. тр. – Москва, 2002. – С. 120–133.

2001

532. КОЗЕНКО, Б. Д. Отечественная историография Первой мировой войны // Новая и новейшая история. – 2001. – № 3. – С. 3–27.
533. ЦФАСМАН, А. Б. Первая мировая война и евреи России (1914–1917) // Человек и война : война как явление культуры. – Москва, 2001. – С. 171–180.
534. ЮДИНА, Л. С. Трудовая этика на заводах Урала в годы Первой мировой войны (1914–1917) // Человек и война : война как явление культуры. – Москва, 2001. – С. 216–226.

2000

535. НОСКОВ, В. В. Первая мировая война и русская философия истории // Проблемы всемирной истории : сб. ст. в честь Александра Александровича Фурсенко / отв. ред. Б. В. Ананьич. – Санкт-Петербург, 2000. – С. 82–92.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Айрапетов Олег Рудольфович, к.и.н., доцент, факультет государственного управления МГУ им. М. В. Ломоносова.

Гайда Федор Александрович, к.и.н., доцент, исторический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова.

Голубин Роман Викторович, к.и.н., доцент, Институт международных отношений и мировой истории ННГУ им. Н. И. Лобачевского.

Дроздов Федор Борисович, к.и.н., ст. преподаватель, Институт международных отношений и мировой истории ННГУ им. Н. И. Лобачевского.

Евдокимов Артем Владимирович, аспирант, Институт международных отношений и мировой истории ННГУ им. Н. И. Лобачевского.

Иванов Андрей Александрович, д.и.н., доцент, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург).

Колобов Алексей Олегович, к.п.н., доцент.

Колобов Олег Алексеевич, д.и.н., профессор, Институт международных отношений и мировой истории ННГУ им. Н. И. Лобачевского.

Ледров Сергей Михайлович, к.и.н., доцент, Институт государственного управления, права и инновационных технологий (филиал в Нижнем Новгороде).

Медведев Александр Викторович, д.и.н., профессор, Институт международных отношений и мировой истории ННГУ им. Н. И. Лобачевского.

- Миронов Борис Николаевич**, д.и.н., главный научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, профессор факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета.
- Николаев Дмитрий Андреевич**, к.и.н., доцент, Институт международных отношений и мировой истории ННГУ им. Н. И. Лобачевского.
- Подрепный Евгений Ильич**, к.и.н., доцент, Институт международных отношений и мировой истории ННГУ им. Н. И. Лобачевского.
- Репников Александр Витальевич**, д.и.н., профессор Российского университета театрального искусства (ГИТИС), заместитель начальника центра документальных публикаций Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ).
- Рыжаков Денис Германович**, к.и.н., доцент Нижегородского государственного технического университета им. Р. Е. Алексеева.
- Сапон Владимир Петрович**, д.и.н., профессор Нижегородского государственного педагогического университета им. Козьмы Минина.
- Селезнев Федор Александрович**, д.и.н., профессор, Институт международных отношений и мировой истории ННГУ им. Н. И. Лобачевского.
- Селезнева Людмила Петровна**, главный библиограф информационно-библиографического отдела Нижегородской государственной областной универсальной научной библиотеки.
- Соловьев Кирилл Андреевич**, д.и.н., ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.
- Стогов Дмитрий Игоревич**, к.и.н., ассистент, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет (ЛЭТИ) им. В. И. Ульянова (Ленина).
- Тюлюкова Екатерина Александровна**, ведущий архивист ГКУ ГАНО (г. Арзамас).
- Хвостова Ирина Алексеевна**, к.и.н., доцент, Институт международных отношений и мировой истории ННГУ им. Н. И. Лобачевского.
- Хохлышева Ольга Олеговна**, д.и.н., профессор, Институт международных отношений и мировой истории ННГУ им. Н. И. Лобачевского.
- Шелохаев Валентин Валентинович**, д.и.н., профессор, главный научный сотрудник, руководитель Центра истории России XIX – начала XX вв. Института российской истории РАН.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Рыхтик М. И.</i> Предисловие.....	3
ЧАСТЬ 1. РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО И ВЛАСТЬ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.....	5
<i>Миронов Б. Н.</i> Модернизация, Первая мировая война и Русская революция 1917 года.....	7
<i>Шелохаев В. В.</i> Позиция русских либералов в годы Первой мировой войны: от «священного единения» к конфронтации с исполнительной властью.....	27
<i>Айрапетов О. Р.</i> Деятельность ВПК на фоне думской сессии февраля 1916 года.....	84
<i>Куликов С. В.</i> Назначение А. Н. Хвостова управляющим МВД в сентябре 1915 г.: предыстория и механизм.....	99
<i>Иванов А. А., Репников А. В.</i> «Для победы... все народные силы должны тесно сплотиться вокруг своего верховного вождя» (о взглядах Д. И. Иловайского в 1914–1916 гг.).....	128
<i>Соловьев К. А.</i> Государственный совет Российской империи до и после начала Первой мировой войны.....	138
<i>Гайда Ф. А.</i> «Министерская чехарда»: к вопросу о причинах и характере явления.....	147
<i>Стогов Д. И.</i> Деятельность князя М. М. Андроникова в годы Первой мировой войны.....	158

<i>Евдокимов А. В.</i> К вопросу о причинах назначения и отставки военного министра Д. С. Шуваева	170
<i>Медведев А. В.</i> Революционное оборончество 1917 года	180

ЧАСТЬ 2. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ НАКАНУНЕ
И В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ОТ МИРА К ВОЙНЕ,
ОТ ВОЙНЫ К МИРУ

<i>Колобов О. А.</i> Первая мировая война 1914–1918 гг.: особенности дипломатии великих держав на Ближнем Востоке и палестинский вопрос	195
<i>Евдокимов А. В., Селезнев Ф. А.</i> Увольнение военного министра В. А. Сухомлинова и негласные контакты между Россией и Германией в 1914–1915 гг.	203
<i>Хохлышева О. А., Колобов А. О.</i> Роль и значение дипломатических и международно-правовых механизмов периода Первой мировой войны	219
<i>Селезнев Ф. А.</i> Судьба Учредительного собрания и вопрос о сепаратном мире с Германией	228

ЧАСТЬ 3. НИЖЕГОРОДСКАЯ ГУБЕРНИЯ В ГОДЫ ПЕРВОЙ
МИРОВОЙ ВОЙНЫ

<i>Подрепный Е. И.</i> Отечественное судостроение накануне Первой мировой войны: общероссийский и нижегородский аспекты современной историографии	247
<i>Дроздов Ф. Б., Тюлюкова Е. А.</i> Мобилизация русской армии летом 1914 года (на примере Нижегородской губернии)	253
<i>Николаев Д. А., Хвостова И. А.</i> Мероприятия нижегородского губернского земства по «воспособлению армии» в начальный период Первой мировой войны	266
<i>Ледров С. М.</i> Влияние Первой мировой войны на развитие кожевенно-меховой промышленности Нижегородской губернии	274
<i>Сапон В. П.</i> Нижегородские «черносотенцы» в годы Первой мировой войны	287
<i>Рыжаков Д. Г.</i> Органы политического сыска Нижегородской губернии в борьбе с социал-демократической оппозицией накануне и в годы Первой мировой войны	302

<i>Голубин Р. В., Николаев Д. А.</i> Особенности процесса ликвидации Военно-промышленных комитетов Нижегородской губернии в 1918 году	306
---	-----

ПРИЛОЖЕНИЕ

<i>Селезнева Л. П.</i> Первая мировая война в библиографическом отражении	316
Сведения об авторах	363

16+

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Взгляд из XXI века

Россия и Нижегородская губерния в 1914–1918 гг.

Редактор	<i>Федор Селезнев</i>
Компьютерная верстка	<i>Светлана Сорувка</i>
Корректоры	<i>Лев Зелексон, Дина Коржевская</i>
Ответственная за выпуск	<i>Ольга Червонная</i>

Подписано в печать 18.06.2014.
Формат 60 x 84/16. Бумага офсетная. Гарнитура AdonisC.
Печать офсетная. Физ. печ. л. 23.

ООО «Издательство ДЕКОМ»,
603155, Нижний Новгород, ул. Большая Печерская, 28/7
E-mail: izdat@dekom.nnov.ru <http://www.dekom-nn.ru>

Отпечатано в ОАО «Первая образцовая типография»,
115054, г. Москва, ул. Валовая, 28
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область,
г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1